

**Системные, когнитивно-дискурсивные
и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов
в русском языке**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

К 270-летию Московского университета

Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова,
Н.Н. Болдырев, А.И. Бровец, М.Э. Де Пой, О.И. Дмитриева,
К.Ю. Емельянова, Т.А. Кириченко, Н.П. Курмакаева,
Н.А. Николина, Н.К. Онипенко, Т.Б. Радбиль,
Л.А. Рацибурская, В.А. Рязанова, Е.В. Скачкова,
И.Р. Смирнова, А.Л. Шарандин

Системные, когнитивно-дискурсивные
и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке

Коллективная монография

Ответственные редакторы

Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова

Издательство Московского университета
2024

УДК 81'373.611
ББК 81.2/81.8стд1 1/ 6
С40

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Пименова М.В. – доктор филологических наук, профессор, профессор,
заведующий кафедрой русского языка

Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Сидорова М.Ю. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

С40 Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова, Н.Н. Болдырев, А.И. Бровец, М.Э. Де Пой, О.И. Дмитриева, К.Ю. Емельянова, Т.А. Кириченко, Н.П. Курмакаева, Н.А. Николина, Н.К. Онипенко, Т.Б. Радбиль, Л.А. Рацибурская, В.А. Рязанова, Е.В. Скачкова, И.Р. Смирнова, А.Л. Шарандин; отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. – Москва : Издательство Московского университета, 2024. – 322, [1] с. – Электронное издание сетевого распространения.

ISBN 978-5-19-012150-6 (e-book)

В монографии, созданной на основе прочитанного в 2022–2023 учебном году дистанционного курса лекций «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке» для студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Донецкого государственного университета, представлено решение актуальных проблем современной дериватологии. Рассматриваются важные теоретические и прикладные вопросы словообразовательной, морфологической, синтаксической и концептуальной деривации с учетом достижений Московской, Донецкой, Саратовской, Нижегородской и Тамбовской дериватологических школ и центров.

Для филологов широкого профиля, преподавателей, аспирантов и студентов, а также учителей русского языка.

Ключевые слова: дериватология, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и концептуальная деривация, словотворчество, синхрония, диахрония.

**УДК 81'373.611
ББК 81.2/81.8стд1 1/ 6**

ISBN 978-5-19-012150-6 (e-book)

© Коллектив авторов, 2024

© Филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024

© Издательство Московского университета, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. История создания коллективной монографии (Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов)	5
Часть 1. Направления в современной дериватологии	8
Раздел 1. Деривация в подсистемах языка (Е.В. Петрухина)	8
Раздел 2. Концептуальная деривация в процессах формирования значений и развития языковой картины мира (Н.Н. Болдырев)	20
Часть 2. Модели сложных слов в русском языке и результаты их изучения: опыт Донецкого университета	39
Раздел 1. Универбализация и смежные явления (В.И. Теркулов)	39
Раздел 2. Типология аббревиатур (В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова)...	53
Раздел 3. Инициальные аббревиатуры (В.И. Теркулов).....	60
Раздел 4. Сложносокращенные апеллятивы	64
<i>Глава 1.</i> Общие положения (В.И. Теркулов)	64
<i>Глава 2.</i> Типология аббреконтруктов (В.И. Теркулов, И.Р. Смирнова).....	66
<i>Глава 3.</i> Диахронный подход к описанию сложносокращенных апеллятивов. Квазиаббревиатуры (К.Ю. Емельянова).....	72
<i>Глава 4.</i> Синхронный подход к определению и описанию аббревиатур (А.И. Бровец)	85
<i>Глава 5.</i> Парадигматические объединения сложносокращенных апеллятивов (В.И. Теркулов)	91
Раздел 5. Сложносокращенные онимы (Т.А. Кириченко)	97
Раздел 6. Деривационная лексикография: толковые словари аббревиатур как лексикографический жанр (В.А. Рязанова)	114
Часть 3. Актуальные проблемы современного русского словообразования	128
Раздел 1. Динамика именной аффиксации в новейший период	128
<i>Глава 1.</i> Когнитивный потенциал интернациональных префиксов и префиксоидов: воздействие на русскую языковую картину мира (Е.В. Петрухина)	128
<i>Глава 2.</i> Динамические процессы в системе словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке: новейшие заимствования (Е.В. Скачкова).....	136
Раздел 2. Современная русская словообразовательная и морфологическая неология в разных типах дискурса	143

<i>Глава 1. Когнитивные и дискурсивные аспекты словообразовательной неологии (публицистический дискурс) (Л.В. Рацибурская)</i>	143
<i>Глава 2. Словообразовательная неология в современном художественном дискурсе (Н.А. Николина)</i>	158
<i>Глава 3. Морфологические неологизмы в современном художественном дискурсе (Н.А. Николина)</i>	167
Раздел 3. Системное и культурное освоение заимствований в русском языке новейшего периода	176
<i>Глава 1. Когнитивный анализ культурного освоения заимствований на словообразовательном уровне (Т.Б. Радбиль)</i>	176
<i>Глава 2. Модели номинации действий пользователей интернета в русской онлайн-коммуникации (М.Э. Де Пой)</i>	183
Часть 4. Взаимодействие словообразования и морфологии в синхронии и диахронии: дискуссионные вопросы	197
Раздел 1. Модификационное словообразование	197
<i>Глава 1. Словообразовательное формообразование и модификационное словообразование в системе русской деривации (А.Л. Шарандин)</i>	197
<i>Глава 2. Родовое оформление диминутивных и экспрессивных дериватов в истории русского языка (О.Ю. Крючкова)</i>	218
Раздел 2. Синхронно-диахронический подход к изучению категории вида	224
<i>Глава 1. Роль суффиксации и префиксации в истории формирования категории вида в русском языке (О.Ю. Крючкова)</i>	224
<i>Глава 2. Исторические аспекты перфективации и формирования способов глагольного действия (О.И. Дмитриева)</i>	231
Часть 5. О результатах и перспективах изучения синтаксической деривации	239
Раздел 1. Синтаксическая деривация как способ лингвистической интерпретации системных связей между моделями предложений (Н.К. Онипенко)	239
Раздел 2. Функционально-синтаксическая деривация (в аспекте асимметрического дуализма лингвистического знака) (Н.П. Курмакаева)	258
Аннотации	273
Сведения об авторах	297
Список литературы	301
Словари	321

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ

Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов

Монография «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке: синхронно-диахронический подход» создана в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между МГУ имени М.В. Ломоносова и Донецким государственным (до 23 марта 2023 г. – национальным) университетом (ДонГУ), подписанным 24 мая 2022 г. ректорами двух университетов – академиком В.А. Садовничим и профессором С.В. Беспаловой. Подписание состоялось на пленарном заседании конференции «Развитие комплексного сотрудничества в образовательной и научной сферах между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Донецким национальным университетом». Во время работы секции русской и зарубежной филологии были определены совместные мероприятия двух филологических факультетов, вошедшие в Программу сотрудничества МГУ имени М.В. Ломоносова и ДонГУ.

В соответствии с этой Программой кафедрами русского языка обоих вузов был создан и прочитан дистанционный курс лекций (КПВ для МГУ и спецкурс для ДонГУ) «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке», на основе которого и была подготовлена данная коллективная монография также в соответствии с упомянутой выше Программой. Организаторами составления монографии стали профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ Е.В. Петрухина и заведующий кафедрой русского языка филологического факультета ДонГУ профессор В.И. Теркулов. Важно отметить, что в подготовке и реализации и курса лекций, и монографии принимали активное участие представители не только вузов-организаторов, но и профессора из Нижегородского, Саратовского, Тамбовского, Белгородского университетов, а также Московского педагогического университета; подробнее о тематике и проведении курса лекций см. [Петрухина, Теркулов 2024].

Возможность совместной работы над монографией была обеспечена общностью взглядов лекторов при решении ключевых проблем современной дериватологии, которые обсуждались во время чтения курса лекций. Отметим, что эта общность не случайна: лекции и коллективная монография стали продолжением более чем семилетнего сотрудничества кафедр русского языка МГУ и ДонГУ в области дериватологии, координаторами которого также являются профессора Е.В. Петрухина и В.И. Теркулов. Главным направлением сотрудничества двух кафедр стала поддержка научной деятельности молодых ученых, в частности сотрудников донецкой молодежной «Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации» (ЭЛИТА), основной целью которой является создание комплекса словарей аббревиатур русского языка – Словаря сложносокращенных

слов русского языка, Словаря аббреконтруктов, Словаря квазиаббревиатур и т. д., создаваемым по новым принципам, разработанным в Лаборатории, – принципам синхронно-эквивалентностного подхода. С 2017 г. сотрудники ЭЛИТА принимают активное участие в Международной студенческой конференции «Ломоносов» в МГУ в секции «Словообразование русского языка», которой руководит профессор Е.В. Петрухина при поддержке других преподавателей кафедры русского языка, а также деканата филологического факультета. В 2017 г. главным редактором проф. М.Л. Ремнёвой и редколлегией «Вестника МГУ. Серия 9: Филология» было принято решение опубликовать подборку статей представителей ЭЛИТА – профессора В.И. Теркулова и студентов третьего курса бакалавриата ДонГУ В.А. Рязановой, Е.А. Акулич и А.И. Бровца. В 2022 г. под руководством В.И. Теркулова и Е.В. Петрухиной был успешно проведен Круглый стол «Итоги создания “Толкового словаря сложносокращенных слов”: 7 лет коллективной работы».

Кроме того, разработке идей курса лекций и коллективной монографии способствовало участие Е.В. Петрухиной (в качестве руководителя) в создании научного проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком», получившего в начале 2023 г. финансовую поддержку Российского научного фонда (грант РНФ № 23-18-00260). В рамках проекта проводится исследование особенностей «деривационных отношений между языковыми единицами в русском языке, причем не только в системе, но и в тексте» [<https://rscf.ru/project/23-18-00260/>].

При составлении коллективной монографии мы стремились показать пути решения актуальных проблем современной дериватологии, что, на наш взгляд, и отражает структура книги, состоящей из пяти частей. В первой части «Направления в современной дериватологии» охарактеризованы основные принципы и результаты системно-функционального (Е.В. Петрухина) и когнитивного (Н.Н. Болдырев) направлений.

Во второй части «Типы аббревиатур в русском языке и результаты их изучения: опыт Донецкого университета» рассматриваются особенности подхода донецкой лаборатории ЭЛИТА к интерпретации аббревиации в русском языке. В основе формирования аббревиатурной системы языка, по мнению сотрудников лаборатории, лежит не только универбализация, т. е. процесс трансформации словосочетания в слово, но и смежные явления: квазиунивербализация, псевдоунивербализация, деунивербализация (В.И. Теркулов). На основе разграничения синхронного и диахронного подходов к аббревиации авторами раздела обосновывается выделение (В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова) и производится описание трех структурно-онимасиологических типов аббревиатур: инициальных сокращений (В.И. Теркулов), сложносокращенных апеллятивов (В.И. Теркулов, И.Р. Смирнова, А.И. Бровец, К.Ю. Емельянова) и сложносокращенных онимов (Т.А. Кириченко). Рассматривается история лексикографирования аббревиатур (В.А. Рязанова).

Третья часть «Актуальные проблемы современного русского словообразования» посвящена описанию актуальных деривационных процессов в русском словообразовании. В первом разделе «Динамические процессы в именной аффиксации в новейший период» определяется когнитивный потенциал интернациональных префиксов и префиксоидов с точки зрения их воздействия на русскую языковую картину миру (Е.В. Петрухина), а также особенности изменений в системе словообразовательных интенсификаторов (Е.В. Скачкова). Второй раздел «Современная русская словообразовательная и морфологическая неология в

разных типах дискурса» посвящен образованию и функционированию неологизмов в публицистическом (Л.В. Рацибурская) и художественном (Н.А. Николина) дискурсах. В последнем случае объектом изучения становятся как словообразовательные, так и морфологические неологизмы. В третьем разделе «Системное и культурное освоение заимствований в русском языке новейшего периода» рассматриваются проблемы культурного освоения иноязычных слов на словообразовательном уровне (Т.Б. Радбиль) и в русской онлайн-коммуникации пользователей интернета (М.Э. Де Пой).

Четвертая часть работы «Взаимодействие словообразования и морфологии в синхронии и диахронии: дискуссионные вопросы» посвящена явлениям, находящимся на границе между лексикой и морфологией. В первом разделе рассматриваются вопросы соотношения словообразовательного формообразования и модификационной деривации (Л.А. Шарандин), анализируется история родового оформления диминутивных и экспрессивных дериватов (О.Ю. Крючкова). Во втором разделе «Синхронно-диахронический подход к изучению категории вида», написанном О.Ю. Крючковой и О.И. Дмитриевой, с позиций Саратовской дериватологической школы рассматривается история формирования в русском языке видовых корреляций и аспектуальных значений, а также способов глагольного действия.

В последней, пятой части монографии «О перспективах изучения синтаксической деривации» поднимаются вопросы, связанные с деривацией в области синтаксиса. Синтаксическую деривацию как средство интерпретации системных связей между моделями предложений рассматривает Н.К. Онипенко, а Н.П. Курмаева описывает ее в функциональном аспекте.

Надеемся, что представленная монография будет интересна широкому кругу филологов: преподавателям, аспирантам и студентам.

Часть 1.

Направления в современной дериватологии

Раздел 1. Деривация в подсистемах языка¹

Е.В. Петрухина

1. Вступление

В первом разделе представлены понятийный аппарат и некоторые результаты дериватологических исследований в русистике и славистике, прежде всего словообразовательных и морфологических, а также ряд вопросов концептуальной, семантической и синтаксической деривации. Такая проблематика раздела определяется тем, что в данной коллективной монографии, во-первых, используются многие из рассматриваемых здесь терминов и, во-вторых, интерпретируются дискуссионные вопросы и намечаются перспективы развития обсуждаемых в данном разделе направлений дериватологии.

Деривацией (от лат. *derivatio* – выведение, образование) в широком понимании данного термина называют процессы и результат образования в языке любых вторичных единиц на базе других при помощи определенных правил. Процессы деривации со второй половины XX в. в русистике изучались на всех уровнях языка с описанием специфики комбинаторики знаков, характерной для каждого уровня [Кубрякова 1978: 18; Солнцев 1977: 23; Petrukhina, Karpilovska 2021]. Наибольшее внимание уделялось словообразовательной деривации, см. аналитические обзоры в [Кубрякова 1980, 1998, 2004, 2013; Улукханов 2005; Аврамова 2010; Петрухина 2018а]. Активно исследовалась также морфологическая [Бондарко 1976; Вулеев 1985; Lemann 2003; Петрухина 2014], семантическая [Апресян 1974; Мельчук 1974], фразеологическая [Гвоздарев 1977] и синтаксическая [Золотова 1973; Белошапкова, Шмелева 1981; Всеволодова 2000] деривация. В названных и других работах был поставлен вопрос об общих принципах деривации в языке и речи, что позволило говорить об отдельном направлении в лингвистике – дериватологии [Мурзин 1984]. С конца XX в. наблюдается дальнейшее расширение и углубление изучения деривационных процессов, которые анализируются в тексте и в речи [Принцип деривации 1991]. Актуальным этапом развития дериватологии в XXI в. стал анализ механизмов деривации в концептуальной системе человека [Бабина 2007; Беседина 2017; Болдырев 2018а, 2021а, б]. Важной особенностью когнитивного подхода к исследованию разных типов производных языковых единиц и категорий является установление концептуальных связей и сходств между ними, часто скрытых при их уровненом разделении.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №231800260, <https://rscf.ru/project/231800260/>

Большое внимание в современной русистике и славистике уделяется ономасиологической структуре производных слов и их влиянию на русскую ЯКМ, сложным словам и аббревиатурам, типам универбации, взаимодействию словообразования и морфологии, дискурсивным функциями неологизмов, адаптирующей функции словообразования при освоении заимствований, концептуальной деривации и деривационным механизмам в синтаксисе. Поставлена также актуальная проблема преодоления в деривационных исследованиях разрыва между синхронным и диахронным (диахроническим) словообразованием. При этом многие вопросы рассмотренной проблематики остаются дискуссионными, не до конца решенными. Поэтому именно названные проблемы дериватологии находятся в центре внимания данной коллективной монографии (см. *Части 1, 2, 3, 4, 5*). Специальный раздел посвящен синхронно-диахроническим исследованиям в словообразовании (см. *Часть 4, Раздел 2*).

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

2.1. О ТЕРМИНЕ «ДЕРИВАЦИЯ» В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В узком значении термин «деривация» означает «словообразовательную деривацию». В славистике объем данных терминов понимается по-разному: так, в болгарской и чешской лингвистике о деривации говорят в связи с образованием слов с одним корнем, соответственно термин «деривация» при таком понимании не охватывает образование сложных слов, т. е. композицию (сложение), при этом деривация и композиция выступают как основные способы словообразования [Vozděchová 1994, 2010; Аврамова 2010].

Различение деривации и композиции восходит к работам А. Мартине, противопоставлявшего дериваты, образованные при помощи морфем, не употребляющихся вне производного, и композиты, составные части которых употребляются и вне композита [Мартине 1963]. В российской лингвистике термин «деривация» (в узком смысле) синонимичен «словообразованию» и, соответственно, может обозначать образование слов как с одним, так и с несколькими корнями.

Как особый тип деривации в богемистике рассматривают конверсию (типа английской конверсии *to jump > a jump*), т. е. переход от одной морфологической парадигмы к другой без участия словообразовательных аффиксов, причем как в рамках одной части речи (чеш. *kmotr > kmotra*, *кум > кума*), так и разных частей речи (чеш. *modrý > modř*, *koupi(t) > koup(ě) – синий > синь*, *купить > купля* [Dokulil 1962: 62; <https://www.czechency.org/slovník/KONVERZE>]. В польской лингвистике этот вид словообразования называется парадигматической деривацией [Gramatyka 1998]. В Русской грамматике (1980) подобные случаи трактуются как «нулевая суффиксация», при которой в состав словообразовательного форманта входят нулевой словообразовательный суффикс и система флексий производного слова [РГ80, 1: 136].

В целом же задачи синхронного словообразования в славистике и русистике понимаются сходным образом: на основе анализа формальных и семантических отношений между производящими единицами и дериватами (производными) изучаются прежде всего словообразовательные пары, способы, типы, категории и

функции словообразования, их продуктивность и регулярность, неологизмы, словообразовательная система в целом и тенденции ее динамики.

2.2. ДЕРИВАЦИОННАЯ ОНОМАСИОЛОГИЯ

Дериват, или производное слово, в отличие от непроизводного, обладает внутренней формой, т. е. расчлененной структурой, элементы которой связывают его, во-первых, с мотивирующим словом (базой), а во-вторых, с понятийными (ономасиологическими) категориями и субкатегориями языка. Механизм формирования семантики производного слова в связи с ономасиологическими категориями в начале 60-х гг. XX в. исследовал и на материале чешского языка (в подсистеме именных номинаций) описал М. Докулил.

В структуре производного слова выделяются ономасиологический базис и ономасиологический признак. В качестве первого выступают определенные понятийные категории и подкатегории, например предмета и его разновидностей – деятеля, места и др., а в качестве ономасиологического признака – любые атрибуты предметов. Так, суффикс *ště* включает номинацию *hřiště* ('спортивная площадка, поле') в класс *nomina loci* (номинаций места), а мотивирующая база (*hrát* – 'играть'), являясь мотивирующим признаком, определяет номинацию места через ее отношение к действию *hrát* [Dokulil 1962: 46]. Аналогично в производном имени *даритель* суффикс *-тель* указывает на класс *nomina agentis* (имен деятеля), а мотивирующая база однозначно определяет данные имена по действию *дарить*: *даритель* – 'тот, кто что-то дарит'. М. Докулил выделял следующие типы деривации: модификацию, мутацию и транспозицию [Dokulil 1962: 46].

При модификации к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, уточняющий это понятие, в результате чего создается более специфицированное название того же предмета или явления действительности, т. е. лексическое значение меняется незначительно, при сохранении денотативного содержания мотивирующей языковой единицы: *mrak* > *mráček*, *tuča* > *тучк(а)*; *učitel* > *učitelka*, *учитель* > *учительница*, *lev* > *lvíče*, *лев* > *львенок*. Соответственно, при модификации аффикс выполняет роль ономасиологического признака, а мотивирующая база – ономасиологического базиса.

За словообразовательными модификационными преобразованиями стоят регулярные модели концептуальной деривации «уточнения, добавления, градуирования, устранения или нейтрализации каких-либо характеристик» исходной номинации [Болдырев 2021б: 17]. Н.Н. Болдырев показал, что сходные концептуальные модели могут быть реализованы номинативными единицами и без поддержки словообразовательных средств, например при уточнении, градуировании или отрицании в сложных номинациях: «*директор* – *региональный директор* – *генеральный директор*», или в рядах синонимов и противопоставленных им антонимов: «*друг* – *знакомый* – *приятель* – *неприятель* – *враг*» [Болдырев 2021б: 18], см. также [Петрухина 2023а].

Мутация же это не уточнение исходного понятия, а создание нового на базе первоначального, это номинация нового явления на основе его отношения к исходному: *библиотека* → *библиотекарь*; *школа* → *школьник*. При этом часто происходит переход производного в другую часть речи: *друг* > *дружить*, *обогреть* > *обогреватель*, *цветок* > *цветочный*. Мутация соотносится с такой концептуальной деривацией, как «изменение концептуального формата», т. е. «с образованием новой структурной единицы в сравнении с исходной, например, сложной концеп-

туальной структуры, фрейма или пропозиции на базе одного или нескольких элементарных концептов...: ДОРОГОЙ — ДОРОЖИТЬ (“кто, чем, почему”) — ДОРОГОСТОЯЩИЙ (“что-то стоит дорого”)...» [Болдырев 2021б: 18] (см. *Часть 1, Раздел 2*).

При транспозиции деривационный акт добавления суффикса переводит слово из одной части речи в другую без изменения его лексического значения [Dokulił 1962: 46–48]. Например, при транспозиции происходит опредмечивание свойства: *молодой* > *молодость*, *красивый* > *красота*; опредмечивание действия: *обсуждать* > *обсуждение*, *двигаться* > *движение*; перевод признака предмета в признак действия: *хорошая работа* – *хорошо работать*. В теории Е. Куриловича последние деривационные акты трактуются как синтаксическая деривация, противопоставленная лексической деривации. Лексическая деривация приводит к образованию такого производного слова, которое отличается по своему лексическому значению от производящего и используется для целей номинации. К лексической деривации относятся рассмотренные выше модификация и мутация. В результате же синтаксической деривации возникает форма, тождественная исходной по понятийному содержанию, но способная к выполнению иной функции в высказывании [Курилович 1962: 61–62].

С тех пор понятия лексической и синтаксической деривации стали широко использоваться в российской лингвистике, в частности в университетских учебниках, при этом теории Е. Куриловича и М. Докулила применяются во взаимодействии: выделяется лексическая и синтаксическая деривации (по Куриловичу), а в рамках лексической – мутация и модификация (по Докулилу), см., например, [Клобуков 2009: 375–381].

2.3. КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В современной когнитивной, дискурсивной и интегрирующей научной лингвистической парадигме русская дериватология сохранила преемственные связи со словообразовательной ономаσιологией М. Докулила. Синхронная реконструкция словообразовательного акта в работах Е.С. Кубряковой как перехода от знака-сообщения к знаку-номинации подтвердила выявленные М. Докулилом типовые структуры понятийного содержания производных слов и позволила определить дальнейшие перспективы их изучения [Кубрякова 1977; 2004а: 188–190, 318]. Впервые вопрос о толковании производного слова через его производящее обосновал Г.О. Винокур в своей знаменитой статье «Заметки по русскому словообразованию» [Винокур 1959]. Позднее в работах В. Дорошевского были представлены схемы, в обобщенном виде формирующие «основной понятийный скелет» дериватов, например, для толкования деривата *śpiew-ak* (*нев-ец*) была предложена конструкция «тот, кто поет» [Doroszewski 1952: 307–308].

Изучение словообразования на синтаксической основе было продолжено в трудах Е.С. Кубряковой. Согласно ее теории, ономаσιологическая структура производного слова (ПС) связана с пропозициональными механизмами концептуализации и категоризации действительности, в результате которых в ПС происходит трансформация (свертка) суждения и, шире, полного знания об обозначаемом фрагменте действительности). Так, за производным *школьник* стоит сообщение «он учится в школе», за производным типа *стол*ик – утверждение «этот стол – маленький» [Кубрякова 2013: 22]. Экспликация семантики производных слов с помощью их минимальных синтаксических эквивалентов дает возможность обнаружить так называемые «скрытые»,

«приращенные» значения дериватов, т. е. компоненты их семантики, не выраженные в их формальной структуре, своего рода «ономасиологические связки» [Кубрякова 1982: 24–25], ср.: *программист* ← ‘тот, кто создает программы для компьютера’.

2.4. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В славистике одной из ведущих тенденций развития современных славянских языков выступает интернационализация, при которой греко-латинские и заимствованные из английского языка лексические единицы, словообразовательные средства и модели распространяются и активизируются во всех славянских языках [Петрухина 2010]. Со второй половины XX в. отмечается своего рода новый этап «внутриславянского объединения», особенно ярко выраженного в словообразовании [Ohnheiser 2003: 334]. Через английский язык в качестве посредника в славянских языках активизировались аффиксы греческого и латинского происхождения: префиксы со значением отрицания и противопоставления (*анти-*, *контр-*); префиксы-интенсификаторы (*супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-*, *экстра-*); префиксы со значением временных отношений и выхода за пределы (*пост-*, *экс-*, *транс-*); префиксы и суффиксы со значением несоответствия реальности или норме (*квази-*, *псевдо-*, *пара-*, *суб-*, *-оид*) и др. Эти аффиксы вступают в сложные конкурентные (как с семантической, так и функциональной точки зрения) отношения с исконно русскими формантами *не-*, *без-*, *противо-*, *архи-*, *пере-*, *пре-*, *раз-*, *сверх-*, *после-*, *недо-*, *лже-*, *вместо-*. Кроме того, именно модели с интернациональными аффиксами являются эффективными проводниками новых комбинаций смыслов и, соответственно, новых воззрений в русскую языковую картину мира (ЯКМ) и русскую концептосферу (данная проблематика рассматривается в *Части 3, Разделе 1, Главе 1*).

В современном русском, как и во всех славянских языках, наблюдается интенсивный рост количества неологизмов-композиций с заимствованными элементами типа *арт-*, *тон-*, которые в английском языке как языке-источнике являются самостоятельными словами и употребляются в словосочетаниях (*art group*, *top list*). В русском языке многие из таких элементов пополняют продуктивный класс словообразовательных формантов типа аффиксоидов (связанных элементов, не утративших индивидуальное лексическое значение). Фиксируемая уже в середине XX в. активизация интернациональных аффиксоидов набрала силу с распространением новых информационных технологий и общим усилением глобализационных процессов в первой четверти XXI в.

По данным многих исследователей, заимствование подобных элементов в русском языке идет гораздо более активно, чем усвоение иноязычных суффиксов и префиксов [Улуханов 2010: 35]. В целом ряде российских и зарубежных работ анализируются условия и статус таких заимствований в славянских языках [Аврамова 2010; Vožděchová 2010; Горбов 2010, 2015; Edberg 2014; Соколова, Эдберг 2016]. При этом по своим деривационным характеристикам и генезису модель с аффиксоидами сближается с композициями, в которых обе части являются свободными и могут использоваться как самостоятельные лексемы (с такими как *фитнес-зал*, *шоу-площадка*), так как в языке-источнике в обоих случаях им соответствуют отдельные лексические единицы. Новым процессам в русском и славянском словосложении способствует возможность заимствования одновременно целого словообразовательного гнезда (ср. *шоу*, *реалити-шоу*, *ток-шоу*, *теле-шоу*, *шоу-мен*, *шоу-бизнес* и мн. др.) и, как следствие, формирование гибридных номи-

наций с заимствованным и исконным элементами на русской почве (*шоу-площадка, шоу-проект, шоу-программа, шоу-театр* и др.).

Модель композита [N][N] позволяет адаптировать к лексической системе русского языка многие заимствования, соединяя их с исконными или давно заимствованными лексемами. Высокая степень продуктивности образования подобных новых композитов была бы невозможна, если бы в русском языке не было сходных исконных моделей сложных существительных (типа *сон-трава, царь-пушка, меч-рыба*). Их наличие способствует созданию на русской почве по аналогии с заимствованными композитами десятков и сотен сложных существительных с новыми комбинациями составных частей. По всей видимости, здесь можно говорить об особой когнитивной модели сложной номинации с первой атрибутивной частью, которая, по сравнению с адъективным словосочетанием (если оно возможно), позволяет расширить концептуальные связи между частями композита (ср. *курорт-отель* и ? *курортный отель; эко-отель* и ? *экологический отель*), подробнее см. [Петрухина 2017б].

Сложные слова выражают актуальные комплексы смыслов, важные для этноса в тот или иной период его существования. Образование и употребление сложных слов обычно активизируется в русском языке в переломные исторические моменты. Так было во время христианизации Руси и становления древнерусской письменности: большую роль в передаче новых христианских понятий при переводе на старославянский язык греческих текстов духовно-религиозного содержания сыграли сложные слова, созданные по образцу греческих (в частности, с элементами *добро-, бого-, благо-, зло-, правдо-, живо-, миро-, душе-* и др.) [Петрухина 2012а].

В XX в. в переломные периоды формируются новые модели словосложения. Так, в послереволюционный период двадцатых годов XX в. отмечено распространение в русском языке сложносокращенных слов типа *исполком, госучреждение, партбилет* и усиление роли аббревиации. С.И. Карцевский в своей книге «Язык, война и революция» определяет подобные слова как «сложные сокращения», «словосочетания, приведенные к подобию сложного слова», которые возникли в период после революции [Карцевский 1923: 48]. А.М. Селищев объяснял возникновение подобных новых слов прежде всего влиянием речи революционных деятелей-интеллигентов, которые ввели в русский язык много заимствованных слов и моделей прежде всего из немецкого языка. К ним, по мнению А.М. Селищева, относятся и сложные слова, в которых первая часть, выраженная субстантивом, является определением ко второй, например *пионерлагерь, партработник, танцплощадка* (ср. с соотносимыми с ними словосочетаниями *пионерский лагерь, партийный работник, танцевальная площадка*). А.М. Селищев подобные композиты соотносит с немецкими сложными словами без сокращений (типа *Pionierbewegung, Parteiarbeiter, Tanzfläche*) [Селищев 1928: 3537]. По мнению В.М. Живова, в распространении новых моделей аббревиатур большую роль сыграла интенция «оттолкнуться от старого языкового стандарта, от ценностей старого режима», для которого подобные образования были не характерны, стремление утвердить новые «символы культурной ориентации – интернациональные и антинациональные» [Живов 2005].

Как показал Д.К. Поляков, образование сложносокращенных слов среди славянских языков характерно именно для русского языка, а в других языках такие модели представлены в меньшей степени. В чешском, словацком и сербском языках это вообще периферийный тип аббревиатур, в котором преобладают заимство-

вания «из русского языка, описывающие либо советские, либо общие для социалистических стран реалии» [Поляков 2018б: 459]. Русским сложносокращенным номинациям в этих славянских языках соответствуют словосочетания, например: *медсестра* – чеш. *zdravotní sestra*, словац. *zdravotná sestra*, серб. *medicínská sestra*; *госпремия* – чеш. *státní cena*, словац. *štátna cena*, пол. *nagroda państwowa*, серб. *državna nagrada*; дипмиссия – *diplomatičká mise*, *diplomatičká misia*, *misja dyplomatyczna*, *diplomatska misija*; политзаключенный – *politický vězeň*, *politický vůzeň*, *więzień polityczny*, *politički zatvorenik* [Поляков 2018б: 461].

В современном русском языке эта модель композитов активно используется в сфере терминологии. До недавнего времени многие особенности образования и функционирования сложносокращенных слов в русском языке были не описаны, не ставился вопрос об их типах и закономерностях актуальной дешифровки в тексте, о роли универбализации и аналогии в их образовании и о других вопросах, которые в настоящее время были решены при подготовке Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка в Донецком университете. Результатам лексикографической работы «Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации» кафедры русского языка Донецкого национального университета» посвящена *Часть 2*, где основное внимание уделяется типологии аббревиатур и особенностям их лексикографического описания.

Изменения в системе сложных слов в послереволюционной России перекликаются с активизацией в переходный период 1990-х гг. заимствований и именных композитов, образованных по сходной, но английской модели типа *бизнес-план*, *топ-менеджер*. Экспансия заимствований и композитов с заимствованными элементами и в этот переломный период объясняется не только потребностями в номинации новых объектов и явлений, появившихся в связи с перестройкой и разрушением старой социально-экономической и политической системы и созданием новой, но, как и в революционную эпоху начала XX в., также коммуникативно-прагматическими факторами. В основе последних лежат все те же символы культурной ориентации, интернациональные и антинациональные, но базирующиеся на иной идеологии, связанной с идеями глобализации и однополярного устройства мира, в котором высока роль английского языка.

2.5. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НЕОЛОГИЯ

Динамические изменения в словообразовательной системе русского языка происходят, по нашему мнению, прежде всего за счет 1) заполнения лакун в словообразовательной системе (об этих процессах см. [Земская 1992; 1996; Улукханов 1996]); 2) расширения семантики производного слова [Ермакова 2004]; 3) развития адаптирующей функции словообразовательных типов при освоении заимствований [Петрухина 2010]; 4) активизации продуктивных словообразовательных моделей, по которым узуальные слова не воспроизводятся, а образуются в речи, и увеличения количества таких моделей [Петрухина 2012г].

Для того чтобы познать и описать реальные процессы словопроизводства в современном русском языке, необходимо, помимо неологизмов, вошедших в словари, учитывать также созданные по продуктивным моделям и употребленные в реальных художественных, публицистических и разговорных текстах лексемы, не отмеченные словарями, по отношению к которым в современной теории словообразования употребляется несколько неоднозначно определяемых терминов, а именно термины «неологизм», «потенциальное слово», «окказиональное слово».

Кратко рассмотрим соотношение этих терминов, важных для *Раздела 2, Части 3* данной монографии.

Многие исследователи, занимающиеся неологией (наукой о новых словах, неологизмах), считают главным показателем неологизмов временной показатель, определяющий новизну слова, которое вошло в словарный состав языка в определенный временной период и не существовало в предшествующий период. Появление в русском литературном языке новых слов связано также с перемещением слов из одной сферы употребления в другую, в результате чего проявляется постоянное взаимодействие между литературным языком как обработанной и нормализуемой формой общенационального языка и устной речью, жаргонами, научной и профессиональной речью [Котелова 1978: 15; Попова 2005]. Соответственно, многие исследователи признают за неологизмом статус узуального слова, которое должно попасть в словарь [Котелова 1988]. Вопрос о том, может ли потенциальный дериват стать неологизмом, остается открытым. Неоднозначно решается вопрос и о соотношении узуальных и потенциальных слов, а также о выделении различных типов неузуальных дериватов – потенциальных слов и окказионализмов. Так, различные категории новообразований не разграничиваются в работах В.В. Лопатина, И.С. Улуханова и некоторых других исследователей. В.В. Лопатин, как и И.С. Улуханов, включает в состав окказионализмов все слова, созданные для конкретного контекста, независимо от того, образованы они по продуктивным словообразовательным моделям (потенциальные слова) или вопреки этим моделям как индивидуально-авторские новообразования (окказионализмы). Оба типа производных слов объединяет то, что они создаются в момент речи, тогда как большинство слов в речи воссоздаются [Лопатин 1973: 65], ср. также [Улуханов 1996; 2005].

Последовательно разграничение окказиональных и потенциальных слов проведено в работах Е.А. Земской [Земская 1973; 1992; 1996]. Потенциальные слова образованы по высокопродуктивным словообразовательным типам, поэтому нередко воспринимаются как узуальные. Семантика таких новообразований абсолютно прозрачна, и их значение понятно и вне контекста (например, *серьезнеть*, *возражать*, *радиовещать*). Окказиональные же слова созданы по словообразовательным моделям отдельных слов, часто с нарушением правил реализации модели, например в выборе производящей базы (ср. *увнучить* по аналогии с *усыновить*), поэтому тесно связаны с контекстом, вне которого значение окказионализма может быть непонятно, например: *стекловица* («...так поступал Юрий Михайлович Стеклов... Он предпочитал вместо подобных никчемных передовиц ставить несколько конкретных заметок. Они так и назывались – «стекловицы» (примеры Е.А. Земской). Встречаются, особенно в поэзии, окказионализмы с затемненной семантикой, что невозможно для потенциального производного.

Соответственно, есть необходимость разграничения в синхронном словообразовании потенциальных дериватов и окказионализмов с учетом характерных черт каждого из данных типов неузуальных производных. Потенциальные дериваты чаще становятся узуальными, чем окказионализмы. Регулярность и легкость образования, понятность даже вне контекста объединяет потенциальные дериваты с узуальными, последние также могут производиться (а не только воспроизводиться) в тексте. Большинство узуальных производных слов при употреблении воспроизводятся как готовые номинативные единицы, но целый ряд узуальных дериватов может производиться в тексте по активным моделям продуктивных

словообразовательных типов. Речь идет прежде всего о модификационных дериватах, например уменьшительных именах, глагольных производных с аффиксами *по-*, *до-ся* и др., относительных прилагательных с пространственными приставками *около-*, *вне-*, *внутри-* и др., а также транспозиционных дериватах, например типа *неотмеченность*, *узуальность*. Такие модификационные и транспозиционные словообразовательные типы представляют собой открытый ряд производных слов, образованных по продуктивным, с четкими правилами словообразовательным моделям. Не все дериваты, образованные по таким моделям и при этом лишенные налета новизны и необычности, попадают в словари; например, уменьшительные имена типа *муравейничек*, *розточка*, прилагательные с пространственными приставками *околоправительственные (круги)*, *внутриименное (словообразование)*, глаголы *побастовать*, *посопrotивляться*.

Модели и типы подобных регулярных производных можно исчислить и представить закрытым списком, вариант такого перечня см. в [Мельчук 1995]. Подобные слова являются реальными номинативными единицами современного русского языка даже в том случае, если не попали в словари (как те производные, которые приведены выше), – это уже проблема лексикографической практики. Граница между узуальными производными и потенциальными словами нечеткая и может передвигаться, расширяя поле узуальных дериватов. Критерием такого разграничения является не только степень употребительности и «обычности» деривата, но и степень открытости словообразовательного типа.

Окказиональные слова – это «одноразовые» лексические единицы (часто индивидуально-авторские), лишенные воспроизводимости, а значит, и исторической протяженности своего существования, поэтому они не способны устаревать (в то время как понятие неологизма противопоставлено понятию архаизма). Обычно указываются такие признаки окказиональных слов, как их речевая природа (это речевые новообразования), поэтому они сохраняют свою новизну независимо от момента создания, творимость (невоспроизводимость), функциональная одноразовость, зависимость от контекста, экспрессивность, номинативная факультативность, индивидуальная принадлежность. Важной особенностью окказионализмов является частое нарушение при их создании законов словообразования. Они могут обладать затемненностью семантики, поэтому значение некоторых неологизмов невозможно установить вне контекста. В окказионализме, сложном слове, могут быть объединены логически или стилистически несовместимые компоненты [Земская 1973: 238]. Многие окказионализмы создаются для уникального использования в конкретном, в частности художественном или публицистическом, тексте. Как представляется, именно такие индивидуальные образования составляют ядро окказионализмов. Целью их создания является передача неповторимого переживания, личностной интерпретации явления, они не претендуют на его типизацию.

Различные типы незуальных лексем и новые тенденции их употребления и функций в разных типах дискурса подробно рассматриваются в *Части 3, Разделе 2* данной монографии. В течение последних десятилетий среди незуальных слов растет число производных слов с заимствованными корнями: в мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы перерабатывают заимствованные лексемы, адаптируя их к системе русского языка. Данный вопрос также анализируется в названном выше разделе.

2.6. СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

При изучении словообразовательной деривации обычно не учитываются диахронные семантические и формальные связи исторически однокоренных слов, актуальность которых в той или иной степени была утрачена или ослаблена в ходе развития языка. Тем не менее в современном славянском словообразовании предпринимаются попытки преодолеть разрыв между синхронным и диахронным словообразованием. Так, в работах И.С. Улуханова реализована концепция объяснительного синхронно-диахронического описания русского языка. В этой концепции изучение и интерпретация синхронных связей и отношений между языковыми явлениями проводится с учетом исторических процессов, в частности данных о происхождении формантов и моделей. При этом термин «мотивация» используется для синхронного словообразования, а «производность» – для исторического словообразования [Улуханов 2005]. «Синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» [Улуханов 2005: 18–19]. Кроме того, проявлением синхронно-диахронического описания словообразования является также историческая интерпретация современных языковых фактов с учетом ослабления мотивированности, т. е. «ослабления или разрыва связи между явлениями, например между диахронически однокоренными, но синхронно слабо связанными словами, составляющими большую зону “полумотивированных” слов» [Улуханов 2005: 19].

Другое направление синхронно-диахронных исследований русского словообразования сложилось в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского (СГУ). В его основе лежит представление о словообразовательной диахронии как непрерывном процессе, что дает «возможность охватить весь письменный период истории русского языка с целью выявления закономерностей формирования словообразовательных связей и отношений» [Дмитриева 2024]. Возможности синхронно-диахронного анализа словообразовательных процессов в русском языке в духе Саратовской дериватологической школы в *Части 4, Разделе 2*.

3. ДРУГИЕ ТИПЫ ДЕРИВАЦИИ

3.1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Словообразовательная деривация как отношение двуплановое, формально-смысловое в славистике четко отграничивается от семантической деривации. Последняя возможна и вне словообразовательных отношений – как порождение новых значений в рамках того же слова на основе метафорического или метонимического переноса значений. Определение семантической деривации как процесса формирования семантики многозначных слов дал Ю.Д. Апресян в книге «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» (1974), выделив 1) радиальную; 2) цепочечную и 3) радиально-цепочечную полисемию [Апресян 1974: 175–215]. Словообразовательная деривация, при которой между двумя словами X и Y имеется связь по форме и по значению, как в паре *учить* > *учитель*, в Активном словаре русского языка (2014) рассматривается в качестве прототипа

для семантической деривации. Тот же тип производности усматривается в таких парах, как *баллотироваться* > *кандидат*, *оперировать* > *хирург*, т. е. во всех случаях подобного соотношения номинаций действия и деятеля от разных корней [Апресян 2014: 29].

В модели «Смысл ↔ Текст» регулярные типы семантической деривации, реализующейся между подобными номинациями (между «синтагматическими партнерами слова», или «лексическими коррелятами») описываются в терминах «лексических функций» [Мельчук 1974: 78]. Корреляция имени множества с именем отдельного его члена в этой терминологии рассматривается как лексическая функция *Sing*. Например: *Sing (горох) = горошина*; *Sing (партия) = член*, *Sing (электорат) – избиратель*. С данной модификационной моделью соотносится концептуальная деривация в обратном направлении: от номинации отдельного члена множества к имени множества, т. е. лексическая функция *Mult* (совокупность): *Mult (корабль) = флот*; *Mult (студент) = студенчество* [Мельчук 1974]. Данные лексические функции соответствуют такому типу концептуальной деривации, для которого характерно сохранение формата исходного значения при изменении его структуры и конфигурации [Болдырев 2021б] (подробнее о связи семантической деривации в рамках многозначных слов с основными типами концептуальной деривации см. [Петрухина 2023а], а также *Часть 1, Раздел 2* данной монографии).

3.2. СООТНОШЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Морфологическая деривация в зарубежной лингвистике и в ряде отечественных работ понимается широко – как реализующаяся внутри слова при помощи морфем, соответственно морфология включает не только словоизменение и формобразование, но и словообразование [Вубее 1985; Мельчук 1997; Плуноян 2000]. В истории отечественного языкознания такая точка зрения преобладала до середины XX в. В 1950–1970-е гг. была обоснована самостоятельность словообразования и морфологии как отдельных направлений в науке о русском языке с последующим выделением в составе словообразования морфонологии и морфематики [Клобуков 2009: 347–350]. А морфология, вслед за В.В. Виноградовым, была определена как «грамматическое учение о слове», что предполагает изучение и описание не только словоизменения и формобразования, но и грамматической семантики морфологических форм и категорий [Виноградов 1947].

Такой подход, реализующий, с одной стороны, разграничение словообразования и формобразования (и словоизменения), а также словообразовательной и грамматической семантики, а с другой – учитывающий их сближение во взаимодействии, был заложен еще Ф.Ф. Фортунатовым, который выделял «формы словоизменения» и «формы словообразования» как два типа грамматической формы слова, способной «выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» [Фортунатов 1956: 136, 155], т. е. аффикс и основу.

В учении о форме слова Ф.Ф. Фортунатова была реализована идея как сходства форм словоизменения и словообразования в русском языке – оба типа называются «грамматическими формами», так и их системного различия. Если формы словоизменения определяются на основе их синтагматических функций (они обозначают «различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях»), то все остальные формы, способные «выделять из себя

для сознания говорящих» аффикс и основу и не являющиеся формами словоизменения, «называются формами словообразования» [Фортунов 1956: 155]; подробнее см. [Петрухина 2018б]. Развитие такого подхода к внутрисловным деривационным процессам представлено в работах Е.С. Кубряковой в 1970–1980-е гг. «Разные морфологические процессы нетождественны по своим функциям, нетождественны по их результативным единицам. Но у них то общее, что в разных языках мира они служат передаче морфологических, “внутрисловных” значений, содержание которых создает в одних случаях грамматические, обязательные, в других – деривационные, словообразовательные, необязательные категории» [Кубрякова 1987: 12].

Сущность различий между грамматическими и словообразовательными категориями во флективных языках в лингвистике в общем определена. Речь идет прежде всего об обязательности выражения грамматических и необязательности словообразовательных значений. Кроме того, прототипические грамматические категории и их члены (граммемы) имеют стандартные средства выражения, которые включают также и формы согласуемых слов, широкую сочетаемость с лексемами данной части речи; употребление граммем может определяться синтаксическими конструкциями, а также выражением другого грамматического значения; грамматическое значение характеризуется пониженным модусом осознаваемости (в сравнении с лексическим и словообразовательным значениями). Словообразовательные категории и значения, выражение которых не является обязательным, имеют менее стандартные формальные средства и менее широкую сочетаемость, употребление дериватов не обуславливается синтаксическими конструкциями или какой-либо грамматической формой [Мельчук 1997: 282; Зализняк 1967: 24–25; Кацнельсон 1972: 114–115; Виноградов 1975; Якобсон 1985: 231–237; Бондарко 1994; Леманн 1997].

Взаимодействие словообразования и грамматики подробно исследовано на материале категории глагольного вида. Словообразовательные процессы префиксации и суффиксации глаголов имеют грамматические последствия – перфективацию и имперфективацию глаголов, т. е. изменение парадигмы их форм и сочетаемости. При этом видообразование и «игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом» [Карцевский 1962: 220]. Область видовых пар, имеющих грамматический статус, в современном русском языке расширяется за счет модификационных словообразовательных типов, которые приобретают черты, свойственные грамматическим формам, а именно свойства обязательности, пониженной интенциональности употребления и коррелятивности. Данный вопрос детально изучен в работах автора данного раздела [Петрухина, Соколова 2005; Петрухина 2012б; 2014; 2021].

Вопросам формальных и семантических отношений между словообразованием и морфологией в отечественном языкознании всегда уделялось большое внимание, так как тесное взаимодействие словообразовательной и грамматической систем является важной типологической особенностью русского языка, тем не менее в этой области остался ряд актуальных, не до конца решенных вопросов, которые рассматриваются в *Части 4, Разделе 1*.

3.3. ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ

В синтаксисе также оперируют понятием деривации, рассматривая ее как способ создания вторичных синтаксических единиц: словосочетаний, предложений и

синтаксем – от первичных (базовых). Деривационный синтаксис связан с идеями Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» [Tesnière 1959], а также генеративной грамматики Н. Хомского [Chomsky 1957].

Деривационные синтаксические структуры активно изучались в трудах многих российских лингвистов, таких как И.П. Распопов, Т.П. Ломтев, Н.Ю. Шведова, В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева, Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, Л.Н. Мурзин и др. Так, синтаксическая деривация в трудах В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой рассматривается в связи с деривационной парадигмой исходного предложения [Белошапкова, Шмелева 1981]. Деривационная парадигма близка системе регулярных реализаций структурной схемы предложения [РГ 80]. Более широкое понимание парадигматики предложения как системы его видоизменений отражено в концепции коммуникативной парадигмы предложения в работах М.В. Всеволодовой. В основу этой концепции положена идея исчисления всех возможных перефразировок исходного предложения, восходящая к работам Т.П. Ломтева [Ломтев 1972]. Коммуникативная парадигма представляет собой систему взаимосвязанных линейно-интонационных изменений и синонимических перефразировок исходного предложения [Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова 2000]. Одним из способов системного представления синтаксических конструкций выступает также синтаксическое поле предложения в трактовке Г.А. Золотовой: вокруг исходной (изосемической, базовой) модели предложения группируются другие синтаксические конструкции, признаваемые от нее производными [Золотова 1973, Онипенко 2001]. Полевой принцип описания синтаксической системы принят в концепции коммуникативной грамматики русского языка, основателем которой является Г.А. Золотова [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Данная проблематика и перспективы ее развития подробно рассматриваются в 5-й части данной монографии.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы деривации отмечаются во всех подсистемах языка. Деривационные отношения в языке – это один из фундаментальных типов системообразующих отношений (наряду с парадигматикой и синтагматикой). В данной коллективной монографии предлагаются пути решения целого ряда дискуссионных и актуальных вопросов, связанных с исследованием деривационных процессов в русском языке.

РАЗДЕЛ 2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА²

Н.Н. Болдырев

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном мире развитых информационных технологий, огромного количества передаваемой по разным каналам связи разнопрофильной информации, широкого доступа к интернету и различным социальным сетям первостепенной потребностью становится своевременная обработка этого информационного потока, преимущественно представленного в языковой форме. В названных условиях особую актуальность приобретает проблема развития языковой картины мира (далее – ЯКМ), вызванная необходимостью в постоянном обновлении и адаптации языковых еди-

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №221800067, <https://rscf.ru/project/221800067/>

ниц и категорий за счет вновь появляющихся значений и языковых структур. В основе этого обновления лежат процессы порождения новых концептуальных структур, отражающих новые знания о мире. Данные процессы отличаются разнообразием типов и видов в зависимости от их природы, целей, связи с основными познавательными процессами – концептуализацией и категоризацией, а также от разной степени их концептуальной или языковой мотивированности. При этом главным условием остается сохранение системности языка, без которой нереализуема его функциональность. Возможность такого обновления заложена в самой природе языка, в его интерпретирующей функции, в появлении вторичных языковых структур в ЯКМ, не нарушающих системного характера репрезентации в ней знаний о мире.

Концептуальная и языковая мотивированность вторичных структур, обеспечивающих динамику ЯКМ без нарушения ее системного характера, повышает актуальность рассматриваемой проблемы и в аспекте ее взаимосвязи с эффективностью концептуального взаимодействия между участниками коммуникации в процессах их языкового общения. Последнее выступает в качестве главного фактора предотвращения речевых конфликтов, основанных на разной интерпретации мира и знаний о мире в контексте индивидуальных концептуальных систем коммуникантов.

Проблема заключается в том, что снижение уровня массовой культуры и образования, новые возможности практически бесконтрольного распространения любой информации и получения к ней свободного доступа независимо от степени надежности ее источника нередко становятся причиной возникновения конфликтных ситуаций на межличностном и межкультурном уровнях. В основе данных ситуаций часто лежит конфликтная манера языкового общения, не учитывающая различия в структуре и содержании коллективного и индивидуального видения мира, включая коллективные и индивидуальные схемы и модели деривационных процессов концептуального и языкового характера. Именно взаимная адекватная настройка концептуальных систем коммуникантов относительно друг друга, включая схемы и модели формирования новых смыслов и вторичных структур, способна обеспечить взаимопонимание и правильную интерпретацию высказываний, т. е. бесконфликтность языковой коммуникации. Другими словами, бесконфликтность языкового общения подразумевает учет и преодоление не только конфликта различных точек зрения, мнений и интенций, но и конфликта знаний и опыта в плане совпадения их по объему и способам структурирования у разных коммуникантов, соответствия механизмов формирования и понимания смыслов, мотивированности деривационных процессов, см. также: [Болдырев 2023а; 2023в].

Суть поставленной проблемы и ее актуальность позволяют сформулировать основную цель данной главы – исследование процессов формирования нового знания на базе существующего и представленного в языковой форме, которые лежат в основе образования вторичных языковых значений и вторичных структур концептуального и языкового характера, т. е. в основе деривационных процессов различного типа, определяющих развитие ЯКМ и, как следствие, эффективность языковой коммуникации. Учитывая непосредственную связь этих процессов с концептуализацией (познавательным процессом осмысления объектов, событий и их характеристик в виде единиц знания – концептов, получающих языковую репрезентацию), все их многообразие можно свести к общему понятию концептуальной деривации, которое и находится в фокусе рассмотрения при дальнейшем изложении в этой главе.

2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ СТРУКТУР

Обсуждение проблемы концептуальной деривации как основы формирования вторичных значений и структур и их роли в развитии ЯКМ и обеспечении эффективности языковой коммуникации с позиций когнитивного подхода требует, таким образом, обращения к целому ряду частных вопросов, таких как: 1) соотношение основных понятий «окружающий мир – сознание – язык» с позиций когнитивного подхода; 2) динамика ЯКМ как фактор ее развития; 3) понятия первичной и вторичной языковой интерпретации мира; 4) концептуальная деривация и ее основные типы; 5) типы взаимодействия первичных и вторичных структур в процессах формирования новых значений и смыслов и развития ЯКМ, а также в процессах достижения бесконфликтности языковой коммуникации.

Схема 1

Соотношение языка с окружающим миром и сознанием человека отличается сложностью и многообразием разноуровневых связей, которое схематически можно представить следующим образом (см. *Схема 1*).

Как показано на данной схеме с помощью соответствующих стрелок, сознание человека формируется в результате его взаимодействия с окружающим миром и осмысления объектов, событий и их характеристик в виде единиц знания – концептов, которые составляют фундаментальную основу сознания и через посредство которых человек воспринимает мир и взаимодействует с ним в дальнейшем в своей практической, в том числе языковой, деятельности. Поскольку человек взаимодействует с окружающим миром постоянно, соответственно процесс формирования сознания имеет характер непрерывной психической деятельности. Система знаний о мире (концептуальная система человека), будучи определенным образом структурирована относительно приоритетных концептов (когнитивных доминант), представляет собой (концептуальную) картину мира человека как представителя определенного социума или отдельного индивида, его мировидение. Неотъемлемой частью сознания является язык, который репрезентирует единицы знания в своих единицах и категориях, формирующих языковую картину мира. Психическая деятельность и ее результаты, связанные с интерпретацией сквозь призму конкретного языка поступающей в мозг человека внешней и внутренней информации, формируют языковое сознание человека, см. также: [Болдырев 2018б; 2020]. Приведенная схема в ее центральной и правой части также иллюстрирует основное отличие когнитивной лингвистики, изучающей соотно-

шение когнитивных и языковых структур (структур знания и языка), от структурной лингвистики, которая преимущественно занимается исследованием структуры языка, его единиц и категорий (правая часть схемы) вне зависимости от их связи со структурами знания.

Сознание человека и его язык антропоцентричны по своей природе. Это означает, что человек конструирует окружающий мир в своем сознании, вырезая из него в процессе познания, по образному выражению В.А. Лекторского, то, что соотносимо с его жизнедеятельностью [Лекторский 2008]. Он также сам формирует смыслы в процессе речемыслительной деятельности и выбирает языковые средства их выражения. Соответственно, языковая картина мира любого этноса представляет собой результат непрерывного процесса конструирования человеком окружающего пространства с помощью языка. Это пространство включает разные фрагменты: природные объекты и артефакты, происходящие события, их характеристики, самого человека как часть этого пространства или участника событий, а также процессы, происходящие в его сознании, т. е. результаты познания и осмысления человеком окружающего и собственного, внутреннего мира.

Сложность процесса мысленного конструирования приводит к появлению в структуре ЯКМ разных элементов, которые связаны с реализацией трех основных функций языка: когнитивной (познавательной), коммуникативной (общения) и интерпретирующей (интерпретации мира и знаний о мире). Как следствие, в структуре ЯКМ выделяются три основных типа элементов, которые:

1) репрезентируют мир так, как его конструирует человек в своем сознании (концепты объектов и событий и их языковые репрезентации, т. е. общие, или энциклопедические, знания о мире),

2) репрезентируют мир в соответствии с законами языковой коммуникации (грамматические концепты и категории, нормы синтаксического и коммуникативного членения – языковые знания),

3) интерпретируют мир и знания о нем с учетом коллективных и индивидуальных систем мнений и оценок (модусные концепты и категории, передающие знания о системах ценностей, оценочных шкалах, – оценочные знания).

Другими словами, ЯКМ включает элементы первичного (языковые репрезентации концептов объектов и событий и сами эти концепты, исходные структуры) и вторичного (грамматические и интерпретирующие, оценочные концепты и репрезентирующие их элементы, производные структуры) порядка. Необходимо специально подчеркнуть, что появление вторичных структур и функций обусловлено не только новыми знаниями о мире, но и интерпретацией уже имеющихся знаний в плане их разного конфигурирования и оценки, т. е. вторичной языковой интерпретацией. Напомним, что под первичной языковой интерпретацией мы понимаем интерпретацию мира во всем многообразии его объектов и событий с помощью языка, что преимущественно проявляется в системе синонимов разного типа и лексических категорий. Вторичная языковая интерпретация предполагает интерпретацию уже имеющихся и представленных в языке знаний о мире (опыта познания мира), что проявляется в различных способах структурирования и репрезентации знаний в языке. При этом количественный показатель глубины интерпретации не важен, поскольку он не меняет ее сути. Третья, четвертая, пятая и т. д. интерпретация – всегда есть вторичная интерпретация по отношению к исходному знанию, которое само по себе уже может быть вторичным. Соответственно, вторичная языковая интерпретация не ограничена ни в плане объекта

(объектом интерпретации могут стать сами вторичные структуры), ни по количеству интерпретаций (каждая интерпретация является вторичной, поскольку ее объект – не сама сущность, а знания о ней, известные или уже многократно проинтерпретированные; см. подробнее: [Болдырев 2017; 2018б; 2023б]).

Забегая вперед, следует подчеркнуть: взаимодействие первичных и вторичных структур является одним из главных факторов динамики ЯКМ, ее адаптации к современному состоянию материально-технического и социального развития общества, но при одном важном условии – если появление вторичных структур в ЯКМ имеет мотивированный, обоснованный характер, о чем подробнее речь пойдет ниже. Взаимодействие первичных и вторичных структур именно в рамках первичной и вторичной интерпретации и позволяет языку, сохраняя свою системность, обеспечивать также бесконфликтный характер общения. Системность языка в целом и ЯКМ в частности проявляется в том, что между структурными элементами первичного и вторичного порядка внутри этих систем обнаруживается сеть различных межконцептуальных, в том числе деривационных, связей причинного характера. Эта сеть межконцептуальных отношений и объединяет элементы в единое целое – систему, а также обеспечивает безграничный функциональный потенциал языка как системы.

Значительная часть вторичных структур является результатом концептуальной и языковой деривации. Концептуальная деривация как получение нового знания на базе существующего и уже закрепленного в языке представляет собой модель изменения концептуального содержания с помощью языковых средств с целью формирования и передачи нового знания (нового смысла). Языковая деривация – это процесс и результат формирования новых (производных, вторичных) языковых единиц и их функций на основе существующих (исходных, первичных) для передачи нового знания.

Деривационные процессы как процессы взаимодействия первичных и вторичных структур служат, таким образом, основой формирования новых значений и смыслов и тем самым фактором, который определяет динамику ЯКМ, ее адаптацию к новым условиям развития общества. Суть процессов концептуальной и языковой деривации наиболее точно передает характеристика концептуальной системы, которую дает Р.И. Павиленис. Он, в частности, подчеркивает, что концептуальная система человека является непрерывно конструируемой системой знаний о мире, в ней постоянно появляются новые концептуальные структуры на основе манипулирования вербальными символами и связанными с ними концептами как элементами этой системы [Павиленис 1983: 103–114]. Если провести аналогию между идеями Р.И. Павилениса и данными выше определениями языковой интерпретации, то становится очевидным, что вторичная языковая интерпретация как интерпретация знаний о мире – это и есть манипулирование вербализованными концептами, т. е. манипулирование уже имеющимися знаниями, а вторичные структуры (концептуальные и языковые) – результат данного процесса, который обусловлен самой концептуальной системой человека, а не только познаваемой реальностью.

3. ТИПЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Разные типы взаимодействия первичных и вторичных структур по-разному проявляются на концептуальном и языковом уровнях. Соответственно, можно говорить о двух основных тенденциях в изменении ЯКМ за счет вторичных структур: концептуально-языковые (изменение структуры и содержания энциклопедических и, как следствие, языковых знаний) и формально-языковые (изменение языковых знаний с появлением новых языковых единиц и выражений и вторичных функций у исходных структур) изменения. При этом динамика ЯКМ в целом определяется интерпретирующим потенциалом вторичных структур, т. е. их способностью по-новому конструировать знания о мире.

На концептуальном уровне взаимодействие первичных и вторичных структур представлено в процессах концептуальной деривации трех основных типов:

- сохранение формата исходного знания при изменении его структуры и конфигурации,
- изменение самого формата знания,
- изменение концептуальной области определения, или когнитивного контекста.

Сохранение исходного формата при концептуальной деривации означает формирование другого концепта на базе исходного, в основе которого лежат разные принципы:

- **оппозиции:** КОНЦЕПТ – АНТИКОНЦЕПТ, ОЧНО – ЗАОЧНО, ПРИЯТНЫЙ – НЕПРИЯТНЫЙ, ВКУСНЫЙ – БЕЗВКУСНЫЙ;
- **анalogии или подобия:** СТИЛЬ – СТИЛИЗАЦИЯ, ЦИФРА – ЦИФРОВИЗАЦИЯ, РЕФОРМА – РЕФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА – СТРУКТУРИРОВАНИЕ;
- **метафорического или метонимического представления:** ЗЕЛЕНАЯ ЗОНА, ВОЛНЫ ГНЕВА, ТРОЕКУРОВ – ТРОЕКУРОВЩИНА, ДОГМА – ДОГМАТИЗМ – ДОГМАТИК, КВАРТИРА – КВАРТИРНИК;
- **изменения концептуального содержания** за счет уточнения, добавления, устранения или нейтрализации каких-либо характеристик (функциональных, статусных, оценочных): СТАРЫЙ – СТАРОВАТЫЙ – СТАРОСТЬ – СТАРИНА – СТАРЬЕ, ЖЕСТКИЙ – ЖЕСТКОВАТЫЙ – ЖЕСТКОСТЬ – ЖЕСТЬ; СЕКРЕТАРЬ – ОФИС-МЕНЕДЖЕР, СПЕКУЛЯНТ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ПРИКАЗЧИК – УПРАВЛЕНЕЦ и т. д.

Изменение концептуального формата при концептуальной деривации означает образование новой, как правило, сложной концептуальной структуры на базе одного или нескольких элементарных концептов:

- **фрейма или пропозиции:** ЗЕМЛЯ – ЗАЗЕМЛЯТЬ / ПРИЗЕМЛЯТЬ ('кто, сделать что, с чем'), МЫСЛЬ – МЫСЛИТЬ / РАЗМЫШЛЯТЬ / ПОМЫШЛЯТЬ ('кто, о ком / о чем'), ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК, МРАМОРНЫЙ ВОЖДЬ, ШОКОЛАДНЫЙ ЗАЯЦ ('что-то, сделано из какого материала, напоминающее по форме или внешнему виду кого-то или что-то');
- **категории** (единицы знания о целом классе однотипных объектов): АВТОМОБИЛЬ – АВТОМОБИЛИ – ЭЛЕКТРОМОБИЛИ – АВТОПРОИЗВОДИТЕЛИ;
- **когнитивной матрицы** (единицы многоаспектного знания, объединяющей несколько концептуальных областей в качестве когнитивных контекстов): ЗОЛОТАЯ РЫБКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ (кафе «Золотая рыбка» в

доме с металлическими подпорками, сделанными для поддержки падавших стен-панелей, который у жителей города Тамбова получил название «Дом на курьих ножках», по аналогии с избушкой из известной сказки).

Концептуальная деривация как изменение области знания (концептуальной области определения как контекста осмысления – когнитивного контекста) влечет за собой переконфигурирование межконцептуальных связей:

- в результате подмены понятий и, как следствие, образования вторичных когнитивных структур: ВЗЯТКА – БЛАГОДАРНОСТЬ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ – ОКАЗАНИЕ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ, ОБУЧЕНИЕ – КОУЧИНГ; СОТРУДНИЧЕСТВО – КОЛЛАБОРАЦИИ;
- как реализация разных, несоотносимых, значений супплетивными формами единственного и множественного числа, разных значений одного и того же слова или образование омонимов: БЕСЧЕЛОВЕЧНО – БЕЗЛЮДНО, ОДНОЧАСЬЕ (‘промежуток времени в один час, короткий срок, неожиданно’) – МНОГОЧАСИЕ (‘закат’); *Лена ушла от мужа, когда узнала, что он купил два алмазных диска для какой-то там болгарки!..* (Интернет).
- как результат метафорического переноса понятий, например из области животного или растительного мира, на область человека с целью его образной характеристики: ЛЕВ, ТИГР, КОРОВА, ОРЕЛ, КУРИЦА, БЕРЕЗКА, ИВУШКА, ДУБ, МУХОМОР, ПЛЕСЕНЬ.

На уровне языковой семантики концептуальная деривация представлена семантическими изменениями (семантическая деривация), т. е. формированием производного значения на базе какого-либо другого, исходного значения. Данный процесс означает не только изменение структуры или содержания исходного значения, но и сохранение (наследование) той или иной его части, которая обеспечивает связь между значениями вторичной и исходной языковых структур. Наследуемая часть в семантике вторичной языковой единицы выполняет одновременно отсылочную функцию к базовой структуре и связанному с ней концептуальному содержанию – функцию внутриязыковой референции. Например: *Книжные новинки: Иван Сусанин «Как завести друзей»* (Интернет); *Я у тебя оставил кошелек с деньгами. – Да, я понял. Спасибо! У женщин две главных потребности – нужно с кем-нибудь говорить и с кем-нибудь не разговаривать; Продвинутый одесский пятиклассник Фима свободно разговаривает на русском, украинском, английском и на других уроках тоже* (Интернет). Как иллюстрируют приведенные примеры, отсылка к соответствующим контекстам (Иван Сусанин, благодарность в виде ответной реакции, противопоставление положительной и отрицательной форм, метонимическая форма обозначения занятий по конкретному предмету) в приведенных примерах приводит к формированию вторичных смыслов у глаголов *заводить* (куда-либо), *оставлять* (для кого-либо), *разговаривать* (с кем-либо), *разговаривать* (‘не молчать’).

Разнонаправленность процессов семантической (и, соответственно, концептуальной) деривации и, как следствие, несоответствие интерпретаций семантики одного и того же слова или языкового выражения отправителем и получателем информации (фокусный диссонанс) может стать причиной речевого конфликта и конфликтной речевой коммуникации: (Врач) *Так... Хорошо... Вот что я вам, батенька, скажу: кости все на месте, только порядок другой; Я вообще не понимаю, как можно в биатлоне прийти вторым, если у тебя с собой ружье; Мадам,*

сколько Вы весите? – В очках – сто двадцать килограммов. – А без очков? – А без очков – я не вижу весы; Объявление на газетном киоске: «Ушла на обед. Буду, когда вернусь»; Пользуясь случаем, передаю привет всем, кто еще без приветов! (Интернет).

4. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОСНОВА ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ

На формально-языковом уровне деривационные связи между вторичными и исходными структурами проявляются в разных моделях словообразования:

- **морфологических**: *учить – выучить – изучить – заучить – разучить – об-учить – отучить – переучить – недоучить – учение – обучение – переобу-чение – ученый – недоучка – неуч;*
- **синтаксических** (в том числе морфолого-синтаксических и лексико-син-таксических): *столовая, набережная, заведующий, вплотную, каждый, темнокожий, заблагорассудится, умалишенный, всезнайство, автокранов-щик, телохранитель, газосварщик, водонагреватель, электропечь, сенокосилка, хлебоуборочный; В Британии очень много ездят на великах. Поэтому ее так и называют ВЕЛИКОбритания (Интернет).*

Деривационные связи формально-языкового плана между первичными и вто-ричными структурами также проявляются в процессах:

- **лексикализации** (превращения формы слова в отдельное слово): *снега, масла, широты, мигом, пешком, зимой, ночью, верхом, рядом;*
- **делексикализации** (полной или частичной утраты словом исходной семан-тики): *ужасно приятный, выразить озабоченность, безумно интересный, убийственно красивый;*
- **фразеологизации** (превращения слова во фразеологизм): *одной ногой; в двух словах; двумя руками; как здравствуйте; он вам еще покажет;*
- **дефразеологизации** (осмысление элемента фразеологической единицы в его исходном значении): *никаких ног; двух слов не хватит; Не надо нам ничего показывать, мы сами вам все покажем;*
- **грамматикализации** (полной или частичной утраты исходной лексичес-кой семантики и/или приобретения грамматического значения / функции): *трижды, якобы, вследствие, глазами политика, казаться вежливым, про-снуться знаменитым.*

Следует специально подчеркнуть, что деривационные процессы разного типа на языковом уровне возможны только при наличии аналогии в структуре и со-держании исходного концептуального содержания и соответствующего объекта вторичной интерпретации. Эта аналогия может быть:

- **признаковая** (внешняя или внутренняя аналогия): *взгляд как у совы, но: ?взгляд как у соловья; злая как собака, но: ?злая как кошка;*
- **пропозициональная**: *медведь и посудная лавка, козел и огород, обезьяна и граната, но: ?пантера и посудная лавка, ?лиса и огород, ?лев и граната;*
- **функциональная**: *конь и седло, ведро и вода, лопата и траншея, но: *ко-рова и седло, *решето и вода, *совок и траншея;*
- **критериально-оценочная** (аналогия в критериях измерения и оценки фор-мы, объема, количества или качества, их специфики, типичности, стерео-

типности): *звериная пасть, лошадиный оскал, орлиный взор, змеиный укус, дворянская внешность, рыночные манеры*, но: **птичья пасть, *лебединый оскал, *куриный взор, *парковая внешность, *самолетные манеры, *соседский укус*.

Вторичная интерпретация на уровне текста и дискурса характеризуется тем, что в ней преимущественно представлена индивидуальная, авторская трактовка тех или иных событий, отличающаяся индивидуальным видением мира: *Плюс 1 ощущается как минус 8; Свобода кончается там, где начинается ответственность* (С. Капица); *На уроке истории... мадам Анри рассказывала нам о смерти Тутанхамона так, словно сама была с ним рядом* (М. Леви); *Любовь – это когда твой щенок лижет тебе лицо, даже после того, как ты оставила его в одиночестве на весь день* (Настя, 4 года); *Любовь – это то, что заставляет тебя улыбаться, когда ты устал* (Дима, 4 года); *Живот – это очень важное место у человека. Там расположены макароны, компот, борщ. Среди всего этого где-то еще сердце помещается* (Галя, 5 лет).

При этом важно отметить, что к факторам развития ЯКМ не относятся смысловые казусы, когда деривационные связи имплицитно нарушают правила семантической или синтаксической сочетаемости, норм словообразования и языковой синтагматики, т. е. нарушение системных языковых связей, например: *Всех больных закапывать в 7 утра* (объявление в глазном отделении больницы); *В связи с ремонтом парикмахерской укладка женщин будет производиться в мужском зале; Дети до пятилетнего возраста приходят в цирк на руках; Девушка по имени Лена, которую я встретил 12 октября неподалеку от станции «Кузьминки»... Твои белокурые волосы и красное пальто – все, что у меня осталось; Кондитерская фабрика приглашает на работу двух мужчин: одного для обертки, другого для начинки; Впередовская улица* (Интернет). Никак не способствуют подобным примерам и эффективности языковой коммуникации, поскольку вызывают неоднозначную реакцию со стороны тех, кому они адресованы.

Аналогичные казусы можно встретить и в научных текстах, которые нельзя признать фактором развития научной картины мира, поскольку они не приводят к формированию новых смыслов (знаний), ср.: *Концептуализация языковой картины мира* (картина мира уже является результатом его концептуализации, получается концептуализация концептуализации); *Когнитивные основания концептуализации фрейма* (аналогично: фрейм – тип концепта, т. е. результат концептуализации); *Использование эмоций в предикативной функции* (смещение уровней онтологии мира и ее представления в языке); *Прототипические глаголы представляют собой семантический центр значения фрейма* (смещение уровней познания – языкового и концептуального); *Неологическая картина мира* (неологизмы не способны формировать отдельные системные связи вне существующих системных деривационных отношений и потому не могут выступать в качестве самостоятельной системы представления знаний о мире); *...сведение метонимии к выполнению референциальной функции (?) сужает ее понимание, находясь в противоречии с представлением о ней как о могущественном когнитивном инструменте в сфере концептуализации категорий* (видимо, вкладывается какой-то собственный смысл в термины *метонимия, концептуализация, категория*, который противоречит общепринятым определениям) (Из статей и диссертаций).

Деривационные отношения концептуального уровня обнаруживаются также между заголовком, который выполняет функцию вторичной интерпретирующей

структуры, и содержанием текста как исходной структурой. Вторичный интерпретирующий характер заголовка по отношению к тексту проявляется в использовании когнитивных механизмов профилирования главной идеи (*Никто не хотел умирать; Я отвечаю за все; Дело, которому ты служишь*) или основного содержания, тематики произведения того или иного жанра (*Прогноз погоды; Новости; Вести с полей; Сага о Форсайтах; Путешествия Гулливера*), концептуальной метафоры (*Полет над гнездом кукушки; Между небом и землей; Перевернутый горизонт*), концептуальной метонимии или метафтонимии (*Один день Ивана Денисовича; Американская трагедия; Война и мир; Цветы для Элджернона; Поезд на Лиссабон*). На языковом уровне эти отношения могут быть представлены в виде разных механизмов языковой интерпретации: простой или образной номинации, образного сравнения, синтаксической структуры той или иной сложности, языковой метафоры и метонимии, как в приведенных примерах.

В последнее время проблема мотивированности деривационных отношений между заголовком и основным текстом стала особенно актуальной в связи с появлением в интернете большого количества рекламных текстов и новостных публикаций манипулятивного характера, преследующих цель навязать товар, услугу или «продать» новость, придав ей сенсационный характер. Еще в середине прошлого века Э. Фромм в одной из своих статей подчеркивал, что при ориентации современного общества на рынок главной целью становится знание потребителя и манипулирование им, а из манипулирования рынком логически вытекает желание манипулировать людьми [Fromm 1957].

Мотивированность деривационных отношений между заголовком и новостным текстом, в частности, определяется разными целевыми установками: информирование о тех или иных событиях, их официальная или частная оценка. Например:

Цена на российскую нефть приблизилась к потолку (Заголовок на ленте новостей и перед текстом сообщения).

Текст сообщения: *Стоимость основного российского экспортного сорта нефти Urals в порту Новороссийска во вторник, 11 июля, вплотную приблизилась к потолку в 60 долларов за баррель, дойдя до уровня 59,98 доллара* (<https://finance.rambler.ru/markets/51076964tsenanarossiyskuyuneftpriblizilaskpotolku/>).

Как готовились к Новому году в Советском Союзе (Заголовок на ленте новостей).

Как проходила подготовка к главному вечеру года у людей эпохи СССР (Заголовок перед текстом сообщения).

Текст сообщения: *В Советском Союзе к мероприятию готовились сразу с наступлением зимы. Атрибуты торжества по крупницам собирались не один день, а сам Новый год считался главным семейным праздником... Праздновать было принято в семейном кругу... После 1936 года Новый год признали официальным праздником, но еще долго 1 января оставался рабочим днем* (<https://woman.rambler.ru/home/38752093kakgotovilisknovomugoduvsovetskomsyuze/#1>).

Реализация других установок (например, привлечь внимание читателей с целью повышения рейтинга просмотров и прочтений) может приводить к нарушению концептуально-языковых соответствий между заголовком и текстом сообщения. В частности, оценочная интерпретация событий, которая обычно сопровождается использованием соответствующей лексики, отсылками к чужому мнению или мнению экспертов, в заголовке и в тексте сообщения могут, мягко говоря, не

совпадать, придавая связи между ними явно немотивированный, а всей информации в целом – конфликтный характер, как в следующей публикации:

*Этот футболист – предатель российской команды*³.

Колыванов – о возможном переходе Фернандеса в «Зенит»: может, хотя и ослабит ЦСКА? (Заголовок перед текстом сообщения).

Текст сообщения: *Бывший форвард «Динамо» Игорь Колыванов поделился с Rusfootball.info мнением о вероятном переходе Марио Фернандеса в «Зенит».*

Можно сказать, что это предательство по отношению к ЦСКА?

Ну, так громко я говорить не буду. Просто футбольная жизнь, то есть карьера игрока, очень коротка. Он вправе выбирать... (<https://bobsoccer.ru/user/37857/blog/kolyvanovvozmozhnomperekhodefernandesavzenitmozhethotjatoslabitska.html>).

В том случае, когда целью сообщения становится манипулирование общественным или индивидуальным сознанием, мотивированность этих отношений приобретает еще более спорный характер и может стать причиной конфликтного восприятия аудиторией публикуемой информации, а сам способ языковой коммуникации утрачивает признаки бесконфликтности. Сравните:

Акула не просто так напала на Попова: вот что сообщили биологи (Заголовок на ленте новостей).

Вот почему акула растерзала россиянина: египетские биологи установили причину нападения (Заголовок перед текстом сообщения).

Текст сообщения:

*Причина, по которой акула набросилась на человека, оказалась вполне обычной. Нападение было совершено с целью получения необходимого питания из-за переувольнения и недостатка рыбных запасов в Красном море*⁴.

Ничем не мотивированы деривационные отношения между заголовком и самой информацией (и потому вызывают когнитивный диссонанс в ее восприятии) и в публикациях, которые содержат манипуляции со стороны администраторов и редакторов сайтов. Последние используют популярные темы с целью завлечь читателей на страницу с рекламой того или иного товара.

Пенсии в РФ начнут расти (Заголовок на новостном сайте).

В России начнут расти пенсии у всех (Подзаголовок).

Мяч для похудения (Реклама на открывающейся странице; <https://zdoroviebudni.club/>).

Когнитивный диссонанс, ведущий к нарушению мотивированности деривационных отношений между заголовком и текстом сообщения, может быть основан также на неоднозначном осмыслении используемых в заголовке языковых выражений:

Германия приняла решение о поставке [в норме означает ‘решила поставлять’] *Украине кассетных боеприпасов* (Заголовок на ленте новостей и перед текстом сообщения).

Текст сообщения:

³ https://24click.site/top/in/5179679/19682/?i=17331&r=gAAAAABkpcqTu9wvHsHX229pW63yCKsvfl_bn-raCqxbne76N_zmogpCXW_2qC5XUeC9xraM6urMWDXwuEFo1xSeVi9bnjyb83ZRtKQ99u0phRAkLMY-jFFpY%3D&smi_uid=zL1zW25s4&utm_medium=cpc&utm_source=19682

⁴ https://vniimanie.pro/obschestvo/nid62103_au109auauau_cr12157crercr_votpochemuakularasterzalarossiyanaegipetskiebiologijustanovilprichinunapadeniya?utm_source=24smi&utm_medium=referral&utm_term=19682&utm_content=5132202&utm_campaign=29370&utm_referrer=24smi.info

Германия соблюдает Конвенцию по касетным боеприпасам и не собирается поставлять их на Украину (<https://news.rambler.ru/army/51056159germaniyapriinyalashenieopostavkeukrainekassetnyhboepripasov/>).

5. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОЛИ ВТОРИЧНЫХ СТРУКТУР

Роль вторичных структур могут выполнять иноязычные заимствования, которые появляются в родном языке и предполагают наличие определенных концептуально-деривационных связей с уже существующими в этом языке понятиями и их обозначениями. Заимствования обнаруживаются среди всех трех названных выше типов элементов ЯКМ: репрезентирующих, коммуникативных (семиотических) и интерпретирующих. Они также могут рассматриваться в качестве одного из факторов развития ЯКМ. Условием такого развития является сохранение системности ЯКМ на основе синергии ее элементов.

Последнее требует специального пояснения, поскольку в некоторых лингвистических исследованиях часто неоправданно используются понятия и термины науки синергетики для подмены уже существующих в лингвистике понятий типа: *бифуркация*, *аттрактор* и т. п., что само по себе может служить примером немотивированного заимствования научных понятий и терминов, поскольку ведет к нарушению одного из главных методологических принципов научного познания. Этот принцип получил название «бритва Оккама» и направлен против стремления объяснять каждое явление с позиций придуманных в рамках своей собственной теории понятий и терминов. Он, в частности, гласит, что не следует множить сущности без явной в том необходимости (см.: [НФЭ 2010, 2: 560]).

Напротив, общее понятие синергии оказывается весьма полезным с точки зрения лингвистики для осмысления и понимания мотивированности тех или иных вторичных структур, в том числе заимствований. Синергия (от греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество, совместное действие, взаимодействие [КФЭ 1994: 414; БСИС 2001: 611]) – это не простое объединение элементов, а такое их встраивание, точнее интегрирование, в единую систему, благодаря которому система приобретает новое качество (т. е. развивается, становится более эффективной, способной соответствовать новому этапу развития), ср. также с понятием эмерджентности (‘появление, возникновение чего-то нового’) в зарубежной лингвистике и эмерджентной эволюции – в философии [НФЭ 2010, 3: 434–435]. Соответственно, подобное встраивание заимствований в систему родного языка, которое не нарушает ее системности, приобретает мотивированный характер. Степень мотивированности заимствований зависит также от содержания и типа их интерпретирующей функции в языке: первичной или вторичной интерпретации; см. определения выше.

Различие между мотивированным и немотивированным заимствованием проявляется в самом характере познавательных процессов: мотивированное заимствование обусловлено отсутствием соответствующих ментальных структур или их обозначений в концептуальной системе носителей родного языка; немотивированное заимствование дублирует существующее понятие или способ его языковой репрезентации. Соответственно, мотивированные заимствования служат целям развития ЯКМ и повышения ее эффективности в плане представления сис-

темных знаний о мире в языковой форме, совершенствуя ее структуру и содержание за счет устранения существующих лакун. Немотивированные заимствования неоправданно усложняют ЯКМ, перегружая ее структуру непрозрачными синонимическими и деривационными связями. Они вызывают когнитивные искажения в процессах конструирования мира и формирования знаний о нем, искажения в процессах формирования смыслов в речевой деятельности, что приводит к речевому конфликту между участниками вербального общения, обусловленному конфликтом знаний, мнений и понимания. Немотивированные заимствования становятся также причиной когнитивного диссонанса (диссонанса знаний) между коммуникантами, связанного с переключением или смешением культурных кодов.

Мотивированность иноязычных заимствований может быть аргументирована с позиций двух видов их необходимости, которые соответствуют двум основным типам самих заимствований: концептуально обусловленным и вербально обусловленным. Концептуально мотивированное заимствование из другого языка может быть обусловлено существующими лакунами в представлении знаний на разных уровнях концептуализации и категоризации мира: базовом, суперординатном и субординатном. Выделение данных уровней продиктовано спецификой процессов познания и необходимостью исследования процессов представления знания в ментальной и языковой сферах с учетом степени их конкретности или абстрактности. Оно было впервые предложено в рамках теории прототипов в результате полученных экспериментальным путем данных по категоризации мира в языке, см.: [Rosch 1973; 1975; 1978].

При разработке теории прототипов было, в частности, установлено, что в процессах категоризации выделяются два главных аспекта: горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный аспект категоризации предполагает отнесение объекта к определенной категории (рубрике знания) одного и того же уровня обобщения: абрикос, апельсин, яблоко, груша или слива. В вертикальном аспекте этот же объект может быть представлен как элемент категорий разной степени обобщения, образующих определенную концептуальную иерархию, например: фрукт, плод, природный объект, или категорий разной степени конкретизации: антоновка, груша-бессемянка, слива скороспелая ранняя. Серия выполненных группой американских исследователей под руководством Э. Рош экспериментов по изучению процессов категоризации в вертикальном аспекте на материале разных языков и в разных социумах свидетельствует о том, что представление знаний о предметах и явлениях может происходить на разных уровнях и что эти уровни иерархически упорядочены: бессемянка – груша – фрукт – плод – природный объект. При этом категории одного уровня в горизонтальном аспекте (абрикос, апельсин, яблоко, груша, слива...) в вертикальном аспекте объединяются в одну категорию следующего уровня иерархии – фрукт, а фрукты, овощи – в категорию плодов и т. д.

Ими было также установлено, что процессы категоризации на начальном этапе связаны со срединным уровнем, который является базовым и от которого процессы категоризации направлены в сторону обобщения – суперординатного уровня или в сторону конкретизации – субординатного уровня. Основные аргументы в пользу такого утверждения можно суммировать в виде следующих моментов:

1) базовый уровень психологически наиболее значим, не требует специальных, теоретических знаний об объектах, им оперирует обыденное сознание;

2) он отличается целостностью (гештальтностью) представления знаний (целое в восприятии объекта и его репрезентации доминирует над его составными частями: *поставьте цветы на окно* = ‘поставьте вазу с цветами на окно’; *полейте цветы* = ‘полейте землю в саду или в горшке, в которой растут цветы’; *покупайте красный арбуз* = ‘арбуз с красной внутренней частью’; *чайник закипел* = закипела вода в чайнике);

3) отдельные детали и характеристики для идентификации объектов на базовом уровне не вычлениваются, а интегрируются в единую, гештальтную характеристику, например: ‘птичность’ (наличие клюва, оперения, двух крыльев и т. д.), ‘автомобильность’ (наличие кузова, двигателя, руля и т. д.), которая служит основой целостного восприятия объекта и его идентификации как птицы или автомобиля;

4) именно на базовом уровне выделяются прототипы как наиболее яркие образцы категорий, которые служат точкой отсчета и ориентиром при идентификации данной категории и ее элементов;

5) слова, передающие концепты базового уровня, требуют наименьших когнитивных затрат при их восприятии и обработке, поэтому они легче и быстрее усваиваются и запоминаются в первую очередь.

На базовом уровне представления знаний человек действует наиболее эффективно, поскольку легче отличить, например, кошку от собаки, чем один вид собаки от другого, и отнести их к соответствующей категории. Это связано с тем, что данный уровень содержит наибольшую часть необходимого знания, которое не требует контекстуализации и уточнения. Соответственно, у базовых концептов нет «фона», они сами, по мнению Р. Лэнкера, служат изначальным, наиболее обобщенным (схемным) фоном для понимания других концептов [Langacker 1987: 147].

Суперординатный уровень как способ обобщенного представления знаний о мире в языке содержит абстрактные имена, передающие знания об обобщенных классах объектов как результате их научной или логической классификации: «живая природа», «животный мир», «растительный мир» и т. д. На субординатном уровне, напротив, происходит конкретизация знаний. Например, конкретизируются знания о специфике объектов с точки зрения их составных частей, тех или иных характеристик и функций: *лигол* (сорт яблок определенного вкуса, цвета, получен в результате скрещивания, ценится за высокую урожайность, отличные вкусовые качества, подходит для зимнего хранения). Для представления знаний на этих уровнях требуется наличие специальных знаний – общих с другими объектами характеристик (для суперординатного уровня) и отличительных видовых признаков (для субординатного уровня).

Необходимо отметить, что выделение именно этих трех уровней является условным и, скорее, означает определенные ориентиры, или точки референции, в процессах представления знаний в языке. Между этими тремя уровнями может существовать множество переходных зон (уровней), которые совмещают характеристики двух соседних уровней типа: верхний базовый (базовый + суперординатный) или нижний базовый (базовый + субординатный) и т. п. Например, категориям «транспорт», «мебель», «фрукт», которые можно отнести к переходному (или верхнему базовому) уровню, с одной стороны, свойственны прототипические эффекты базового уровня (характеризуются возможностью выделения прототипов как наиболее ярких образцов категорий), а с другой стороны, они отличаются не-

которой степенью обобщенности, характерной для суперординатного уровня, по отношению к таким базовым категориям, как «автомобиль», «поезд», «самолет», «стол», «стул», «диван», «яблоко», «груша», «слива».

Заимствование на базовом уровне может быть мотивировано полным отсутствием того или иного концепта или научного понятия в родном языке и его концептосфере. Наиболее распространенной причиной для этого становится появление в жизни общества новых технологий, материальных или интеллектуальных продуктов, услуг, общественных явлений, средств коммуникации, которые изначально были созданы или появились за рубежом и с которыми человек не сталкивался ранее. В этом случае одновременное заимствование понятия и обозначающего его иноязычного термина воспринимается как естественный процесс развития ЯКМ и повышения эффективности языковой коммуникации. Приведем наиболее типичные примеры таких заимствований в русском языке:

- прямые заимствования на языке оригинала: *WiFi, IT, Nike, Samsung, Datsun, Apple*;
- дословные переводные эквиваленты иноязычных терминов, названий брендов и зарубежных фирм: *джип, суперджет, ноутбук, айфон, смартфон, адидас, нокиа, банкомат, кэшибэк, маржа*;
- переводные кальки: *внедорожник, кофе-машина, шуруповерт, каршеринг, социальные сети*;
- развитие вторичных значений у ранее заимствованных терминов по аналогии с соответствующими иностранными словами: *карта* – ‘дорожная’, ‘банковская’, ‘членская’, ‘бонусная’, ‘премиальная’, ‘транспортная’, ‘клубная’, *перфоратор* – ‘дрель для сверления отверстий в кирпиче, бетоне, камне’ (исх. ‘устройство для записи информации на перфокартах и перфокартах, для пробивания отверстий на бумаге, киноленте, машина для бурения горных пород; бурильный молоток’ [Ожегов, Шведова 1993: 529]).

В качестве других причин мотивированных заимствований на базовом уровне могут также выступать:

- необходимость различения уровней анализа и представления научных знаний в научно-исследовательской деятельности. Например, потребность в разграничении ментальных и языковых объектов в отечественной лингвистике привела к появлению таких заимствований, как *субъект, предикат, субъектно-предикатные отношения*, в противопоставление таким терминам, как *подлежащее, сказуемое, предикативные отношения*. При этом, что примечательно, в языке, из которого произошли заимствования, данные термины функционально могут не различаться и использоваться как синонимы, например, в английском: *subject-predicate structure of the proposition / sentence / utterance*;
- подчеркивание несовпадения в объеме или аспекте передаваемого концептуального содержания: *понятие – концепт; текст, высказывание – дискурс; языкознание – лингвистика*.

С этической точки зрения мотивированы латинские названия болезней в медицинской практике, которые выполняют функцию эвфемизмов, устраняющих или нейтрализующих связанные с этими болезнями отрицательные коннотации: *педикулез, онкология, анамнез, рецидив, афазия, аппендэктомия* и т. п. Аналогично мотивированы переводные или дословные кальки с иноязычных акронимов и

сокращений в названии болезней, в том числе впервые появившихся или впервые диагностированных: *ковид* ‘коронавирусная инфекция’ (*COVID* – COronaVirus Disease), *спид* ‘синдром приобретенного иммунодефицита’ (*AIDS* – acquired immune deficiency syndrome), *ВИЧ* ‘вирус иммунодефицита человека’ (*HIV* – human immunodeficiency virus) и др.

На суперординатном уровне мотивированные заимствования призваны устранить лакуарность в системе соответствующих категорий и их языковых обозначений, например: *артефакт*, *когнитивные технологии*, *интернет-коммуникации*, *IT-технологии*, *девиантное поведение*, *аксиология*, *когнитивные науки*. В то же время мотивированность других заимствований данного уровня при наличии аналогичных содержательных эквивалентов в родном языке остается под вопросом: *массмедиа*, *медиакоммуникации* (*средства массовой информации*), *медиатизация*. Единственным объяснением может служить поиск более кратких терминов (*медиаплатформа*) в определенной профессиональной области, что становится частью семантики этих терминов в виде указания на область применения, например в журналистике, в отличие от непрофессиональной коммуникации.

Мотивированность заимствований на субординатном уровне связана с уточнением, конкретизацией или оценкой передаваемого знания в сравнении с имеющимся обозначением в родном языке или объясняется необходимостью спецификации знания и использованием заимствования в качестве профессионального термина в той или иной области. Например: *имплементация соглашений*, *инклюзивный и транспарентный диалог*, *арrogантная политика*, *алармистские высказывания* (сфера политики и дипломатии), *эквайринг*, *банк-эквайрер*, *чарджбэк* (банковское дело), *менеджмент*, *маркетинг*, *стартап*, *пре-сейл*, *тендер* (экономика), *легитимный* (право), *эйчар* ‘кадровик’ (сфера управления; от англ. *HR* – human resources).

Следует подчеркнуть, что необходимость такого рода заимствований из других языков (преимущественно английского) ограничена научной или профессиональной сферой их применения и обусловлена процессами развития этих специфических областей ЯКМ. При этом мотивированность их переноса во все сферы деятельности при наличии синонимичных слов в родном языке вызывает большие сомнения, сравните: *коллаборации*, *коворкинг*, *компетенции*, *трек*, *факт-чекинг*, *HR-директор*, *HR-технологии*, *HR-решения*, *рынок HR*, включая сленговые заимствования-неологизмы: *майнор*, *мейджор*, *хайп*, *лайк*, *шерить / шарить*, *расшарить* (‘делиться’ от англ. share), а также калькирование словообразовательных моделей: *коммерсант*, *диверсант*, *конкурсант* – ?*универсант* ‘выпускник / студент университета’, ?*заинтересант* ‘заинтересованное лицо’, *подписант* ‘лицо, подписавшее тот или иной документ’, моделей акронимов: *кмк* – ‘как мне кажется’, а также моделей обращения и обозначения собеседника или автора публикации по имени и фамилии, без отчества, в журналистике. Последнее иначе как навязывание кодов чужой культуры, ведущее к разрушению собственных культурных традиций, расценить трудно; см. ниже.

Особенно абсурдно в силу их абсолютной немотивированности ни с концептуальной, ни с языковой точек зрения выглядят заимствования в современных теориях управления и инноваций, которые широко привносятся в практику управления и другие сферы деятельности: *студенческий научный баттл* (конференция), *баттлиться* (*сражаться*, *соревноваться*), *научный слэм* (от англ. *slam* ‘громко хлопать, производить шум’), *хакатон* (англ. *hackathon* от *hacker* ‘хакер’ +

marathon ‘марафон’), *центр научно-образовательных коллабораций*, *центр акселерации*, *посчитать и улучшить свои компетенции*, *управление по развитию персонала* (развивать можно что-то конкретное, но не обобщающее понятие суперординатного уровня), *глобальные рэнкинги*, *рэнкингование*, *проектный офис*. Налицо явное стремление к подмене понятий базового уровня абстрактными понятиями и формулировками суперординатного уровня.

Подобные нововведения, как представляется, имеют надуманный, умозрительный характер и потому бессмысленны для не посвященного в чиновничьи словесные игры человека, поскольку их деривационная связь и синергия с элементами базового уровня не прослеживается. Единственным мотивом и целью (а также в какой-то мере объяснением) такого словотворчества может служить лишь стремление к разного рода манипуляциям, желание, возвысившись над окружающими, имитировать бурную деятельность и важность занимаемого положения, придать высокую значимость ее неочевидным результатам. Абсурдность такой словесной креативности можно сравнить с альтернативным потенциальным использованием химических терминов для обозначения пищевых продуктов в бытовых ситуациях: *Принесите, пожалуйста, стакан аждвао* (или *дигидрогена монооксида*); *Передайте мне хлорид натрия (хлористый натрий)*, *пожалуйста*, или с еще более абсурдной, вызванной борьбой за так называемое гендерное равноправие заменой базовых обозначений *мальчик* и *девочка* в одной из школ штата Вермонт в США. Начиная с пятого класса обращаться к окружающим школьникам рекомендовано как к *лицу, выделяющему сперму*, и *лицу, выделяющему яйцеклетки*, о чем сообщает американский телеканал Fox News (<https://vm.ru/news/1048990foxnewsamerikanskieroditelivozmushenyzamenojslovmalchikidevochkavshkole>).

6. РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Роль немотивированных и ограниченно мотивированных (только в рамках конкретной профессиональной области) заимствований в развитии коллективной ЯКМ неоднозначна. В действительности подобные заимствования приводят к чрезмерной перегрузке ЯКМ, которое может повлечь за собой разрушение ее системных связей, ее структуры, связанное в том числе с неизбежным переключением (смещением), возможной подменой и последующим разрушением культурного кода у носителя родного языка, нарушением культурной преемственности между разными поколениями, и, соответственно, стать причиной конфликтного в плане взаимного понимания общения. Разрушающая функция немотивированных заимствований в отношении культурных кодов обусловлена прежде всего актуализацией системных связей с другой культурой и переинтерпретацией связей, сложившихся в рамках родной культуры, сравните: *бенчмаркинг*, *воркшоп*, *приаттачить*, *кейсы*, *систершип*, *бэкпекер*, *тверк*, *дейтинг-сервис*, *скопиейстить*, *соскамиться*, *засемплировать*, *зачекиниться*, *деконфликтинг*, *юзабилити*. При этом тщетными оказываются многочисленные призывы, в том числе в интернете и социальных сетях, беречь, а не разрушать русский язык, используя общеизвестные слова родного языка: *образ*, а не *лук*; *битва*, а не *баттл*; *розница*, а не *ритейл*; *розыгрыш*, а не *пранк*; *распродажа*, а не *сэйл*; *доказательство*, а не *пруф*;

продвижение, а не промоушен, случай, а не кейс, обучение, а не тренинг, цель, а не таргет и т. п.

С переключением культурных кодов связаны и маркетинговые приемы полной или частичной замены названий магазинов, товаров, услуг на иноязычные, их латинской транслитерации или использования в них частичных буквенных вставок и элементов на других языках, дословных переводных эквивалентов, например: *The Царь: Мужские стрижки и бритье, Wish-Центр, Fashion Aviation, Barbershop Cutheads, Nadevay Podshanniki, Арнольд Шварцнепер, Бир Сервис, БлинCity, Вунсиллинг; Экскурсии: Дайвинг, Рафтинг, Джипинг, Лошадинг, ежедневно* и под. Очевидной целью таких манипуляций с культурными кодами является отсылка к сложившемуся в коллективном сознании нашего общества стереотипу о якобы более высоком качестве, которое привычно ассоциируется именно с импортными товарами и услугами. Между тем события последних лет показывают, что это не всегда и не совсем именно так.

Низкий уровень современной западной культуры, во многом утратившей цивилизационные функции, а также пренебрежительное отношение к российской культуре, которое проявляется на разных уровнях, в том числе в науке, свидетельствуют о том, что данная подмена культурных кодов не обещает отечественной культуре ничего хорошего. Достаточной иллюстрацией может служить простое сравнение культурно маркированных знаний западных и отечественных ученых. Никому из наших организаторов научной конференции, к примеру, и в голову не придет отнести к числу соавторов научного доклада имена собственные из названия университета (в данном случае *Derzhavin Tambov State University*), как в следующем примере:

CONCEPTUAL DERIVATION AND DERIVED MEANING CONSTRUCTION

Nikolay Boldyrev and Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Аналогично никто из наших издателей, вероятно, не додумается отправить электронное письмо В. Гумбольдту, Л. Стэнфорду или Ланкастеру, принимая их за главных редакторов научных журналов, издаваемых в соответствующих университетах, в названия которых включены данные имена собственные (типичный пример культурной неграмотности и, как следствие, конфликтной языковой коммуникации), ср.:

Dear G.R. Derzhavin,

I am writing to express our interest in acquiring "Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki", a publication that we believe is at the forefront in its field... We look forward to hearing from you soon...

P.S. Please let me know if you are the right person to look into this.

...Manager at Open Access Text Limited, an online publishing house

United Kingdom (Из электронного письма автору статьи).

7. ОБОБЩЕНИЕ

Подводя краткий итог всему вышесказанному, можно прийти к следующему заключению. Меняющийся облик окружающего мира и современные тенденции в изменении общества отражаются в динамике ЯКМ, которая обеспечивается деривационными процессами концептуального и языкового характера и формированием вторичных структур, т.е. реализацией интерпретирующей функции

языка. Разные типы взаимодействия первичных и вторичных структур по-разному проявляются на концептуальном и языковом уровнях. Это выражается в двух основных тенденциях в изменении ЯКМ за счет вторичных структур: концептуально-языковые изменения (изменение структуры и содержания энциклопедических и, как следствие, языковых знаний) и формально-языковые изменения (изменение языковых знаний с появлением новых языковых единиц и выражений и формированием вторичных функций у исходных структур). При этом динамика ЯКМ в целом определяется интерпретирующим потенциалом вторичных структур, т. е. их способностью по-новому конструировать знания о мире.

Концептуальная деривация как модель и процесс формирования нового знания выступает в трех основных типах: сохранение формата исходного знания при изменении его структуры и конфигурации, изменение самого формата знания, изменение концептуальной области определения, или когнитивного контекста. Формально-языковые изменения проявляются в моделях словообразования, лексикализации, фразеологизации, грамматикализации и некоторых других процессах, включая процессы заимствования иноязычных слов и моделей словообразования.

Границы распространения этих процессов на концептуальном и языковом уровнях диктуются конкретными языковыми возможностями и необходимостью сохранения системных связей в структуре ЯКМ, что непосредственно обусловлено мотивированностью деривационных процессов, прозрачностью их отношений с базовыми знаниями и конвенциональными способами их языковой репрезентации. Немотивированность данных процессов может стать причиной когнитивного диссонанса в языковой коммуникации, ведущего к ее неэффективности и, соответственно, ее конфликтности в плане отсутствия взаимопонимания между ее участниками.

Часть 2.
МОДЕЛИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ:
ОПЫТ ДОНЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РАЗДЕЛ 1. УНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ¹

В.И. Теркулов

1. ВВЕДЕНИЕ

Трансформация словосочетания в слово с тождественным значением, обозначенная изначально терминами «универбация» и «семантическая конденсация», комплексно впервые была описана в работе А.И. Исаченко «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков» [Исаченко 1958], хотя о ней писал еще В.В. Виноградов, называвший данный процесс **семантическим сжатием** [Современный русский язык 1952]. А.И. Исаченко разработал первую классификацию типов универбализации / универбации / семантической конденсации / компрессии, отнеся к ней **словосложение** (рус. *местожительство*; чеш. *svetonázor*), **сращение** (рус. *накануне*; чеш. *pravděpodobnu*), **эллипсис главного** (рус. *передовая*; чеш. *krejčí*) или **зависимого** (рус. [*намефонная*] *пластинка*; чеш. [*železná*] *dráha*) слов, **аффиксацию** (чеш. *nástěnné noviny – nástěnka*), **нулевую аффиксацию** (рус. *противогазовая маска – противогаз*) и **аббревиацию** (рус. *медсестра*; МГУ, ТЮЗ) [Исаченко 1958: 339].

В сущности, универбализация / универбация / семантическая конденсация / компрессия – это основанное на отношениях эквивалентностной (эквивалентной) мотивации образование слов на базе словосочетаний, при котором производящая и производная единицы имеют тождественное значение и могут употребляться в текстах как абсолютные синонимы. Например, в результате универбализации возникли эквивалентные пары *старославянский язык – старослав*: **Старославянский язык** – *то же самое, что южнославянский диалект праславянского языка – Что такое старослав и причем тут русский* (https://www.izbornik.ru/theory/history_of_language/about_oldslav), *маршрутное такси – маршрутка*: **Маршрутное такси**, также известное как **«маршрутка»**, является популярным видом общественного транспорта, особенно на территории СНГ (<https://taksipro.ru/marshrutnoetaksi>), *вольный слушатель – вольнослушатель*: **Вольный слушатель** – *это студент, имеющий возможность свободно посещать университетские за-*

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

нятия, не будучи при этом официально зачисленным и без права на получение диплома – У нас институт *вольнослушателей* был популярен в дореволюционные времена, но сейчас пришел в упадок (<https://draftee.ru/primutlivteatralnyivuzvolnoslushatelemvolnye/>), доставка грузов – грузодоставка: По этой причине **доставка грузов** автомобильным транспортом востребована на рынке грузоперевозок в Самаре – Для большинства промышленных и торговых предприятий города своевременная **грузодоставка**, как по Самаре, так и из Самары, в другие города России, имеет огромное значение (https://exp64.ru/gruz/gruzoperevozkisamara?utm_referrer) и т. п.

Достаточно быстро термин «универбация» в большом количестве исследований стал специализироваться на обозначении только одного типа компрессии – «способе образования слов на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием (*многотиражная газета – многотиражка*)» [Осипова 2004]. Термин превратился из гиперонима в гипоним. В связи с этим в ряде работ стали говорить о необходимости разграничения узкого и широкого подходов к универбации.

Узкий подход ограничивает данное явление ситуациями, «когда в процесс лексической объективации включаются и субъект, и объект отношений, но субъект отношений оказывается выраженным только частично с помощью аффикса с обобщенным значением (*одиночка – одиночная камера, ротационка – ротационная машина*)» [Устименко 2007: 84]. Такое видение универбации представлено в работах Е.А. Земской [Земская 2000], Л.И. Осиповой [Осипова 2007], Т.Д. Соколовской [Соколовская 2007], Д.А. Дозоровой [Дозорова 2018] и многих др.

Широкий подход предполагает, что термин «универбация» должен обозначать все случаи, когда осуществляется «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [Лопатин 1997: 577]. Этой точки зрения придерживаются И.П. Глотова [Глотова 1977], В.В. Лопатин [Лопатин 1997], И.А. Устименко [Устименко 2007] и др.

На наш взгляд, все-таки рационально не рассматривать указанные явления как альтернативные, а связать их с разными терминами – гиперонимным и гипонимным, что показало бы не противопоставление, а включение универбации в узком смысле в систему разновидностей универбации в широком смысле. Это, кстати, и делается сторонниками узкого подхода, использующими в качестве гиперонима термины «включение» [Янко-Триницкая 2001], «компрессия» [Земская 1981], «семантическая конденсация» [Цао Юэхуа 2003; Миськевич 1977] и др.

Данные термины, правда, связываются не только с универбацией в широком значении, но и с любым другим сокращением **плана выражения** номинативной единицы. Например, компрессия, как указывает Е.А. Земская, «объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская 1981: 120], и это позволяет относить к ней не только слова, возникшие на базе словосочетаний, но и усечения «одноосновных» слов, например *преферанс – преф, диссертация – диссер, преподаватель – препод* и под. [Земская 1981: 122–124]. Термин «семантическая конденсация», предполагающий «сгущение» семантики словосочетания, может использоваться для обозначения не только словообразовательных процессов, но и неопределенного

сокращения словосочетаний, например *выступить в соревнованиях на первенство мира* – *выступить на первенство мира* и т. д.

Для того чтобы отграничить ситуации преобразования в слово словосочетаний от других разновидностей компрессии, мы используем термин «**универбализация**», который указывает именно на статус производной единицы – слово (*verbum*) и хоть и незначительно, но все-таки отличается от удачного, но имеющего сейчас специализированное значение термина «универбация». Однако термины «компрессия» и «семантическая конденсация» также используются нами. Особенности их использования объясняются нами через трактовку причин универбализации.

2. УНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ДРУГИЕ ВИДЫ КОМПРЕССИИ

Безусловно, универбализация должна рассматриваться как формальная разновидность компрессии. Вполне очевидно и то, что главным ее отличием от других видов компрессии является трансформация словосочетания в слово, в то время как, например, в результате фонетической компрессии просто осуществляется сокращение слова. Является ли это различие исключительно формальным, или же оно отражает какие-то различные глубинные (ономасиологические и семантические) процессы?

Традиционно считается, что главной причиной универбализации и компрессии является стремление к экономии языковых средств. См., например, у Д.В. Дозоровой: «Непосредственным проявлением закона языковой экономии служит компрессия языковых средств либо, в другой терминологии, речевая компрессия» [Дозорова 2018: 15]. По мнению большинства лингвистов, компрессионное словообразование «реализуется не с целью создания новых номинаций, а для упрощения формы уже имеющейся составной номинации без изменения ее смысла, поскольку для разговорной речи характерно преобладание однокомпонентных наименований» [Ильминская 2009: 246]. Почему же тогда не все словосочетания трансформируются в слова? Чем обусловлено действие закона экономии языковых средств в одном случае и его абсолютное игнорирование в другом? Например, почему *академический отпуск* трансформируется в *академ* и *академотпуск*, а *академический дискурс*, отмечаемый в поисковой машине Google только в номинативе 16 000 раз, не получает компрессионной формы.

Работа по составлению Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка показала, что универбализации подвергаются не любые частотные, устойчивые и воспроизводимые словосочетания – коллокации, а только синлексы – «композитивные (раздельнооформленные), устойчивые по составу и порядку следования лексических элементов, воспроизводимые единицы номинативного состава языка, характеризующиеся функциональной и семантической цельностью и экспрессивно-стилистической нейтральностью и по выполняемой “чисто” номинативной функции по отношению к одному отдельному факту объективной действительности являющиеся эквивалентами одного слова» [Вяничева 2007: 25]. Главным условием трансформации словосочетание в слово здесь является формирование у него словной, цельной, эмерджентной семантики. Например, *академический отпуск* – это не «отпуск академика», не «учебный отпуск», не чисто «теоретический отпуск», что можно было бы предположить исходя из семан-

тики слова *академический*, а «отпуск, предоставляемый студенту высшего или среднего профессионального учебного заведения по медицинским показаниям и в других исключительных случаях». А в этом случае значение словосочетания не выводимо из значений составляющих его лексем. И это становится причиной универбализации. В то же время *академический дискурс* – это **теоретический** дискурс, и такое значение регулярно отмечается у слова *академический*, например в словосочетаниях *академический спор, диспут* и т. п. Здесь не формируется синлекс, что и не позволяет трансформировать указанное словосочетание в слово.

В связи с этим мы можем предположить, что не простое стремление к экономии языковых средств является причиной универбализации, а создание в результате **семантической конденсации**, т. е. преобразования дескриптивного значения в словное, на базе свободного словосочетания синлекса, для которого отмечается асимметричный дуализм: расчлененной форме соответствует нерасчлененное, конденсированное значение. Универбализация – это и есть приведение формы и значения в структурное соответствие.

Следует сказать, что семантическая конденсация и формирование синлексов могут быть **естественными**, т. е. осуществляться в результате эволюционного развития значения коллокации, а могут быть и **искусственными**, т. е. реализоваться в результате единовременного акта номинации. Например, словосочетание *столовая комната* изначально обозначало ‘комнату, в которой находится обеденный стол’. В результате естественной конденсации данное значение метонимически трансформируется в ‘комната, в которой принимают пищу’, что обеспечивает преобразование свободного словосочетания в синлекс с асимметричным дуализмом формы и содержания, преодолеваемым путем эллиптической универбализации *столовая комната* – *столовая*. С другой стороны, значение словосочетания *гастрономический ужин* ‘обобщенное название мероприятия, во время которого гости пробуют блюда от авторитетных шеф-поваров, авторскую или национальную кухню’ изначально является конденсированным, т. е. не выводимым из значений составляющих его лексем. Это искусственная конденсация, мотивирующая раннюю универбализацию данного синлекса в слово *гастроужин*.

Процесс усечения имеет иные, чисто формальные причины: это может быть простое сокращение «длинного» слова с целью экономии фонетических усилий, например *спец* < *специалист*, заимствование или подражание иноязычным образцам, например *док* < *доктор* (ср. англ. *doc*), *чел* < *человек*, «озвучивание» сокращенного написания, например *рация* < *ра-ция* < *радиостанция*, языковая игра, когда «длинное» слово замещается сокращением, совпадающим по звучанию с какой-либо лексемой, например *клавиатура* = *клава* и т. д. Это позволяет рассматривать универбализацию и усечение в рамках формальной компрессии, но считать их явлениями разного порядка, реализующими разные типы эквивалентных отношений: при универбализации возникает мотивационная корреляция различных с точки зрения ономаσιологического статуса единиц – слова и словосочетания, при усечении же осуществляется создание варианта производящей единицы, поскольку в данном случае: а) не происходит никаких семантических изменений, мотивирующих компрессию (нет семантической конденсации), б) исходная и производная единицы имеют тождественный номинативный статус: слово → слово.

Во многих исследованиях и в учебной литературе, правда, предпринимаются попытки определить усечения именно как самостоятельные слова, номинативно отличающиеся от производящих лексем.

Например, ряд ученых относит усечение к фонетическому или фономорфологическому способу словообразования, при котором «новые слова могут создаваться путем изменения звукового состава словарных единиц, которые существуют в языке» [Немченко 1984: 117]. См., например, у М.М. Сегалья: «Аббревиация представляет собой один из видов словообразования, относящийся к фономорфологическому типу, поскольку изменение морфологического состава слова (прототипа) обуславливается изменением его фонетического комплекса, например *omnibus* > *bus*, *doctor* > *doc* и т.п.» [Сегаль 1962: 280]. Мы убеждены, что фонетическое модифицирование не может быть самодостаточной причиной распада семантического тождества слова уже потому, что фонемы «различают не содержание (семантику), а звучания слов» [Смирницкий 1960: 112]. Трансформация формы является только фактором «искажения» звучания слова, но не возникновения на его базе новой лексемы. «Совершенно неверно, механистично и поверхностно, – писал А.И. Смирницкий, – утверждение того, что будто бы замена [о] в слове *стол* на [у] дает слово *стул*: такая замена сама по себе является лишь искажением слова *стол*, собственно его звуковой оболочки, но не превращением одного слова в другое» [Смирницкий 1960: 112]. Чтобы произошло преобразование одного из формальных дублетов слова в самостоятельную лексему, необходимо, чтобы за ним закрепилось новое значение, отличное от значения других дублетов. Это происходит крайне редко и обусловлено, скорее всего, не возникновением дублетной формы, а реакцией носителей языка на дублетную форму и стремлением использовать ее в новом значении, отличном от значения базовой лексемы.

Некоторые ученые определяют усечения как **стилистические** синонимы производящих слов: «Аббревиация (в нашей терминологии – усечение. – *В.Т.*) используется также в разговорной речи и просторечии для образования сокращенных **стилистически сниженных синонимов** (выделено нами. – *В.Т.*) существительных-неаббревиатур» [РГ-80: 256]. Однако стилистические различия, не подкрепленные сдвигами в сигнификативной семантике, определяют обычно именно как различия в рамках вариативности: никто не считает синонимами формально и стилистически различающиеся *кóмпас* – *компа́с*, *ветер* – *ветр*, *ноль* – *нуль* и под. Можно, конечно, утверждать, что формальных расхождений между, например, *спец* и *специалист* больше, чем между *тоннелем* и *туннелем*, но носитель языка достаточно легко обнаруживает формальную связанность этих единиц, а синонимы, как известно, это отдельные, самостоятельные слова, для выделения которых наиболее значимым является все же фактор формального различия.

Говорить о синонимии было бы возможно, если бы при образовании усечений возникали новые лексемы, т.е. осуществлялся процесс деривации. Однако в этом случае производное слово должно получить новый ономаσιологический статус: оно либо специализируется на новом значении, либо получает новые формально-ономаσιологические признаки, как это отмечается, например, для аббревиатур, образованных от словосочетаний. При **усечении** же никаких ономаσιологических различий между исходной и новой единицами нет. Данный процесс обусловлен исключительно формальными причинами. При усечении осуществляется **формальное варьирование слова**, входящее в тот же ряд, что и акцентное (*одновременнo* – *одновременнo*), фонемное (*матрас* – *матрац*) фонетическое

(булочная – було[ш]ная) варьирование. В основе усечения, действительно, лежит принцип экономии языковых усилий.

К тому же выводу приходит и В.Н. Немченко, отмечающий, что «усечение основы в подобных случаях <...> не меняет значения исходных, сокращаемых форм и не может рассматриваться как основное словообразовательное средство, а сокращенные образования, т.е. усеченные основы, – как самостоятельные слова; это скорее **варианты соответствующих полных (неусеченных) слов** (выделено нами. – В.Т.)» [Немченко 2000: 107]. О том же писал и Н.М. Шанский: «Все такого рода слова появляются как **вариантные** (выделено нами. – В.Т.) и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов» [Шанский 1968: 287].

Отличие универбатов от эллиптированных словосочетаний еще более очевидно: последние не равны слову и поэтому могут входить с первыми в один формальный тип единиц (компрессивных), но не могут рассматриваться в одном ономаσιологическом типе единиц.

3. ТИПОЛОГИЯ УНИВЕРБАЛИЗАЦИЙ

Выделенные А.И. Исаченко типы универбализации различают механизмы трансформации словосочетания в слово: в одних случаях в **универбате** (слово, возникшее в результате **универбализации**) формально реализуется только один компонент исходного словосочетания, например *обезболивающее вещество* – *обезбол*, а в других – все, например *станция метро* – *метростанция*. В связи с этим мы различаем семантическую и лексическую универбализацию.

Под **семантической универбализацией** понимается «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [Кудрявцева 2004: 123]. Обычно в качестве этого второго компонента выступает зависимое слово словосочетания, поскольку именно оно несет в себе маркированное модификационное значение словосочетания. Например, в словосочетании *внештатный сотрудник* именно компонент *внештатный* указывает на семантически релевантный признак «статус», отличающий сотрудника, который не трудоустроен в штат компании, но выполняет задачи на заказ или на договорной основе, от сотрудника, находящегося в штате, чей статус по умолчанию не нуждается в определении. Это и является стимулом трансформировать словосочетание *внештатный сотрудник* в **универб** (слово, возникшее в результате **универбации**) *внештатник*.

Различаются две разновидности семантической универбализации: эллипсис и универбация.

Под **эллипсисом** понимается процесс опущения одного из компонентов производящего словосочетания, при котором значение последнего передается сохраненным словом. Нами выделяются два типа эллипсиса.

Во-первых, это **эллипсис главного слова**, отмечаемый при субстантивации, например *второе блюдо* – *второе*: *Особенно популярно второе блюдо из курицы – Рецепт с фото подскажет, как приготовить блюдо на второе максимально быстро и без лишних затрат* (<https://www.russianfood.com/recipes/bytype/?fid=3>), *сытый человек* – *сытый*: *Сытый человек – это богатый чиновник, который в своей жизни испробовал все – Значение и смысл пословицы «Сытый голодного не разумеет»* (<https://kakoy-smysl.ru/meanin-gproverbs/znachenie-i-smysl-poslovit>)

sy-sytyy-golodnogo-ne-razumeet); *мой муж – мой: **Мой муж** какой-то Отелло. Спасу нет – **А мой-то** сидит сычом и даже капли ревности из него не выдавишь* (<https://dzen.ru/a/ZKKh7it40QLbIF3D>) и т. д.

Во-вторых, это достаточно редкое явление эллипсиса **зависимого слова**, происходящее тогда, когда эллиптируемое словосочетание является базой для корреляции «наличие – отсутствие чего-либо», например *музыкальный слух – слух* (корреляция «наличие – отсутствие музыкального слуха»): *А **музыкальный слух** – это такой особенный слух, и есть он далеко не у всякого, кто в принципе способен слышать – Еще прикол в том что «нет слуха» и «есть слух» далеко не всегда можно сходу различить на нетренированном человеке* (<https://kotkam.livejournal.com/2988708.html>), *сидеть в тюрьме – сидеть* (корреляция «наличие – отсутствие тюремного заключения»): *Здравствуйте, брат **сидит в тюрьме** в Павлодаре, мы хотели оплатить штраф, ему дали три года, **сидит** уже год и 3 месяца* (<https://otvet.mail.ru/question/186030171>); *высокая температура – температура* (корреляция «наличие – отсутствие высокой температуры»): ***Высокая температура** говорит о наличии воспалительного процесса в организме – У ребенка красное горло и **температура*** (<https://medic23.ru/krasota-i-zdorove/119-temperatura-39-u-vzroslogo-chto-delat.html>).

Универбация нами трактуется как имитация деривации, при которой семантика производного слова тождественна семантике производящего словосочетания целиком, а словообразовательный процесс осуществляется на базе зависимого слова. Различаются аффиксальная и безаффиксная универбация.

При **аффиксальной универбации** образование универба происходит путем присоединения к основе (части основы) зависимой лексемы производящего словосочетания словообразовательного аффикса, например *зачетная книжка – зачетка: В далеком прошлом привычная нам **зачетная книжка** называлась матрикулом или матрикулой – В каждом университете **зачетка** – это лицо студента* (<https://sgu.ru/news/gid-pervokursnika/zachyotka>), *лабораторная работа – лабораторка: **Лабораторная работа** (она же **лабораторка** или **лаба**) – практическое занятие, целью которого является освоение и закрепление материала* (<https://polygon.by/lab-13d-sculpting/>), *термальная вода – термалка: **Термальная вода. Необходимость или пустая трата денег?** – Некоторые покупательницы жалуются, что **термалка** сушит кожу* (<https://nekrasivyihnet.ru/termalnaya-voda-neobhodimost-ili-pustaya-trata-deneg/>).

При безаффиксной универбализации производное слово представляет собой основу или усеченную основу зависимого слова производящего словосочетания, к которой добавляется набор флексий той части речи, к которой оно в конечном счете относится, например *синхронный перевод – синхрон: **Синхронный перевод** всегда выполняется в паре! – Чем грозит соло-синхрон и синхрон без оборудования?* (https://vk.com/wall176734066_3860), *факультативное занятие – факультатив: **Факультативное занятие** – это то, что интересует многих родителей современных школьников – Именно для этой цели были придуманы **факультативы*** (<https://fb.ru/article/272987/fakultativnoe-zanyatie-eto-chto-takoe>), *академический отпуск – академ: **Академический отпуск** (или, как его называют, **академ**) – это законное временное освобождение от учебы, когда студент по тем или иным весомым причинам не может посещать занятия* (<https://www.rbc.ru/life/news/646b7abe9a794704695ed180>).

При **лексической универбализации** происходит стяжение слов исходного словосочетания в слово [Кудрявцева 2004: 810]. Различаются юкстапозиция, универбализационная композиция и аббревиация.

Под **юкстапозицией** понимается способ словообразования двух- или несколькокорневых производных – юкстапозитов «путем объединения **отдельных слов** (*наче – неначе – неначеб – неначебто, вічно зелений – вічнозелений*) или **слов-форм** (выделено нами. – В.Т.) (*насамперед, жалюгідний*)» [Клименко 2000: 569], например *рассказ-анекдот, громкоговорящий, метролиния* и под. В классической терминологии обычно используется членный термин «лексико-синтаксический способ словообразования».

Универбализационная композиция – ситуация, когда в производном слове реализуется одна или несколько основ лексем, формирующих производящее (эквивалентное) словосочетание, например *вольный слушатель – вольнослушатель: **Вольнослушатель** или так называемый «вольный слушатель» – это индивид, который пребывает в вузе, не имея за плечами статуса студента* (<https://diss-help.ru/blog/kto-takoj-volnoslushatel/>), *местожительство – место жительства: **Место жительства (местожительство)** гражданина, место, где гражданин проживает постоянно или преимущественную часть времени* (<https://bigenc.ru/c/mesto-zhitel-stva-be3c6d>), *с синими глазами – синеглазый: **Синеглазые** мужчины опасны, как зыбучие пески! – Мужчина с синими глазами только кажется наивным мечтателем* (<https://nash-dvor.livejournal.com/391272.html>).

Аббревиация – комплекс словообразовательных способов, при которых как минимум один компонент универбата является сокращенным эквивалентом какого-либо слова производящего (эквивалентного) словосочетания, например *независимый предприниматель – НП: В моей голове мысль эта сидела года два и вот уже год как я **независимый предприниматель!** – Хочу стать **НП** компании Amway* (<https://www.babyblog.ru/community/business/post/807475>), *гипнотическая медитация – гипномедитация: **Гипнотическая медитация**, снимающая стресс и ускоряющая процесс засыпания до 5 минут – Расслабляющая **гипномедитация**, помогающая снять спазмы с внутренних органов* (<https://radetox.top/>), *Министерство юстиции – Минюст: **Министерство юстиции** Российской Федерации (**Минюст** России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности* (<https://old.gu.spb.ru/orgs/66681/>).

Вопрос о взаимосвязи и причинах расхождения разных типов лексической универбализации рассматривался нами в ряде опубликованных ранее работ, например в [Теркулов 2016а]. Здесь мы изложим кратко только основные тезисы нашего видения решения данной проблемы. Научкой рассматривался в первую очередь вопрос о сходствах-различиях между аббревиацией и универбализационной композицией. Существует два мнения. Согласно первому, представленному в подавляющем большинстве исследований и репрезентированному в [РГ-80], это разные процессы, согласно второму, отмечаемому только в некоторых работах, например в исследованиях Е.А. Дюжиковой [Дюжикова 1997] и В.Н. Немченко [Немченко 1984], «аббревиатура как бы составляет <...> часть словосложения» [Дюжикова 1997: 34].

Для того чтобы утверждать, что аббревиация и универбализационная композиция – это разные явления, необходимо доказать, что они принципиально разли-

чаются с точки зрения способа интерпретации реальности в производных словах, т. е. с ономаσιологической точки зрения. Однако доказательств этому нет. Более того, на наш взгляд, несхожесть данных процессов основывается исключительно на констатации формального тождества или нетождества конструкторов, входящих в состав производных единиц, основам слов эквивалентных словосочетаний: если конструкторы тождественны основам, перед нами композиты, например *белоголовый* = *с бел-ой голов-ой*, *асфальтоукладчик* – *укладчик асфальт-а*, а если не тождественны основе, совпадают только с ее частью, перед нами аббревиатуры, например *граммпластинка* – *грамм-офонн-ая пластинка*, *юрпомощь* – *юр-иди-ческ-ая помощь*.

Правда, согласно устоявшейся точке зрения словообразовательным средством для композиции признается интерфикс (соединительный гласный), выполняющий, по мнению большинства исследователей, особую словообразовательную (номинативную) функцию: «Важным признаком, отличающим сложное слово, являются соединительные гласные (интерфиксы). Обозначая тесное слияние компонентов сложного слова, они представляют собой **своеобразную “органическую скрепу”**, соединяющую их воедино и способствующую **нейтрализации грамматических значений первого компонента** (выделено нами. – В.Т.)» [Зайцева 2015: 135]. Это утверждение не представляется нам убедительным.

Во-первых, очень трудно предположить какую-то ономаσιологическую значимость для соединительного гласного. Даже в приведенном выше описании он трактуется исключительно как формально-грамматическое средство. Его функция только соединение компонентов сложного слова и нейтрализация грамматических значений.

Во-вторых, интерфикс не всегда используется при образовании композитов. Например, трудно его обнаружить для таких слов, как *генерал-майор*, *пионерлагерь*, *кожзаменитель* и т. п. В этом случае говорят о «нулевом интерфиксе», но такое использование маркера «нулевой» представляется нам несистемным. Напомним, что придуманный И.А. Бодуэном де Куртенэ термин «нулевая флексия», при всех своих недостатках (см. об этом [Теркулов 2004]), системен хотя бы потому, что используется для дифференциации форм и значений: он указывает на значения, отличающиеся от значений, имеющих формально выраженные показатели. Например, нулевая флексия в слове *футбол* указывает на то, что это существительное относится к мужскому роду, в отличие, например, от лексем *борьба* (флексия -а – женский род) и *вино* (флексия -о – средний род). «Нулевая интерфиксация» же в приведенных словах не обеспечивает семантической корреляции «безытерфиксной» единицы с интерфиксными: нет никаких семантических (ономаσιологических) различий, обусловленных наличием или отсутствием интерфикса, например, между *спортлагерем* и *лесозаграждениями*.

В-третьих, интерфиксация отмечается не только для композитов, но и для аббревиатур, например *лингв-о-анализ* (= *лингвистический анализ*), *бенз-о-заправка* (= *бензиновая заправка*), *сейсм-о-активность* (*сейсмическая активность*) и т. д. Но почему-то она не считается здесь «особым словообразовательным средством». Почему-то никто не говорит о нулевой интерфиксации в словах *завкафедрой*, *горсад*, *юннат* и т. д. Вероятно, потому, что в этом случае пришлось бы тоже констатировать отсутствие ономаσιологически значимых различий между аббревиацией и композицией.

В-четвертых, интерфикс вовсе не «способствует нейтрализации грамматических значений первого компонента» сложений и не является обязательным маркером нейтрализации хотя бы потому, что мы вполне можем обойтись без него в формах без интерфикса, в которых также произошла «нейтрализации грамматических значений первого компонента», например, в аббревиатурах *кабмин*, *санврач*, *швейфабрика* и т. д. Показателем грамматической нейтрализации является простое опущение грамматических показателей производящей единицы. Следует указать, кстати, что, по нашему мнению, это опущение является **не средством нейтрализации, а следствием ее**: грамматические значения зависимых словоформ нейтрализуются до образования композита / аббревиатуры уже в самих производящих словосочетаниях, поскольку выполняют в них скорее формально-синтаксическую, чем формально-ономасиологическую функцию: реализованные в зависимых словах производящих словосочетаний граммема, в принципе, избыточны, поскольку либо дублируют грамматические значения главных слов этих словосочетаний при согласовании, либо «застывают» в определенной форме при управлении (именном примыкании). Функция редуцируемых в композите и аббревиатуре до основы или части основы слов исходных словосочетаний – релятивно-номинативная: актуализация компонентов лексического значения главного слова словосочетания. И абсолютизация этой функции при переходе словосочетания в разряд синлексов позволяет пренебречь их грамматическими значениями. Именно поэтому от грамматических показателей зависимого слова можно избавиться без какого-либо ущерба для лексического значения словосочетания и тем самым преобразовать это словосочетание в аббревиатуру или композит. Но это «избавление», как мы уже говорили, не причина, а следствие деграмматикализации словоформ.

Итак, интерфиксы не выступают в качестве ономасиологически значимого показателя композиции и не имеют прямого отношения к нейтрализации грамматического значения: они выступают в качестве элементов оформления, но не формирования слова. Это фонетическая единица, использующаяся только для упрощения звучания стыка композитных элементов, и строить доказательную базу различия аббревиации и композиции именно на ее основе представляется малопродуктивным, тем более что нами обнаружен ряд важных сходств между означенными явлениями, позволяющих трактовать их, а также юстапозицию, как формальные разновидности одного процесса.

1. Аббревиатуры, юстапозиты и универбализационные композиты либо создаются как текстовые эквиваленты производящих словосочетаний, либо продуцируют такие эквивалентные словосочетания (квазиаббревиатуры и квазикомпозиты). Например, параллельно с аббревиатурой *литсотрудник* употребляется его функционально-семантический эквивалент – словосочетание *литературный сотрудник*: *В 1942 году на защиту Отечества ушли: – **литсотрудник** и ответственный секретарь Валентин Сергеевич Левчаткин, – **литературный сотрудник** газеты Александр Степанович Кузнецов, пропавший без вести в апреле 1942 года* (<https://nao-news.net/society/2019/11/07/7734.html>). Такой же параллелизм отмечается для композита *асфальтоукладчик*, в одних текстах с которым употребляется мотивационно связанное с ним словосочетание *укладчик асфальта*: ***Асфальтоукладчик SINOMACH GYA4200 – это компактная дорожная техника, которая часто используется для мощения высокого качества – Благодаря точным регулировкам, укладчик асфальта SINOMACH GYA4200, стяжка обеспечивает превос-***

ходное предварительное уплотнение и гладкую поверхность даже при толстых слоях (<https://eurasiagroup.ru/catalog/tekhnika/spetstekhnika/dorozhno-stroitel'naya-tekhnika/asfaltoukladchiki/asfaltoukladchik-sinomach-gya4200/>). То же о юкстапозите киноактер и его эквиваленте актер кино: **Актер кино** – сдирает лишь щетину, чтобы маска хорошо сидела – Некоторые киноактеры и этого не делают, играя из раза в раз самого себя (<https://dzen.ru/a/XbWOoj2HNgcXUNy4>).

2. Очень часто аббревиатура, юкстапозит и композит строятся по одной ономасиологической модели и имеют одинаковый базисный компонент. Например, слово *владелец* в универбализованных единицах, созданных по ономасиологической модели «субъект + посессив», представлено как аббревиатурно (*автовладелец* = *владелец авто-мобиля*), так и композитно (*грузовладелец* = *владелец груза-а*, *землевладелец* = *владелец земл-и* и т. д.) и юкстапозитно (*автовладелец* – *владелец авто*). Если возможно образование универбализационных (псевдоунивербализационных) единиц разных структурных типов в пределах одной ономасиологической модели, это говорит о том, что формальное различие между данными единицами не является ономасиологически значимым.

3. Целый ряд слов может получать одновременно и аббревиатурную и композитную трактовку. Таковы, например, слова, содержащие конструкт *газо-*, который может дешифроваться и аббревиатурно (= *газ-ов-ый*) и композитно (*газ-а*): *газоанализатор* (= *газовый анализатор* и *анализатор газа*), *газонаполнение* (= *газовое наполнение* и *наполнение газом, газами*), *хлебо-* (= *хлеб-н-ый* и *хлеб-а*): *хлеботорговля* (*хлеб-н-ая торговля*, *торговля хлеб-ом*), *хлебопроизводство* (= *производство хлеб-а*, *хлеб-н-ое производство*) и т. п. Такое же отмечается и для конструктов, которые могут трактоваться и как аббревиатурные, и как юкстапозитные, например *метро* (= *метро* и *метро-политена*): *метротрасса* (*трасса метро*, *трасса метро-политена*), *метрокарта* (*карта метро*, *карта метро-политена*), *видео* (= *видео*, *видео-фильмов*, *видео-роликов* и т. д.): *видеопрокат* (= *прокат видео* и *прокат видео-фильмов*), *видеомонтаж* (*монтаж видео* и *монтаж видео-фильма*, *видео-ролика*). Такие конструкты, которые мы называем «гибридными» («мутантными»), формируют «гибридные» («мутантные») аббревиатурно-композитные и аббревиатурно-юкстапозитные группы, о которых пишут В.А. Рязанова [Рязанова 2017ав; 2018; 2020] и Е.Н. Михайлова [Михайлова 2016]. Существование таких групп является подтверждением ономасиологической тождественности и структурной смежности аббревиатур, композитов и юкстапозитов.

Все это позволяет утверждать, что композиты, юкстапозиты и аббревиатуры имеют общие значимые функциональные свойства, существуют в состоянии структурного взаимопроникновения и различаются только объемом формальной репрезентации в производном слове компонента эквивалентного словосочетания: у композитов конструкт равен основе слова, у юкстапозитов – слову целиком (обычно неизменяемое), а у аббревиатур – части основы. Это различие имеет исключительно формально-фонетическую природу, что позволяет трактовать универбализационную композицию, юкстапозицию и аббревиацию как формальные разновидности одного процесса – лексической универбализации.

4. СИНХРОННАЯ И ДИАХРОННАЯ УНИВЕРБАЛИЗАЦИЯ

Универбализация обычно рассматривается диахронически – как «способ образования» новых слов. Наши же исследования показали необходимость и синхронного подхода к определению и описанию универбализации, поскольку и в этом случае абсолютно справедливо утверждение И.С. Улуханова о том, что «синхронные словообразовательные отношения (мотивация) не всегда аналогичны (“изоморфны”) пути образования слова (производности)» [Улуханов 2003: 21]. Очень часто слово, которое на актуальном срезе языка считается универбатом, поскольку имеет связанное с ним мотивационными отношениями словосочетание (*столовая* = *столовая комната*), с точки зрения диахронии таковым не является, так как образовано путем имитации конечной структуры универбата. Например, так возникли слова *шашлычная*, *пельменная*, *вареничная*, не имеющие в качестве производящего словосочетания. Точно так же не от дескриптивного словосочетания часто возникают квазикомпозиты и квазиаббревиатуры. Например, слово *авиапутешественник* образовано, скорее всего, от слова *путешественник* путем непосредственного присоединения к нему аббрекконструкта *авиа-*, что подтверждается хотя бы тем, что словосочетание *авиационный путешественник* отмечается в используемом нами корпусе текстов поисковой машины Google всего 68 раз, в то время как слово *авиапутешественник* обнаруживается около 800 тыс. раз. Понятно, что такое малочастотное словосочетание не могло стать источником для такого частотного слова. Процесс образования единиц, имеющих сходную структуру с универбатами, но образованных не от словосочетания, мы называем **квазиунивербализацией**, а сами единицы – **квазиунивербатами**.

Следует, правда, сказать, что осознаваемое носителями языка структурное сходство квазиунивербата с универбатом приводит к вторичному покомпонентному развертыванию словосочетания на базе квазиунивербата. В основе этого процесса лежит действие стереотипа «если слово формально похоже на универбат, должно быть и словосочетание, которое является дескриптивным эквивалентом этого слова». Процесс такого покомпонентного развертывания вторичного словосочетания мы называем **псевдоунивербализацией**. Например, на базе слова *авиапутешественник* в результате псевдоунивербализации развернуто упомянутое выше словосочетание *авиационный путешественник*: *Максим Анатольевич авиационный путешественник со стажем на вертолетах по России, Европе, Америке и Африке* (<https://igor113.livejournal.com/1545809.html>). (См. также развертывание словосочетаний *шашлычная комната*: *Дом, шашлычная комната и вся прилегающая территория полностью к вашему распоряжению* (<https://hichee.com/listings/3895663>), *шашлычная столовая*: *Так называемый ресторан при отеле представлял из себя шашлычную столовую советских времен с ограниченным выбором блюд и предложений* (<https://tida.tatarstan.ru/index.htm/news/1645047.htm>), на базе квазиунивербата *шашлычная*, а также словосочетания *задержание снега*: *Важное значение в повышении урожайности имеет снегозадержание – Задержание снега стерней кукурузы было эффективным, особенно в суровую зиму 1971/72 г.* (<https://www.activestudy.info/snegozaderzhanie-ozimoj-pshenicy/>), на базе слова *снегозадержание*.)

Нами также на синхронном срезе отмечается множественная мотивация, которая, что очевидно, не изоморфна отношениям производности: в ее основе лежат многие причины – существование в сознании носителя языка нескольких дешиф-

ровальных стимулов (стереотипов развертывания) для универбата, необходимость уточнения семантики универбата при помощи эквивалентного словосочетания и т. д. Но в любом случае она имеет псевдоунивербализационную природу. Например, для аббревиатурного универбата *канцнабор* обнаружены следующие эквиваленты:

1) *набор канцелярских принадлежностей*, например: **Канцнабор** для первоклассника подорожал за год на 55% – В стандартный **набор канцелярских принадлежностей** для первоклассника входят карандаши, ручки, альбомы, ластик и другие предметы для письма и рисования (<https://barnaul.bezformata.com/listnews/pervoklassnika-podorozhal-za-god/86018201/>);

2) *канцелярский набор*, например: **Канцнабор** на стол из 15 предметов, очень удобный, все будет под рукой и компактно – **Канцелярский набор** (https://www.avito.ru/borovichi/orgtehnika_i_rashodniki/kantselyarskiy_nabor_3339011652);

3) *набор канцтоваров*, например: Пока подарок таков: текстильная папка с ручками + минимальный **канцнабор** (альбом, карандаши, цвет бумага и еще что-нибудь, на что останется по смете денег...) + калькулятор + флешка с видео выпускного и прочим фото-видео-архивом за садичные года – **Набор канцтоваров?** (<https://www.umama.ru/forum/kids/37/354136/>);

4) *набор канцелярских товаров*, например: Дарили альбомы и **канцнабор** (собирали сами... тетради в линейку и клетку, карандаши, пластилин, доска для пластилина и т. д.) – Уважаемые родители, посоветуйте пожалуйста, хотим детям на выпускной в садик подарить **набор канцелярских товаров** в школу, где можно у нас Ярославле все купить в одном месте, и где большой выбор? (<https://yarportal.ru/topic85951s630.html>);

5) *набор для канцелярии*, например: **Канцнабор ErichKrause «Office Pastel Mint»** (53682) 12 предм – **Настольный набор для канцелярии** 8 предметов (<https://ekaterinburg.compromesso.ru/catalog/nabory-kancelyarskikh-prinadlezhnostej/?page=3&perpage=92>);

6) *набор канцпринадлежностей*, например: Специальное предложение от ООО «Grammar Nazi» – расширенный **набор канцпринадлежностей** для грамотного письма (<https://tabun.everypony.ru/blog/21430.html>).

В приведенных примерах даны практически все используемые носителями языка дешифровальные стимулы для абброконструкта (сокращенного эквивалента слова, входящего в состав синлекса) *канц-*, при этом эквиваленты слова по-разному интерпретируют семантику слова *канцтовары*. Если эквивалент *канцелярские товары* дает наиболее общую и традиционную и в то же время неконкретную трактовку рассматриваемой лексемы, то другие предлагают разные интерпретации: коммерческую (*набор канцтоваров* и *набор канцелярских товаров*), дестинативную (назначение: *набор для канцелярии*), статусную (*набор канцелярских принадлежностей* и *набор канцпринадлежностей*).

Существование псевдоунивербализации провоцирует появление вопроса о том, как отличить первичные эквивалентные словосочетания от вторичных. Нами разработаны методики такого различения (см. главу «Диахронный подход к описанию сложносокращенных апеллятивов. Квазиаббревиатуры», а также [Теркулов 2017: 80–89]), однако важно другое: отличить универбализационную эквивалентную пару от псевдоунивербализационной можно только на основе лингвистического анализа. Для носителя же языка эта проблема вообще не важна: для него все слова, которые имеют дескриптивный эквивалент, являются универбатами

независимо от того, был ли этот эквивалент производящим для слова, или он образован в результате псевдоунивербализации. В силу этого необходимо, на наш взгляд, различать:

а) диахронные универбаты – слова, которые возникли в результате диахронной универбализации и противопоставляются квазиунивербатам;

б) синхронные универбаты – слова, которые на актуальном срезе языка вступают в эквивалентностные мотивационные отношения синхронной универбализации с дескриптивными эквивалентами.

Следует добавить, что помимо процессов универбализации, квазиунивербализации и псевдоунивербализации в языке отмечается также процесс **деунивербализации**, т. е. утраты связи слова с производящим для него словосочетанием. Так, например, утратилась связь между словосочетанием *открытое письмо* и универбом *открытка* изначально ‘почтовая карточка для открытого (без конверта) письма’, поскольку *открытое письмо* сейчас специализируется на обозначении специфического жанра публичных выступлений в прессе, представляющего собой обращение к обладающему властью лицу или группе лиц с требованием, просьбой, сообщением фактов или мнения подписантов по некоторому общественно значимому вопросу, либо обращение к широкой публике с целью привлечь внимание общества к определенному вопросу, а *открытка* обозначает лист бумаги, обычно плотный, одна сторона которого чистая, вторая содержит рисунок или фотографию определенного содержания, иногда адреса отправителя и получателя и оттиск почтовой марки определенного достоинства; используется для открытого письма, поздравления; обычно вкладывается в конверт. Слово *дежурный* уже не связывается со словосочетанием *дежурный офицер*, поскольку обозначает ‘любое лицо, отбывающее в порядке очереди в течение определенного срока какие-нибудь служебные обязанности’, а *противогаз* – со словосочетанием *противогазовая маска*, поскольку номинирует не только маску, но и весь ‘специальный прибор для защиты от отравляющих веществ дыхательных путей и глаз’.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, универбализация представляет собой в диахронии процесс эквивалентностной трансформации словосочетания в слово, а в синхронии – явление эквивалентностной интерпретации слова через мотивационно связанное с ним словосочетание. Универбализация является разновидностью компрессии и имеет в своей основе семантическую конденсацию, т. е. формирование у словосочетания, получившего статус синлекса, цельного словного идиоматизированного значения. Механизм универбализации запускается необходимостью преодоления асимметричного дуализма синлекса. Следует различать семантическую универбализацию, при которой функцию «представителя» словосочетания выполняет только один из компонентов производящего словосочетания, и лексическую универбализацию, при которой заместителем словосочетания становятся эквиваленты как минимум двух его лексем. К семантической универбализации относятся эллипсис главного или зависимого слова и аффиксальная или безаффиксная универбация, а к лексической – юкстапозиция, композиция и аббревиация, выступающие в качестве, в сущности, формальных разновидностей композиции. С точки зрения диахронии смежными с универбализацией процессами являются квазиунивербализация, т. е.

образование новых слов, имеющих структурные особенности универбатов, не от словосочетаний, а от слов, псевдоунивербализация – развертывание вторичных словосочетаний на базе универбатов или квазиунивербатов и деунивербализация – утрата связи между производящим словосочетанием и словом. В синхронии универбализация представляет собой осознание носителями эквивалентностной мотивационной связи между словом и словосочетанием независимо от того, было ли это словосочетание производящим для слова, или оно образовано в результате псевдоунивербализации.

РАЗДЕЛ 2. ТИПОЛОГИЯ АББРЕВИАТУР²

В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова

1. ВВЕДЕНИЕ

Аббревиация на протяжении более чем ста лет остается одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава многих языков. Как отмечает В.В. Борисов, «широкое использование самых различных сокращений – это своего рода ответ языка на происходящую в мире научно-техническую революцию» [Борисов 1972: 3]. Если говорить о русском языке, то тенденция к сокращению слов появилась после Октябрьской революции 1917 года: «Именно после революции этот способ приобрел продуктивность и получил общезыковое распространение, выработались и укрепились основные разновидности и модели аббревиатур, начался и продолжается процесс совершенствования аббревиации и норм функционирования аббревиатурной лексики» [Алексеев 1979: 3]. И далее: «Многословные описательные названия, в изобилии появившиеся после революции (и продолжающие возникать по различным причинам по сей день), сделались неиссякаемым источником для аббревиации, привели к ее неизбежности и обязательности – “по нормам языковой экономии, не допускающей, чтобы частое в коллективном обиходе и отчетливое понятие выражалось словосочетанием, а не единым словом”» [Алексеев 1979: 151].

На появление слов такого рода отреагировали по-разному. Так, русский философ и богослов С.Н. Булгаков в работе «Философия имени» высказался следующим образом: «Иные могут еще похвалиться и тем, что теперь “куются” совсем новые слова, например все эти богомерзкие *совдепы*, *викжели*, *земгоры* и под. Но ведь очевидно, что здесь мы имеем лишь частный, наиболее механизированный и упрощенный случай терминологического процесса, приноровленного к письменной речи, к заглавным буквам, и путем этого, так сказать, алгебраического их сложения образуются новые манекены слов. Однако (и это мистически есть самая тяжелая сторона этого дела) такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу. Образуется целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии. Таков оккультный смысл этого сквернословия» [Булгаков 1999: 32–33]. Совсем иного мнения придерживается русский поэт и публицист К.И. Чуковский в книге «Живой как жизнь»: «Итак, оказывается, что засилье чужезычных речений не

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

грозит нашему языку ни малейшей опасностью, уж хотя бы потому, что никакого засилья нет. Точно так же не способны испортить его те сложносоставные слова типа *загс, управдом, сельсовет*, которые начиная с Октябрьских дней хлынули в него широчайшим потоком»; «Так что беспокоиться нечего: все эти словесные агрегаты не могут нанести языку никакого ущерба, ибо народ строжайшим образом контролирует их и сохраняет лишь те, которые вполне соответствуют духу языка, его природе, и без жалости отменяет от себя всякую словесную нечисть» [Чуковский 1966: 34].

На данном этапе развития языка «новые манекены слов» получили свою жизнь в разных сферах деятельности: в науке и технике (*бурстанок, дифавтомат, квадросвук, морфовид, техносфера*), медицине (*кардиомонитор, кровоснабжение, лечдело, медмяч, психозащита*), бизнесе (*авторынок, госпредпринимательство, дисконт-бизнес, медиабосс, пилот-проект*), финансах (*агрорасписка, бухбаланс, горбюджет, евродоллар, кризис-менеджер*), искусстве (*драмбалет, киноактриса, мужжурнал, светографика, фотодневник*), спорте (*спортлагерь, физзарядка, художественная гимнастика, центрфорвард, шахсекция*) и т. д. Большое количество уже известных сокращений и сокращений, ранее не приводимых классическими словарями аббревиатур, представлено в Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка (далее – Словарь) [Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка 2024], составлением которого занимается Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета.

2. ТРАДИЦИОННАЯ И ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИИ АББРЕВИАТУР

Работа над Словарем позволила внести в теорию аббревиации ряд новых положений, не рассматриваемых до этого лингвистами: определение формально-ономазиологических типов аббревиатур, разграничение синхронной и диахронной аббревиации, выделение аббревиатур и квазиаббревиатур, констатация множественной эквивалентности сложносокращенных слов и т. д.

Традиционно аббревиатуры различают по формальному признаку: ученые обычно просто констатируют то, как сокращены слова производящего словосочетания в образовавшейся лексеме. Учитывая различие синхронного и диахронного подходов к универбализации в целом и аббревиации в частности, добавим, что на уровне синхронии традиционная классификация определяет, какой части эквивалентного слова мотивирующего словосочетания соответствует сокращенный конструктор аббревиатуры. На основании этого выделяются:

1) **инициальные аббревиатуры**, в которых представлены первые звуки (акронимы, например *БАР = батарея артиллерийской разведки* и под.) или первые буквы (алфавитизмы, например *ЦДЛ = центральная дактилоскопическая лаборатория* и под.) слов соответствующих словосочетаний;

2) **слоговые аббревиатуры**, которые состоят из неинициальных эквивалентов слов коррелирующих словосочетаний, например *нархоз = народное хозяйство, добробат = добровольческий батальон* и под.;

3) **частично сокращенные слова**, состоящие из неинициального сокращенного эквивалента (назовем его аббревиатурным конструктором или абброконструктором) и полного слова эквивалентного словосочетания, например *заготовительная кон-*

тора = *заготконтора*, *курсбор* = *курортный сбор*, *завкафедрой* = *заведующий кафедрой* и под.;

4) **различного рода комбинации сокращений**, например акронимно-алфавитная (*ГИБДД* [ги-бэ-дэ-дэ] = *Государственная инспекция безопасности дорожного движения*), инициально-слоговая (*Главк* = *главная контора*) и под.

Такой подход вполне приемлем, по крайней мере, на начальном этапе исследования аббревиатур. Правда, он опирается на абсолютизацию малоубедительного утверждения о том, что аббревиацией следует называть любой «произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта» [Сергеева 2013: 176] (см. также у Н.Н. Ракитиной, которая считает, что сущность аббревиации «состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации, который приводит в результате к появлению такого слова, которое по своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы. Результативная единица такого процесса называется аббревиатурой или аббревиатурной единицей» [Ракитина 2007: 9]).

Такая трактовка аббревиатур имеет достаточно долгую историю и является доминирующей в современном языкознании. Например, Д.И. Алексеев определяет сокращенные компоненты как абброморфемы, «которые нельзя в полной мере назвать ни корневыми, ни аффиксальными» [Алексеев 1966: 19]. При этом он рассматривает в одном ряду, т. е. как явления одного порядка, и абброморфемы инициального типа, отмечаемые в акронимах и алфавитизмах, например *у-* (*уздравотдел*), *Б-* (*БССР*), и абброморфемы неинициального типа, отмечаемые и в апеллятивах и онимах, например *пед-*, *пионер-*, *развед-*, *здрав-*, *-издат* [Алексеев 1979: 239]. Не видят ономаσιологических различий между разными типами аббревиатур практически все исследователи. Например, в одном ряду акронимы, алфавитизмы, сложносокращенные апеллятивы и онимы рассматриваются в опубликованных в разное время основополагающих для теории аббревиации работах Г.П. Уханова [Уханов 1961], А.Н. Елдышева [Елдышев, 1984], Т.С. Сергеевой [Сергеева 2013] и многих др.

Неправомерность такого подхода подтверждается хотя бы тем, что противоречащим языковой реальности представляется нам тезис: образование аббревиатур – это всегда «произвольный процесс сокращения». Во-первых, вряд ли можно признать произвольным сокращение слов до первого звука или первой буквы при образовании инициальных аббревиатур типа *МАИ* и *КНР*. Во-вторых, вряд ли можно вообще считать результатом сокращения образование слов типа *авиахаб* (от *авиационный хаб*) и *медаллергия* (от *медицинская аллергия*), поскольку в языке задолго до их возникновения образовалось огромное количество слов с элементами *авиа-* и *мед-*. Что перед нами: каждый раз обновляющееся сокращение слов *авиационный* и *медицинский* или регулярная стереотипная замена их компонентами (абброконструктами) *авиа-* и *мед-*? Но в последнем случае речь идет уже не о сокращении, а об использовании особой «замещающей» морфематизированной единицы. И, наконец, в-третьих, сокращение чего представлено, например, в эргониме *Росстандарт*, если полным названием для данной организации является словосочетание *Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии*, в котором нет эквивалентов ни конструкту *Рос-*, ни конструкту *-стандарт*, а словосочетания *Российский стандарт* для обозначения данного агентства нами не обнаружено.

Мы предполагаем, что инициальные и неинициальные аббревиатуры, неинициальные апеллятивы и онимы имеют различную ономаσιологическую природу, а поэтому и должны описываться в разных системах координат. В связи с этим мы уверены, что как минимум для лексикографических нужд актуальна другая классификация аббревиатур – формально-ономаσιологическая, которая учитывает механизм формирования аббревиатурного наименования и особенности его восприятия и интерпретации на актуальном срезе языка. Разные формально-ономаσιологические типы аббревиатур имеют разные особенности образования и функционирования, что мотивирует разные принципы их описания в словарях. Формально-ономаσιологический тип словообразования представляет собой объединение единиц на основе констатации тождества мотивационного типа **семантических отношений между производящей и производной единицами, механизма и средства словообразования.**

Такой подход требует различать инициальные аббревиатуры, сложносокращенные апеллятивы, квазиаббревиатуры и сложносокращенные онимы.

Считать все указанные единицы разновидностями одного процесса / явления (аббревиации) позволяет нам только то, что их возникновение имеет в своей основе универбализацию (**механизм**), т.е., как было показано в предыдущем разделе, процесс эквивалентностной (**семантические отношения**) трансформации словосочетания в слово, который проходит в два этапа. На первом словосочетание становится синлексом. Например, синлекс *детский сад* имеет значение ‘образовательное учреждение для детей дошкольного возраста, обычно от трех лет’, не выводимое из значений входящих в него слов (если сложить их значения, получится реальный сад для детей, сад, предназначенный для прогулок детей, но не образовательное учреждение). В результате идиоматизации возникает ситуация асимметричного дуализма между цельным значением и расчлененной формой словосочетания, который преодолевается на втором этапе путем трансформации словосочетания в аббревиатуру (*детсад* и *д/с*).

3. СИНХРОННЫЕ И ДИАХРОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРЕВИАТУР

Важным для формирования принципов определения и описания аббревиации является установление ее характеристик в диахронии и синхронии. Традиционно аббревиация рассматривается исключительно в диахронии – как процесс образования новых слов на базе словосочетаний. Например, Д.И. Алексеев определяет ее как «способ **создания** номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, **с помощью атрибутивных словосочетаний** (выделено нами. – В.Т., К.Е.)» [Алексеев 1979: 107]; «Лингвистический энциклопедический словарь» определяет аббревиатуру как «существительное, состоящее из усеченных слов, **входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова** (выделено нами. – В.Т., К.Е.)» [ЛЭС 1990: 9] и т.д. Отметим, кстати, что на наш взгляд заблуждением является ограничение аббревиации только ситуациями образования существительных: к аббревиатурам относятся также прилагательные, включающие в свой состав аббревиатурные конструкторы и имеющие дескриптивные эквиваленты, например *виброшлифовальный – вибрационный шлифовальный: За функционирование механизма виброшлифовальной машины отвечает электродвигатель – Что такое вибрационная шлифовальная машина: обзор и отзывы – гайд в 5 разделах*

(<https://www.moyo.ua/news/chto-takoe-vibratsionnaya-shlifovalnaya-mashina-obzor-i-otzyvy-gayd-v-5-razdelakh.html>).

В работе В.В. Борисова «Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках» представлена другая точка зрения. Ученый предполагает, что использования только диахронного принципа при определении аббревиатур недостаточно. В результате сопоставления английского сокращения *lord* (< англосаксонского *hlafweard*), не имеющего на актуальном срезе языка развернутого эквивалента, и *USA* (< *United States of America*), активно употребляющегося параллельно с аббревиатурой, В.В. Борисов приходит к выводу о том, что «об аббревиации мы говорим тогда, когда в системе языка, в данный период его развития, сосуществуют полные и сокращенные формы» [Борисов 1972: 62]. Иначе говоря, по мнению исследователя, диахронный фактор выделения аббревиатур следует дополнить синхронным фактором – констатацией сосуществования производящей и производной единиц на актуальном срезе языка, и только одновременное наличие обеих этих характеристик при рассмотрении тех или иных сокращенных с точки зрения диахронии единиц позволяет нам констатировать, что перед нами на актуальном срезе языка именно аббревиатура.

Однако применение созданных нами при работе над Словарем методик этимологизации аббревиатур показало, что наличие актуальной эквивалентности аббревиатуры и словосочетания недостаточно для утверждения того, что слово возникло в результате универбализации этого словосочетания.

Во-первых, часто словосочетание является не производящей, а производной единицей и образовывается в результате псевдоунивербализации. Например, слово *лингвокультура* вполне может быть определено как аббревиатура: в его состав входит аббревиатурный конструктор *лингво-*, равный слову *лингвистический*, и на актуальном срезе языка обнаруживается его эквивалент *лингвистическая культура*. Однако этот эквивалент употребляется крайне редко (по данным поисковой машины Google – в 30 раз реже слова) и практически не отмечается в эквивалентных текстах (в текстах, в которых аббревиатура и ее эквивалент выступают в качестве абсолютных синонимов, см. ниже: в корпусе, созданном для нужд Словаря на основе поисковой машины Google, отмечается всего около 80 совместных вхождений в тексты, в то время как у реальных аббревиатур эта цифра приближается к 1000). При этом пословная трактовка семантики словосочетания явно не соответствует семантике получившегося существительного: *лингвокультура* – это ‘система облеченных в языковые знаки представлений о действительности, присущая определенному сообществу’, но внутренняя форма словосочетания *лингвистическая культура* явно связывает культуру не с языком, а с лингвистикой. Все это позволяет предположить, что

а) с точки зрения диахронии *лингвокультура* – это не аббревиатура, а квази-аббревиатура, т.е. искусственное образование аббревиатурного типа, возникшее путем прямого присоединения аббревиатурного конструктора *лингво-* к слову *культура*;

б) словосочетание является вторичным знаком, возникшим в результате покомпонентного развертывания квазиаббревиатуры;

в) на синхронном срезе языка благодаря (б) слово *лингвокультура* воспринимается как аббревиатура.

Во-вторых, благодаря процессу разнонаправленной псевдоунивербализации в синхронии часто для сложносокращенного слова обнаруживается множественная эквивалентность, формирующая ее «гнездо эквивалентности». Например, слову

экоаудит в эквивалентных текстах соответствуют словосочетания *экологический аудит, аудит в области экологии, аудит по экологии, аудит в сфере экологии, аудит в экологической сфере, аудит экологии, аудит экологической безопасности.*

Существование псевдоунивербализации и множественной эквивалентности показывает, что разграничение диахронного, определяющего отношения производности между номинативными единицами, и синхронного, констатирующего актуальные мотивационные отношения между ними, подходов должно быть распространено и на аббревиацию. При этом они ни в коем случае не могут использоваться одновременно: нам необходимо различать диахронные аббревиатуры, реально возникшие на базе словосочетания, и синхронные аббревиатуры, трактуемые как таковые носителями языка на основе констатации наличия у них актуальных развернутых эквивалентов независимо от того, были ли они производными для аббревиатуры или возникли в результате псевдоунивербализации.

Итак, аббревиатура и словосочетание вступают на актуальном срезе языка в **эквивалентностные мотивационные отношения**, под которыми понимаются функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность аббревиатуры и ее конструкторов с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами. Иначе говоря, эквивалентными аббревиатуре являются те словосочетания, которые употребляются как ее абсолютные синонимы (дублеты) в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры.

4. ТИПЫ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

Нами выделяются четыре типа эквивалентных текстов.

Собственно эквивалентный текст – текст, в котором слово и эквивалентное словосочетание употребляются одновременно в абсолютно тождественном значении. Например, для слова *кардиопомощь* нами обнаружены эквиваленты в следующих собственно эквивалентных текстах:

- **кардиологическая помощь**: *Врач Ольга Коган сообщила, как сегодня омичам оказывается **кардиопомощь** – Если говорить в разрезе последних 1520 лет, то сейчас **кардиологическая помощь** качественно улучшилась* (https://omsk.aif.ru/health/vrach_olga_kogan_soobshchila_kak_segodnya_omicham_okazyvaetsya_kardiopomoshch);
- **помощь кардиологов**: *Далее такие центры откроются и в Перми (так как в краевой столице тоже есть проблемы с доступностью **кардиопомощи**) – Как сделать **помощь кардиологов** доступной* (https://doctor.rambler.ru/news/39244790/?utm_content=doctor_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink).

Параллельные эквивалентные тексты – разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются в одном денотативном значении, т. е. обозначают один и тот же референт. Например, для слова *автовокзал* и эквивалента *автобусный вокзал* отмечаются следующие параллельные эквивалентные тексты:

- **автовокзал**: *Из Ясиноватой автобусы будут отправляться от магазина «Сказка» и прибывать на донецкий **автовокзал** «Южный»* (<https://www.mkdonbass.ru/social/2023/07/25/v-dnr-zapustyat-novyuy-avtobusnyu-marsrut-soedinyayushhiy-yasinovatuyu-i-doneck.html>);
- **автобусный вокзал**: ***Автобусный вокзал** Донецка «Южный»* (<https://www.chitalnya.ru/work/3432548/>).

Условно эквивалентные тексты – разные тексты, в которых сложносокращенное слово и эквивалентные словосочетания тождественны на уровне сигнификативного значения, но различаются на уровне денотативного значения, т.е. употребляются для обозначения разных референтов. Например, для слова *жилагентство* отмечаются следующие условно эквивалентные тексты:

- *жилагентство*: **Жилагентство** Московского района недобросовестно распоряжается госимуществом (<https://www.zaks.ru/new/archive/view/121161>);
- *жилищное агентство*: **Жилищное агентство** Фрунзенского района: адреса со входами на карте (<https://2gis.ru/spb/firm/5348552838531401>);
- *агентство жилья*: Контактные данные организации **Агентство жилья** Основа Основ (<https://yfo.spr.ru/volgograd/agentstvo-zhilya-osnova-osnov.html>).

Косвенно эквивалентный текст – текст, в котором отмечаются только эквиваленты аббревиатуры, имеющие тождественное значение, но сама аббревиатура не используется; например, текст, в котором в тождественном значении употреблены словосочетания *световая лента* и *светодиодная лента*, но не отмечается само слово *светолента*: **Световая лента**: описание, руководство по применению, гарантийные обязательства – **Светодиодная лента** является оригинальным низковольтным гибким источником света (<https://adex.ru/articles/svetovaya-lenta-opisanie-rukovodstvo-po-primeneniyu-garantiynye-obyazatelstva/>).

Наиболее значим для установления эквивалентных отношений собственно эквивалентный текст.

Таким образом, упомянутый в п. 2.2. комплекс *детский сад* – *детсад* – *д/с* объединяет указанные единицы в одно гнездо эквивалентности тем, что в составе аббревиатур есть элементы, формально эквивалентные словам коррелятивного словосочетания (*дет-* и *д-* соответствуют слову *детский*, а *-сад* и *-с* – слову *сад*), и все слова и словосочетание, входящие в данный комплекс, имеют тождественное значение, что подтверждается использованием их в качестве абсолютных синонимов в собственно эквивалентном тексте, например: *Как устроить ребенка в детский сад без прописки* – *У ребенка нет прививок. Могут ли отказать в приеме в д/с* – *Как мы записывали ребенка в детсад через МФЦ* (<https://journal.tinkoff.ru/priem-rebenka/>).

Следует сказать, что и в диахронии, и на актуальном срезе языка есть слова, содержащие аббревиатурный конструкт, но не имеющие текстовых эквивалентов или имеющие окказиональные эквиваленты, встречающиеся в текстах незначительное (менее 500) количество раз. Например, к таковым относятся слова *гидробаланс*, *авиафобия*, *авиапутешественник*, поскольку для них «в текстах обнаруживаются либо эквивалентные словосочетания с малым количеством употреблений (*авиационная фобия* – 7 употреблений, *авиационный путешественник* – 68 употреблений), либо псевдоэквиваленты, т.е. словосочетания, являющиеся “фиктивными” дублетами сложносокращенных слов, например *гидравлический баланс*: ср. *гидробаланс* – ‘соотношение жидкости, попавшей в организм, и жидкости выделенной организмом за определенный промежуток времени (3 часа, 5 часов, сутки, время тренировки, марафона и т.д.)’ (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидробаланс>), *гидравлический баланс* – ‘необходимое условие нормальной работы систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха’ (<http://saves.ucoz.com/publ/b/1-1-0-1>)» [Емельянова 2020: 127]. Такие единицы с точки зрения диахронии образовались в результате квазиунивербализации (квазиаббревиации) и в силу этого определяются нами как квазиаббревиатуры.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учет вышесказанного и применение принципов формально-ономасиологической типологии к сокращениям позволил выделить среди аббревиатур:

- 1) инициальные аббревиатуры;
- 2) сложносокращенные апеллятивы;
- 3) квазиаббревиатуры;
- 4) сложносокращенные онимы.

РАЗДЕЛ 3. ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ³

В.И. Теркулов

1. ПОНЯТИЕ ОБ ИНИЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУРАХ

Под **инициальными аббревиатурами** понимаются, как уже было сказано выше, слова, возникшие в результате **реального сокращения** (средство) слов исходного словосочетания до их первых букв или звуков. В первом случае речь идет об алфавитизмах, а во втором – об акронимах.

К алфавитизмам, т. е. аббревиатурам, представляющим собой сочленение первых букв слов исходного словосочетания, относятся, например, *БСА* [бэ-эс-á], эквивалентное в том числе словосочетанию *биометрическая система аутентификации: В биометрических системах аутентификации личности (БСА), использующих в качестве идентификационных признаков динамику рукописного и клавиатурного почерков, большое влияние на конечные характеристики системы оказывают принципы сопоставления (классификации, верификации) биометрических признаков* (<https://cyberleninka.ru/article/n/parametricheskie-metody-raspoznavaniya-obrazov-dinamicheskoy-biometrii>), *КМС* [ка-эм-эс], коррелирующее со словосочетанием *кандидат в мастера спорта: Как получить разряд «кандидат в мастера спорта»? – Разряд КМС присуждается при достижении определенных результатов* (<https://mirnograd.ru/blog/kak-poluchit-razryad-kandidat-v-mastera-sporta/>) и т. п.

Акронимы представляют собой сочленение первых звуков эквивалентного словосочетания, например *ДАГ* – *держатель авиационных гранат: В хвостовой части фюзеляжа устанавливался держатель авиационных гранат ДАГ10* (<https://оввакул.рф/component/content/article/17samoljoty/579il10?Itemid=101>), *ДОТ* – *долговременная огневая точка: Долговременная огневая точка (ДОТ, дот, иногда «долговременная оборонительная точка») – отдельное малое фортификационное сооружение из прочных материалов, предназначенное для долговременной обороны и стрельбы различными огневыми средствами из защищенного помещения (боевого каземата). – ДОТы строились из монолитного или сборного железобетона, камня на растворе, железных балок с арматурой и броневых закрытий* (<https://www.drive2.ru/b/2335600/>) и т. п.

В ряде случаев (чаще всего тогда, когда аббревиации подвергается словосочетание, состоящее как минимум из четырех слов) отмечается комбинация алфа-

³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезычковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

визитации и акронимии (гибридная инициальная аббревиация), например *РРАН* [эр-эр-án] – *реставрация и реконструкция архитектурного наследия*: С 2012 года кафедра перешла на двухуровневую академическую подготовку по направлению 750300 «*Реставрация и реконструкция архитектурного наследия*» – Целью и основными задачами развития кафедры *РРАН* является качественная подготовка студентов, получения базовых знаний, практических навыков и умений необходимых в будущей профессии реставратора (<https://kstu.kg/bokovoe-menju/instituty/institut-arkhitektury-i-dizaina/restavracija-i-rekonstrukcija-arkhitekturnogo-nasledija>).

Вполне очевидно, что, вопреки мнению Д.И. Алексеева, конструкты инициальных аббревиатур не могут определяться как абброморфемы, поскольку они не обладают главным признаком морфем и других морфематизированных единиц: они не воспроизводятся, а каждый раз создаются в результате сокращения слов производящего словосочетания. Мы используем для обозначения конструктов акронимов и алфавитизмов термин «инициальный конструкт».

Выбор типа инициального конструкта (алфавитный или акронимный) часто труднообъясним. Иногда одно и то же сочетание конструктов может трактоваться в одних случаях алфавитно, а в других – акронимно. Например, в Словаре сокращений русского языка под редакцией Д.И. Алексеева [ССРЯ 1982] инициальная аббревиатура *РО* в одном из значений трактуется как акроним (*РО* [ро] – разведывательный отряд), а в другом – как алфавитизм (*РО* [эр-ó] – *ракетное оружие*). Иногда даже одно и то же слово может быть вариативно оформленным. Например, *РОВД* – *районный отдел внутренних дел*, согласно тому же словарю, может трактоваться и как гибридная аббревиатура [рó-вэ-дэ], и как акроним [ровд] [ССРЯ 1983: 311].

Впрочем, в большинстве случаев выбор акронимной или алфавитной трактовки обусловлен чисто фонетическими причинами. Обычно алфавитизмы возникают тогда, когда первые компоненты слов производящего словосочетания формируют труднопроизносимую комбинацию звуков, чаще всего комбинацию исключительно согласных (*ТТ* – *Тульский Токарев*, *ДЗК* – *двигательная зона коры* и т. д.) или нескольких согласных с конечным гласным, например *СТО* – *станция технического обслуживания*, а акронимы – тогда, когда в словосочетании обнаруживается слово, чаще всего срединное, начинающееся с гласного, что позволяет построить аббревиатуру, имеющую фонетическую структуру, сходную со структурой простого односложного слова типа *дом*, *сад* и т. п., например *ГОД* – *городской онкологический диспансер*, *БИРК* – *бортовой информационно-измерительный радиотехнический комплекс*.

2. ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНИЦИАЛЬНОЙ АББРЕВИАЦИИ

Для инициальной аббревиации нами обнаруживаются следующие основные характеристики.

1. Универбализации и инициальной аббревиации может быть подвергнуто любое словосочетание-синлекс. Мы можем обнаружить только некоторые закономерности в том, какие тематические поля и семантические типы наименований чаще всего подвергаются инициальной аббревиации. Это в первую очередь различного рода эргонимы: наименования фабрик, заводов, вузов и т. д., а также другие названия объединений людей, например *Саратовский институт стекла* – *СИС*, *дивизия особого назначения* – *ДОН*, различного рода термины, например

БАС – бронхоальвеолярный смыв, названия приспособлений и маркировки, например *деревобработывающий станок – ДОС* (в маркировках) и т. д. Но инициальные аббревиатуры могут создаваться и для обычных синлексов, не входящих ни в какие стилистически ограниченные лексические группы, например *дворец культуры – ДК*. Активно используются инициальные аббревиатуры в различного рода корпоративных социолектах, например, в жаргоне деклассированных элементов: *смерть легавым от ножа – СЛОН*, *а любить ее надо, как ангела – АЛЕНКА*, *дома ждут одни несчастья – ДЖОН* и т. п.

2. Инициальные аббревиатуры имеют обычно единственную мотивацию, т. е. являются эквивалентными, как в диахронии, так и в синхронии, только одному словосочетанию. Исключения редки, и они обычно связаны с формальной вариативностью производящего словосочетания, когда все его реализации имеют абсолютно тождественное значение. Например, соответствие слова *КГБ* [ка-гэ-бэ] двум словосочетаниям – *комитет госбезопасности* и *комитет государственной безопасности* – обусловлено универбализацией словосочетания *государственная безопасность* в слово *госбезопасность*. Оба словосочетания имеют тождественное значение, например: «*От контрразведки до науки*»: *какую роль в отечественной истории сыграл КГБ СССР – 65 лет назад в Советском Союзе был создан Комитет государственной безопасности – Комитет госбезопасности блестяще показал себя в ходе Карибского кризиса* (<https://russian.rt.com/science/article/610714istoriya-sssr-kgb-godovschina>). Нами отмечается формальная вариативность в первую очередь для тех словосочетаний, которые содержат более, чем два компонента, т. е. являются составными. Наиболее регулярным основанием является именно стяжение зависимых слов составного словосочетания. Например, аббревиатура *ААА* имеет в качестве эквивалентов словосочетания *атомный абсорбционный анализ* и *атомно-абсорбционный анализ*, где второе является композитной интерпретацией первого, поскольку расчлененная структура подкрепляется тождественной расчлененной структурой параллельных глосс словосочетания *абсорбционный анализ: молекулярный абсорбционный анализ, ультрафиолетовый абсорбционный анализ* и под.

Впрочем, иногда у инициальных аббревиатур, так же как и у сложносокращенных апеллятивов, возможна параллельная семантическая интерпретация одного референта в эквивалентах. Так, например, аббревиатура *САД* может дешифроваться и как *система автоматизированного документооборота* с объектной семантикой, т. е. как система, в которой уже осуществлена автоматизация документооборота, например: *Проектирование системы автоматизированного документооборота на примере управления культуры, спорта и молодежной политики администрации г. Кемерово – Проектирование и создание любой САД осуществляется в несколько этапов: предпроектное проектирование, технико-рабочее проектирование и ввод системы в действие* (https://vuzdoc.org/160820/kultura/proektirovanie_sistemy_avtomatizirovannogo_dokumentoooborota), и как *система автоматизации делопроизводства* с процессуальной семантикой, т. е. как система, с помощью которой можно (потенциально) осуществить автоматизацию делопроизводства, например: *Чуть больше года назад компания «Газпром» инициализировала создание и внедрение системы автоматизации делопроизводства (САД)* (<https://naar.ru/news/4547/>). При этом в первом случае констатируется, что система направлена исключительно на документооборот, т. е. на «движение документов в органе, организации, учреждении с момента их создания или получения

до завершения исполнения или отправки», а во втором – на делопроизводство в целом, т. е. на ‘ведение канцелярских дел, совокупность работ по документированию деятельности организаций и осуществлению документооборота’, где, как видно из определения, документооборот составляет только часть деятельности.

Другой пример – аббревиатура *АВ*, обозначающая ‘воздушную массу, формирующуюся либо в арктическом географическом поясе, в основном над Северным Ледовитым океаном, либо над Антарктидой и окружающими ее льдами и водами’. Данная лексема может иметь в качестве эквивалента гетероним *арктический воздух*: *Арктический воздух (АВ) формируется над Северным Ледовитым океаном, а зимой еще и над севером Евразии и Северной Америки* (<https://strategy48.ru/sites/default/files/rmc/best/География%20710.pdf>), а также гиперонимическое значение *арктический / антарктический воздух*: *Арктический (антарктический) воздух (АВ) формируется над ледяной поверхностью полярных стран* (http://yunc.org/ВОЗДУШНЫЕ_МАССЫ_И_АТМОСФЕРНЫЕ_ФРОНТЫ).

А.В. Зеленин отмечает для инициальных аббревиатур сходное с псевдоунивербализацией явление дезаббревиации – шуточного, каламбурного развертывания сокращения в параллельное эквивалентное словосочетание, например: «*ВСНХ* ‘Высший совет народного хозяйства’ > ‘воруй смело, нет хозяина»; *РСФСР* ‘Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика’ > ‘редкостный случай феноменального сумасшествия России’ или ‘распустили солдат, фронтовиков, собрали разбойников’» [Зеленин 2005: 79].

3. Получившееся в результате инициальной аббревиации слово имеет затемненную внутреннюю форму, поскольку, во-первых, инициальные конструкты малоинформативны, а во-вторых, часто инициальной аббревиации параллельно подвергаются разные словосочетания, компоненты которых начинаются с одних и тех же звуков или букв, что приводит к формированию многокомпонентной омонимии инициальных аббревиатур. Например, аббревиатура *МВ*, вырванная из контекста, а в ряде случаев и в самом контексте, не может быть однозначно истолкована: словарь сокращений *SOKR.ru* для нее дает как минимум 29 эквивалентов: *механический выпрямитель, меченая власть, машина вспенивания, мягкая валюта* и т. п. Все это делает затруднительным использование инициальных аббревиатур в нейтральных текстах: читатель должен быть погружен в зону использования слов данного типа, а это возможно только тогда, когда он работает с текстами, связанными со сферой его деятельности. Экономист, например, читая экономический трактат, никогда не дешифрует *МВ* как *машину вспенивания*, но только как *мягкую валюту*.

РАЗДЕЛ 4. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ

Глава 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ⁴

В.И. Теркулов

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Под сложносокращенными апеллятивами понимаются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращенным эквивалентом)» [Теркулов 2020: 104]. К сложносокращенным апеллятивам относятся **частично сокращенные слова**, состоящие из абброконструкта, эквивалентного части слова, и целого слова исходного словосочетания, например *артобстрел*, связанное мотивационными отношениями со словосочетанием *артиллерийский обстрел* и использующее в качестве эквивалента слова *артиллерийский* неинициальный абброконструкт *арт-*, и **слоговые аббревиатуры**, состоящие полностью из абброконструктов, например *внешкор*, в котором абброконструкт *внеш-* эквивалентен слову *внештатный*, а *кор-* – слову *корреспондент* словосочетания *внештатный корреспондент*.

При образовании сложносокращенных апеллятивов работает механизм не сокращения, а **замещения** слова исходного словосочетания специализированным морфематизированным компонентом – абброконструктом, который и является основным средством формирования сложносокращенных слов. Например, синлексы, содержащие лексемы *авиационный*, *авиации*, могут трансформироваться в аббревиатуры, в которых данные лексемы будут замещены абброконструктом *авиа-*: словосочетания *авиационное горючее*, *горючее для авиации* трансформируются в сложносокращенный апеллятив *авиагорючее*. Есть соблазн определить абброконструкт как аффиксоид, что чаще всего и происходит (см., например, [Козулина 2009], где как аффиксоиды рассматриваются абброконструкты *авто-*, *авиа-*, *ветро-* и т. д.). Как убедительно показала в ряде работ К.Ю. Емельянова, между аффиксоидами и абброконструктами есть целый ряд различий, не позволяющих их рассматривать как однотипные единицы, главным из которых является то, что если у аффиксоидов отмечается отвлеченная семантика, что сближает их с морфемами (например, суффиксоид *-вед* имеет значение ‘специалист, знаток в той области, которая обозначена производящим словом’: *почвовед*, *языковед* и т. д.), то абброконструкты абсолютно эквивалентны словам, т. е. имеют лексемную семантику. Например, если языковед не имеет эквивалента **ведающий языком*, то *диетпитание* легко разворачивается в текстах в *диетическое питание*, что подтверждает абсолютное семантическое и функциональное тождество абброконструкта и прилагательного: *Основой для обслуживания нуждающихся диетпитанием в диетстоловых и диетотделениях общих столовых служит номерная*

⁴ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезычковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

система лечебных диет – **Диетическое питание** для работающих на промышленных предприятиях в зависимости от числа нуждающихся в нем трудящихся может обеспечиваться через диетические столовые (Губергриц, Линевский 1977: 24). Иначе говоря, абброконструкт – единица, находящаяся на границе между словом и словосочетанием: как и слово, он имеет словную семантику, как морфема он является воспроизводимой несамостоятельной языковой единицей.

С точки зрения диахронии абброконструкт, выступающий в качестве заместителя слова исходного словосочетания, является **абброэквивалентом** этого слова. Однако воспроизводимость абброконструкта часто выступает в качестве стимула для его морфематизации и перехода в разряд **абброморфем**, присоединяющихся непосредственно к производящему слову в качестве словообразовательного форманта при образовании диахронических квазиаббревиатур. Таковой является, например, абброморфема *авиа-* в квазиаббревиатурах *авиабилет* и *авиамамка* ‘авианосец’, присоединенная непосредственно к словам *билет* и *мамка* [Теркулов 2015]. Правда, и здесь есть некоторые особенности, отличающие абброконструкт от аффиксоида: в языке отмечается процесс псевдоунивербализации, т. е. развертывания вторичного словосочетания как на основе аббревиатуры (в результате универбализации словосочетания *механизированная уборка* возникло слово *мехуборка*, которое было развернуто псевдоунивербализационно в словосочетание *механическая уборка*), так и на основе квазиаббревиатуры (*авиабилет* > *авиационный билет*). В последнем случае на основе квазиаббревиатуры формируется единица, воспринимаемая на актуальном срезе языка как аббревиатура, т. е. переходящая в разряд синхронных аббревиатур.

Основываясь на этом, необходимо разграничивать **диахронические аббревиатуры**, возникшие в результате универбализации при помощи абброэквивалентов словосочетаний и противопоставляющиеся диахроническим квазиаббревиатурам, возникшим в результате использования абброморфем, и **синхронные аббревиатуры** – единицы, имеющие на актуальном срезе языка дескриптивные эквиваленты, независимо от того, возникли ли отношения эквивалентности в результате универбализации (*диетпитание*, *мехуборка*) или псевдоунивербализации (*авиабилет*); синхронные аббревиатуры противопоставляются синхронным квазиаббревиатурам, у которых не развились вторичные эквиваленты (*авиамамка*).

При образовании сложносокращенных апеллятивов также не осуществляется «произвольное сокращение» слов: для этого обычно используется устоявшийся, регулярный абброконструкт.

2. ПРИЗНАКИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ

Сложносокращенные апеллятивы имеют следующие признаки.

1) Единица данного типа может быть образована не от любого слова, а чаще всего от того, для которого в языке уже наличествует абброконструкт. Нами отмечено всего около 800 неинициальных абброконструктов. Оказиональные абброконструкты крайне редки и обычно не приживаются в языке.

2) В силу действия механизма псевдоунивербализации для сложносокращенных апеллятивов на актуальном срезе языка может отмечаться множественная мотивация. Например, для слова *политактивность* обнаружены корреляты *политическая активность*, *активность в политике*, *активность в политической жизни*.

3) Сложносокращенные апеллятивы имеют прозрачную внутреннюю форму, которая, однако, чаще всего не совпадает с его идиоматизированным лексическим

значением: слово *автокресло*, например, – это не просто *автомобильное кресло*, *кресло в автомобиль*, *кресло в автомобиле*, а ‘*съёмное кресло в автомобиле, предназначенное для перевозки детей*’.

4) Для сложносокращённых апеллятивов омонимия редкое, но все же отмечаемое явление. Она имеет особые черты и обозначается термином *симультанность*, т. е. «одновременная двойственная эквивалентность» [Бровец 2016: 41]. Например, *электробазар* может трактоваться одновременно и как *базар электрических товаров*, и как *базар электронных товаров*.

Нами рассматриваются сложносокращённые апеллятивы, имеющие более 1000 включений в тексты, отмечаемые поисковой машиной Google. Как показал анализ, такое количество включений сопряжено с выходом сложносокращённых апеллятивов из специализированного употребления в тексты других стилистических и тематических типов.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ АББРОКОНСТРУКТОВ⁵

В.И. Теркулов, И.Р. Смирнова

1. ПОНЯТИЕ ОБ АББРОКОНСТРУКТЕ

Данный раздел развивает положения, представленные в нашей статье [Смирнова, Теркулов 2023].

Абброконструктом мы называем «сокращённый неинициальный, т. е. включающий в свой состав как минимум две фонемы, компонент сложносокращённого слова, выступающий в качестве эквивалента какой-либо лексемы мотивационно связанного с данным словом словосочетания» [Теркулов, Смирнова 2022: 29], например *мед-*, являющийся абстроконструктом, эквивалентным словам *медицинский* в парах *медзаключение – медицинское заключение*, *медвуз – медицинский вуз* и т. п., *медик* в парах *медассоциация – ассоциация медиков*, *медблог – блог медика*, словосочетаниям *медицинских работников* (*медконсилиум – консилиум медицинских работников*), *медицинское учреждение* (*медархив – архив медицинского учреждения*) и т. д. Наше определение данной единицы значительно отличается не только от ее статусных трактовок, представленных в других исследованиях, но даже и на уровне терминов, которые используются учеными для ее обозначения, таких, например, как «формализованные компоненты» (К.Л. Тронь), «прилагательные морфемы» (В.В. Виноградов), «лексико-морфемы» (С.И. Ожегов), «препозитивные блоки» (В.В. Акуленко), «абброосновы» (А.В. Петров) и т. д.

Мы констатируем, что существует два базовых подхода к трактовке данной единицы:

1) аналитико-адъективный, согласно которому сокращённые компоненты сложносокращённых слов определяются как «аналитические прилагательные» (представлен впервые в работах А.А. Реформатского и М.В. Панова; в этом случае предполагается, что сложносокращённое слово – это не слово, а словосочетание, в котором сокращённый компонент выступает в качестве «неизменяемого прила-

⁵ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезычковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

гательного» – дублета полной формы [Маринова 2010; Бабанов 2011; Petrukhina 2017];

2) морфематический, трактующий их либо как абброморфемы (концепция Д.И. Алексеева), которые являются особыми (не корневыми, не аффиксальными) деривационными единицами [Викторина, Чучва 2016; Кадькалов, Кадькалова 2013], либо как аффиксоиды [Волкова 2020; Русакова 2011].

Мы понимаем причины такой интерпретации абброконструктов: как будет показано ниже, они находятся на границе между словами и морфемами, но не являются ни теми, ни другими. Именно поэтому мы и используем в качестве рабочего термин «абброконструкт», не связывающий обозначенную им единицу ни со словом, ни с морфемой, хотя и понимаем, что и он не идеален.

Важно указать на одну особенность нашего подхода: как оказалось, при рассмотрении эквивалентов абброконструктов, т. е. их дешифровальных стимулов (см. ниже), важно разграничивать дешифровальные **токены**, т. е. конкретные речевые дешифровки аббревиатуры в конкретном значении и грамматической форме, и дешифровальные **леммы**, т. е. словарные объединения токенов с представлением их в форме именительного падежа единственного (для *pluralia tantum* – множественного) числа и с полным набором воплощаемых в аббревиатуре значений. Например, для абброконструкта *студ-* лемма *студэнт, -а*, м. ‘учащийся высшего учебного заведения’ представлена токенами для *студентов (студбольница – больница для студентов)*; *студента (студбилет – билет студента)*; *студентов (студбат – батальон студентов)*.

В традиционных словарях при описании абброконструктов обычно приводится перечень только лемм. Например, в словаре С.И. Ожегова для абброконструкта *авиа-* дается такое описание: «АВИА... Первая часть сложных слов со знач. относящийся к авиации, авиационный, напр. авиабаза, авиабомба, авиадесант, авиаконструктор, авиатехник, авиатранспорт, авиасвязь, авиалиния, авиасъемка, авиатрасса, авиаприборы, авиапромышленность, авиабилет, авиапассажир» [Ожегов, Шведова 2003: 5]. Точно так же данные единицы представлены в словарях сокращений. Например, в «Словаре сокращений русского языка» под редакцией Д.И. Алексеева для указанного абброконструкта дается такая словарная статья: «авиа – авиация; авиапочта; авиа... – авиационный (например: авиабензин, авиабилет, авиабомба, авиадвигатель, авиапассажир)» [Алексеев 1983: 18].

Такое описание мало чем помогает.

Во-первых, в нем указывается только на лемму наиболее частотного дешифровального стимула, что явно недостаточно для носителя языка, поскольку разные токены одной леммы могут давать разную интерпретацию значения абброконструкта. Например, у слова *автогорючее* в эквивалентах *автомобильное горючее* и *горючее для автомобилей* реализуется значение ‘используемое в автомобилях’, а у слова *автоколонна* в эквивалентах *автомобильная колонна* и *колонна автомобилей* реализуется значение ‘состоящая из автомобилей’. Пользователь словаря, носитель языка должны знать о возможностях разной семантической интерпретации абброконструкта.

Во-вторых, в нем даны далеко не все эквиваленты абброконструкта. Например, для дешифровки *авто-* в эквивалентных текстах используется сто шестьдесят семь токенов сорок одной леммы. Только для леммы *автомобиль* ‘транспортная безрельсовая машина, главным образом на колесном ходу, приводимая в движение собственным двигателем’ обнаруживается шестнадцать токенов: *автомобилей*

(автоавария – авария автомобилей); автомобиль (автолаборатория – автомобиль-лаборатория); автомобиля (автоаренда – аренда автомобиля); в автомобиле (автокафе – кафе в автомобиле); в автомобиль (автоинвертор – инвертор в автомобиль); для автомобилей (автобокс – бокс для автомобилей); для автомобиля (автовесы – весы для автомобиля); из автомобилей (автокража – кража из автомобилей); из автомобиля (автокража – кража из автомобиля); к автомобилю (автокомплектующие – комплектующие к автомобилю); к автомобилям (автоаксессуары – аксессуары к автомобилям); на автомобиле (автоизвоз – извоз на автомобиле); на автомобилях (автозапчасти – запчасти на автомобилях); на автомобиль (авторегистратор – регистратор на автомобиль); на автомобилях (автогонки – гонки на автомобилях); об автомобилях (автожурнал – журнал об автомобилях); про автомобили (автоновости – новости про автомобили) [Ала-майрех 2020].

В какой-то мере первая проблема решена в словаре «Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника» [Левашов 2009], в котором приводятся основные значения абброконструктов, определяемых в нем как аффиксоиды. Как показали наши исследования, такая интерпретация недостаточна, поскольку значение абброконструкта существует не само по себе, а объективируется значениями эквивалентных сложносокращенному слову словосочетаний, которые не представлены в словаре, но их игнорирование, вполне объяснимое для рассматриваемого словаря, в котором связь абброконструкта с его дешифровками даже не упоминается, приводит к неполноте его семантического описания.

Абброконструкт нельзя трактовать как морфему / аффиксоид в первую очередь потому, что у него отмечается не абстрактная морфемная, а конкретная словесная семантика, и это подтверждается его способностью разворачиваться в слово. Например, аффиксоид *-пись* имеет отвлеченное морфемное значение ‘процесс создания графического объекта и сам графический объект’ [Левашов 2009: 42]: слово *рукопись* ‘подлинник или копия текста, написанные от руки или переписанные на пишущей машинке, компьютере’ не имеет в эквивалентных текстах развернутого коррелята с тождественным значением (нет, например, **писание рукой*, **написанное рукой* в значении ‘рукопись’), а слово *летопись* ‘погодная запись исторических событий древнего времени’ не дешифруется в эквивалентных текстах как **описание лет* или **писание лет*. В то же время абброконструкт *-ком* в слове *профком* абсолютно эквивалентен слову *комитет*, в который он и разворачивается в текстах: **Профсоюзный комитет (профком) представляет собой первичную профсоюзную организацию (ППО) какого-либо отраслевого профсоюза** (<https://mapikibi.ru/committees/profsoyuznyj-komitet/>). Разница между аффиксоидом и абброконструктом проявляется даже в лексикографическом описании: если аффиксоид в словарях описывается именно как морфема (см. выше), то абброконструкту обычно просто приводится словный эквивалент – «...ком – комитет (например: горком, местком, фабзавком)» [Алексеев 1983: 179]. Другая проблема заключается в том, что при аффиксоидной трактовке абброконструктов достаточно сложно определить морфемную структуру слоговых аббревиатур. В «Словаре аффиксоидов» такие слова определяются как состоящие исключительно из аффиксоидов: «В отличие от префиксов и суффиксов, всегда разделенных в слове корневой морфемой, префиксоиды и суффиксоиды, будучи корневыми (выделено нами. – В. Т.) по смыслу, могут присоединяться напрямую (*санбат, юрфак*)» [Левашов 2009: 6]. Но такая трактовка немыслима: с одной стороны, мы определяем аффиксоиды как

аффиксы, а с другой – «по смыслу» отождествляем их с корнем. Иначе говоря, определение абброконструктов как аффиксоидов, к сожалению, противоречиво и неубедительно (см. подробнее об этом *Главу 3* данного раздела).

Точно так же неубедительна и трактовка их как аналитических прилагательных, поскольку они, во-первых, не обладают синтаксической самостоятельностью: в подавляющем количестве случаев абброконструкт получает фиксированную позицию в структуре аббревиатуры, например, *эко-* в *экоферма* всегда в препозиции, а *-бриг* в *комбриг* – в постпозиции. Во-вторых, находящийся в препозиции абброконструкт не всегда эквивалентен прилагательному. Например, для слова *аэрофотоматериалы* не отмечается адъективных эквивалентов. Абброконструкту здесь соответствует субстантив *аэрофототъемки* и субстантивное словосочетание *аэрофототопографической съёмки: материалы аэрофототъемки* и *материалы аэрофототопографической съёмки*. Кроме того, достаточно часто адъективная форма не является самым частотным эквивалентом абброконструкта. Например, для слова *автоводитель* отмечается такой набор коррелятов (расположены по мере убывания частотности употребления): *водитель автомобиля, водитель авто, водитель автомашины, водитель автомобилей, водитель автомашин, водитель автотранспортных средств, водитель автотранспорта, водитель автотранспортного средства, автомобильный водитель*, в котором адъективное словосочетание (*автомобильный водитель*) по частотности употребления занимает только девятую позицию. Это противоречит тезису о вариантном статусе «аналита» только по отношению к прилагательному: он может заменять и существительные в атрибутивной функции. В-третьих, абброконструкт достаточно часто эквивалентен не только признаковому, но и базисному компоненту в пре- и постпозиции. Например, в словах *завкафедрой, колхоз, главком* конструкторы *зав-, -хоз, -ком* эквиваленты базисным существительным *заведующий, хозяйство, комитет* и поэтому не могут быть определены как аналитические прилагательные.

Абброконструкты, конечно, могут морфематизироваться и в результате этого при образовании новых слов непосредственно присоединяться к производящей лексеме (квазиунивербализация: см. об этом *Главу 3* этого раздела), т. е. вести себя как аффиксоиды, но в отличие от аффиксоидов они чаще всего подвержены псевдоунивербализации, т. е. разворачиванию вторичного эквивалентного словосочетания, что приводит к формированию вторичной, синхронной аббревиации. Например, диахронически слово *биозащита* является аббревиатурой, поскольку возникло в результате свертывания комплекса *биологическая защита*, а слова *биогаз* и *биотехнолог*, как показывает применение разработанных нами методик этимологизирования аббревиатур (*Глава 3* этого раздела), являются квазиаббревиатурами, образованными прямым присоединением к словам *газ* и *технолог* абброконструкта *био-*, действительно становящегося в этом случае абброморфемой – самостоятельным деривационным формантом, никак не связанным с какими-либо производящим словосочетанием, которого, собственно, и не существует. Однако для слова *биогаз* в результате псевдоунивербализации разворачивается частотное вторичное словосочетание *биологический газ*, что переводит его в ряд синхронных аббревиатур, а для слова *биотехнолог* частотных вторичных словосочетаний не отмечается, что сохраняет за ним статус квазиаббревиатуры и на актуальном срезе языка. Итак, один и тот же абброконструкт может с точки зрения диахронии выступать в качестве:

а) диахронного абброэквивалента, замещающего слово производящего словосочетания (*биологическая защита* > *биозащита*);

б) диахронной абброморфемы – морфематизированного абброконструкта, выступающего в качестве первичного средства деривации, но затем в результате псевдоунивербализации развернутого в лексему (*био + газ = биогаз* > *биологический газ*);

в) диахронного абброаффиксоида – морфематизированного абброконструкта, не имеющего ни первичных, ни вторичных эквивалентов (*био + технолог = биотехнолог* > *ø*).

В синхронии следует разграничивать два функциональных статуса абброконструкта:

а) абброэквивалент в словах, для которых в синхронии отмечаются мотивированно связанные словесные эквиваленты (*биозащита, биогаз*);

б) абброаффиксоид в словах, которые таковых не имеют (*биотехнолог*).

При этом абброаффиксоиды принципиально отличаются от реальных аффиксоидов: аффиксоиды являются самостоятельными единицами, не использующимися в диахронии для универбализации и не вступающие на актуальном срезе языка в эквивалентные отношения с дескриптивными наименованиями, в то время как абброаффиксоиды не являются самостоятельными единицами, а выступают в качестве функциональных вариантов одного абброконструкта в одном ряду с формально совпадающими с ними абброэквивалентами и абброморфемами.

2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АББРОКОНСТРУКТОВ

Описание абброконструктов учитывает целый ряд их параметральных характеристик.

1. Параметр «Место в структуре сложносокращенного слова»:

а) **препозитивные**, т. е. находящиеся в начале аббревиатуры, например *лит-* в слове *литинститут (литературный)*;

б) **постпозитивные** – находящиеся в конце аббревиатуры, например *-бриг* в слове *комбриг (командир бригады)*.

2. Параметр «Количество компонентов в структуре абброконструкта»:

а) **простые**, которые имеют монолитную структуру и состоят из одного компонента, формально эквивалентного какому-либо простому слову в составе мотивационно связанного с аббревиатурой словосочетания, например *гумконвой* – *гуманитарный конвой*;

б) **составные**, которые имеют многокомпонентную членимую структуру, т. е. состоят не менее чем из двух простых абброконструктов, формально соотносённых сразу с несколькими компонентами мотивационно связанного с аббревиатурой словосочетания; различаются:

- **сложные**, или **фузионные**, – аббревиатурные комплексы с цельной семантикой, состоящие из нескольких простых единиц, для которых возможна как дискретная (*авиаспортклуб* – *авиационный спортивный клуб*), так и интегрированная дешифровка (*авиаспортклуб* – *авиаспортивный клуб*); фузионные абброконструкты представляют собой функционально-ономасиологическое единство и целно реализуют словную семантику, что подтверждается возможностью их однословной = интегрированной дешифровки;

- **собственно составные**, или **агглютинативные**, абброконструкты, возникающие в результате последовательного «нанизывания» простых конструкторов и имеющие поступательную дискретную дешифровку, например: *горавтопарк – городской автопарк – автопарк – автомобильный парк*; агглютинативные абброконструкты не представляют собой функционально-ономасиологического единства и не имеют однословного эквивалента, а значит, не реализуют словной семантики.

3. Параметр «Морфемная членимость»:

а) **морфемно нечленимые**, т.е. не содержащие интерфикса (**безынтерфиксные**), например: *академ- (академгородок – академический городок)*, *лик- (ликбез – ликвидация безграмотности)*, *маск- (маскхалат – маскировочный халат)*;

б) **морфемно членимые** – содержащие в своем составе интерфикс (**интерфиксные**), например: *климат-о- (климатотерапия – климатическая терапия)*, *овощ-е- (овощебаза – овощная база)*.

4. Параметр «Наличие формальных вариантов»:

а) **инвариантные** имеют только одно формальное воплощение, например: *пед- (педсовет, педстаж, пединститут и т.д.)*, *плав- (плавбаза, плавсостав, плавтехкружок, плавединица и т.д.)*, *танц- (танцплощадка, танцкласс, танцшоу и т.д.)* и др.;

б) **вариантные** имеют несколько формальных (вариантных, дублетных) воплощений, например: *псих- (психлечебница)* и *психо- (психолечебница)*, *ад- (адхоз) – админ- (админхоз)*, *мет- (метцентр) – метео- (метеоцентр)* и т.д.

5. Параметр «Тип семантической интерпретации при дешифровании»:

а) **однозначные**, стереотипные варианты дешифровки которых относятся к одному семантическому классу, например: *бур – буровой (бурзамок – буровой замок)*, *бурильный (буринструмент – бурильный инструмент)*, *для бурения (бурголовка – головка для бурения)*;

б) **симультантные**, для которых свойственна множественность семантической трактовки, так как в языке для них существует нескольких актуальных синтаксических коррелятов, например: *электро – электрический и электронный (электрогитара – электрическая гитара, электронная гитара)*, *вибро – вибрационный и вибрирующий (виброгантель – вибрационная гантель, вибрирующая гантель)* и др.

6. Параметр «Структурный тип эквивалента», определяющий вариативность деривационного статуса абброконструкта. Различаются:

а) **собственно аббревиатурные конструкторы**, которые при любой дешифровке равны **части основы** эквивалентного слова, например *бум- (бумажный, бумага)*;

б) **гибридные (мутантные) аббревиатурные конструкторы**, т.е. «единицы, характеризующиеся двойственностью трактовки при дешифровании» [Рязанова 2017б: 200]. Слова, в которые входят такие абброконструкты, могут при разных дешифровках определяться и как аббревиатуры, и как «не-аббревиатуры» (композиции или юкстапозиты):

- аббревиатурно-компаративные конструкторы, которые, имея несколько эквивалентов, равны части основы слова одного из них и целой основе другого слова, например: *хлебопоставки – хлебные поставки* (аббревиатурная трактовка), *поставки хлеба* (компаративная трактовка);

- аббревиатурно-юкстапозитные конструкторы, которые формально соответствуют части основы слова-эквивалента в одном случае и неизменяемому слову в другом, например: *метростанция* – станция *метрополитена* (аббревиатурная трактовка), станция *метро* (юкстапозитная трактовка).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, абброконструктор является компонентом сложносокращенного слова, выступающим «заместителем» лексемы / лексем словосочетания, связанного с данным словом мотивационными отношениями. Абброконструктор занимает промежуточное положение между морфемой и словом: как и морфема, он имеет статус несамостоятельной воспроизводимой единицы, а как слово реализует лексемное значение. В диахронии абброконструктор может выступать в трех функциональных разновидностях (абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксоид, а в синхронии – в двух (абброэквивалент и абброаффиксоид). Абброконструктор имеет следующие параметры описания: место в структуре сложносокращенного слова, количество компонентов в структуре абброконструктора, морфемная членимость, наличие формальных вариантов, тип семантической интерпретации при дешифровании, структурный тип эквивалента.

Глава 3. ДИАХРОННЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ. КВАЗИАББРЕВИАТУРЫ⁶

К.Ю. Емельянова

1. ПОНЯТИЕ О КВАЗИАББРЕВИАТУРЕ

Как уже было показано выше, одна из основных идей Лаборатории – необходимость разграничения синхронных и диахронных аббревиатур.

Выше говорилось о том, что аббревиатурой нами считается единица, которая:

1) содержит абброконструктор, например *авиа-* в словах *авиавыставка*, *авиаиндустрия*, *авиамаршрут*, *авиамасто*, *авиаоборудование* и др., *гидро-* в аббревиатурах *гидрозащита*, *гидроканал*, *гидрокостюм*, *гидромасто*, *гидромашина* и др., *зоо-* в лексемах *зоокабинет*, *зоолаборатория*, *зоомагазин*, *зоопарк*, *зоосад* и др., и произведена от словосочетания в результате его компрессии, универбализации («процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [Теркулов 2016б: 21], например: *авиационная выставка* > *авиавыставка*, *авиационное оборудование* > *авиаоборудование*, *гидравлическое масло* > *гидромасто*, *гидравлическая машина* > *гидромашина*, *зоологический кабинет* > *зоокабинет*, *зоологическая лаборатория* > *зоолаборатория* и др.). Так, Д.И. Алексеев в работе «Сокращенные слова в русском языке» писал: «Сформирование рядов аналогично построенных слов в слоговой аббревиации в 30-е годы сказалося в вытеснении менее удобных препозитивно-слоговых “фузионных” вариантов (*го-*, *гла-*, *Мо-*, *Ро-*), в укреплении “агглютинативных” вариантов (*гос-*, *глав-*, *Мос-*, *Рос-*), а также в том, что **сокращению стали подвергаться не любые, а только наиболее “перспективные”, частотные прилагательные и**

⁶ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезычковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

существительные из состава словосочетаний (выделено нами. – К.Е.). С помощью таких компонентов слоговые сокращения создаются легко и свободно» [Алексеев 1979: 174];

2) сосуществует в синхронии с производящим словосочетанием, которое является ее абсолютным синонимом (текстовым эквивалентом), например: *авиаиндустрия* – *авиационная индустрия*, *авиамасто* – *авиационное масло*, *гидрозащита* – *гидравлическая защита*, *гидроканал* – *гидравлический канал*, *гидрокостюм* – *гидравлический костюм*, *зоомагазин* – *зоологический магазин*, *зоопарк* – *зоологический парк*, *зоосад* – *зоологический сад*: «Таким образом, об аббревиации мы говорим тогда, когда в системе языка, в данный период его развития, сосуществуют полные и сокращенные формы» [Борисов 1972: 62].

Сокращения, которые имеют абброконструкт и произведены от словосочетаний, являющихся их дублетами, как было показано в предыдущих разделах, появились в результате **универбализации** и называются **абброэквивалентными аббревиатурами**. Абброконструктом в данном случае является **абброэквивалент**, например: *музыкальный колледж* > *музколледж*, *педагогический работник* > *педработник*, *профессиональный праздник* > *профпраздник*, *ритмическая гимнастика* > *ритмогимнастика*, *социальный проект* > *соцпроект*.

Однако работа над словарными статьями Словаря показала, что не всегда единицы, которые трактуются как аббревиатуры, соответствуют требованиям, перечисленным выше. Были обнаружены слова, имеющие в синхронии текстовые эквиваленты-словосочетания, но не образованные от них. Иными словами, существует большое количество сокращений, которые появились не в результате универбализации, а по иным причинам, к которым относятся:

1) прямое присоединение абброконструкта к производящему слову (*авиа- + индустрия* > *авиаиндустрия*, *гидро- + костюм* > *гидрокостюм*, *зоо- + магазин* > *зоомагазин*, *мульти- + фильм* > *мультфильм*, *орг- + комитет* > *оргкомитет* и т. д.);

2) аббревиатурное калькирование иноязычного слова (англ. *oil derrick* – рус. *нефтьевышка / нефтяная вышка*);

3) сохранение абброконструкта в сложнопроизводном слове (*авторемонт* > *авторемонтник*, *автожурнал* > *автожурналист*, *автозаправка* > *автозаправщик*, *автодизайн* > *автодизайнер*, *автопутешествие* > *автопутешественник* и т. д.; см. [Агаркова 2021, Тахмазова 2020]).

Данные типы сложных слов называются **квазиаббревиатурами** (имитациями аббревиатур). Они появляются в результате процесса **квазиунивербализации** (процесс образования сокращений не от словосочетаний, а от слов) и содержат такой тип абброконструкта, как **абброморфема** («стереотипно используемый при образовании квазиаббревиатур абброконструкт с обобщенной семантикой, возникший в результате деривационной абсолютизации абброэквивалента и присоединяемый в процессе деривации непосредственно к производящему слову как словообразовательная морфема» [Теркулов 2016б: 16]). Появление вторичных текстовых эквивалентов у них происходит вследствие действия процесса **псевдоунивербализации** – разворачивания «на базе сложносокращенного слова вторичных словосочетаний, возникновение которых в данном случае обусловлено действием сложившегося в сознании носителей языка стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта» [Теркулов 2017: 79].

Однако псевдоунивербализация возможна не только на базе квазиаббревиатур, но и на базе аббревиатур: она формирует множественность эквивалентов сложносокращенного слова. Например, лексема *баклаборатория* появилась в результате универбализации словосочетания *бактериологическая лаборатория*. В поисковой системе Google для данной аббревиатуры обнаруживается и другой эквивалент – *бактериальная лаборатория*, который возник вследствие дешифровки аббревиатурного конструкта *бак-* при помощи эквивалента *бактериальный*. Такая множественная эквивалентность аббревиатуры объясняется влиянием **дешифровальных стимулов** – «имплицитных знаний носителя языка, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова» [Рязанова 2017в: 34].

Следует отметить, что для квазиаббревиатур псевдоунивербализация «более значима, поскольку именно она, создавая вторичный синтаксический эквивалент слова, формирует на синхронном срезе языка восприятие квазиаббревиатур как аббревиатур» [Теркулов 2017: 80].

Типы квазиаббревиатур: абброморфемная, заимствованная, сложнопроизводная. Наиболее распространенным типом квазиаббревиатур является **абброморфемная квазиаббревиатура**. Данные сложносокращенные слова образуются в результате квазиунивербализации и содержат абброморфему, которая под действием псевдоунивербализации трансформируется в дублетный атрибут, вследствие чего становится возможным трактовать абброморфемную квазиаббревиатуру как синхронную аббревиатуру.

В теории Лаборатории предлагается разграничивать диахронные аббревиатуры и синхронные аббревиатуры.

Диахронные аббревиатуры (или собственно аббревиатуры) – это сокращения, которые реально возникли на базе словосочетаний (*авиавыставка, гидромасло, зоокабинет*) и противопоставляются квазиаббревиатурам (*авиамаршрут, гидрокостюм, зоомагазин*). «Выделение аббревиатур данного типа осуществляется только на основе диахронного анализа, их существование оправдывается только диахронно, и поэтому мы называем такие единицы **диахронными аббревиатурами**» [Теркулов 2017: 86].

Синхронные аббревиатуры – сложносокращенные слова, которые имеют на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые эквиваленты. К ним относятся как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, получившие в результате псевдоунивербализации вторичные дублеты-словосочетания. «Существование таких отношений между словом и его эквивалентом оправдывается только синхронно, и поэтому мы называем такие единицы синхронными аббревиатурами» [Теркулов 2017: 86]. Иными словами, в синхронии аббревиатурами будут являться как *авиавыставка, гидромасло, зоокабинет*, так и *авиамаршрут, гидрокостюм, зоомагазин*.

Разграничение аббревиатур на диахронные и синхронные объясняется тем, что для носителей языка нет никакой разницы между собственно аббревиатурами и квазиаббревиатурами, так как и те и другие имеют на актуальном срезе языка текстовые эквиваленты. «Разрыв в данном случае между результатами диахронного **анализа** (наличие / отсутствие словосочетания-источника) и синхронного **восприятия** (дублетность слова и словосочетания) и побуждает нас говорить о двух типах аббревиатур» [Теркулов 2017: 86].

В Словаре представлено большое количество абброморфемных квазиаббревиатур. Отличить их от собственно аббревиатур (абброэквивалентных аббревиатур)

дают возможность реперные точки, указывающие на баланс индексов, т. е. «частное от деления индекса употребления аббревиатуры на индекс употребления словосочетания» [Теркулов 2016б: 18]. Подсчет количества употреблений слова и словосочетания осуществляется на основе статистики их включения в тексты, отобранные используемой в качестве корпуса поисковой машины Google (методики точного поиска разработаны в Лаборатории на основе операторов цитирования).

В словаре используются два блока реперных точек.

Первый блок объединяет случаи, когда слово употребляется реже словосочетания (баланс индексов меньше 1): «Если баланс индексов > 1 , это значит, что словосочетание употребляется в поисковых машинах реже слова, а если < 1 , это значит, что *аббревиатурное слово* употребляется реже словосочетания» [Теркулов 2016б: 18]. В первом случае словосочетание вторично и возникло в результате развертывания сложносокращенного слова. Второй же случай однозначно свидетельствует о первичности словосочетания. Иными словами, если баланс индексов > 1 , то перед нами абброморфемная квазиаббревиатура, если же баланс индексов < 1 , то мы говорим об абброэквивалентной аббревиатуре. Для обозначения этого блока используется знак ◀ (ставится только один раз в начале блока).

Выделяются следующие реперные точки:

- 1: – баланс индексов от 1 до 0,2;
- 0,1: – от 0,1 до 0,02;
- 0,01: – от 0,01 до 0,002;
- 0,001: – от 0,001 до 0,0001.

Второй блок объединяет случаи, когда слово употребляется чаще словосочетания (баланс индексов больше 1). Для обозначения этого блока используется знак ▶ (ставится только один раз в начале блока).

Выделяются следующие реперные точки:

- 10: – от 1,1 до 10;
- 20: – от 11 до 20;
- 30: – от 21 до 30 и т. д. до 100;
- 100: – от 91 до 100;
- 200: – от 101 до 200, и т. д. до 500.

Таким образом, абброморфемные квазиаббревиатуры, предположительно, имеют реперные точки от ▶ 10 до ▶ 500. Например, для слова *астрофотография* отмечается один текстовый эквивалент *астрономическая фотография*, перед которым стоит реперная точка ▶ 20, что свидетельствует о вторичности словосочетания и о том, что перед нами абброморфемная квазиаббревиатура. Другой пример: лексема *евроцент* имеет дублет *европейский цент* с реперной точкой ▶ 300. Было отмечено, что в результате псевдоунивербализации может формироваться множественная эквивалентность у абброэквивалентных аббревиатур. В случае с абброморфемными квазиаббревиатурами эта полиэквивалентность также возможна: *авиасервис* – *сервис авиакомпаний* (▶ 10), *сервис авиакомпании* (▶ 10), *авиационный сервис* (▶ 10), *сервис авиабилетов* (▶ 20), *сервис на авиатранспорте* (▶ 50), *сервис на авиационном транспорте* (▶ 200), *сервис авиалиний* (▶ 300); *автоиндустрия* – *автомобильная индустрия* (▶ 10), *автотранспортная индустрия* (▶ 30), *автомобилестроительная индустрия* (▶ 200); *ветрогенератор* – *ветряной генератор* (▶ 10), *ветровой генератор* (▶ 30); *дизайн-бюро* – *дизайнерское бюро* (▶ 10), *бюро дизайна* (▶ 20),

бюро дизайнера (► 400); драмтеатр – драматический театр (► 10), театр драмы (► 10), драматургический театр (► 400) (все толкования, описания реперных точек и т. д. приводятся из Картотеки Словаря).

В данном случае для отграничения собственно аббревиатур от квазиаббревиатур мы используем количественную методику (см. раздел «Методики разграничения аббревиатур и квазиаббревиатур» ниже).

Следующий тип квазиаббревиатур – **заимствованные (калькированные заимствованные аббревиатуры)**.

Иногда как аббревиатуры трактуются калькированные заимствования аббревиатурного типа из других языков. Например, Т.С. Сергеева считает аббревиатурой слово *танцпол*, для которого ею предполагается производящее *танцевальный пол* [Сергеева 2013: 176], «однако в действительности слово *танцпол* является аббревиатурной калькой англ. *dance floor*, что и позволяет считать словосочетание *танцевальный пол* не производящим для него, а производным от него» [Теркулов 2017: 84].

Другим примером калькированной заимствованной аббревиатуры является слово *авиасимулятор* – «1) Жанр видеоигр, симулирующий в той или иной степени какой-либо летательный аппарат. 2) То же, что *авиатренажер*». Данная единица в поисковой системе Google встречается 201 000 раз, в то время как лексема *flight simulator* употребляется 23 200 000 раз. Подтверждением калькирования могут служить и обнаруженные текстовые эквиваленты – *авиационный симулятор* (► 30) и *симулятор авиации* (► 200). Реперные точки свидетельствуют о том, что перед нами вторичные текстовые эквиваленты, т. е. слово *авиасимулятор* является квазиаббревиатурой, а именно калькированным заимствованием из английского языка. Для анализа рассматриваемой единицы был использован **прием количественного поиска**.

Квазиаббревиатурой данного типа будет являться также слово *авиалиния*, подтверждением чего выступают результаты приема расширенного поиска. «Прием расширенного поиска предполагает использование при поиске в поисковых машинах операторов “на всех языках” и “все результаты”. Часто в этом случае поисковые машины выдают многочисленные тексты, в которых приводится иноязычный эквивалент русской аббревиатуры, что может хотя бы вызвать сомнения в ее исконности» [Теркулов 2017: 84]. Так, при подсчете употреблений лексемы *авиалиния* («Утвержденный маршрут регулярных полетов самолетов, обеспеченный аэродромами и необходимым наземным оборудованием; *авиатрасса*») были обнаружены ссылки на англоязычные и русские тексты с эквивалентом *airline*. Так как обнаруженный текстовый эквивалент *авиационная линия* является вторичной единицей (► 50), мы можем предположить, что *авиалиния* – калькированная заимствованная аббревиатура.

В аббревиатурной группе *евро* такой квазиаббревиатурой является лексема *евробонд* («Облигация в евровалюте, выпускаемая вне страны ее происхождения с целью размещения среди инвесторов»). На сайте «Картаслов.ру» находим следующее: «**Еврооблигация** (также на финансовом сленге ‘евробонд’ – от англ. *eurobond*) – облигация, выпущенная в валюте, являющейся иностранной для эмитента, размещаемая с помощью международного синдиката андеррайтеров среди зарубежных инвесторов, для которых данная валюта также является иностранной» (<https://kartaslov.ru/значение-слова/еврооблигация>). Как видно, слово *евробонд* – это калька от англ. *eurobond*. Также обнаруженные вторичные текстовые

эквиваленты могут служить подтверждением «квазиаббревиатурности» анализируемой единицы: *бонды еврозоны* (▶ 200), *европейский бонд* (▶ 200).

Еще одной калькированной заимствованной аббревиатурой является слово *евродепозит* («То же, что евроклад»; *евроклад* – ‘Депозит в валюте другой страны, например, при операциях на *евровалютном рынке*’). В Финансовом словаре под редакцией И.М. Осадчей констатируется, что *евродепозит* – это калька с *eurodeposit: Евродепозит (eurodeposit)*. ‘Депозит в валюте другой страны, например, при операциях на *евровалютном рынке*’ (*eurocurrency market*) (https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/32736?ysclid=lmxeha8c8n937354770). У данного сокращения обнаруживается множественная эквивалентность: *депозит в евро* (◀ 1), *депозит в европейском банке* (▶ 20), *депозиты в европейских банках* (▶ 20), *евродолларовый депозит* (▶ 20), *евровалютный депозит* (▶ 30), *депозиты в банках Европы* (▶ 70), *депозиты европейских банков* (▶ 200). Как видно из данного перечня эквивалентов, один дублет имеет баланс индексов ◀ 1, что могло бы свидетельствовать о том, что сложносокращенное слово *евродепозит* появилось в результате «свертывания» словосочетания *депозит в евро*, однако в этом случае анализируемое сокращение является калькированной квазиаббревиатурой, а не собственно аббревиатурой. Баланс индексов ◀ 1 в данном случае свидетельствует только о частотности употребления словосочетания.

В анализируемой словарной статье мы обнаруживаем и словосочетание-кальку – *евровалютный рынок (eurocurrency market)*. Данный текстовый эквивалент встречается в словарной статье со словом *еврорынок*: «*Еврорынок, -нка*, м. 1) Рынок, возникший в 1950-х гг. для финансирования международной торговли. 2) *Европейское сообщество*, рассматриваемое как единый крупный рынок товаров. 3) *Банковский рынок краткосрочного капитала*, где осуществляется депонирование, кредитование и заимствование в *евровалютах* ◀ 0,1: *рынок в Европе, европейский рынок*; 1: *рынок Европы, рынок в странах Европы, рынок в европейских странах, рынок Евросоюза* ▶ 10: *рынок европейских стран, рынок стран Европы, рынок еврооблигаций, рынок Европейского Союза, рынок евро, рынок стран Евросоюза, рынок стран Европейского Союза, рынок для Европы, рынок евровалют, рынок для европейцев, европейский валютный рынок, рынок еврозоны, рынок в Европейском Союзе*; 20: ***евровалютный рынок*** (выделено нами. – К.Е.); 30: *рынок еврокредитов, рынок евробумаг, рынок еврооблигаций*; 50: *евродолларовый рынок*; 200: *рынок еврокапиталов, рынок европейцев, рынок европейских валют, рынок европейского типа, рынок по европейскому образцу, рынок европейских облигаций, рынок евроакций*; 300: *рынок европейских акций, рынок европейского образца* • *рынок*».

Сложносокращенное слово *еврорынок* также является калькой. Подтверждением этого служит Финансово-кредитный энциклопедический словарь под редакцией А.Г. Грязновой: ***Еврорынок*** (англ. *Eurocurrency market*) часть мирового рынка ссудных капиталов, на котором банки осуществляют депозитно-ссудные и другие операции в евровалютах (https://finance_loan.academic.ru/566/ЕВРОРЫНОК?ysclid=lmxgfhpuhh430833763).

Как видно из словарной статьи, текстовые эквиваленты, имеющие баланс индексов ◀ 0,1 и ◀ 1, не свидетельствуют о том, что перед нами аббревиатурная аббревиатура.

Следующий тип квазиаббревиатур – **сложнопроизводные слова**, которые определяются как лексемы, образованные от аббревиатур морфологическим спо-

собом. Для определения статуса данных единиц на диахронном срезе языка используется прием словообразовательного перифразы (или словообразовательной перифразы). «Словообразовательная перифраза – это своего рода формула словообразовательного толкования, словообразовательной семантизации производных слов. Словообразовательные перифразы состоят из двух частей: родовой (обобщенной), представленной обычно местоименным блоком (тот, кто; то, что), и видовой, указывающей отличительный признак» [Дударова 2018: 62]. Например, для сокращения *авиакассир* формулируем перифраз ‘тот, кто работает в авиакассе’ (определение в Словаре: «Специалист по бронированию и продаже авиабилетов»). В Словаре находим словарную статью аббревиатуры *авиакасса*: *Авиака́сса, -ы*, ж. Помещение, в котором осуществляется продажа *авиабилетов* ► 50: *касса по продаже авиабилетов*; 200: *авиационная касса* • *касса* * *авиакассир* (* в Словаре – знак блока производных слов). Как видно из словарной статьи, лексема *авиакассир* действительно является производной от слова *авиакасса*. Данная сложнопроизводная единица входит в лексико-семантическую группу «лицо» («Обширная организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений» [Жеребило 2010]). Способ образования сокращения *авиакассир*: основа существительного + суффикс *-ир*: *авиакасса* > *авиакасс-[ир]* ‘тот, кто работает в авиакассе’.

На синхронном срезе языка сложнопроизводные слова имеют признаки аббревиатур: они также содержат аббреконтрукт и имеют текстовые эквиваленты. Так, для лексем *авиакассир* обнаруживаются два текстовых эквивалента: *кассир по продаже авиабилетов* и *авиационный кассир*. Данные словосочетания являются вторичными эквивалентами. На это указывает баланс индексов: *Авиакассíр, -а*, ж. Специалист по бронированию и продаже *авиабилетов* ► 70: *кассир по продаже авиабилетов*; 300: *авиационный кассир* • *кассир* * *авиакасси́ша* (разг.).

От сложнопроизводных слов также могут образовываться производные единицы. Так, в рассматриваемой выше словарной статье мы обнаруживаем окказиональную производную единицу *авиакасси́ша*, которая употребляется всего 29 раз, поэтому для данного сокращения нет отдельной словарной статьи. Способ образования слова *авиакасси́ша*: основа существительного + суффикс *-ш-* + флексия *-а*: *авиакассир* > *авиакассир-[ш-а]* «та, которая работает в авиакассе».

Другими примерами сложнопроизводных квазиаббревиатур являются лексем *газопоглотитель* и *газопоглощающий*. В Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка находим словарную статью аббревиатуры *газопоглощение*, от которой были образованы анализируемые слова: *Га́зопоглоще́ние, -я*, ед. Проникновение *газовых* молекул в твердое тело с образованием в нем новых *химических соединений* ◀ 1: *поглощение газов, поглощение газа* ► 20: *газовое поглощение* • *абсорбция, поглощение* * *газопоглотитель, газопоглощающий*. Отаббревиатурное существительное *газопоглотитель* также можно обнаружить в словарной статье Словаря: *Га́зопоглотíтель, -я*, м. Вещество с высокой поглощающей способностью по отношению к *газу* или *пару* ► 10: *поглотитель газов*; 20: *поглотитель газа*; 50: *газовый поглотитель* • *абсорбент, геттер, поглотитель* * *газопоглотительный*. Способ образования данного слова: основа существительного (корневое чередование согласных *т // щ*) + суффикс *-и-* + суффикс *-тель*: *газопоглощение* > *газопоглот-[и-тель]* ‘то, что обладает свойством газопоглощения’. Лексема *газопоглотитель* имеет текстовые эквиваленты, реперные точки кото-

рых свидетельствуют о том, что перед нами квазиаббревиатура: ► 10: *поглотитель газов*; 20: *поглотитель газа*; 50: *газовый поглотитель*. Также в представленной словарной статье указано, что у этой сложнопроизводной лексемы есть «собственное» производное – *газопоглотительный*.

Отаббревиатурные имена прилагательные *газопоглощающий* и *газопоглотительный* не включены в Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка, так как одной из базовых особенностей словаря является то, что «единственным объектом описания здесь впервые в истории языкознания стали сложносокращенные слова – нарицательные имена существительные. Выбор в качестве объекта описания существительных обусловлен тем, что слова других частей речи, включающие в свой состав сокращенные компоненты, обычно являются производными от существительных и чаще всего не имеют текстовых эквивалентов. При этом значение таких лексем достаточно легко выводится из значения соответствующего существительного. Поэтому они представлены в словаре либо в блоке производных в соответствующих словарных статьях, либо в перечне дешифровальных стимулов» [Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка 2024: 18].

Рассмотрим способы образования сложнопроизводных атрибутов *газопоглощающий* и *газопоглотительный*:

- *газопоглощающий*: основа существительного + суффикс *-а-* + суффикс *-ющ-* + флексия *-ий*: *газопоглощение* > *газопоглощ-[а-ющ-ий]* ‘связанный, соотносящийся по значению с существительным *газопоглощение*’;
- *газопоглотительный*: основа существительного + суффикс *-н-* + флексия *-ый*: *газопоглотитель* > *газопоглотитель-[н-ый]* ‘связанный, соотносящийся по значению с существительным *газопоглотитель*’.

2. МЕТОДИКИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АББРЕВИАТУР И КВАЗИАББРЕВИАТУР

В теории Лаборатории выделяется два подхода к анализу сложносокращенных слов – синхронный и диахронный.

В основу **синхронного подхода** положено определение мотивационных отношений между сложносокращенным словом и его текстовыми эквивалентами

Целью **диахронного подхода** является определение отношений производности между сложносокращенным словом и эквивалентным ему словосочетанием для установления в первую очередь того, какая единица в этой паре является производящей: словосочетание для слова (явление универбализации) или же сложносокращенное слово для словосочетания (явление квазиунивербализации).

Диахронный анализ осуществляется при помощи методик, предложенных В.И. Теркуловым. Именно они позволяют отличить квазиаббревиатуры от собственно аббревиатур.

Первая методика – **хронологическая**, которая позволяет установить с помощью Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) и сервиса Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams>), когда впервые было употреблено слово и эквивалентное ему словосочетание. Например, сложносокращенное слово *автообъединение* впервые было зафиксировано, согласно данным Google Books Ngram Viewer, в 1959 г., а его коррелят *автомобильное объединение* – в 1921 г., что позволяет считать словосочетание первичным по отношению к аббревиатуре, которую можно отнести к аббреквивалентным аббревиатурам. С другой стороны, мы предполагаем, что словосочетание *биологиче-*

ская акустика является вторичным и развернутым на основе абброморфемной квазиаббревиатуры *биоакустика*, которая отмечается в текстах Google Books с 1909 г., так как впервые оно было зафиксировано в 1951 г. Однако «хронологическая методика не является самой убедительной: нет никакой уверенности в том, что в корпус были внесены все источники, позволяющие точно определить время первого употребления слова или словосочетания» [Теркулов 2017: 80].

Вторая методика – **квантитативная** – «построена на определении баланса индексов частотности употребления слова и эквивалентного словосочетания, который представляет собой частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > – слова)» [Теркулов 2017: 81]. Например, баланс индексов пары *авиаразведка* и *авиационная разведка* составляет > 5,19, и это свидетельствует о том, что *авиаразведка* – абброморфемная квазиаббревиатура, на основе которой в результате псевдоунивербализации было развернуто словосочетание *авиационная разведка*. В паре же *гидропресс* и *гидравлический пресс* баланс индексов составляет 0,47, и это абсолютно однозначно позволяет говорить о том, что перед нами абброэквивалентная аббревиатура, возникшая в результате универбализации словосочетания.

Третья методика – **семантическая интерпретационная**, которая «определяет конкретность / размытость семантики абброконструкта и эквивалентного словосочетания: если в этом словосочетании реализуется регулярное для эквивалента абброконструкта значение, оно может быть определено как производящее для аббревиатуры. И наоборот: если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным» значением компонентов, мы можем предположить, что это словосочетание возникло в результате псевдоунивербализации» [Теркулов 2017: 82]. Рассмотрим аббревиатурную пару *гидропресс* / *гидравлический пресс*. Словари дают следующие значения слова *гидравлический*: 1) 'то же, что водяной'; 2) 'использующий механическую энергию воды'; 3) 'использующий при производстве воду как химический реагент'; 4) 'то же, что гидротехнический'; 5) свойственный гидравлике, характерный для нее'; 6) 'действующий на основе использования давления жидкости, участвующий в обеспечении работы гидросистем' (<https://ru.wiktionary.org/wiki/гидравлический>). Слово *гидропресс* определяется как 'пресс, в котором для создания давления используется жидкость' (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/153995/Гидропресс>), а словосочетание *гидравлический пресс* – это 'простейшая гидравлическая машина, предназначенная для создания значительных сжимающих усилий' (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидравлический_пресс). Иными словами, это 'механизм, использующий жидкость': здесь мы обнаруживаем 2 релятора: (1) 'использующий (2) жидкость'. В данном случае абброконструкт *гидро-* имеет конкретное (словарное) значение, которое является регулярным как для аббревиатуры, так и для словосочетания, следовательно, сложносокращенное слово *гидропресс* – абброэквивалентная аббревиатура, появившаяся в результате трансформации словосочетания *гидравлический пресс*. Иная ситуация со словом *авиамотор* и его эквивалентом *авиационный мотор*. Слово *авиационный* имеет такие значения: 1) 'соотносящийся с существительным авиация, связанный с ним'; 2) 'свойственный авиации, характерный для нее' (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/136989/Авиационный>). Слово и словосочетание определяются в словарях как 'то же, что *авиадвигатель*' ('двигатель, устанавливаемый на борту летательного аппарата'). Таким образом,

авиамотор и *авиационный мотор* можно трактовать как «нечто, устанавливаемое на борт летательного аппарата», что предполагает использование трех реляторов: (1) ‘устанавливаемый’, (2) ‘на борт’, (3) ‘летательного аппарата’, и это приводит к размытости семантики атрибута *авиационный* в словосочетании *авиационный мотор*. Слово *авиамотор* получает обобщенное значение ‘имеющий отношение к авиации’ вместо предполагаемого ‘в отрасли авиации’, что свидетельствует о морфематизации абброконструкта в лексеме.

Четвертая методика – **ономасиологическая** – устанавливает «тождественность / нетождественность ономасиологической структуры сложносокращенного слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом» [Теркулов 2017: 82]. Ономасиологическая структура пары *авиационный бензин* – *авиабензин*, где словосочетание имеет тождественный признаковый дестинативный терминал базиса *бензин* (для авиации), абсолютно идентична ономасиологической структуре «объект + дестинатив (отрасль): объект, обеспечивающий отрасль» других слов с базисом *бензин*, *топливо*, *горючее*, например: *автобензин*, *автогорючее*, *автотопливо* (для автотранспорта, автомобильный), *авиагорючее*, *авиатопливо*. Это подтверждает первичность словосочетания по отношению к слову, поскольку «формирование этой пары не противоречит регулярной деривационной модели “**слово** → модификация / заполнение терминала «дестинатив» → **словосочетание** → эквивалентность → **аббревиатура**”» [Теркулов 2017: 83]. Ономасиологическая же структура пары *авиационный пассажир* – *авиапассажир* не соответствует ономасиологической структуре словосочетаний с базисом *пассажир*, в которых представлено нормативное модификационное заполнение терминала «дестинатив»: *пассажир поезда*, *пассажир теплохода*. Слово *авиапассажир* трактуется не как ‘пассажир авиации’, а как ‘пассажир чего-то, имеющего отношение к авиации’. В данном случае атрибут *авиационный* обозначает «совокупность летательных аппаратов, на которых совершаются полеты». Сложносокращенное слово *авиапассажир* создано не по регулярной деривационной модели «слово → модификация / заполнение терминала «дестинатив» → словосочетание», отмечаемой для каузативных словосочетаний с базисом *пассажир*, а представляет собой лексическую модификацию морфемного типа «производящее слово → морфемная модификация / заполнение терминала «дестинатив» → производное слово». Модель данной пары: «**производящее слово** → морфемная модификация / заполнение терминала «дестинатив» → **производное слово** → псевдоунивербализация → **словосочетание**». Следовательно, *авиапассажир* – это абброморфемная квазиаббревиатура, что подтверждает также квантитативная методика (баланс индексов – 150,46) и семантическая интерпретационная (наличие трех реляторов в семантике прилагательного: «пассажир (1) чего-то, (2) имеющего отношение (3) к авиации», и невозможность замены атрибутивного словосочетания интерпретативным: *пассажир авиации*).

3. АББРОАФФИКСОИДНЫЕ КВАЗИАББРЕВИАТУРЫ. АББРОАФФИКСОИД

Квазиаббревиатуры по-разному интерпретируются в диахронии и синхронии.

С точки зрения диахронии («широкий подход»), различие абброморфемных квазиаббревиатур и абброаффиксоидных квазиаббревиатур не является первостепенно значимым. Например, для диахронного подхода важно только то, что квазиаббревиатуры *авиадоставка*, *авиапромышленность*, *астробиология* и *аллергоисследование* образовались в результате присоединения к словам *доставка*, *про-*

мышленность, биология, обследование абброконструктов (авиа-, астро- и аллерго-) и что они противопоставляются собственно аббревиатурам, таким, например, как *авиавооружение, авиаотдел, аллергозаболевание, аллергонепереносимость*, которые появились в результате трансформации словосочетаний *авиационное вооружение, авиационный отдел, аллергическое заболевание / аллергологическое заболевание, аллергическая непереносимость*.

На основе дополнения диахронического анализа синхронными наблюдениями («узкий подход») разграничиваются абброморфемные и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры, различия между которыми заключаются в их способности или неспособности развертываться во вторичные словосочетания, которые способны функционировать в тексте в качестве их дублетов. У абброморфемных квазиаббревиатур появляются формально связанные с ними и часто встречающиеся в текстах эквивалентные словосочетания, что вызвано псевдоунивербализацией. При псевдоунивербализации появляется **формируемая эквивалентность**.

У аффиксоидных квазиаббревиатур также могут появляться окказиональные эквиваленты, которые не являются, по нашему мнению, действительными дублетами, что подтверждается использованием приведенных выше методик этимологизации аббревиатур. Вполне очевидно, что для абброаффиксоидных аббревиатур баланс индексов превышает отметку 500, но подтверждением их абброаффиксоидного статуса может служить также семантический интерпретационный и ономаσιологический анализы, благодаря которым устанавливаются причины, «ограничивающие» способность сложносокращенного слова к развертыванию. Чаще всего это семантическая или структурная (ономаσιологическая) несочетаемость абброаффиксоида с базисным компонентом квазиаббревиатуры.

Например, абброаффиксоидная квазиаббревиатура *авиафобия* иногда развертывается в эквивалент *авиационная фобия*, который, во-первых, критически редко отмечается в текстах (ср.: *авиафобия* – 18894, *авиационная фобия* – 7; баланс индексов – 2699,14), а во-вторых, семантически аструктурен: слово *фобия* семантически не сочетается с лексемой *авиационная*, и значение словосочетания *авиационная фобия* искусственно и не подкрепляется «словарным» значением компонентов. Слово *авиафобия* имеет значение не ‘боязнь самолетов’, а ‘страх полета на каком-либо летательном аппарате’, в то время как значение прилагательного *авиационная* – ‘в отрасли авиации’ (для абброэквивалентных аббревиатур) или ‘имеющий отношение к авиации’ (для абброморфемных квазиаббревиатур). Как видно, значение атрибута в словосочетании *авиационная фобия* не соответствует этим определениям. В данном случае он имеет не отмечаемое в словарях значение ‘совокупность летательных аппаратов, на которых совершаются пассажирские полеты’. Кроме того, значение указанного словосочетания и ономаσιологически не подкреплено: ономаσιологическая модель словосочетания *авиационная фобия* не соответствует ономаσιологической модели глосс номинатемы *фобия*, в которых, по данным НКРЯ, не представлено заполнение атрибутивного терминала семантикой каузатива. В тех случаях, когда используется «отраслевой» атрибут, речь идет о боязни проблем в пределах отраслевой системы, например *экологическая фобия* – это боязнь экологических проблем, *социально-политическая фобия* – это боязнь социально-политических проблем и т. д. В рассматриваемом словосочетании указывается не на боязнь в области авиации, а на боязнь полетов, осуществляемых на летательных аппаратах (ономаσιологическая структура: «состояние + каузатив»).

Итак, абброморфемные и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры образуются по одной деривационной модели, поэтому обнаружить различия между двумя этими типами сложносокращенных слов можно только на синхронном срезе. И именно это опровергает «бытующее» мнение о том, что «одним из самых “слабых” мест аббревиатуры считается ее “полная” зависимость от производящего словосочетания» [Алексеев 1979: 208], «стало обычным утверждение, что аббревиатуры несамостоятельны (и недолговечны), что их создание и существование зависит от судьбы развернутого наименования» [Алексеев 1979: 208]. Как показывает квазиунивербализация, зависимость может формироваться не только как зависимость аббревиатуры от словосочетания, но и как зависимость словосочетания от слова. Можно утверждать, что квазиунивербализация обосновывает трактовку аббревиатуры как самостоятельной единицы. Д.И. Алексеев отмечал, что «развитие аббревиации привело к тому, что во многих случаях <...> аббревиатурное название вообще перестало создаваться *вслед* за полным наименованием. Оно создается *вместе* с полным названием и даже раньше его (по аналогии с моделью)» [Алексеев 1979: 212].

Мы определяем абброконструкт в абброаффиксоидных квазиаббревиатурах как **абброаффиксоид**. При этом следует помнить, что **аффиксоид** трактуется учеными как аффикс, возникший в результате семантической морфематизации корня: «В ходе своего все усложняющегося развития русский язык в недалеком прошлом выработал повторяющиеся в употреблении структурные компоненты сложных слов, называемые по-разному, но преимущественно – префиксоидами и суффиксоидами, обобщенно – аффиксоидами, в чем-то уподобляющиеся префиксам и суффиксам, обобщенно – аффиксам» [Левашов 2008: 50]. Вопрос о разграничении аффиксоида и абброконструкта важен потому, что сейчас отмечается «смещение» этих единиц, которое приводит не только к искажению представлений об особенностях словообразовательной системы языка, но и к формальным ошибкам. Так, например, Т.И. Плужникова отмечает, что «важным фактором в выделении аффиксоидов является разрушение формально-семантической соотнесенности сложного слова с его мотивирующим генеративом» [Плужникова 2012: 288]. Главным свойством префиксоидов, к которым исследователь относит заимствованные корни типа *авиа-*, *авто-*, *теле-*, *гео-*, *био-* и др., является, по мнению ученого, то, что «они не мотивируются словосочетанием, в котором есть такое слово...» [Плужникова 2012: 288]. В качестве примера Т.И. Плужникова приводит слово *геоботаника*, лексическое значение которого исследователь определяет как деривационный перифраз («раздел ботаники, изучающий <...> растительный покров Земли») и отмечает, что мотивирующего словосочетания, содержащего лексему *Земля*, не существует.

В картотеке нашего Словаря для слова *геоботаника* обнаруживается текстовый эквивалент *географическая ботаника*. Квантитативный анализ показал, что для данной пары отмечается баланс индексов > 1 , и это свидетельствует о псевдоунивербализации: словосочетание *географическая ботаника* – вторичная единица, возникшая в результате покомпонентной дешифровки слова *геоботаника*. Но это абсолютно неважно для синхронии, на уровне которой мы констатируем, вопреки мнению Т.И. Плужниковой, наличие формально-семантической соотнесенности сложного слова со словосочетанием, что подтверждается употреблением их в эквивалентных текстах: *География растений – иначе фитогеография и геоботаника* <...>. *Отрасль Ботаники и Географии. С точки зрения первой исследуются*

причины и законы распространения и распределения растений по земной поверхности – это **географическая ботаника** (http://az.lib.ru/b/beketow_a_n/text_1892_geografia_rasteny.shtml). Нам вообще непонятно, почему компонент *гео-* нужно сопоставлять со словом *Земля*, а не с прилагательным *географический*.

Такая же ситуация с заимствованными единицами типа *авиа-*, *авто-*, *теле-*, *гео-*, *био-*, которые нельзя отнести к префиксоидам уже потому, что они входят в состав аббревиатур, которые либо образуются от словосочетаний (абброэквивалентные аббревиатуры), либо образуют словосочетания (абброморфемные аббревиатуры). Это абброконструкты, которые легко преобразовываются в прилагательные *авиационный*, *автомобильный* / *автоматический* / *автоматизированный*, *телевизионный*, *геологический* / *географический*, *биологический*.

Единственная единица, которая может быть поставлена в один ряд с префиксоидами, – это абброаффиксоид. Но у него есть одна характеристика, которая не позволяет считать его чистым аффиксоидом. Абброаффиксоид, наряду с абброэквивалентом и абброморфемой, – это функционально-семантическая разновидность одного и того же абброконструкта. Абброаффиксоид – это «упрощенный» вариант абброморфемы, не способный или практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов. Формально абброаффиксоид полностью дублирует другие типы абброконструктов. Иначе говоря, *авиа-*, *авто-*, *теле-*, *гео-*, *био-* могут быть как абброэквивалентами и абброморфемами, так и абброаффиксоидами.

Проблема разграничения префиксоидов и абброконструктов возникает также ввиду того, что даже в определении особенностей аффиксоидов нет единого мнения: «...взгляды на состав (номенклатуру) аффиксоидов кардинально различны. Это в первую очередь связано с тем, что нет единых принципов выделения аффиксоидов» [Русакова 2013: 12]. Как уже было сказано, Т.И. Плужникова пишет об утрате связи между сложным словом и словосочетанием, в то время как О.В. Русакова подчеркивает соотнесенность аффиксоидов со словосочетаниями: «Для морфем характерна структурная соотносимость со словом, а не словосочетанием или предложением, чего нельзя сказать об аффиксоидах. Последние зачастую соотносятся со словосочетаниями» [Русакова 2013: 11].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, не все сложносокращенные слова образуются в результате компрессии словосочетания. Некоторые единицы аббревиатурного типа появляются вследствие других процессов: присоединения абброконструкта напрямую к слову (абброморфемные квазиаббревиатуры), калькирования (заимствованные квазиаббревиатуры), образования производных от аббревиатур морфологическим способом (сложнопроизводные слова). Так же, как и аббревиатуры, квазиаббревиатуры могут на синхронном срезе языка иметь текстовые эквиваленты. Для носителей языка в этом случае стирается различие между сложносокращенными словами, которые появились в результате компрессии словосочетания, и сокращениями, возникшими иными путями (квазиаббревиация, калькирование, морфологический способ образования единиц). Это и является основанием для разграничения диахронных и синхронных аббревиатур. Диахронные аббревиатуры – сокращения, действительно образованные на базе словосочетаний. Синхронные аббревиатуры – сокращения, которые имеют на актуальном срезе языка формально и мотивационно связанные с ними текстовые эквиваленты. К синхронным аббре-

виатурам относятся как диахронные аббревиатуры, так и диахронные квазиаббревиатуры, у которых в результате псевдоунивербализации развивается вторичный эквивалент. Существует четыре методики этимологизации аббревиатурных слов, которые, в сущности, являются методиками разграничения аббревиатур и квазиаббревиатур: хронологическая, квантитативная, семантическая интерпретационная и ономаσιологическая. Нами разграничивается три диахронных функционально-семантических разновидности абброконструкта: абброэквивалент, являющийся эквивалентом слова производящего словосочетания, абброморфема – морфематизированный вариант абброконструкта, разворачивающийся в слово вторичного словосочетания, и абброаффиксоид, который не разворачивается во вторичное слово. В синхронии абброэквивалент и абброморфема сливаются в абброэквивалент, поскольку как первый, так и второй имеют синхронные эквиваленты, а абброконструкт сохраняет свой статус.

Глава 4. Синхронный подход к определению и описанию аббревиатур⁷

А.И. Бровец

1. ПОНЯТИЕ О СИНХРОННОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ АББРЕВИАЦИИ

Большая часть представленных в разделе положений является развитием идей, описанных в нашей совместной с В.И. Теркуловым статье [Теркулов, Бровец 2023].

В большинстве словарей сокращений ([Алексеев 1977]; [Баранова 2009]; [Габдреева 2012]; [Елисеев 2015]; [Клименко 2019]; [Коваленко 1995]; [Новичков 1995]; [Петров 2003]; [Скляревская 2004]; [Тютюнников 2020]; [Фадеев 1998]) описание аббревиатуры осуществляется в рамках аббревиатурной пары, включающей сокращение и соответствующее ему одно словосочетание. Подход, при котором декларируется существование единственного расчлененного эквивалента слова, определяется намерением «с особым вниманием отнестись к диахроническому аспекту исследования» [Алексеев 1979: 3], поскольку с точки зрения диахронии слово может возникнуть только на основе какого-то конкретного словосочетания.

Со временем происходит расширение поля зрения лексикографов; появляются различные тематические и переводные словари, однако сложносокращенные слова и аббревиатуры в них описываются по-прежнему через парафразу. В лексикографической традиции преобладают описания инициальных аббревиатур, в то время как сложносокращенные слова практически не рассматриваются, поскольку, по мнению составителей словарей, «такие слова обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке» [Скляревская 2004: 12]. Однако идиоматичность аббревиатур и эквивалентных им словосочетаний, а также возможность неоднородной расшифровки сокращенного компонента аббревиатуры обосновывают необходимость давать описываемым единицам полноценное толкование лексического значения.

⁷ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Существенным ограничением при лексикографическом описании сокращений является преимущественно диахронный характер таких описаний, предполагающий в качестве эквивалентного для аббревиатуры только одно словосочетание. Однако такой подход является менее информативным для носителя языка, которому «важнее не то, от чего образовано слово, содержащее аббревиацию, а то, каково значение этого слова, какие слова и словосочетания он может использовать в качестве эквивалентов аббревиатуры в тексте, каким образом изменяется значение аббревиатуры в зависимости от значения соотносимого с ней словосочетания» [Теркулов 2016б: 13]. В Словаре учтен предшествующий лексикографический опыт и предложены идеи нового лексикографического описания аббревиатур. Коллективом составителей учитывается разграничение синхронного и диахронного аспектов рассмотрения аббревиации.

Напомним, что в теории Донецкой дериватологической школы разграничиваются диахронный и синхронный подходы к определению и анализу аббревиатур (см. *Разделы 1–2, Глава 1 Раздела 4* данной части монографии). При составлении Словаря используется синхронный подход, целью которого является установление **всех** словосочетаний, мотивационно связанных с аббревиатурой и отмечаемых вместе с ней или параллельно с ней в качестве ее синонимов – дешифровок в эквивалентных текстах. Картотека Словаря показывает преобладание множественной синтаксической трактовки сложносокращенного слова, которому, как правило, соответствует не одно, а несколько эквивалентных словосочетаний, формирующих его гнездо эквивалентности. Например, в гнездо эквивалентности слова *агитролик* входят отмечаемые в эквивалентных текстах словосочетания *агитационный ролик, ролик с агитацией, ролик для агитации, ролик агитационного характера, агитирующий ролик, ролик агитации*.

Итак, сложносокращенными при синхронном подходе являются слова, имеющие на актуальном срезе языка мотивационно связанные с ними эквивалентные словосочетания, которые употребляются вместе или параллельно с аббревиатурой в эквивалентных текстах. Синхронный анализ определяет функциональные характеристики слова, в первую очередь его текстовую эквивалентность словосочетанию, которая определяется не как деривационная связь со словосочетанием-источником, а как осознанная дублетность, абсолютная синонимия слова и словосочетания. При этом благодаря псевдоунивербализации в синхронии сложносокращенное слово обычно имеет не один эквивалент, а несколько, которые формируют его гнездо эквивалентности. Между словом и словосочетанием в гнезде эквивалентности устанавливаются мотивационные отношения и функционально-семантическое тождество, и это позволяет им употребляться как абсолютные синонимы в эквивалентных текстах. Например, в гнездо эквивалентности слова *автогараж* входит не только словосочетание *автомобильный гараж*, но и *гараж для автомобиля, гараж для автомобилей, гараж для авто, гараж для автотранспорта, гараж для автомашин* и некоторые др.

Разграничение синхронного и диахронного аспектов рассмотрения аббревиации утверждает различие между аббревиатурной парой и гнездом эквивалентности. Разница между этими парадигматическими объединениями лежит в определении количества соответствующих сложносокращенному слову словосочетаний. В рамках традиционного, диахронного по своей сути подхода дешифровка аббревиатуры производится через единственное словосочетание, которое обычно является относительным прилагательным (*автостоянка – автомобиль-*

ная стоянка; велошлем – велосипедный шлем), и это не дает никаких сведений о реальном значении слова: мы можем говорить только о том, что оно обозначает нечто, каким-то образом связанное с тем, что обозначено производящим для прилагательного существительным (*автомобильная* – ‘связанная каким-то образом с автомобилями’, *велосипедный* – ‘связанный каким-то образом с велосипедами’). Гнездо эквивалентности состоит из ряда словосочетаний, и приведение реестра расшифровок сокращенного компонента в них становится необходимым, поскольку именно эти расшифровки формируют различие значений словосочетаний одного гнезда эквивалентности. Например, с аббревиатурой *автостоянка* в качестве эквивалентных используются словосочетания *автомобильная стоянка, стоянка автомобилей, стоянка для автомобилей, стоянка для автотранспорта* и некоторые др., формирующие одно гнездо эквивалентности и различающиеся формами *автомобильная, автомобилей, для автомобилей, для автотранспорта*. Эти формы мы называем **дешифровальными стимулами**, и они по-разному представляют сокращенный компонент *авто-* в текстах. Дешифровальный стимул аббревиатуры – это слово или словосочетание, являющееся расшифровкой аббревиатурного компонента в эквивалентном ей словосочетании.

2. ПОНЯТИЕ О ДЕШИФРОВАЛЬНОМ СТИМУЛЕ. ТИПЫ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Описание эквивалентности сложносокращенного слова строится на признании существования в языке стереотипных расшифровок аббревиатурного компонента, т. е. дешифровальных стимулов, актуализация которых и становится причиной создания текстовых эквивалентов аббревиатуры. Наличие нескольких эквивалентных словосочетаний у одной аббревиатуры объясняется именно существованием нескольких дешифровальных стимулов у одного сокращенного компонента.

В когнитивном отношении дешифровальный стимул является стереотипом расшифровки аббревиатурного компонента, предзнанием интерпретации аббревиатуры. Такое определение обосновано, во-первых, корреляционным стереотипом «каждой аббревиатуре соответствует словосочетание», а во-вторых, регулярностью самих аббревиатурных компонентов. Взгляд на дешифровальный стимул как на «когнитивную» единицу иллюстрируется, во-первых, на примере эквивалентности аббревиатур с так называемыми симультанными аббревиатурными компонентами, а во-вторых, фактами псевдоунивербализации на базе диахронных аббревиатур и диахронных квазиаббревиатур.

В формальном отношении дешифровальным стимулом является конкретная, т. е. эмпирически отмечаемая в текстах, форма представления сокращенного компонента аббревиатуры в эквивалентном ей словосочетании. Данное представление о дешифровальном стимуле является полностью синхронным, не учитывающим ни отношений реальной производности между аббревиатурой и соответствующим ей словосочетанием, ни параметров стереотипности / уникальности.

Мы констатируем существование словосочетаний с дешифровальными стимулами разных структурных типов. Обычно аббревиатурный компонент, например *вело-*, имеет несколько дешифровальных стимулов (*велосипедный, велосипеда, велосипедов, для велосипеда, на велосипеде, для велоконок* и др.), реализуемых в эквивалентных словосочетаниях (*велобазар – велосипедный базар, велобагажник – багажник велосипеда, веломагазин – магазин велосипедов, велонасос – насос для велосипеда, велопрогулка – прогулка на велосипеде, велошлем – шлем для велоконок*).

Псевдоунивербализация, кстати, тоже обеспечивается действием дешифровальных стимулов. Например, слово *электросигарета*, возникшее в результате универбализации словосочетания *электронная сигарета*, продуцирует в результате псевдоунивербализации вторичное словосочетание *электрическая сигарета*, возникшее благодаря наличию у аббреоконструкта *электро-* дешифровального стимула *электрический*.

Мы выделяем три типа дешифровальных стимулов.

Во-первых, это презентатив – наиболее регулярный и поэтому легко прогнозируемый, но в то же время наименее информативный дешифровальный стимул, выражаемый прилагательным с qualificативной семантикой (*автомобильная: автостоянка – автомобильная стоянка*); презентатив сложно использовать для толкования значения, поскольку, как уже было сказано выше, он указывает только на связь референта аббревиатуры с объектом, обозначенным производящим для прилагательного. Например, аббревиатура *велобагажник* может означать и багажник, который крепится на велосипед, и багажник, помещаемый на автомобиль для перевозки велосипеда.

Во-вторых, это интерпретативы, используемые для уточнения семантики аббревиатуры в эквивалентных словосочетаниях. Интерпретативы подразделяются на релятивы, представленные субстантивными предложно-падежными формами (*автомобилей: автостоянка – стоянка автомобилей; для автомобилей: автостоянка – стоянка для автомобилей*), и модификативы, включающие дополнительное слово или часть сложного слова, отсутствующие в структуре аббревиатуры (*для автотранспорта: автостоянка – стоянка для автотранспорта, стоянка для автомобильного транспорта*). В связи с этим отметим, что приведенный выше презентатив *велосипедный* в словосочетании *велосипедный багажник* ничего не сообщает о том, для чего предназначен и куда крепится багажник, в то время как релятивы *на велосипед* и *под велосипед*, обнаруживаемые в эквивалентных текстах, осуществляют текстовую семантическую спецификацию аббревиатуры *велобагажник*.

Сложносокращенные слова с одним аббреоконструктом и эквивалентные им презентативные и релятивные словосочетания включают ономаσιологический базис и грамматически подчиненный ему посредством согласования или управления единственный ономаσιологический признак. В модификативе отмечается второй ономаσιологический признак, который переподчиняет себе первый ономаσιологический признак, подчиненный непосредственно базису. Например, для сложносокращенного слова *электроавтомобиль*, помимо презентативных и релятивных эквивалентов типа *электрический автомобиль* и *автомобиль на электричестве*, обнаружены дешифровальные стимулы *автомобиль с электродвигателем / на электродвигателе (с электрическим двигателем / на электрическом двигателе)*. При этом отмечаются случаи семантического усложнения и семантического дублирования модификативами значений аббревиатур. Наличие дополнительного ономаσιологического признака в составе дешифровального стимула может быть семантически актуальным (*веломагазин – магазин велоодежды*), когда формальное усложнение обуславливает семантическое усложнение, или плеонастическим (*автомагазин – магазин по продаже автомобилей*), когда дублируется семантика базиса аббревиатуры. Семантически актуальные дешифровальные стимулы формируют привативную оппозицию между словом и словосочетанием, а плеонастические формируют эквиполентную оппозицию между ними.

Мы отмечаем также существование аббревиатуры, абброконструкт которых может получать одновременную неоднозначную дешифровку при помощи омонимичных или паронимичных дешифровальных стимулов. Например, абброконструкт *арх-* может быть развернут в слове *архмузей* при помощи дешифровальных стимулов *архитектурный*, *археологический*, *архивный*. В словосочетаниях *архитектурный музей*, *археологический музей*, *архивный музей* дешифровальные стимулы являются «омонимами», поскольку обозначают разные референты. Слово *электросигарета*, образованное от словосочетания *электронная сигарета*, имеет в качестве эквивалентного и словосочетание *электрическая сигарета*, которое является вторичным и не называющим другой референт. В данном случае существование двух дешифровок не обусловлено внеязыковой двойственностью и имеет «паронимический» характер.

Семантический анализ дешифровальных стимулов и их ситуативных значений, определяемых корреляцией с базисным (несокращенным) компонентом аббревиатуры, необходим уже потому, что базис выступает как средство разграничения, например, омонимичных дешифровальных стимулов. Например, дешифровальный стимул *на автомобилях* в словосочетании *гонки на автомобилях* (*автогонки*) реализует медиативную семантику, значение средства, в то время как тот же дешифровальный стимул в словосочетании *компьютер на автомобилях* (*автокompьютер*) реализует локативную семантику, значение места. И наоборот, формально различающиеся дешифровальные стимулы могут реализовывать одно значение (синонимия дешифровальных стимулов). Например, в словосочетаниях *документы для автомобиля*, *документы на автомобиль*, эквивалентных аббревиатуре *автодокументы*, дешифровальные стимулы реализуют дестинативную семантику – значение цели, предназначения.

Например, мы отмечаем следующие основные значения дешифровальных стимулов для абброконструкта *авто-* ‘автомобильный’:

- 1) средство (медиатив): *гонки на автомобилях* (*автогонки*);
- 2) агент, соучастник (комитатив): *авария с автомобилем* (*автоавария*), *авария автомобилей* (*автоавария*), *состязание автомобилистов* (*автосостязание*);
- 3) цель, предназначение (дестинатив): *аксессуары для автомобилей* (*автоаксессуары*), *клуб автолюбителей* (*автоклуб*), *курсы автомобилистов* (*автокурсы*), *мотор автомобиля* (*автомотор*), *завод по производству автомобилей* (*автозавод*), *мастерская по ремонту автомобилей* (*автомастерская*), *аренда автомобиля* (*автоаренда*), *аксессуары к автомобилям* (*автоаксессуары*);
- 4) место и предназначение (локатив, дестинатив): *мотор на автомобиль* (*автомотор*), *аккумулятор в автомобиль* (*автоаккумулятор*);
- 5) место (локатив): *кража из автомобиля* (*автокража*);
- 6) принадлежность и часть от целого (посессив): *багажник автомобиля* (*автобагажник*), *права автомобилиста* (*автоправа*);
- 7) распределение (дистрибутив): *рынок автозапчастей* (*авторынок*);
- 8) причина (каузатив): *авария на автомобиле* (*автоавария*);
- 9) объект описания (делибератив): *новости про автомобили* (*автоновости*), *руководство по ремонту автомобиля* (*авторуководство*), *журнал об автомобилях* (*автожурнал*), *каталог деталей для автомобиля* (*автокаталог*);
- 10) объект действия (аллатив): *обслуживание автомобиля* (*автообслуживание*), *вождение автомобиля* (*автовождение*).

Описание дешифровальных стимулов производится также в:

а) *прагматическом аспекте*, поскольку для полной картины актуального использования аббревиатур и их эквивалентов необходим учет того, что для образования эквивалентных аббревиатуре словосочетаний используются регулярные модели дешифровки, общие для различных гнезд эквивалентности;

б) *дескриптивном аспекте*, который позволяет объемно представить эквивалентность сложносокращенного слова;

в) *прогностическом аспекте*, поскольку посредством экстраполяции моделей формирования дешифровальных стимулов одного гнезда на другие гнезда позволяет спрогнозировать их состав;

г) *прикладном аспекте*, поскольку формирует материал для Словаря.

Главным источником распространения аббревиатуры посредством дешифровальных стимулов в эквивалентном словосочетании является, на наш взгляд, семантико-грамматическая и ономаσιологическая валентность базиса аббревиатуры. Данное предположение базируется на теории семантического согласования В.Г. Гака.

Стереотипность презентативного дешифровального стимула означает его присутствие в большинстве гнезд эквивалентности, в то время как анализ показателей частотности употребления конкретной аббревиатуры и эквивалентных ей словосочетаний может свидетельствовать в пользу большей регулярности интерпретативных дешифровальных стимулов внутри гнезда эквивалентности.

Существуют аббревиатуры, дешифровка аббревиатурного конструкта которых возможна лишь посредством модификатива. Это вторичные аббревиатуры с формально-семантической генерализацией. Опускание ономаσιологического базиса свидетельствует о его нерелевантности для номинации.

Представляет интерес не только количество применений данного дешифровального стимула в рамках одной аббревиатурной группы, но и его средний баланс индексов, т. е. среднее количество употреблений аббревиатуры, разделенное на количество употреблений словосочетания, в котором данный дешифровальный стимул отмечается. Для определения среднего баланса индексов необходимо сложить все реперные точки (отмечаемые в Словаре для каждого использования дешифровального стимула регулярные интервалы колебаний балансов индексов) и разделить полученную сумму на количество вхождений данного дешифровального стимула в гнезда эквивалентности. Допустим, презентативный дешифровальный стимул **xs** имеет 5 включений в гнезда эквивалентности аббревиатурной группы **x**, т. е. используется для дешифровки 5 сложносокращенных слов, имеющих одинаковый начальный сокращенный компонент **x**.

Допустим, дешифровальный стимул **x**, отмечаемый в 5 словосочетаниях **xs1**, **xs2**, **xs3**, **xs4**, **xs5**, имеет в Словаре реперные точки 1, 0,1, 10, 0,01 и 20. В таком случае его **средний баланс индексов** составит 6,2. Это будет значить, что атрибутивные словосочетания с прилагательным **xs**, эквивалентные соответствующим аббревиатурам с начальным компонентом **x**, употребляются реже этих аббревиатур в 6,2 раза.

Анализ дешифровок аббревиатурной группы может демонстрировать не только то, какие типы дешифровальных стимулов используются для трактовки аббревиатуры в текстах, но и то, какие из них наиболее регулярны и какое у них соотношение в количестве употреблений по сравнению с аббревиатурой. Различия в средних балансах индексов дешифровальных стимулов объясняются разницей между количеством употреблений словосочетаний, в которые эти дешифроваль-

ные стимулы входят, и количеством употреблений эквивалентных им аббревиатур. Средний баланс индексов может косвенно использоваться для описания дешифровальных тактик сложносокращенных слов.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, синхронный подход к аббревиации констатирует существование в языке разветвленной системы дешифровальных стимулов, осуществляющих параллельную множественную дешифровку сокращенного компонента аббревиатуры. В рамках такого подхода учитываются интерпретативные грамматические и лексические дешифровальные стимулы, обычно не описываемые в традиционных словарях даже в рамках аббревиатурных пар. При синхронном анализе рассматриваются факты аббревиатурного плеоназма в гнезде эквивалентности.

Глава 5. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ АПЕЛЛЯТИВОВ⁸

В.И. Теркулов

1. ПАРАДИГМАТИКА АББРЕВИАТУР И МЕТОДИКИ СБОРА ЭКВИВАЛЕНТОВ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

При составлении Словаря возникла проблема поиска наиболее регулярных эквивалентов аббревиатуры. Данная проблема не возникала ранее, поскольку в уже существующих словарях приводится чаще всего один – презентативный эквивалент, формирующий со словом аббревиатурную пару. Нахождение такого эквивалента не вызывает никаких затруднений. Однако, как было показано выше, у аббревиатуры обычно отмечается несколько дешифровок. Основной единицей рассмотрения в этом случае должна выступать не словообразовательная пара, а **гнездо эквивалентности**, включающее аббревиатуру и по возможности все ее текстовые эквиваленты.

Первоначально поиск эквивалентов при формировании гнезда эквивалентности осуществлялся путем анализа текстов, собранных в рабочий корпус нашего Словаря на основе текстов, отобранных поисковой машиной Google. Однако систематизация полученных материалов показала, что возможно упрощение поиска с помощью методик экстраполяционного прогнозирования по образцу уже представленных гнезд эквивалентности слов, связанных с описываемыми аббревиатурами и их дешифровальными стимулами парадигматическими отношениями. Нами была создана типология парадигматических объединений сложносокращенных слов, включающая гнездо эквивалентности [Аламайрех 2016], аббревиатурную группу [Акулич 2017; Аламайрех 2020; Михайлова 2017; Рязанова 2020], аббревиатурное гнездо [Крестьянинова 2018; Теркулов, Крестьянинова 2018], аббревиатурно-ономасиологическое поле [Лялюк 2017; Лялюк 2020; Брацун 2018] и аббревиатурную парадигму [Теркулов 2023].

Методики поиска эквивалентов аббревиатуры, т. е., собственно, методики составления гнезд эквивалентности, к которым относятся чистые методики поиска

⁸ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

и методики прогнозирования, описаны нами подробно в [Теркулов 2018; Теркулов 2023]. Здесь мы отметим наиболее важные приемы, формирующие их.

К чистым методикам поиска относятся словарная и текстовая методики, а к методикам прогнозирования – лексико-деривационная методика, методика аббревиатурного гнезда, методика аббревиатурно-ономасиологического поля, методика аббревиатурной группы и методика аббревиатурной парадигмы.

При применении указанных методик для подтверждения эквивалентности слова и словосочетания используется методика верификации, которая включает проверку эквивалентностных отношений по трем параметрам:

1) формально-семантическое соответствие конструкторов слова лексемам, входящим в словосочетание;

2) активное употребление в текстах и слова и словосочетания. Нами установлен нижний порог включенности в тексты корпуса словаря – 500 употреблений. Как показали наши наблюдения, в этом случае аббревиатура и ее эквивалент начинают активно употребляться в текстах разных стилистических и тематических типов, и это, по нашему мнению, свидетельствует в большинстве случаев о его вхождении в общенациональный лексический фонд;

3) частотное употребление слова и словосочетания (не менее 100 включений) в эквивалентных текстах.

Например, эквивалентами сложносокращенного слова *авиатопливо* являются словосочетания *авиационное топливо* и *топливо для авиации*, поскольку, во-первых, все эти единицы имеют тождественное значение ‘специальные виды горючего, применяемые в авиации’, а во-вторых, формирующие их слова являются эквивалентами конструкторов слова *авиатопливо* (*топливо* = **топливо**, *авиа* = **авиационное**, *для авиации*), в-третьих, словосочетания имеют высокую частотность в текстах разных стилей и тематики (по данным поисковой машины Google для *авиационного топлива* отмечается более 253 тыс. включений, а для *топливо для авиации* – более 23 тыс. включений) и, в-четвертых, они используются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы сложносокращенного слова:

Авиатопливо – авиационное топливо: Авиатопливо производится из сернистой нефти, подвергается тщательной очистке – У авиационного топлива углеводородный состав – оно содержит 4 вида углеводородов (<https://alhgr.ru/catalog/reaktivnoetoplivo/>);

Авиатопливо – топливо для авиации: При разливе авиатопливо представляет вред для окружающей среды – При перевозках топливо для авиации является грузом 3 класса опасности (<https://dzen.ru/a/ZPhI6tZDrka3Lvge>).

В то же время в число эквивалентов нами не включено, например, прогнозируемое словосочетание *топливо для авиационной техники*, которое прогностически коррелирует со словом на семантическом и формальном уровне (*авиатопливо – топливо для авиационной техники*), но, во-первых, крайне редко отмечается в текстах корпуса Словаря (обнаруживается только 42 включения), а во-вторых, в нашем корпусе оно не встречается в эквивалентных текстах аббревиатуры *авиатопливо*.

Одновременно с поиском эквивалентного словосочетания осуществляется поиск **дешифровальных стимулов** для входящего в слово аббревиатурного конструкта. Для прогнозирования эквивалентов и дешифровальных стимулов создаются формально-ономасиологические схемы эквивалентности, в состав которых входят:

а) формальная схема, содержащая указание на формально-грамматические характеристики эквивалентов: у – главное слово дескриптивного эквивалента, х – релятив (в верхнем регистре – число и номер падежа), х(ад) – презентатив, а – часть композитного модификатива, не отраженная в форме аббревиатуры, z – слово, входящее в дескриптивный модификатив, но не отраженное в форме аббревиатуры; в скобках, там, где это необходимо, приводятся предлоги, например: для пары *матобеспечение* / *материальное обеспечение* создана схема **х(ад)у**, для *матобеспечение* / *обеспечение материальными ресурсами* – схема **у(к)х^{ea5}**, для *матобеспечение* / *обеспечение материальными ресурсами* – схема **ух^{mn5}(ад)z^{mn5}**; для модификативов, кроме того, расшифровываются имплицитные компоненты, например: для пары *матподдержка* – *материально-техническая поддержка* формальная схема приобретает вид **х-а(-техническая)-у**;

б) ономаσιологическая схема, определяющая тематическую группу ономаσιологического базиса и глубинное падежное значение признака, например: для пары *заградбатальон* – *батальон заграждения* (схема **ух^{ea2}**) создается схема «воинское подразделение – дестинатив».

Для гнезда эквивалентности формируется дешифровальная матрица, т. е. реестр формально-ономаσιологических схем входящих в него эквивалентов. Например, для гнезда эквивалентности слова *инвестдоговор* создана такая дешифровальная матрица: **ху** (квалификатив-документ: *инвестиционный договор*), **ух^{ea2}** (документ-дестинатив: *договор инвестирования*), **у(об)х^{ea2}** (документ-делибератив: *договор об инвестировании*), **у(об)х^{mn2}** (документ-делибератив: *договор об инвестициях*), **ух^{ea2}** (документ-посессив: *договор инвестора*), **ух^{ea2}** (документ-посессив: *договор инвесторов*). На основе обобщения смежных дешифровальных матриц формируются предельные дешифровальные матрицы, которые и используются как образец для прогнозирования новых смежных гнезд эквивалентности.

2. ЧИСТЫЕ МЕТОДИКИ ПОИСКА ЭКВИВАЛЕНТОВ

Нами используются следующие чистые методики.

1. **Методика подстановки** презентативных словосочетаний, в подавляющем большинстве случаев выступающих в качестве эквивалентов аббревиатуры. Например, для аббревиатур с абброконструктом *дом-* презентативным дешифровальным стимулом является прилагательное *домовой*, для аббревиатур с абброконструктом *вин-* – *винный* и т. д.

2. **Словарная методика**. Если в каком-либо уже существующем словаре для слова обнаруживается эквивалент, который не совпадает с презентативным эквивалентом, он вводится после верификации в гнездо эквивалентности. Например, для абброконструкта *лесо-* презентативом является слово *лесной*. Однако для лексем *лесозавод* в словаре SOKR.RU приводится эквивалент *лесопильный завод* (модификационный стимул). Верификация показала, что только в номинативе он отмечается более чем в 5 тыс. эквивалентных текстах, например: *Летнереченский лесопильный завод. Каким я его помню – В то время контора лесозавода уже переехала на верхний этаж гаража* (https://dzen.ru/a/Xj_rxv4N2BDP6OMc), что и позволяет считать данное словосочетание эквивалентом аббревиатуры *лесозавод*.

3. **Текстовая методика** представляет собой поиск коррелятов слова в эквивалентных текстах, собираемых в корпус словаря при помощи Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Yandex по запросу – описываемому сложносокращенному слову. Например, если в текстах, включающих

аббревиатуру *заградотряд*, отобранных по поисковому запросу «заградотряд», отмечается словосочетание *отряд заграждения*, отвечающее всем приведенным выше требованиям верификации, это позволяет считать его эквивалентом данного слова. См., например: *119-я и 220-я стрелковые дивизии оставались на прежних рубежах, хотя отдельный заградотряд 119-й стрелковой дивизии уже вступил в бой в районе Покрова – Все началось еще в 3.00, когда располагавшийся в Шиваре **отряд заграждения** 634-го стрелкового полка вступил в бой с передовыми немецкими частями* (https://realnoevremya.ru/news/189750vkazaniprostilissilfatoma_bdrahmanovym).

3. МЕТОДИКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Расширенное парадигматическое прогнозирование включает методики лексико-деривационного прогнозирования, аббревиатурного гнезда, аббревиатурно-ономастического поля, аббревиатурной группы и аббревиатурной парадигмы.

4. **Лексико-деривационное прогнозирование** имеет своей целью составление списка дешифровальных стимулов и представляет собой моделирование единиц, словообразовательно связанных с уже обнаруженными дешифровальными стимулами. К прогнозируемым на основе деривационного анализа относятся:

а) существительные-релятивы, выступающие в качестве производящих для презентативов. Например, для презентатива *национальный* производящим является слово *нация*, которое в своих токенах выступает в качестве релятива, например: *нацбогатство – богатство нации (национальное богатство), нацвозрождение – возрождение нации (национальное возрождение)* и т. д.;

б) иногда в качестве параллельных дешифровальных стимулов используются однокорневые синонимы, относящиеся к одной части речи. Например, для абброконструкта *бур-* таковыми являются презентативы *буровой* и *бурильный*: *бур-станок – буровой станок и бурильный станок, буринструмент – бурильный инструмент и буровой инструмент* и т. д. Сюда же относится и причастный презентатив, который часто появляется в ряду дешифровальных стимулов, прямо или опосредованно связанных с глаголами. Например, *агло-* – *агломерационный* образован от глагола *агломерировать*, чьи причастные формы *агломерирующий, агломерировавший, агломерированный, агломерируемый* также могут выступать в качестве дешифровальных стимулов. Однако в картотеке словаря обнаружены эквивалентные словосочетания, включающие только один причастный дешифровальный стимул – *агломерированный*: *аглокварц – агломерированный кварц*;

в) часто абброконструкту эквивалентны **симультанты**, т. е., в сущности, презентативы-паронимы. Например, абброконструкту *электро-* эквивалентны симультанты *электрический* и *электронный*, *вибро-* – *вибрационный* и *вибрирующий*, *бронь-* – *броневой* и *броневой* и т. д. См. о симультантах: [Бровец 2016];

г) иногда функции релятива выполняет существительное, отличающееся от того, которое является производящим для презентатива, но деривационно связанное с ним. Например, конструкт *вело-* может дешифроваться не только релятивом *велосипед*, которое является производящим для презентатива *велосипедный*, но и при помощи слова *велосипедист*: *велодорожка – дорожка для велосипедов и дорожка для велосипедистов*.

5. **Методика аббревиатурного гнезда.** Аббревиатурное гнездо – это «совокупность гнезд эквивалентности с тождественным базисом (например, *авиазавод*,

бронезавод, химзавод, мясозавод и др.)» [Крестьянинова 2018: 237]. Предполагается, что для слов, входящих в него, при условии тождества наиболее частотного терминала ономаσιологического признака, т. е. общего представления о модели интерпретации ономаσιологического базиса, возможно формирование общей предельной матрицы и поиск эквивалентов в новых гнездах эквивалентности по ней, как по шаблону. Например, для всех слов, имеющих ономаσιологическую структуру «журнал – делибератив» (периодическое издание, в котором ономаσιологически значимым является объект описания), формируется следующая матрица: 1) *ух(адъект): кваликатив*; 2) *у(о/об)х⁶: делибератив*; 3) *у(про)х⁴: делибератив*; 4) *у(для)х²: дестинатив (лицо)*; для входящего в данное гнездо слова *автожурнал* на основе приведенной матрицы были обнаружены эквиваленты (расположены по мере убывания частотности): *автомобильный журнал* (1), *журнал об автомобилях, журнал об авто* (2), *журнал для автолюбителей* (4), *журнал про автомобили, журнал про авто* (3). Для слова *киножурнал* в значении ‘периодическое печатное или онлайн-издание, посвященное кинематографу’ были спрогнозированы и верифицированы по приведенной выше матрице эквиваленты *журнал о кино, о кинематографе* (2); *журнал про кино, про кинематограф* (3); *кинематографический журнал* (1). *Журнал для кинолюбителей* в корпусе Словаря не отмечается.

6. Методика аббревиатурно-ономаσιологического поля. **Аббревиатурно-ономаσιологическое поле** – это «совокупность сложносокращенных наименований одного понятийного поля, содержащих инвариантное значение в структуре как ономаσιологического базиса, так и ономаσιологического признака» [Лялюк 2020: 15]. Например, в аббревиатурно-ономаσιологическое поле «лицо» входят гнезда эквивалентности всех аббревиатур, которые содержат архисему «лицо»: *авиаагент, юнкор, космопилот, медбрат, морпех, авиадесантник* и т. п. Прогнозирование по аббревиатурно-ономаσιологическому полю предполагает поиск по шаблону предельной дешифровальной матрицы слов, имеющих базисы одного поля. Например, для гнезд эквивалентности с базисом «линейный пространственный объект» (*дорога, магистраль, путь* и т. п.) может быть создана предельная матрица следующего вида: *ху* (кваликатив), *у(для)х²* (дестинатив-инструменталис), *у(для)х²* (дестинатив-лицо), *у(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис), *у(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис) (представлена для примера только часть матрицы). Для слов *автодорога* и *велоаллея* данная матрица заполняется следующим образом:

автодорога: *ху*(кваликатив) – *автомобильная дорога*; *у(для)х²*(дестинатив-инструменталис) – *дорога для автомобилей*; *у(для)х²* (дестинатив-лицо) – *дорога для автомобилистов*; *(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис) – *дорога для автотранспорта*; *(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис) – *дорога для автомобильного транспорта*;

велоаллея: *ху* (кваликатив) – *велосипедная аллея*; *у(для)х²* (дестинатив-инструменталис) – *аллея для велосипедов*; *у(для)х²* (дестинатив-лицо) – *аллея для велосипедистов*; *(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис) – не обнаружено; *(для)х²* (транспорта, дестинатив-инструменталис) – не обнаружено.

7. Методика аббревиатурной группы. **Аббревиатурная группа** – «совокупность сложносокращенных слов, имеющих тождественный начальный конструктор» [Рязанова 2020: 114]. Например, слова *санавиация, санбаза, санрота, санинструктор, санпоезд* формируют аббревиатурную группу «сан». Нами при-

меняются две методики прогнозирования эквивалентности на основе учета особенностей структуры аббревиатурной группы:

а) **методика дешифровальных стимулов.** В результате применения представленных выше методик создается список дешифровальных стимулов аббревиатурной группы, представляющий собой набор токенов и объединяющих их лемм. При прогнозировании по данной методике осуществляется простая подстановка к базису собранных в списке дешифровальных токенов и проверка получившихся словосочетаний по верификационной методике. Например, для аббревиатурной группы «гео» ‘относящийся к географии’ нами был составлен следующий леммно-токенный список: 1. *Географический, -ая, -ое.* 1) Относящийся к географии. 2) Выделяемый в географии: *географический; географический; географическая; географическое.* 2. *География, -и, ж., ед.* Система естественных и общественных наук о природных, территориально-производственных и социально-территориальных комплексах Земли и их компонентах: *географии; от географии; по географии.* 3. *Геоинформационный, -ая, -ое.* Содержащий информацию о положении объектов на земной поверхности: *геоинформационные.* 4. *Геопространственный, -ая, -ое.* Связанный с положением объектов на земной поверхности (об информации, данных): *геопространственные.*

Использование данных дешифровальных стимулов при составлении гнезда эквивалентности слова *геоданные* ‘данные о пространственных объектах’ прогнозирует эквиваленты *географические данные, данные географии, данные о географии, геопространственные данные, геоинформационные данные.* Верификация данных словосочетаний подтвердила наличие в языке высокочастотных эквивалентов *географические данные, геопространственные данные, геоинформационные данные,* которые вводятся в гнездо эквивалентности, и малую частотность эквивалентов *данные географии? данные о географии,* которые оставляются за его пределами;

б) **методика смежности.** В качестве эквивалента аббревиатурной группы может выступать также аббревиатура, входящая в эту же аббревиатурную группу, и ее эквиваленты. Методика смежности представляет собой проверку возможности включения входящих в аббревиатурную группу сложносокращенных слов в реестр ее дешифровальных стимулов. Например, нами были включены в список стимулов группы «диет» сложносокращенное слово *диетпродукты* и его эквивалент *диетические продукты: из диетических продуктов (диетменю – меню из диетических продуктов); с диетическими продуктами (диетмагазин – магазин с диетическими продуктами)* и т. д.

8. **Методика аббревиатурной парадигмы.** **Аббревиатурная парадигма** – объединение аббревиатурных групп с входящими в одно аббревиатурно-онимасиологическое поле аббревиатурными группами, например групп «агро» и «сельхоз», в которых аббревиатура указывает на сельскохозяйственную отрасль. Мы предполагаем, что если в одной группе, входящей в аббревиатурную парадигму, есть некий дешифровальный стимул, то построенный по такой же модели стимул может быть обнаружен и в других входящих в данную парадигму группах. Например, в группе «сельхоз» отмечается леммный стимул *сельхозпродукция* в токенах *сельхозпродукции (сельхозпроизводство – производство сельхозпродукции); сельскохозяйственной продукции (сельхозрынок – рынок сельскохозяйственной продукции); для сельхозпродукции (сельхозсубсидия – субсидия для сельхозпродукции); на сельхозпродукцию (сельхозналог – налог на сельхозпродукцию); на сельскохозяй-*

ственную продукцию (сельхозналог – налог на сельскохозяйственную продукцию). Можно предположить существование дешифровального стимула *агропродукция* в группе «агро», что и было подтверждено в процессе прогнозирования, поиска и верификации. Однако объем использования данного стимула несколько ограничен. Отмечаются только частотные токены: *агропродукции* (*агрорынок – рынок агропродукции*); *аграрной продукции* (*агрорынок – рынок аграрной продукции*), *на агропродукцию* (*агроналог – налог на агропродукцию*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение приведенных методик позволило, во-первых, увеличить объем словника Словаря (аббревиатурная группа «авто» в онлайн-словаре Sokr.ru представлена 111 словами, а в нашем Словаре – 516 словами, каждое из которых включается как минимум в 1000 текстов словарного корпуса). Во-вторых, описанные методики позволили представить в словарных статьях практически все наиболее частотные эквиваленты описываемых в них аббревиатур, что принципиально отличает наш Словарь от существующих словарей сокращений. Например, в словаре И.В. Фаградянца для слова *автообслуживание* приводится только дешифровка *автомобильное обслуживание* [Фаградянец 2008: 6], а в нашем Словаре – 9 эквивалентов: *обслуживание автомобилей, обслуживание автомобиля, обслуживание авто, обслуживание автотранспорта, обслуживание автотранспортных средств, обслуживание автомашин, автомобильное обслуживание, обслуживание автомашины, обслуживание автотранспортного средства*. Перспективой исследования является создание на основе вышеупомянутых методик моделей поиска эквивалентов для инициальных аббревиатур и сложносокращенных онимов.

РАЗДЕЛ 5. СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ ОНИМЫ⁹

Т.А. Кириченко

1. ПОНЯТИЕ О СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ ОНИМАХ

В языковом пространстве современного города важное место занимают номинации деловых объединений, что является предметом исследования ономастики – раздела языкознания, который занимается изучением имен собственных (онимов). Постоянно развивающейся современной областью ономастики является эргонимия – дисциплина, которая изучает эргонимы – собственные имена «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 18], их историческое развитие, принципы и способы образования.

В русском языке отмечается большое количество **эргонимов-аббревиатур, абброэргонимов**, например *Рособрнадзор, МЧС, «Строймонтаж»* и т. п.

Как известно, в ономастике различают **эргонимы с несвязанной (условной) мотивацией** (например, супермаркет *«МОЛОКО»*, торговый центр *«Галактика»*, парикмахерская *«Престиж»* и т. д.) и **эргонимы со связанной мотивацией**, указывающие на характер деятельности предприятия и выпускаемой им продукции

⁹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

или на место расположения организации (например, *Россельхозбанк*, *Минцифры*, *Мосгортранс* и проч.). Повторим вслед за А.В. Суперанской, что в эргонимах связанной мотивации обязательно присутствует некоторая географическая привязка (*российский*, *всемирный* и т. д.), а также слово-классификатор (*комитет*, *завод* и т. д.) [Суперанская 1973: 195]. Именно к последнему типу эргонимов и относятся **сложносокращенные онимы** (далее – ССО), т. е. слоговые и частично сокращенные (иногда смешанные) аббревиатуры, которые характеризуются связанными мотивационными отношениями со словосочетаниями-эргонимами и используются для обозначения единичных объектов, включая в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является аббревиационным конструктом (абброконструктом), например: *Главковерх*, *Горснаб*, *Роснефть*, *Географиздат*, *Миннауки* и т. д.

ССО представляют собой автономный ономазиологический тип аббревиатур наряду со сложносокращенными апеллятивами и инициальными аббревиатурами. Структурно ССО состоят, как и сложносокращенные апеллятивы, из абброконструктов и представляют собой коррелятивные искусственные эквиваленты официальных наименований. При этом ССО зачастую конструируются, в результате чего происходит **затемнение внутренней формы** наименования, поскольку в них отражается не столько текстовая эквивалентность «слово – словосочетание», сколько «творческая фантазия номинатора», или **генерализация**, т. е. замещение многокомпонентного официального эквивалента сложносокращенным онимом путем обобщения в нем основных семантических центров для понимания и запоминания его реципиентами. Например, ССО *Росзарубежцентр* дешифруется как *Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации*, где наблюдается генерализация нескольких компонентов эргонима-словосочетания *международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел* в один – *зарубеж*. Таким образом, ССО являются результатом искусственного конструирования, что не позволяет поставить их в один ряд со сложносокращенными апеллятивами и инициальными аббревиатурами.

Как уже отмечалось выше, сложносокращенные апеллятивы (далее – ССА) как автономный ономазиологический тип аббревиатур являются результатом «стихийной» замещенной универбализации. «Сложносокращенные апеллятивы создаются путем **стереотипного замещения** (выделено нами. – Т.К.) абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании» [Теркулов 2017: 104]. Основные типы дешифровальных стимулов ССА (презентативный, релятивный, модификативный) представляют собой разнокомпонентные дешифровки сложносокращенного слова, но при этом все они связаны с исходным сложносокращенным апеллятивом, который так или иначе включает в себя все компоненты структуры словосочетания. К ССО же данные принципы дешифровки не могут применяться, поскольку ССО зачастую образуются искусственным путем, исходя из общего семантического значения официального полного наименования, а не из его структуры. Редкие исключения составляют лишь малокомпонентные словосочетания-эргонимы типа *Российский экспортно-импортный банк – Росэксимбанк*, где структура ССО соответствует структуре эргонима-словосочетания. Данное положение позволяет говорить о необходимости разграничения подходов к исследованию структуры сложносокращенных апеллятивов и сложносокращенных онимов.

ССО следует отграничить и от инициальных аббревиатур, которые возникают в результате реализации моделей реального коррелятивного сокращения эквивалентных слов до первого звука или буквы. При этом инициальные аббревиатуры не имеют конкретной семантической закреплённости, т. е. они автоматически не связаны с какой-то конкретной семантикой. Например, *ПК* дешифруется и как *персональный компьютер*, и как *пожарный кран*, и как *показатель качества* и т. д. Инициальные аббревиатуры создаются осознанно, но не «стихийно».

Таким образом, единицы, которые имеют разные основания выделения, закономерно по-разному и описываются, что мотивирует выделение сложносокращённых онимов в автономную разновидность аббревиатур.

2. СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ ОНИМОВ

ССО являются диахронными аббревиатурами, поскольку каждое деловое учреждение перед тем, как начать функционировать в обществе, получает полное наименование, а затем сокращённое, которое используется в текстах как абсолютный синоним (дублет) полного. Основным лингвистическим фактором создания эквивалентного сокращённого наименования является закон экономии языковых средств. Универбализация помогает сократить материальную оболочку коммуникативных единиц, увеличив тем самым скорость и расширив пределы поступления информации от адресанта к адресату, т. е. является средством концентрации информации. Ср. словосочетание-эргоним *Российский государственный концерн по производству электрической и тепловой энергии на атомных станциях* и его сокращённый эквивалент – *Росэнергоатом*. Главным экстралингвистическим фактором является информационный взрыв в современном интернет-пространстве, выразившийся в непомерном возрастании количества деловых объединений, предприятий, объёма новой информации, в повсеместной компьютеризации, что привело к поискам средств экономного обозначения новых реалий жизни.

Т.В. Шмелева утверждает, что сфера эргонимии с начала 1990-х гг. переживает состояние «онимического взрыва» [Шмелева 1997: 114]: увеличение количества объектов, которые нуждаются в собственных именах, приводит к росту ономастикона и разрастанию диапазона языковых средств создания онимов. Отметим, что сегодня не только возрастает количество новых деловых объектов, а соответственно наименований, но и не перестают видоизменяться уже существующие названия деловых объединений. Таким образом, со временем ССО либо упраздняют и им на смену приходят новые ССО, либо у ССО появляется все большее количество эквивалентов.

Для описания микросистемы ССО актуальным является разграничение двух подходов: диахронного и синхронного. При диахронном подходе устанавливаются отношения производности между ССО и его эквивалентами, а при синхронном – констатируется мотивационная связь ССО со всеми соответствующими ему эквивалентными словосочетаниями на актуальном срезе языка.

Под эквивалентами ССО с точки зрения синхронного подхода мы понимаем полные варианты наименований, которые появились в период существования и функционирования сокращённого варианта наименования делового учреждения (ССО) и соответствуют полностью или частично формальной структуре ССО.

Рассмотрим это определение на примере ССО *Россотрудничество*. По прошествии существенных социально-политических потрясений, международных

санкций против России, фактической ее блокады в 1925 г. было создано *Всероссийское общество культурной связи с заграницей*, имеющее сокращенное название – инициальную аббревиатуру ВОКС. В 1958 г. ВОКС было реформировано и на его основе был создан *Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами*, имеющее в основе инициальную аббревиатуру ССОД. В 1994 г. ССОД был преобразован в *Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при правительстве РФ*, данному полному наименованию были определены два сокращенных эквивалента: инициальный (*РЦМНКС*) и слоговой (*ССО Росзарубежцентр*). 6 февраля 2002 г. Указом предусматривается преобразование данного учреждения в *Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации*, при этом исчезает вторичный инициальный эквивалент и фиксируется наравне с полным наименованием лишь *ССО Росзарубежцентр*. В целях повышения эффективности государственного управления в области международного сотрудничества 6 сентября 2008 г. *Росзарубежцентр* был упразднен, а его функции переданы в переименованное *Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству*, имеющее сокращенный эквивалент – *Россотрудничество*. Из данной исторической справки мы можем выделить следующие эквиваленты *ССО Росзарубежцентр*: **упраздненный официальный эквивалент** *Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при правительстве РФ* (упраздненный, поскольку в 2002 г. появляется новое полное наименование), **анахроничный официальный эквивалент** *Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации* (анахроничный, поскольку не является актуальным на сегодняшний день, но при этом является последним актуальным эквивалентом для *ССО Росзарубежцентр*). Отметим, что наличие двух и более эквивалентов *ССО* мы называем «**множественной эквивалентностью**». Предшествующие полные наименования не считаются официальными эквивалентами *ССО Россотрудничество*, поскольку время их актуального функционирования в обществе было до появления нового официального наименования, вместе с которым был введен в обиход и соответствующий ему *ССО*. Как и последний вариант (*Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству*), он также не считается официальным эквивалентом *ССО Росзарубежцентр*, поскольку вместе с ним пришел на замену *ССО Россотрудничество*, который и является официальным эквивалентом нового наименования. В связи с этим стоит отметить одновременное функционирование двух типов *ССО*: **упраздненных** (например, *Росзарубежцентр* – данный *ССО* был официально актуальным до 2008 г.) и **действующих** (например, *Россотрудничество* – *ССО*, который в 2008 пришел на смену *ССО Росзарубежцентр* и действует по сей день). Действующему на данный момент *ССО Россотрудничество* соответствует полное официальное наименование *Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству*, что мы называем **действующим официальным эквивалентом**.

Процесс преобразования наименований деловых объединений происходит по причине того, что эргонимы находятся в эпицентре сферы влияния экономичес-

ких и политических факторов и занимают важное место в развитии языковой картины мира, отражают ее «исторический фрагмент» [Кургузова 2009: 8]. При синхронном подходе к анализу ССО и их эквивалентов было выявлено, что вследствие влияния на эргонимы экономических и политических факторов в сознании носителей языка не успевает закрепляться то или иное официальное наименование, что является причиной ошибочного употребления ССО наряду с упраздненными или ложными эквивалентами. Например, в статье от 2014 г. в онлайн-журнале для фармацевтов отмечается употребление ССО наряду с упраздненным официальным эквивалентом: *Росздравнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития) – самый главный проверяющий орган для аптек, который осуществляет контроль за обращением лекарственных средств от производства до уничтожения* (https://www.katrenstyle.ru/check/myi_k_vam_s_proverkoju), в то время как в 2012 г. ССО *Росздравнадзор* уже соответствовал официальный эквивалент *Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения*.

Отметим, что отношения синхронной эквивалентности – это функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность ССО с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами. Синхронные эквиваленты – это словосочетания, которые употребляются в эквивалентных текстах в качестве абсолютных синонимов (дублетов) ССО и включают в свой состав компоненты, которые воспринимаются носителями языка как эквиваленты конструктов ССО. Так, помимо употребления в текстах ССО наряду с упраздненными официальными эквивалентами, в ходе синхронного анализа ССО было замечено явление **псевдоунивербализации**, т.е. ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачивается вторичное словосочетание. Ранее, до создания Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации (далее – Лаборатория), псевдоунивербализация не была объектом системного изучения в истории языкознания. До этого учеными была замечена лишь одна разновидность псевдоунивербализации – дезаббревиация, т.е. «эвфемистически насмешливое раскрытие аббревиатуры» [Хуснуллина 2012].

Отметим, что в русском языке реализуются и неигровые причины развертывания вторичных словосочетаний. В сознании носителей языка сложился стереотип: если в состав слова входит абброконструкт, то этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта. Вторичное развертывание ССО может быть обусловлено особенностями языковой компетенции носителя языка, его желанием конкретизировать значение ССО в производном словосочетании. Как отмечает А.В. Зеленин, «если аббревиатурная лексема представляет один из возможных способов языковой компрессии, “сжатия” текста (номинативного словосочетания), то возможна также и декомпрессия текста, развертывание аббревиатуры либо в исходное словосочетание, либо в новую языковую единицу **с модифицированным сигнификатом** (выделено нами. – Т.К.)» [Зеленин 2005: 78].

Целью синхронного анализа является описание и установление типов мотивационных (синхронных) отношений между ССО и текстовыми синтаксическими эквивалентами. Например, в одной из дипломных работ по тематическому анализу аббревиатур, выполненной в Пензенском государственном университете, читаем: «В результате анализа языкового материала, извлеченного из газетных текстов (320 единиц), мы выделили ряд тематических групп сложносокращенных слов.

<...> 21. Воинские подразделения, оружие: *спецназ (отряд специального назначения), ОМОН (отряд милиции особого назначения), Росгвардия (Российская гвардия)*» (<https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/y0UYr0F3QqoS.pdf>). В данном примере показан один из результатов псевдоунивербализации ССО *Росгвардия*, в то время как официальный эквивалент – *Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации*. Так, словосочетание *Российская гвардия* мы считаем синхронным псевдоэквивалентом ССО *Росгвардия* по трем причинам: 1) компоненты словосочетания стали эквивалентами конструкторов ССО вследствие действия закона стереотипного замещения аббрекконструктора словосочетанием: Рос – российская, гвардия – гвардия; 2) ССО и данное словосочетание ошибочно употребляются в эквивалентных текстах как дублиеты, например: *Написано Росгвардия... Российская гвардия... защищает нас* (https://vk.com/wall7145132_10066); 3) наблюдается подмена денотата: гвардия – это лучшие, отборные части войск; *Росгвардия* – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности Войск национальной гвардии Российской Федерации. Иначе говоря, с точки зрения синхронии эквивалентами ССО *Росгвардия* являются как *Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации*, так и *Российская гвардия*. Однако официальному эквиваленту ССО *Росгвардия* – *Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации* соответствует следующая ономаσιологическая модель: статус + учреждение + дестинатив + статус + агентив, в то время как ономаσιологическая модель эквивалента *российская гвардия*: статус + агентив. Так, часто *федеральный орган* носителями языка воспринимается как *подразделение войск*. Таким образом, первая ономаσιологическая модель вторичного словосочетания называет спецподразделения, группы (собрания) людей и т. п.

Вторая ономаσιологическая модель называет процесс, а не учреждение, вследствие чего наблюдается искажение семантики в силу подмены денотата. Например, ССО *Росдорлизинг*, дешифруемый носителями языка как *российский дорожный лизинг*, имеет такую ономаσιологическую модель: локатив + отрасль + дестинатив. В то время как официальный эквивалент ССО – *Российская дорожная лизинговая компания* – отличается наличием еще одного компонента: локатив + отрасль + дестинатив + учреждение, что в корне меняет семантику ССО, поскольку *российский дорожный лизинг* – это **процесс** аренды оборудования с возможностью его выкупа в дальнейшем, а *Российская дорожная лизинговая компания* – это **учреждение**, которое занимается организационными вопросами в сфере лизинга. Эргоним *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки* имеет следующую ономаσιологическую модель: статус + учреждение + дестинатив + локатив + локатив. ССО и его вторичный эквивалент *российский образовательный надзор* имеет иную модель: локатив + отрасль + дестинатив. Снова наблюдаем искажение семантики: вместо учреждения, вторичный эквивалент имеет процессуальное значение.

Третья ономаσιологическая модель вторичного эквивалента называет объект, семантика которого не соотносится с семантикой ССО. Например, эргониму *Управление государственных сельскохозяйственных складов* соответствует ССО *Госсельсклад*, что дешифруется носителями языка как *государственный сельскохозяйственный склад* (модель: статус + дестинатив + объект); эргониму *Государственное агентство резерва* соответствует ССО *Госрезерв*, что дешифруется но-

сителями языка как *государственный резерв* (статус + объект); эргониму *Главное управление государственными химико-фармацевтическими заводами* соответствует ССО *Главфармазавод*, что дешифруется носителями языка как *Главный фармацевтический завод* (статус + отрасль + объект). Данная ономаσιологическая модель хотя и называет объект, а не процесс, но этот объект не является учреждением, из-за чего исходная семантика снова претерпевает изменения.

Выведение трех ономаσιологических моделей ССО (и полностью копирующих эти модели вторичных – псевдоунивербализационных – словосочетаний) говорит о регулярности подобных образований. ССО и их вторичные эквиваленты зачастую называют какой-либо процесс, объект или группу людей, чем существенно отличаются от официальных полных наименований. Такие ложные эквиваленты называются нами псевдоэквивалентами ССО, т. е. эквивалентами, которые содержат в себе ложную семантику, не соотносящуюся с семантикой официального эквивалента.

Не имеют подобной искаженной семантики лишь эквиваленты таких ССО, которые в своем составе имеют компонент, номинирующий учреждения. Например, препозитивный абброконструкт *мин-* правильно дешифруется носителями языка как Министерство, и только такие ССО претерпевают наименьшее искажение семантики. Эргониму *Министерство химического и нефтяного машиностроения* соответствует ССО *Минхиммаш* и дешифруется носителями языка как *Министерство химического машиностроения* (учреждение + отрасль + фактитив). Во вторичном эквиваленте утеряно название еще одной отрасли (*нефтяного*), поскольку его компонент (*нефте-*) не отображен в ССО. Однако несмотря на неполное восстановление наименования ССО, семантика его все же сохраняется, поскольку в данном случае ССО и его вторичный эквивалент не называет какой-либо процесс или объект, а точно указывает на учреждение. Такие эквиваленты ССО мы называем **интерэквивалентами**, т. е. эквивалентами, которые по своей семантике находятся между ложными (псевдо-) эквивалентами и официальными эквивалентами.

Таким образом, псевдоунивербализация ССО, реализующаяся по трем ономаσιологическим моделям, зачастую называет объект, процесс или группу людей, в то время как ССО всегда служит наименованием учреждения, регулирующего процесс работы завода, предприятия и т. п. Это говорит нам о том, что в употреблении ССО носителями языка могут совершаться ошибки вследствие называния иного денотата (ср. *Нацгосслужба* как *Национальное агентство по вопросам государственной службы* и как *национальная государственная служба*), что влечет за собой неправильное восприятие реципиентом ССО и дальнейшее его искаженное существование. Об этом и писал А.В. Зеленин: перед нами процесс «развертывания аббревиатуры в новую языковую единицу **с модифицированным сигнификатом** (выделено нами. – Т.К.)» [Зеленин 2005: 78]. Однако сама аббревиатура подталкивает нас к этому, именно в ней изначально не фиксируется денотат – учреждение, что порождает явление псевдоунивербализации.

Итак, одному ССО могут одновременно соответствовать несколько синхронных эквивалентов: действующие официальные эквиваленты, анахроничные официальные эквиваленты, упраздненные официальные эквиваленты, псевдоэквиваленты и интерэквиваленты. Исходя из данного положения, появляется необходимость в выделении **диахронного подхода**, который помогает установить отношения производности между ССО и его эквивалентами.

Целью диахронного анализа является установление деривационных связей среди эквивалентов ССО, т. е. разграничение формирующих и «стереотипно сформулированных» эквивалентов. Лабораторией были разработаны методики разграничения универбализации и псевдоунивербализации: хронологическая, количественная, ономастическая, семантическая [Теркулов 2017: 7397], благодаря которым мы можем провести диахронный анализ и отграничить эквиваленты формирующие, т. е. официальные, от которых были образованы ССО, от «стереотипно сформулированных», т. е. вторичных эквивалентов, полученных вследствие псевдоунивербализации.

Основной принцип **хронологической методики** для анализа сложносокращенных апеллятивов состоит в установлении первичности аббревиатуры и соответствующего эквивалентного словосочетания, т. е. времени первой фиксации. Помощь в данном поиске оказывают корпуса русского языка: Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) и Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/>). Однако данная методика не является самой убедительной для сложносокращенных апеллятивов, поскольку в данные корпуса внесены не все источники, позволяющие определить первичность аббревиатуры или словосочетания. Хронологическая методика используется нами в другом ключе, поскольку вопрос о первичности ССО или его эквивалентных словосочетаний не подвергается сомнению: полное официальное наименование первично по отношению к ССО, однако эквивалентных словосочетаний зачастую бывает несколько, поэтому данная методика помогает в отграничении эквивалентных первичных официальных эквивалентов от словосочетаний, полученных путем псевдоунивербализации. Например, эргоним *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки* фиксируется в НКРЯ с 2001 г., ССО *Рособрнадзор* – с 2004 г. (что на самом деле подлежит сомнению, поскольку ССО *Рособрнадзор* начал функционировать в обществе сразу после возникновения *Федеральной службы*), а его вторичный эквивалент – *российский образовательный надзор* – не зафиксирован, что позволяет сделать предположение о его возникновении в результате псевдоунивербализации. Однако, как показали наши исследования, в корпуса были внесены лишь три-пять ССО из аббревиатурных групп *рос-*, *мин-*, *гос-* и др., поэтому для полноценного анализа ССО мы не можем их использовать.

Большую помощь в этом оказывают словари сложносокращенных слов: «Sokr.ru» – электронный словарь сокращений русского языка; «Academic.ru» – интернет-сервис для поиска информации по базе словарей. Данные источники фиксируют время актуального функционирования тех или иных полных официальных наименований учреждений, предприятий и т. п., фиксируют изменения, которые происходят в официальных переименованиях. При этом данными источниками не отмечаются эквиваленты, полученные в результате псевдоунивербализации, что уже позволяет сделать предположение о первичности того или иного эквивалента. Однако то, что словарями не фиксируется употребление того или иного эквивалента, не позволяет нам приписать ему статус псевдоунивербализационного, поскольку электронными источниками какие-то эквиваленты могут не фиксироваться в силу их большого количества, а также их недавнего времени возникновения. Но это можно рассматривать как первый шаг, предположение о статусе того или иного эквивалента. Далее – проверка по количественной, ономастической и семантической интерпретационной методикам, которые помогут однозначно установить статус эквивалента.

Ономасиологическая методика для сложносокращенных апеллятивов помогает установить «тождественность / нетождественность ономасиологической структуры сложносокращенного слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом», что дает возможность установления первичности аббревиатуры или (чаще) словосочетания. При анализе ССО данная методика работает несколько иначе, поскольку, как уже было сказано, на ономасиологическом уровне нами наблюдается изначальное несоответствие ономасиологической структуры официального полного наименования его сокращенному эквиваленту. Но анализ ССО по ономасиологической методике помогает нам сделать второй шаг по установлению статуса того или иного эквивалента: если ономасиологическая модель эквивалента полностью совпадает с ономасиологической моделью ССО и при этом называет не учреждение, предприятие и т. п., а процесс, объект или группу людей – перед нами псевдоэквивалент; если ономасиологическая модель полного эквивалента полностью совпадает с ономасиологической моделью ССО и при этом называет предприятие, учреждение и т. п., то это следующий шаг к предположению, что данное словосочетание – один из официальных эквивалентов или интерэквивалент. Третий шаг для подтверждения статуса словосочетания, полученного универбализационным или псевдоунивербализационным путем, – проверка по квантитативной методике.

Для начала опишем принцип работы квантитативной методики, основные положения, которые данная методика помогла установить по отношению к ССО, затем изложим принцип проверки статуса словосочетания по данному методу (третий шаг).

Квантитативная методика основывается на определении баланса индексов частотности употребления аббревиатуры и словосочетания и представляет собой «частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания (баланс < 1 свидетельствует в пользу большей частотности словосочетания, а > 1 – слова)» [Теркулов 2017: 81]. Установление баланса индексов осуществляется при помощи поисковых машин Google, Яндекс и корпусов русского языка. Безусловно, частотность употребления аббревиатуры или словосочетания регулярно претерпевает количественные изменения, но баланс индексов остается относительно стабильным.

При этом если баланс индексов при исследовании сложносокращенных апеллятивов и соответствующих им словосочетаний зачастую выдает результат в пользу словосочетания (что косвенно может констатировать факт его первичности), то подсчеты баланса индексов ССО и словосочетаний-эргонимов показали, что ССО употребляется чаще словосочетаний. Например, баланс индексов в паре *Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации* (214 000 упоминаний) – *Минприроды* (2 210 000 упоминаний) составляет 10,3 (баланс индекса упоминаний – частное от деления числа упоминаний в поисковой системе (корпусе) слова (делимое) на число упоминаний словосочетания (делитель), в нашем случае: (ССО) 2 210 000 / (словосочетание-эргоним) 214 000 = 10,3); баланс индексов в паре *Сибэнергосетьпроект – Государственный Сибирский проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт по проектированию энергетических систем и электрических сетей* составляет 164. Разумеется, данный факт говорит не о первичности аббревиатуры, поскольку каждое деловое учреждение перед тем, как начать функционировать в обществе, получает полное наименование, а затем сокращенное, как эквивалент полному. Важно отметить и

тот факт, что существует большое количество и таких ССО, которые употребляются реже словосочетания.

Данные подсчеты свидетельствуют о том, что баланс индексов зависит от мотивационного типа ССО. Чем больше ССО претерпевает конструктивных изменений, тем выше его баланс индексов, т. е. ССО употребляется чаще словосочетания (ССО > словосочетание); и наоборот, чем меньше в ССО происходит конструктивных изменений, т. е. чем ближе он к универбализационному типу образования аббревиатуры, тем чаще употребляется словосочетание (ССО < словосочетание).

Причина данного явления кроется в том, что ССО конструктивного типа являются эквивалентами достаточно вместительных эквивалентных словосочетаний, которые трудны для запоминания и воспроизведения реципиентами: ср. *Главгосэнергонадзор* и *Главное управление государственного энергетического надзора Министерства топлива и энергетики Российской Федерации*. По данным поисковой машины Google, ССО *Главгосэнергонадзор* употребляется в 50 раз чаще полного официального наименования. ССО же универбализационного типа употребляются реже своих эквивалентных словосочетаний-эргонимов или на одном уровне с ними потому, что благодаря краткой форме производящего словосочетания реципиентам его легко запомнить и даже полностью реконструировать по его точной сокращенной копии. Например, ССО *Минэкономики* соответствует официальный эквивалент *Министерство экономики* – баланс индексов 0,89, что легко объясняется краткой формой полного наименования. По этой причине ССО универбализационного типа пользуются меньшим спросом в обществе, нежели ССО конструктивного типа, от чего и зависит частотность их употребления.

Факт употребления аббревиатуры чаще словосочетания говорит о постепенном вытеснении полного наименования сокращенным. Об этом пишет и Е.Ю. Аламайрех: «Для пар “словосочетание – произведенное от него ССС” характерно сокращение числа употреблений словосочетания после возникновения аббревиатуры, приводящее к формальному упрощению текстов, в которых данные единицы употребляются. Для этого – для сжатия текста (“экономии усилий”) – аббревиатуры и создаются» [Аламайрех 2016: 31]. Также современные российские лингвисты пишут, что сегодня сложносокращенные слова зарекомендовали себя как вполне «полноценные слова», признают его знаком особого рода, «детерминированным полным наименованием», поскольку изначально сложносокращенное слово выступает в качестве эквивалента уже существующего словосочетания или наименования «и только в дальнейшем приобретает характеристики самостоятельного слова и часто переходит в разряд обычных, независимых от контекста лексических единиц» [Криворот 2012: 47]. Именно по этим причинам полные наименования не могут вытеснять сокращенные – аббревиатуры становятся не просто сокращением полных наименований, а вполне автономной единицей номинации; обратное противоречило бы закону экономии языковых средств.

Разумеется, встречаются и такие ССО, у которых отмечается большое количество эквивалентов полных наименований вследствие его частого переименования. Некоторые из них употребляются реже в силу короткого промежутка своего существования. В данном случае нам поможет первая методика, т. е. проверка эквивалентных словосочетаний по корпусам русского языка и электронным словарям Sokr.ru и Academic.ru. Например, у ССО *Миннац* отмечается несколько официальных эквивалентных словосочетаний: *Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике* (данное словосочетание пере-

живало период активного употребления с 1994 по 1996 г.; баланс индексов: 79,6), *Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям* (1996–1998 гг.; баланс индексов: 69,2), *Министерство национальной политики Российской Федерации* (1998–1999 гг., баланс индексов: 31,2), *Министерство по делам федерации и национальностей Российской Федерации* (1999–2000 гг., баланс индексов: 76,8), *Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации* (2000–2001 гг., баланс индексов: 43,6). У данного ССО есть и вторичный эквивалент – *Министерство нации*, баланс индексов: 2044. Как видим, баланс индексов (БИ) официальных эквивалентов держится примерно на одном уровне $80 > \text{БИ} > 30$, т. е. промежуток между ними не более 50, что может свидетельствовать не только о частом употреблении давно упраздненных эквивалентов на уровне с действующим, но и о том, что баланс индексов псевдоунивербализованного словосочетания резко выделяется на фоне официальных эквивалентов.

Таким образом, третий шаг в установлении статуса эквивалентов состоит в сравнительном методе баланса индексов: официально принятые эквиваленты имеют примерно одинаковый баланс индексов, в то время как эквиваленты, полученные путем псевдоунивербализации, резко выделяются на их уровне, поскольку их употребление ошибочно.

Семантическая интерпретационная методика, по В.И. Теркулову, «определяет конкретность / размытость семантики аббреконструкта и эквивалентного словосочетания: если в этом словосочетании реализуется регулярное для эквивалента аббреконструкта значение, оно может быть определено как производящее для аббревиатуры. И наоборот: если семантика словосочетания искусственна и не подкрепляется «словарным» значением компонентов, мы можем предположить, что это словосочетание возникло в результате псевдоунивербализации» [Теркулов 2017: 82]. Данная методика способствует окончательному заключению о статусе эквивалентов ССО, только при нашем анализе она претерпевает некоторые изменения. Для того чтобы отграничить универбализацию от псевдоунивербализации, нам необходимо установить значение эквивалентных словосочетаний. Дело в том, что деловые учреждения функционируют в обществе только после того, как получают свое собственное наименование, в определении которого обязательно называются функции данного учреждения, в то время как словосочетания, возникшие в результате псевдоунивербализации, не имеют конкретного значения, зачастую это размытая авторская семантика, которая подлежит сомнению. Например, поисковая машина Яндекс дает следующее тождественное определение ССО и его эквивалентному словосочетанию: **«Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) – федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации, подчиненный Правительству РФ, осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регламентации образовательной деятельности, функции по контролю и надзору в сфере образования и науки, функции по признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, по предоставлению государственных услуг в рамках полномочий»** (https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральная_служба_по_надзору_в_сфере_образования_и_науки), в то время как определение словосочетанию *Российский образовательный надзор* не зафиксировано, что позволяет окончательно заключить, что данный эквивалент является вторичным, полученным путем псевдоунивербализации. Таким образом, четвертый шаг в

определении первичности или вторичности эквивалентных словосочетаний состоит в установлении их семантики: если семантика словосочетания тождественна семантике ССО, если эти дефиниции могут свободно взаимозаменять друг друга в определении, то данное словосочетание является первичным, оно было получено в результате универбализации; если значения словосочетания и ССО не соответствуют друг другу, между ними размываются границы, то это позволяет окончательно отнести словосочетание к явлению псевдоунивербализации.

Таким образом, при синхронном анализе мы констатируем мотивационные отношения между ССО и его эквивалентами.

3. АББРОКОНСТРУКТ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ ОНИМОВ – ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Обычно констатируется, что аббревиация – это произвольный процесс сокращения. По нашему же мнению, образование сложносокращенных онимов – абсолютно закономерный и не произвольный, а **стандартизированный** процесс. Конструирование ССО, в результате которого происходит затемнение внутренней формы наименования, реализуется **по законам делопроизводства**. Установление данного положения стало результатом выведения формальных моделей, по которым официальные эквиваленты благодаря абброконструктам «сворачиваются» в аббревиатуры, в то время как для сложносокращенных апеллятивов аббревиация – стереотипизированный процесс, в котором производится «стереотипное замещение абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании» [Теркулов 2020: 104].

Абброконструкт ССО (далее – АК) – это изначально сокращенный вариант слова, которое изымается из официального полного наименования того или иного делового учреждения или, обобщая основные компоненты официального полного наименования, мотивируется его семантикой. Например, официальному наименованию *Московский городской комитет государственной статистики* соответствует ССО *Москомстат*, для образования которого изымались из официального наименования такие компоненты, как *Московский* (= АК *Мос-*), *комитет* (= АК *-ком-*) и *статистики* (= АК *-стат*).

Семантика препозитивных АК ССО бывает двух типов: общая и локативная. Общую семантику передают те препозитивные АК, которые называют статус учреждения или само деловое объединение: *мин-*, *гос-*, *союз-*, *гор-* и т. д., к примеру: *Минприроды*, *Госкомзем*, *Союзмаш*, *Горхлебторг* и т. д. Данные препозитивные АК могут использоваться в аббревиатурах деловых объединений разных стран, иногда встречаются и идентичные ССО, которые отличаются официальными эквивалентами, ср.: *Госкомзем (России) – Государственный комитет (Российской Федерации) по земельной политике* и *Госкомзем (Украины) – Государственное агентство земельных ресурсов (Украины)*. Локативную семантику передают те препозитивные АК, которые называют месторасположение делового объединения или его отнесенность к определенному городу, району или стране: *Питер-*, *Донецк-*, *Сиб-*, *Мос-*, *Томск-* и мн. др., к примеру: *Питергорпроект*, *Донецкуголь*, *Сибнефтебанк*, *Томскнедра* и т. д.

Образование ССО при помощи абброконструктов является результатом не стереотипизированной универбализации, как у сложносокращенных апеллятивов, а стандартизированной, т. е. доведенной до официальных стандартных моделей образования аббревиатур. Синхронный анализ показал, что структура ССО имеет

множество формальных вариантов, но все они типичны и сводятся нами к двум мотивационным типам формирования, которые состоят из моделей образования ССО. Данные модели мы считаем предписаниями законов делопроизводства.

Первый мотивационный тип образования ССО – **универбализационный**. Все ССО, образованные по универбализационному типу, содержат в своей структуре абброконструкты (или слова) всех компонентов, входящих в официальное полное наименование. Мы выделяем две модели формирования ССО по универбализационному типу.

Первая модель представляет сложение всех компонентов (модель «слог + (слог + ... + слог) + слог»): каждый компонент официального полного наименования имеет в ССО эквивалентный абброконструкт, например: *Востсибкрайком* – **Восточно-сибирский краевой комитет** и т. д.

Вторая модель представляет сложение абброконструкта (одного или нескольких) и полной формы одного слова из официального полного наименования (модель «слог + (слог + ... + слог) + слово»), например: *Минэкономики* – **Министерство экономики** и т. д.

Второй мотивационный тип образования ССО – **конструктивный**. Конструирование ССО – процесс формирования ССО путем отбора ключевых компонентов из официального полного наименования, в результате которого получается ССО, формально не соответствующее своему официальному эквиваленту. Нами отмечаются четыре модели формирования ССО по конструктивному типу.

Первая модель представляет ССО, которые отличаются относительной формальной независимостью от официального полного наименования. Здесь наблюдается увеличение семантического объема ССО за счет **генерализации** значений некоторых компонентов официального полного эквивалента, когда перенос наименования производится на предметы того же класса. В ССО входит такой абброконструкт, который вбирает в себя семантику ключевых компонентов словосочетания. Например, *Москомспорт – Департамент физической культуры и спорта города Москвы*, где АК *Мос-* вбирает в себя семантику компонентов официального полного наименования *города Москвы*, АК *-спорт* – *физической культуры и спорта*. Данные компоненты по отношению к АК прозрачны, а АК *-ком-* (предположительно: *комитет*, именно так он и дешифруется носителями языка) подталкивает к явлению псевдоунивербализации, однако соотносится с семантикой лексемы *департамент* (‘отдел, подразделение министерства, высшего государственного учреждения’), поскольку *комитет* – ‘совет, собрание, съезд, коллегиальный орган, сформированный для работы в какой-нибудь специальной области, обычно имеющей отношение к руководству или управлению, а также государственный орган исполнительной власти или структурная единица в системе органов законодательной власти’.

Вторая модель представляет ССО, в которых появляется абброконструкт, который не генерализует семантику официального полного наименования, а уточняет ее. Это не искусственный компонент, но привносящий конкретику как дополнение к официальному полному наименованию. Например, ССО *Главуглезападразведка* появился в эпоху СССР и ему соответствовал официальный эквивалент *Главное управление по разведкам угля*, где АК *-зап-* (предположительно: *Запад*, *западный*) не может быть изъят из семантики официального полного наименования, он лишь уточняет отнесенность данного учреждения к угольной промышленности *западных* районов СССР.

Третья модель представляет ССО, в которых не появляются новые абброконструкты, а путем выборки отбираются лишь те основные компоненты официального полного наименования, которые необходимы для понимания семантики ССО. В данной модели выделяются два формальных (структурных) подвида ССО:

- ССО, состоящие лишь из абброконструктов: [слог + (слог + ... + слог) + слог], например: *Аздонрыбвод – Управление **рыбного хозяйства Азово-Донских водных бассейнов**, Южсибгеолком – **Южно-Сибирский региональный комитет по геологии и использованию недр*** и т. д.;
- ССО, в которых наблюдается сложение абброконструктов и полного слова из официального эквивалента: [слог + (слог + ... + слог) + слово], например: *Донгорбанк – **Донецкий акционерно-коммерческий городской банк*** и т. д.

Четвертая модель представляет ССО, которые тяготеют по своей структуре к законам организации инициальных аббревиатур. Данные ССО представляют сокращенные наименования деловых учреждений, в которых смешиваются аббревиатуры инициального типа и сложносокращенного (часто данные единицы называют аббревиатурами смешанного типа). В данной модели выделяется два формальных (структурных) подтипа ССО:

- ССО, включающие в свою структуру абброконструкты и аббревиатуры инициального типа, последние из которых обозначены прописными буквами, например: *БелТПП – **Белорусская торгово-промышленная палата**, ЮжСибРИКЦ – **Южно-Сибирский региональный информационный компьютерный центр***. Зачастую в подобных аббревиатурных смешениях отражаются все компоненты официальных полных наименований, но бывают и исключения (конструирование аббревиатур): *КазАПО – **Казахстанская ассоциация перевозчиков и операторов вагонов (контейнеров)***;
- ССО, включающие в свою структуру абброконструкты и аббревиатуры инициального типа, последние из которых обозначены строчными буквами, например: *Сельколхозгиз – **Издательство сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы (гиз – государственное издательство)***. Зачастую аббревиатуры подобного типа конструируются, но бывают и исключения (отражаются все компоненты официального полного наименования): *Главурторг – **Главное управление рабочего снабжения и торговли***.

Таким образом, формирование ССО по выведенным нами формальным моделям является доказательством того, что ССО – автономный ономаσιологический тип аббревиатур со статусом стандартизированной универбализации.

4. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ ОНИМОВ

Во время проведения синхронного анализа, т. е. определения отношений между ССО и словосочетанием, возникла проблема поиска частотных синтаксических эквивалентов ССО, в связи с чем возникла необходимость прогнозирования эквивалентов с дальнейшей их верификацией в эквивалентных текстах. Одной из таких форм прогнозирования является экстраполяционное прогнозирование по моделям гнезд эквивалентности слов, связанных с описываемыми аббревиатурами и их дешифровальными стимулами парадигматическими отношениями, что обусловило формирование типологии парадигматических объединений сложносокращенных слов, включающей аббревиатурное гнездо, аббревиатурно-ономаσιологическое поле, аббревиатурную группу и аббревиатурную парадигму.

Гнездо эквивалентности (ГЭ) ССО, как и для ССА, представляет собой «совокупность формально взаимосвязанных единиц, находящихся с ССС в отношениях текстовой эквивалентности», под которой понимается «возможность взаимозамены сложносокращенного слова и формально связанных с ним и семантически (словарно или контекстуально) тождественных ему единиц в тексте, независимо от типа и направления деривационных отношений между ними» [Теркулов 2015: 100]. Так, в центре ГЭ ССА расположена аббревиатура, дешифруя которую мы определяем по разработанным методикам систему ее эквивалентов. Например, в ГЭ «*велодорога*» отмечаются следующие эквиваленты: *велосипедная дорога, дорога для велосипедистов, дорога велосипеда, дорога для велосипедов, дорога велосипедов, дорога для велосипеда*. Поскольку образование ССО – процесс стандартизированный, то в ГЭ ССО зачастую отмечаются два типа эквивалентов, о которых мы говорили ранее: официальные эквиваленты (действующие, упраздненные и анахроничные) и неофициальные эквиваленты (псевдоэквиваленты и интерэквиваленты).

Для ССА выделяется **аббревиатурное гнездо**, определяемое как «объединение ССА, которые имеют тождественный базисный компонент» [Герасимова 2021: 1621]. Так, аббревиатурное гнездо «центр» формирует слова с базисным компонентом *-центр*: *VELOцентр, кардиоцентр, киноцентр, техцентр, юрцентр* и т. д. Для ССО также отмечается возможность такого объединения. Например, базисный компонент «*уголь*» отмечается у целого ряда ССО, которые и формируют абброгнездо: *Донецкуголь (Донецкий угольный комбинат), Интауголь (Интинская угольная компания), Артемуголь (Артемовский угольный комбинат)* и под. При этом абброконструкты, которые присоединяются к базисному компоненту ССО, чаще всего имеют локативную семантику.

Аббревиатурная группа ССО (как и для ССА) – совокупность ССО с одинаковым препозитивным абброконструктом. Например, отмечается 93 ССО с одинаковым препозитивным абброконструктом *мин-*: *Минатомэнергопром, Мингосимущество, Минжилкоммунхоз, Минздравсоцразвития* и т. д. При этом препозитивный абброконструкт в ССО всегда имеет одинаковую дешифровку. Например, препозитивный абброконструкт *мин-* всегда дешифруется только как «*министерство*» («*министерского*») среди ССО с препозитивным абброконструктом *мин-* не встретится); *гор-* всегда дешифруется только как «*городской*» (дешифровка «*город(а)*» в ССО с препозитивным абброконструктом *гор-* нами не отмечается). ССА, в свою очередь, имеют значительно больше дешифровальных стимулов. Например, АК «*VELO*» имеет как презентативный дешифровальный стимул «*велосипедный*», так и интерпретативный – «*велосипед*», «*на велосипеде*» и т. д.

Аббревиатурное поле ССО (как и для ССА) – совокупность ССО, которая «раскрывает особенности номинативной деятельности индивидуума при назывании объектов одного понятийного класса» [Лялюк 2020: 14]. В процессе исследования языкового материала было выявлено два аббревиатурных поля ССО:

1. ССО с семой «**учреждение**» (некоммерческая организация, созданная для осуществления управленческих, социальнокультурных или иных функций некоммерческого характера): *Гослесагентство – Государственное агентство лесных ресурсов Украины; Минпромторг – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации* и т. д.

2. ССО с семой «**организация**» (субъект хозяйствования, обладающий правами юридического лица, производящий продукцию или оказывающий услугу потре-

бителю с целью получения прибыли): *Горгаз – городская газораспределительная компания; Роспромэко – Российский промышленно-экологический форум* и т. д.

Таким образом, в ССА выделяют огромное количество небольших аббревиатурных полей, поскольку каждое из них состоит из нескольких синонимичных компонентов (например, вокруг аббревиатурного поля «*дорога*» расположено 14 базисов: *аллея, бульвар, дорожка, зимник, коридор, линия, магистраль, маршрут, полоса, путь, тракт, трасса, шоссе*). ССО же делятся на 2 класса – «организация» и «учреждение» и включают в себя всевозможные разновидности конкретных типов организаций и учреждений.

Аббревиатурная парадигма – совокупность аббревиатурных групп с абброконструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. В.И. Теркулов утверждает, что основой для экстраполяционного прогнозирования является предположение о том, что, если во входящей в аббревиатурную парадигму группе А есть некий дешифровальный стимул Х, можно предположить, что построенный по такой же модели стимул может быть обнаружен и в других входящих в данную парадигму группах. Для ССО наблюдается соответствующая тенденция. Например, в аббревиатурную группу «*гос-*» входит ССО *Госстрой*, построенный по модели собственно конструирования [слог + ... + слог] и имеющий в качестве эквивалента словосочетание *Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству*. Можно предположить существование подобного ССО, построенного по той же модели, в аббревиатурной группе *мин-*. Верификация показала, что ССО *Минстрой* действительно используется в указанной группе, но с несколько отличающимся эквивалентным словосочетанием: *Министерство архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации*.

Таким образом, наше исследование парадигматических отношений ССО, базирующееся на понятийном аппарате ССА, показало, что такие разновидности парадигматических объединений, как гнездо эквивалентности, аббревиатурное гнездо, аббревиатурная группа, аббревиатурное поле и аббревиатурная парадигма, хоть и имеют одинаковую семантическую наполненность (такую же, как у ССА), но выполняют совершенно разные функции, что и подтверждает существование различий между ССО и ССА. Это и позволяет нам говорить о существовании отдельной микросистемы ССО.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема недифференцированности аббревиатур и вопрос об их автономных статусах на сегодняшний день переживают период своего разрешения. Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка ДонГУ определила основополагающие для этого принципы. Сложносокращенные апеллятивы, получившие свой автономный статус в работах В.И. Теркулова, А.И. Бровца, В.А. Рязановой и др. исследователей, находят отражение своей ономасиологической природы в Толковом словаре сложносокращенных слов русского языка под редакцией В.И. Теркулова. Сложносокращенные онимы же только выходят на арену своей автономности, они впервые за всю историю языкознания рассматриваются как класс, впервые описываются их парадигматические отношения.

Основным положением для выделения сложносокращенных онимов в отдельный класс является следующая гипотеза: образование сложносокращенных они-

мов – это стереотипизированный процесс, поскольку все аббревиатуры данного типа образуются по заранее выведенным формулам-моделям, законам делопроизводства. Их ономаσιологическая природа характеризуется «свертыванием» аббревиатуры таким способом, при котором в структуру сложносокращенных онимов редко попадает конструкт, указывающий на тип делового объединения, вследствие чего носители языка зачастую неправильно их дешифруют – реализуют процесс псевдоунивербализации.

Использование синхронного и диахронного подходов с разработанными методиками (ономаσιологическая, квантитативная, семантическая интерпретационная и хронологическая) позволили нам описать структуру и деривационные процессы в аббревиатурном гнезде сложносокращенных онимов, а также определить их ономаσιологическую природу. Нами было установлено, что баланс индексов зависит от мотивационного типа сложносокращенного онима. Чем больше он претерпевает конструктивных изменений, тем выше его баланс индексов, т. е. аббревиатура употребляется чаще словосочетания (ССО > словосочетание), и наоборот, чем меньше в сложносокращенном ониме происходит конструктивных изменений, т. е. чем ближе он к универбализационному типу образования аббревиатуры, тем чаще употребляется словосочетание (ССО < словосочетание). Причина данного явления кроется в том, что сложносокращенные онимы конструктивного типа являются эквивалентами достаточно объемных полных официальных наименований, которые трудны для запоминания реципиентами.

Определение семантических типов препозитивных абброконструктов сложносокращенных онимов дало нам возможность обосновать предрасположенность локативных и общих абброконструктов к конструктивному и универбализационному типам образования онимов-сокращений соответственно. Если аббревиатура содержит в своей структуре конструкт, указывающий на тип делового объединения, то основным типом ее образования является универбализационный, и носителями языка данная аббревиатура будет правильно дешифрована. Если же оним-сокращение не указывает на тип делового объединения, то в результате получается конструирование аббревиатуры, что в дальнейшем влечет за собой процесс псевдоунивербализации.

В ходе исследования были обоснованы основополагающие принципы для выделения сложносокращенных онимов в отдельный класс аббревиатур. В дальнейшем планируется расширение теоретической базы для обоснования автономности сложносокращенных онимов с присущей им системой координат, а также создание Толкового словаря сложносокращенных онимов русского языка, в котором будут рассмотрены все аббревиатурные группы сложносокращенных онимов в соответствии с их ономаσιологической природой.

РАЗДЕЛ 6. ДЕРИВАЦИОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ АББРЕВИАТУР КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР¹⁰

В.А. Рязанова

1. ТРАДИЦИИ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ АББРЕВИАТУР

С начала XX в. русский язык начал активно пополняться аббревиатурами. Стремление к сокращению развернутых наименований привело «к производству тысяч новых номинативов – от искусственно созданных антропонимов <...> до наименований должностей и рода занятий» [Журавлев 2012: 46]. Большинство названий новых ведомств, организаций и учреждений, появившихся с приходом советской эпохи, «приобрели облик сложносокращенной единицы» [Журавлев 2012: 46]: *ВЧК, ОГПУ, НКВД, РККА, колхоз, наркомат, ВЛКСМ, Осоавиахим, ДОСААФ, ЦК КПСС* и т. д.

Формальное разнообразие сформировавшегося языкового материала, повсеместный характер применения аббревиатур, специфика их образования стали, по всей видимости, причинами высокого интереса исследователей к проблемам аббревиации. В теоретических трудах А.В. Исаченко, Д.И. Алексеева, В.В. Борисова и других ученых сформировался подход к аббревиации, определивший парадигму исследований аббревиатур на многие годы. Этот подход можно обозначить следующими тезисами.

1. Аббревиатура в целом понимается как результат трансформации устоявшегося расчлененного наименования (устойчивого словосочетания) в цельно-оформленную единицу (слово). Такой процесс может быть обусловлен как внутриязыковыми, так и внешними причинами (среди них обычно рассматривают закон экономии речевых усилий, принцип точности, стремление к устранению информационной избыточности и т. д.). В результате процесса аббревиации формируется словообразовательная пара «словосочетание – сокращение», в которой первичным компонентом, имеющим собственное лексическое значение, стилистические и прочие характеристики, является словосочетание; аббревиатура же ретранслирует эти характеристики.

2. В теоретических исследованиях не разграничиваются аббревиатуры-апеллятивы и аббревиатуры-онимы. Отметим, что все имена делятся по принципу называния предмета на два разряда: апеллятивы (имена нарицательные; слова, которые обозначают «предмет как носитель признаков, свойственных предметам данного класса»: *стол, кот, пирожок; вуз, АЗС, главбух*) и онимы (имена собственные; слова, которые служат для выделения объекта из ряда подобных, индивидуализируя или идентифицируя этот объект: женское имя *Алиса*, река *Лимпопо*, город *Мумбаи*; *МГПУ – Московский государственный педагогический университет*, *Велиор* – мужское имя, от сокращения словосочетания «*Великая Октябрьская революция*», *БАМ – Байкало-Амурская магистраль*). Простые апеллятивы и онимы обычно противопоставляются исследователями в вопросах значения, образования и функционирования, в то же время аббревиатуры-апеллятивы и аббревиатуры-онимы традиционно рассматриваются в одном ряду как однородные

¹⁰ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

явления. Вопрос о разделении сокращений на апеллятивы и онимы не ставился ни в исследованиях авторитетных лингвистов (например, в работах В.В. Борисова [Борисов 1972], Е.А. Земской [Земская 1992], В.Н. Немченко [Немченко 1984]), ни в академических изданиях, таких как «Русская грамматика» [РГ-80].

3. Исследование аббревиатур было направлено в первую очередь на составление структурных типологий аббревиатур, поскольку возникла необходимость каким-то образом упорядочить разнородные по структуре образовавшиеся сокращения. Следует отметить, что единого мнения относительно существующих в русском языке типов аббревиатур до сих пор не сложилось. Выработался лишь общий подход к структурной классификации сокращений: «основными критериями выделения типов сокращенных слов является учет структурной простоты или сложности аббревиатурной номинации, а также линейной протяженности ее компонентов» [Сергеева 2013: 176]. Одной из общепринятых является классификация Н.Ю. Шведовой, представленная в «Русской грамматике» 1980 г.

1. Инициальные аббревиатуры с двумя подтипами:

а) звуковые (состоящие из сочетаний начальных звуков слов): *ТЮЗ* (произносится как [тюз]), *НИИ* ([нии]), *ЗИЛ* ([зил]);

б) буквенные (состоящие из названий начальных букв слов): *ДТП* (произносится как [дэтэпэ]), *ТЗ* ([тэзэ]), *РЖД* ([эржэдэ]).

2. Слоговые аббревиатуры: *филфак, собкор, продмаг*.

3. Смешанные аббревиатуры, совмещающие два предыдущих типа: *МАГАТЭ* (*Международное агентство по атомной энергии*), *районо* (*районный отдел народного образования*).

4. Аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: *веткабинет, химзавод, спецодежда*.

5. Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *завмагазином, начсклада, замминистра*.

6. Телескопические аббревиатуры (сочетание начальной части одного слова и конечной части другого): *бронбук* (*бронированный ноутбук*), *авторация* (*автомобильная радиостанция*).

Аббревиатуры неинициальных типов (т.е. аббревиатуры 2–6 типа по классификации Н.Ю. Шведовой) в современной лингвистике относятся к сложносокращенным словам.

А.В. Андропова отмечает, что и данная классификация, и многие другие структурные типологии аббревиатур, предложенные исследователями, «не являются достаточно последовательными и исчерпывающими, т.е. охватывающими все многообразие сложносокращенных слов, употребляемых в современном русском языке» [Андропова 2003: 119].

Параллельно с теоретическим исследованием аббревиатур проводилось также их активное лексикографическое освоение. При этом сформировавшаяся исследовательская парадигма, рассмотренная выше, оказала влияние на специфику словарного описания сокращений.

Специализированные словари сокращений различного назначения и объема стали регулярно издаваться с середины XX в. Среди них отмечается большое количество переводных и одноязычных словарей, объектом описания в которых выступают аббревиатуры одной тематики. К таким изданиям относятся «Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб» А.А. Щелокова (2003), «Краткий

словарь военных сокращений» Н.Н. Тютюнникова (2020), «Словарь железнодорожных сокращений» Д. Зиновьева (2001) и др.

Особый интерес представляют общие словари сокращений, предназначенные для широкого круга пользователей: «Словарь сокращений русского языка» Д.И. Алексеева (1977), «Словарь современных русских сокращений и аббревиатур» Н.Н. Новичкова (1995), «Новый словарь сокращений русского языка» под редакцией Е.Г. Коваленко (1995), «Тематический словарь сокращений современного русского языка» С.В. Фадеева (1997), «Новые сокращения в русском языке» И.В. Фаградянца (1999), а также изданные уже в XXI в. «Словарь сокращений современного русского языка» Г.Н. Складневской (2004), «Словарь аббревиатур и акронимов русского языка» И.А. Елисеева (2015), электронные базы данных сокращений типа SOKR.RU и т. д.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОПИСАНИИ АББРЕВИАТУР

В представленных словарях обнаруживаются общие тенденции в описании аббревиатур.

Первая тенденция. В качестве объектов описания в данных словарях выступают аббревиатуры разных типов, однако преобладают инициальные и слоговые аббревиатуры, а также графические сокращения слов. Обнаруженная диспропорция, на наш взгляд, объясняется тем, что в середине XX в. «наблюдается новая тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур» [Ганноха 2015: 159], в то время как с конца столетия и по настоящее время значительное распространение получили «слова, построенные по принципу сокращения либо одного из компонентов словосочетания (*Госдума, госзакупки, нацпроект, политехнолог, бандподполье, допсоглашение, танцпол*), либо всех (двух и более) компонентов (*Совфед, Центризбирком, фармпром, химпром*)» [Журавлев 2012: 47.].

Тем не менее в словарях Г.Н. Складневской и И.А. Елисеева, которые были изданы уже в XXI в., такая асимметрия все еще наблюдается, так что до настоящего времени сложносокращенные слова практически не попадали в поле исследования лексикографов.

Вторая тенденция. Сокращенные апеллятивы и онимы никаким образом не разграничиваются и описываются по одинаковым моделям. По нашим наблюдениям, сокращенные онимы в словарях сокращений появляются чаще, чем сокращенные имена нарицательные. Как отмечают создатели словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века», в связи со сложившимся представлением об апеллятивах и онимах как об одной из основных языковых оппозиций, «нарицательные и собственные имена описываются в словарях разных типов: первые в филологических (полных и дифференциальных), вторые – преимущественно в энциклопедических и специальных ономастических справочниках» [Собственное имя... 2005]. Для словарей сокращений традиционным подходом является смешение нарицательных и собственных имен. Такая тенденция сохраняется и в новейших лексикографических трудах.

Предполагается, что такой подход к описанию аббревиатур не вызывает лексикографических проблем потому, что внимание составителей словарей сокращений сосредоточено в первую очередь на описании структурных характеристик вокабул. Структурный подход к описанию – это **третья тенденция** в лексикографическом описании аббревиатур.

Для словарных единиц в первую очередь даются расшифровки – словосочетания, которые трактуются составителями словарей как источники описываемых аббревиатур. В некоторых из рассмотренных словарей с помощью специальной маркировки (например, с помощью жирного начертания, курсива, разрядки и пр.) демонстрируется формальная соотнесенность аббревиатуры и расшифровки (показано, какие элементы расшифровки составляют сокращение). Ср.:

- **Ленводоприбор**, м. – Ленинградский завод **водо**проводных **прибор**ов [Алексеев 1977];
- **АБЛ** алюминиевая **краска** на основе **бакелитового лака** [Словарь аббревиатур и акронимов русского языка 2015];
- **СКО** (*радиолокационная*) станция **кругового обзора** [Фадеев 1998];
- **СИБ** [сиб*], нескл., ср. Средство индивидуальной безопасности [Скляревская 2004].

В отличие от расшифровок, стилистические и функциональные пометы приводятся факультативно, при этом отсутствует упорядоченность или закономерность в появлении помет. В словарных статьях также произвольно возникают примеры употребления аббревиатур в предложениях или в искусственном контексте. Например, на 273 странице «Словаря сокращений современного русского языка» Г.Н. Скляревской представлено 17 словарных статей, однако примеры употребления сокращения приводятся только в четырех статьях.

В словарных статьях отсутствует обязательный блок толкований. Вместо них в статьях спорадически приводится краткая информация, поясняющая значение аббревиатуры:

- **УСО** [усó] – устройство связи с объектом (в электронных вычислительных машинах) [Алексеев 1977];
- **ЛЕФ*** [леф] и **Леф***, м. – «Левый фронт искусства» (*литературная группа и журнал в Москве, 1923–1930*) [Алексеев 1977];
- **ЗЗС** закрыть защитные сооружения (сигнал гражданской обороны) [Фадеев 1998];
- **ВТО** влажно-тепловая обработка (швейных изделий) [Фадеев 1998].

Приведенные в статьях комментарии позволяют пользователю словаря хотя бы частично сформировать представление о семантике аббревиатуры. Чаще обнаруживаются сокращения, для которых приводятся только расшифровки:

- **ИКМ** импульсно-кодовая модуляция [Скляревская 2004];
- **ЛИИ** [лий], нескл., м. Лейкоцитарный индекс интоксикации [Скляревская 2004];
- **ВУ-** [взú] – волокуша универсальная (*например: ВУ400, ВУ400Г – горной модификации*) [Алексеев 1977];
- **СПЦ** [эспэцэ] – селекция подвижных целей (*в радиолокации*) [Алексеев 1977];
- РС распространяющаяся депрессия [Фадеев 1998];
- ПФ поля фильтрации [Фадеев 1998].

Неполноценная реализация семантического аспекта описания аббревиатур – это **четвертая лексикографическая тенденция**, которая является, на наш взгляд, наиболее существенной.

Исключение семантического аспекта при описании аббревиатур можно объяснить устоявшимся мнением о том, что сокращения не нуждаются в толковании.

Описательная структура расчлененных наименований, служащих источником аббревиатур, по мнению исследователей (в частности, В.В. Борисова), приводит к избытку заложенной в них информации, что делает значение аббревиатур понятным без толкования.

Однако приведенные выше словарные статьи свидетельствуют о том, что расшифровки во многих случаях недостаточно для понимания значения аббревиатуры, поскольку само словосочетание, предложенное в словарной статье в качестве расшифровки, нуждается в толковании.

Аббревиатура *ИКМ* – термин из области информационных технологий, обозначает ‘способ кодирования аналогового сигнала (например, речи) для передачи его в форме цифрового потока’. Развернутое наименование *импульсно-кодовая модуляция*, несмотря на описательную структуру, является «бессмысленным» для носителей языка, не знакомых с терминологией информатики, поскольку компоненты наименования не несут никакой информации о его значении (и о значении аббревиатуры, соответственно).

В словаре Г.Н. Скляревской зафиксирована также аббревиатура *ЛИИ* (*лейкоцитарный индекс интоксикации*). Вероятнее всего, пользователи словаря трактуют данную аббревиатуру как сокращение из области медицины, поскольку в расшифровке встречается специфическое слово *лейкоцитарный* (*лейкоцит* – ‘разновидность клеток крови’ – медицинское слово, известное большинству носителей языка без медицинского образования). Тем не менее для полного понимания семантики расчлененного наименования недостаточно знать значение одного компонента. Таким образом, расшифровка *лейкоцитарный индекс интоксикации* также не может заменить толкование значения аббревиатуры.

Аббревиатура *ВУ* в словаре Д.И. Алексеева расшифровывается как *волокуша универсальная*. Помимо расшифровки, в словарной статье приводятся примеры маркировки объектов, называемых *волокушами универсальными*: *ВУ400*, *ВУ400Г* – *горной модификации*). Опираясь на внутреннюю форму компонента расшифровки аббревиатуры *ВУ*, можно предположить, что *волокуша* – это некое приспособление, которое необходимо *волочь* по какой-либо горизонтальной поверхности. Однако из внутренней формы слова *волокуша* не извлекается значение аббревиатуры *ВУ*: это вид сельскохозяйственного орудия для обработки почвы.

В этом же лексикографическом источнике обнаруживается аббревиатура *СПЦ* (*селекция подвижных целей*), для которой составитель приводит вспомогательную информацию (*в радиолокации*). Согласно «Большому энциклопедическому политехническому словарю», селекция подвижных целей – это ‘выделение из совокупности всех отраженных сигналов, поступающих на вход приемника радиолокационной станции, только тех сигналов, которые отражаются от быстро движущихся объектов, что позволяет исключить мешающее действие сигналов, отраженных от неподвижных или медленно движущихся объектов’ [БЭПС 2004]. Хотя пользователю словаря известно, в какой сфере деятельности используется приведенная аббревиатура, ее значение остается неочевидным и не выводится из расшифровки.

Подобные случаи неинформативных расшифровок обнаруживаются в «Тематическом словаре сокращений современного русского языка» С.В. Фадеева. Сокращения в представленном словаре разбиты на тематические группы, что в некоторой степени помогает носителю языка понять значение расшифровки, однако тематический указатель не может служить полноценной альтернативой толкового блока.

Например, в разделе «Биология. Химия. Медицина» зафиксирована аббревиатура *РД* с расшифровкой *распространяющаяся депрессия*. Большинству носителей языка известен базовый компонент *депрессия* в значениях ‘подавленное психическое состояние’ или ‘застой в хозяйственной жизни, экономике страны’. В соответствии с этими значениями пользователи словаря модулируют неверное толкование аббревиатуры (например, *‘усугубляющаяся степень психического расстройства’ или даже *‘локальный экономический кризис, распространяющийся на соседние территории’). В действительности *распространяющаяся депрессия* – это электрофизиологический феномен, представляющий собой «волну интенсивной активности нервных клеток, которая движется по необычно большой площади коры (складчатого наружного слоя мозга)», связанный с возникновением мигренозной головной боли [Гарсус 2008: 66.].

Аббревиатура *ПФ* (*поля фильтрации*) отнесена составителем словаря к группе сокращений, не вошедших в основной корпус словаря. Таким образом, ни словарная статья, ни метадаанные словаря не предоставляют информацию, которая способствует верному толкованию носителем языка значения аббревиатуры. К тому же для базового компонента *поле* фиксируется не менее 6 лексических значений, в каждом из которых базовый компонент сочетается с признаком *фильтрации* (‘обширная равнинная территория’, ‘пространство, в пределах которого осуществляется действие чего-либо’, ‘обрабатываемая под посев земля’, ‘пространство, специально оборудованное, предназначенное для чего-либо’, ‘незаполненное пространство в документе, предназначенное для дальнейшего заполнения’, ‘форма материи’ и т. д.). Сама аббревиатура *ПФ* имеет одно закрепленное значение: ‘участок земли, оборудованный системой дренажных труб и канав, приспособленный для естественной биологической очистки сточных вод путем фильтрации их через слои почвы’.

3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АББРЕВИАТУР

Кроме не поддающихся толкованию расшифровок, существуют также такие особенности семантики самих аббревиатур, которые необходимо отражать в словарных статьях.

3.1. ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ АББРЕВИАТУР

Обнаруживается большое количество аббревиатур с так называемым идиоматическим значением, которое не выводится из суммы значений составляющих расшифровку компонентов.

К аббревиатурам с идиоматическим значением относится, например, *ПШ* с расшифровкой *полярная шапка*: это не элемент одежды работника полярной экспедиции, а высокоширотная область планеты, отличающаяся климатическими и магнитосферными условиями, в результате влияния которых данная область покрыта льдом определенного химического состава. *Спальный вагон (СВ)* – это не вагон, предназначенный для сна (спальными местами оборудованы и спальные, и купейные, и плацкартные вагоны), а пассажирский вагон повышенной комфортности; вагон первого класса. Аббревиатура *ОЗ* (*операционная зона*) имеет несколько значений: 1. ‘часть акватории моря или океана, в пределах которой осуществляется систематическая активность военноморских сил’; 2. ‘территория нефтебазы, на

которой размещаются средства отпуска нефтепродуктов в автоцистерны, контейнеры, бочки и бидоны’.

Несмотря на то, что расшифровки представленных аббревиатур состоят из общеупотребительных слов и не содержат компонентов ограниченной сферы употребления, установить лексическое значение аббревиатур на их основании невозможно.

3.2. УТРАТА ТОЖДЕСТВА СЕМАНТИКИ СОКРАЩЕНИЯ И ПРОИЗВОДЯЩЕГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Исследователи отмечают, что регулярно используемые аббревиатуры характеризуются трансформацией семантики, которая происходит по стандартным для русского языка моделям.

Например, *МКАД* (*Московская кольцевая автомобильная дорога*) в современных контекстах может выражать значение символической границы, отделяющей столицу от провинции или цивилизацию от дикого мира: «*Есть ли жизнь за МКАД?*» [Шумарин 2014]. На основе аббревиатуры с расширенным значением сформировались производные *замкадье* (‘провинция’), *замкадовец*, *замкадыш* (‘житель провинции’) и т. д.

Аббревиатура *ГУЛАГ* (*главное управление лагерей*) со временем стала использоваться в значении ‘о системе слежки, доносительства, подавления инакомыслия, отсутствие демократических свобод; состояние всеобщей подозрительности, духовной, политической, религиозной несвободы’ [Тибилова 2011: 11].

Большое количество переносных значений (в основном с негативной коннотацией) появилось у слоговой аббревиатуры *колхоз* в отрыве от производящего словосочетания *коллективное хозяйство*: ‘беспорядок’, ‘о безвкусно одетом человеке’, ‘о невысоком уровне образования’, ‘о глупости, некультурности кого-либо’, даже ‘о некачественно выполненном ремонте’ [Ким 2019]. Подобные нюансы в словарях сокращений не отражаются.

3.3. МНОГОЗНАЧНОСТЬ СОКРАЩЕНИЙ

Кроме того, что семантика аббревиатуры не всегда устанавливается на основе значения соответствующего словосочетания, а в некоторых случаях подвергается трансформации, среди аббревиатур встречается также явление полисемии.

Поскольку аббревиатура в формальном аспекте является многокомпонентным образованием, ее многозначность может быть сформирована на различных основаниях. Во-первых, если базовый компонент составного наименования многозначный, то его значения переходят в семантику образованной аббревиатуры. Например, для узуального слова *химия* в «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова приводится несколько значений: 1. ‘научная дисциплина (область естествознания), изучающая вещества, их состав, строение, свойства и взаимные превращения’, 2. ‘качественный состав чего-либо’, 3. ‘отрасль химической промышленности’, 4. ‘химические препараты (обычно как удобрения или отходы производства); химические методы (лечения, обработки и т. п.)’ [БТС 1998]. Сложносокращенное слово *агрехимия* также используется в нескольких значениях, соотносимых со значениями базового компонента *химия*: 1. ‘наука о создании и использовании химических удобрений для увеличения урожая, улучшения его качества и повышения плодородия почвы’, 2. ‘совокупность химических удобрений

ний'. Полисемия аббревиатуры возникает чаще всего именно в результате полисемии базисного компонента.

С другой стороны, у самого составного наименования в результате идиоматизации может появиться несколько значений.

Сложносокращенное слово *евробензин* имеет следующие значения: 1. 'бензин, который производится и продается в европейских странах'; 2. 'класс бензина с пониженным содержанием вредных выбросов при сгорании'. Второе значение не связано напрямую с семантикой отдельно взятых составляющих аббревиатуры структурных компонентов: бензин европейского класса производится в соответствии со стандартами Европейского союза, которые предусматривают высокую экологичность и улучшенные эксплуатационные свойства топлива.

Слово *нефтебочка* также используется в двух значениях: 1. 'большой сосуд для хранения сырой или переработанной нефти' (*бочка* в буквальном смысле), 2. 'мера объема нефтепродуктов, используемая для измерения в экономических расчетах в некоторых странах' (то же, что *баррель*).

Отметим, что отдельные значения многозначных аббревиатур могут передаваться при помощи разных расшифровок. Такая возможность обнаружена при разработке синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации. Данный подход специализируется не на отношениях производности между словосочетанием и его сокращением, а на установлении актуальных текстовых эквивалентностных отношений между этими единицами. Под эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры и словосочетания, в которых формально выражены одни и те же компоненты.

В электронных текстах, размещенных в сети интернет, для слова *медобувь* фиксируются семь регулярных (т. е. часто употребляемых) эквивалентных словосочетаний: *медицинская обувь, обувь медика, обувь для медика, обувь для медперсонала, обувь для медработника* и т. д. Такие взаимосвязанные словосочетания формируют **гнездо эквивалентности** (ГЭ) сокращения. Эквивалентность единиц одного гнезда подтверждается наличием текстов, в которых словосочетания используются в качестве синтаксических эквивалентов сокращения.

Носитель языка в момент использования аббревиатуры не способен установить реальные деривационные отношения между сокращением и словосочетанием, т. е. установить, какое словосочетание стало основой сокращения, а какие словосочетания развернулись позже уже на базе существующей аббревиатуры. Это можно определить при обращении к различным методикам анализа текстов. Для носителя языка важнее является возможность интерпретировать аббревиатуру через формально адекватное словосочетание и успешно применять эти языковые единицы в устной или письменной речи.

Например, сокращение *маслозавод* имеет два лексических значения: 1. 'предприятие по производству масла растительного или животного происхождения и молочной продукции', 2. 'предприятие по переработке отработанных технических масел'.

Для признакового компонента *масло* можно выделить два лексических значения: 1. 'жировое вещество, приготовляемое из веществ животного, растительного или минерального происхождения', 2. 'жидкая смесь углеводородов, возникающий как побочный продукт при переработке нефти'.

Масло в первом значении производится целенаправленно для дальнейшего использования в пищу, в косметологии, медицине и т. д. В этом случае слово *масло*

завод согласуется с синтаксическими эквивалентами *маслодельный завод*, *завод по производству масла* (признаковый компонент выражает цель функционирования предприятия) и *масложировой завод* (признаковый компонент указывает на сырье, который используется на производстве).

Второе значение слова *маслозавод* (как и второе значение признакового компонента) актуализируется в синтаксическом эквиваленте *маслоперерабатывающий завод*: денотат связан не с производством продукции, а с переработкой использованных моторных масел в дизельное топливо или восстановлением масла для повторного использования.

Все зафиксированные для аббревиатуры лексические значения, как и частотные синтаксические эквиваленты, должны отражаться в словарях сокращений нового типа.

3.4. ВОЗМОЖНОСТЬ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как самостоятельные лексемы русского языка, аббревиатуры могут вступать в отношения синонимии, гиперонимии, антонимии, омонимии, причем как с простыми узуальными словами, так и с другими сокращениями.

Например, аббревиатура *АЗС* (*автозаправочная станция*) находится в синонимических отношениях с сокращениями *бензозаправка*, *газозаправка*, *бензоколонка*, с простым словом *заправка*, которое является одновременно гиперонимом аббревиатуры. Аббревиатура также имеет дублет *автозаправка*, который может использоваться в текстах в качестве синонима.

Среди синонимов сложносокращенного слова *автокорреспондент* ‘сотрудник средства массовой информации, сообщаящий известия о происшествиях и событиях в автоотрасли’ отмечаются узуальные слова *журналист*, *корреспондент*, *обозреватель*, *репортер* и сокращенные наименования *автожурналист*, *автообозреватель*, *авторепортер*.

Нередкими являются случаи, когда начальные компоненты различных устойчивых словосочетаний совпадают. В результате универбализации таких наименований образуются аббревиатуры-омонимы. В рассмотренных словарях зафиксировано множество совпадающих по формальной выраженности аббревиатур и сокращений без какой-либо маркировки в словарных статьях:

- ОВС – обзорно-вещевое снабжение;
- ОВС – обзорно-вещевой склад;
- ОВС – общевойсковая связь;
- ОВС – объединенные вооруженные силы;
- ОВС – опрыскиватель вентиляторный садовый;
- ОВС – отдел вещевого снабжения;
- ОВС – очиститель воды стационарный.

Специальная маркировка вокабул в таких случаях помогает дифференцировать явления омонимии и полисемии аббревиатуры.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Среди аббревиатур существует большое количество лексем ограниченного употребления. В частности, обнаруживается множество терминов из разных областей человеческой деятельности: биологии (*ИЭТ* – *изоэлектрическая точка*, *КРР* – *крысо-ретикулоцитарная реакция*), медицины (*АКС* – *аномальная корреспонденция сетчатки*, *ГЭБ* – *гематоэнцефалический барьер*), физики (*ГК* – *гам-*

ма-катораж, СВД – сверхвысокое давление), электрики (АЗС – автомат защиты цепи, ВЭЧ – вторичный эталон частоты) и т. д.

Некоторые аббревиатуры относятся к пассивному запасу лексики, например к историзмам: *комбед* (*комитет бедноты* ‘орган власти в сельской местности в годы Военного коммунизма’), *лекпом* (*помощник лекаря* ‘медицинский работник, работающий вместе с лекарем и помогающий ему в выполнении различных процедур и предварительной оценке состояния больного’), *наркомат* (*народный комиссариат* ‘центральный орган государственного управления отдельной сферой деятельности в СССР’). В словаре Д.И. Алексеева пометой * обозначаются наименования организаций, учреждений и т. д., которые в настоящее время уже не существуют или наименования которых были заменены новыми: **КТЛА* (*Конфедерация трудящихся Латинской Америки*), **ОВМ* (*Общество воинствующих материалистов*), **Освод* (*Общество содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР*).

В статьях рассмотренных словарей сокращений использование функциональных помет, как правило, соблюдается: как уже говорилось, в некоторых случаях помета становится для пользователя словаря единственным информативным источником значения аббревиатуры.

Стилистические пометы относятся к традиционным приемам в словарной практике, они также являются облигаторным элементом в структуре многоаспектных словарей сокращений.

4.1. РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОКРАЩЕННЫХ ОНИМОВ И АПЕЛЛЯТИВОВ В СЛОВАРЯХ СОКРАЩЕНИЙ

В современной русистике назрела необходимость в создании полноценных многоаспектных словарей сокращений, которые могли бы отразить все рассмотренные особенности аббревиатур, не учитываемые в лексикографических трудах ранее. Для этого необходимо провести разграничение аббревиатур-апеллятивов и аббревиатур-онимов. Разнородность способов образования и функционирования сокращенных апеллятивов и онимов вызывает различия в аспектах словарного описания этих единиц, в связи с чем они не могут описываться по единой схеме.

Многие вопросы, касающиеся всех имен собственных, в особенности вопрос о семантике, остаются на сегодняшний день дискуссионными. Например, исследователи указывают на своеобразность и сложность структуры значения имени собственного по сравнению со значением апеллятива, на наличие в семантике онимов внеязыковых представлений, прагматических аспектов и т. д. [Плешков 2017].

Сокращенные онимы, которые используются в основном для обозначения наименований учреждений или организаций, имеют по сравнению с сокращенными именами нарицательными более устойчивое значение, поскольку остаются связанными с одним конкретным денотатом, как, например, сложносокращенный оним *Моспроектстройиндустрия* с расшифровкой *Институт по проектированию предприятий строительной индустрии города Москвы*. Трансформация семантики сокращенного имени собственного связана, по всей видимости, с его переходом в разряд коннотонима – имени собственного, «в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [Отин 1999: 279]. К таким можно отнести рассмотренные аббревиатуры-онимы *МКАД* и *ГУЛАГ*.

Сокращенные апеллятивы могут вступать в отношения синонимии, причем как с узуальными словами, так и с другими сокращениями. Сокращенные же они-мы находятся в системных связях другого типа. По нашим наблюдениям, сокращенные имена собственные могут вступать в отношения текстовой синонимии с гиперонимом (для аббревиатуры гиперонимом является базисный компонент), а также с синонимами гиперонима. Так сокращенный оним *МГУ* в некоторых текстах вступает в отношения синонимии с гиперонимом-базисом *университет* и с его синонимом *учебное заведение*. Аббревиатура *Моспроектстройиндустрия* в современных текстах встречается параллельно с инициальным дублетом *МПСИ*: дублетные сокращения-онимы также могут использоваться в одном контексте в качестве синонимов.

Аббревиатура-апеллятив может вступать в отношения эквивалентности сразу с несколькими словосочетаниями, в отличие от сокращенных онимов. Это связано со спецификой образования аббревиатур-онимов. Такие единицы имеют кодифицированную расшифровку, которая связана с конкретным денотатом. Можно предположить, что развертывание аббревиатуры-онима иным способом, кроме кодифицированного, составленного номинатором, является ошибкой, поскольку в таком случае связь онима с денотатом разрушается. Например, при развертывании апеллятива *автогараж* ('помещение для стоянки и ремонта автотранспорта') допускается использование расшифровок *автобусный гараж* и *автомобильный гараж*, поскольку и автомобиль, и автобус являются разновидностями автотранспорта. Развертывание онима *ПАЗ* в словосочетание **Павловский автомобильный завод* недопустимо, поскольку сокращение связано с документально закрепленным развернутым наименованием *«Павловский автобусный завод»*.

4.2. МНОГОАСПЕКТНЫЕ СЛОВАРИ СОКРАЩЕНИЙ

В современной лексикографии появляются многоаспектные словари аббревиатур и сокращений, в которых учитывается не только структурная соотнесенность с расшифровками, но также и семантические, словообразовательные, стилистические и другие особенности аббревиатур.

К многоаспектным словарям можно отнести «Словарь аббревиатур иноязычного происхождения» Л.А. Барановой [Баранова 2009].

В указанном словаре описываются сокращенные апеллятивы и онимы, заимствованные из других языков. Словарь состоит из двух частей – аббревиатур на русском языке и их эквивалентов на латинице. Русские аббревиатуры и иноязычные эквиваленты помещены в отдельные словники. Словарь примечателен с точки зрения задействованных принципов описания аббревиатур.

В словарной статье дается транскрипция с ударением, информация о способах образования и заимствования вокабулы, представлены варианты написания, официально закрепленная расшифровка, семантическое описание (для апеллятивов) или информация о связанном с аббревиатурой денотате (для онимов). В статье могут быть представлены языковые и страноведческие особенности аббревиатуры. Кроме того, в словарных статьях приводятся производные слова, переносные, коннотативные значения. Даются примеры употребления аббревиатур и всех указанных в словарной статье производных:

- **БМР** [бээм'эр], калька < англ. BIS – сокр. < Bank for International Settlements – Банк международных расчетов – международное финансовое учреждение, призванное способствовать сотрудничеству между центральными банками

стран-участниц. Создан в 1930 г. в Базеле. Является акционерным обществом, в капитале которого участвуют центральные банки большинства европейских стран (только они обладают правом голоса на собраниях акционеров). См. *BIS*.

Резиденты России вывели с депозитов европейских банков \$55 млрд, говорится в обзоре БМР за IV квартал прошлого года (...) [Баранова 2009].

Подобная схема описания вокабул может успешно применяться для лексикографического описания сокращенных онимов, поскольку совмещает информацию о грамматических, стилевых, словообразовательных и других характеристиках аббревиатуры и сведения о денотате.

«Словарь универбатов современного русского языка» Г.В. Клименко и Е.М. Марковой также относится к многоаспектному типу: в нем даются семантические и словообразовательные характеристики сокращений. Словарь специализируется на описании универбатов – продуктов лексической конденсации, при которой в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием (*зачетная книжка – зачетка*). В словник вошло 600 универбатов, зафиксированных составителями в разговорной речи, газетной публицистике и художественной литературе. В словарных статьях представлены грамматические характеристики вокабулы, производящее словосочетание и словообразовательная модель, толкование значения, контекст употребления. Омонимы обозначены соответствующей маркировкой:

- **Аварийка I** -и, ж. **Аварийная** служба + **к(а)**. Служба, вызываемая в случае аварии в доме (из-за воды, электричества). *Кто-то спрашивал, куда поехался электрик, кто-то звонил в **аварийку** (...)*.
- **Аварийка II** -и, ж. **Аварийный** свет + **к(а)**. Аварийная лампа, которую включают во время аварии на дорогах. *Глеб вывернул вправо, и, включив **аварийку**, припарковался за остановкой возле кинотеатра «Минск» (...)* [Клименко 2019].

Составители отмечают, что большинство универбатов, представленных в словаре, являются разговорными эквивалентами устойчивых словосочетаний, потому толкование их лексического значения необходимо, на наш взгляд, в первую очередь иностранным пользователям для формирования навыков коммуникации в бытовой сфере.

Сложносокращенные апеллятивы стали специальным объектом описания в Толковом словаре сложносокращенных слова русского языка под редакцией В.И. Теркулова. Отбор языкового материала производится на основе синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации. В словаре зафиксировано около 12 тыс. сложносокращенных апеллятивов. В Словаре не представлены сокращенные онимы всех структурных типов, а также инициальные аббревиатуры, поскольку инициальные сокращения отличаются от сложносокращенных апеллятивов способами образования и возможностями интерпретации.

При образовании сложносокращенных апеллятивов реализуется наиболее естественный, «стихийный» тип свертывания словосочетания в слово: такие сокращения создаются путем **стереотипного замещения** абброконструктом мотивационно связанного с ним слова в словосочетании. Таким образом, в любом словосочетании слово *главный* потенциально может быть заменено абброконструктом *глав-*, а слова *кардиологический*, *кардиология* – абброконструктом *кардио-*.

Можно говорить, что в таких случаях аббревиация происходит автоматически, вследствие обычно неосознанного стремления носителя языка к преодолению асимметричного дуализма расчлененного наименования. Аббревиатура используется при образовании новых сложносокращенных апеллятивов как воспроизводимое средство предсказуемого замещения компонента словосочетания и может быть легко развернуто носителями языка в компонент словосочетания в процессе дешифровки сокращения.

При создании инициальных аббревиатур происходит осознанное сокращение слова, входящего в устойчивое словосочетание, до его первого звука или первой буквы. Такое сокращение сопровождается утратой связи инициального конструкта с развернутым эквивалентом как воспроизводимым средством замещения слова. Например, конструкт *К* может заменить в инициальной аббревиатуре любое слово, начинающееся с буквы *к*: *контрольный* (*КП* – *контрольный пункт*), *космический* (*КК* – *космический корабль*), *координационный* (*КРГ* – *координационная рабочая группа*) и мн. др. Аббревиатуры данного типа создаются номинатором искусственно по разным причинам: для графической замены повторяющегося наименования в тексте, для маркировки изделия, как официальное сокращение названия предприятия и т. д., но не «стихийно».

Сложные слова, описываемые в словаре, объединены в аббревиатурные группы – совокупности сокращений с общим препозитивным конструктом. Например, в аббревиатурную группу «нац» входят все сложносокращенные существительные с инициальным компонентом *нац-*: *нацархив*, *нацбезопасность*, *нацвалюта*, *нацдвижение*, *нацкомитет*, *нацотношение* и др.

Описанию сложносокращенных слов одной аббревиатурной группы предшествует перечень всех возможных структурных трактовок конструкта (т. н. дешифровальных стимулов), которые были обнаружены при сборе словника. Например, для конструкта *мед-* были зафиксированы дешифровальные стимулы *медицинский*, *медикаментозный*, *медицина*, *медпрепарат*, *медик*, *медработник*, *медучреждение*, *медперсонал* и др. Для каждой трактовки приводится толкование значения. Блок дешифровальных стимулов позволяет пользователю словаря охватить совокупность структурных и семантических параметров конструкта и сформировать общее представление обо всех сокращениях одной аббревиатурной группы.

Составители учитывают фонетические, морфологические, стилистические, лексические характеристики сокращений и отражают все эти особенности в словарных статьях. Статья включает заглавное слово (с указанием основного и побочного ударений) и его графические варианты; грамматические характеристики слова; пометы, толкование значения; блок текстовых эквивалентов с указанием соотношения частотных характеристик между сокращением и эквивалентом; блок лексических эквивалентов – гиперонимов и синонимичных сокращений; блок отаббревиатурных производных:

- *Матобеспечение, -я*: , ед. 1) Совокупность технических, энергетических, сырьевых и других ресурсов, предназначенных для повышения эффективности производства. 2) Комплекс мероприятий, проводимых в мирное и военное время в целях своевременного и полного удовлетворения потребностей войск (сил) в *матсредствах*, необходимых для их повседневной жизни и боевой деятельности. 3) Денежные выплаты по различным основаниям
◀ 0,01: *материальное обеспечение, материально-техническое обеспече-*

ние; 0,1: обеспечение материалами ► 10: обеспечение материальными ресурсами, обеспечение материально-техническими ресурсами, обеспечение материалом • обеспечение ☆ матобеспеченность.

Описание аббревиатур в Словаре под редакцией В.И. Теркулова базируется сразу на четырех аспектах:

- квантитативном, который учитывает различные количественные характеристики и соотношения между компонентами группы;
- структурном, который позволяет определить структуру составляющих аббревиатурных единиц;
- ономазиологическом, в рамках которого рассматриваются типы смысловой связи между компонентами сокращения;
- семантическом, при котором учитываются особенности семантики сокращений и ее влияние на способы расшифровки.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аббревиатуры закрепились в современном русском языке, в связи с чем появилась необходимость их полноценного лексикографического описания. Носители языка сталкиваются с проблемой недостаточной информативности словарных статей традиционных специализированных словарей аббревиатур. Структурные трактовки сокращений, которые составляют основу таких словарей, не способны предоставить пользователям полноценные сведения о семантических особенностях аббревиатур, что приводит к некоторым трудностям при их использовании.

Например, аббревиатуры, относящиеся к терминологической лексике, требуют толкования значения. Зачастую расшифровки таких аббревиатур не дают пользователю словаря никаких сведений о значении аббревиатуры. Среди общеупотребительных аббревиатур обнаруживается множество единиц с идиоматизированным значением, которое не выводится из совокупности значений компонентов расшифровки. Кроме того, существуют также многозначные аббревиатуры. Все эти сокращения должны получить полноценное лексикографическое описание.

Метод многоаспектного толково-словообразовательного описания аббревиатур имеет преимущества перед традиционным лексикографическим подходом. Введение блока толкований в структуру специализированных словарей позволяет решить целый ряд проблем, обозначенных в исследовании: зафиксировать актуальную связь сокращения с расчлененными эквивалентами; предоставить пользователям словаря сведения о лексическом значении общеупотребимых слов и узкоспециализированных терминов; разграничить случаи омонимии и полисемии сокращений; отразить стилистическую окраску или нейтральность описываемых единиц и т. д. Таким образом, пользователь толкового словаря аббревиатур получает всю необходимую и исчерпывающую информацию о вокабуле из одной словарной статьи.

Часть 3.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Раздел 1. Динамика именной аффиксации
в новейший период

Глава 1. Когнитивный потенциал
интернациональных префиксов и префиксоидов:
воздействие на русскую языковую картину мира

Е.В. Петрухина

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В данной главе рассматриваются новые производные, выражающие актуальные комбинации смыслов при помощи интернациональных, греко-латинских по своему происхождению, словообразовательных формантов, проявляющих в настоящий период высокую активность в русском и других славянских языках и широкую сочетаемость с именными основами. Данные аффиксы представляют универсальные, т. е. цивилизационные [Демьянков 2014], характеристики предметов, качеств и явлений, названных производящей базой. Здесь обобщаются и дополняются результаты исследования семантики и когнитивного и прагматического потенциала заимствованных формантов и образованных с их помощью производных имен, проведенного автором раздела и частично представленного в [Петрухина 2017; 2019а, б].

Серии новых производных слов с интернациональными формантами обладают четкой словообразовательной структурой и позволяют исследовать актуальные для данного периода комбинации смыслов, в том числе отражая изменения в мире и его интерпретации (например, в таких производных, как *антиучебник*, *постнаука*, *транскультура*, *гиперреальность*), а также способствуя этим изменениям.

Неологическая и функциональная словообразовательная динамика, появление новых комбинаций морфем и новых сочетаний смыслов обладают важным когнитивным потенциалом. Концептосфера фиксирует результат интерпретирующей деятельности этноса, связанной как с универсальными цивилизационными, так и культурными идиоэтническими условиями когниции и языковой коммуникации [Демьянков 2014; 2016]. С 70-х гг. XX в. главным фактором цивилизационного развития этнокультур стали глобализационные тенденции, влияние которых продолжается и в настоящее время, несмотря на обострение в последние годы политической обстановки в мире и появление фактов деглобализации в гумани-

тарной сфере. В экономических и социально-культурологических исследованиях приходят к выводу, что в результате глобализации изменились «существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество <...>», и что «глобализация представляет собой захвативший весь мир процесс трансформации символов и символических форм» [Кардонова 2007: 1213]. При этом отмечают по крайней мере два компонента глобализационных процессов – естественный, связанный с научно-техническим прогрессом человечества, и искусственный, представляющий собой продукт целенаправленной деятельности человеческих сообществ, партий и корпораций [Подзигун 2003]. В специальной литературе, посвященной процессам глобализации, большое внимание уделяется моделям ее соотношения с языком и влиянию на языковую картину мира (ЯКМ), см. обзор в [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012].

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ

Интернациональные форманты греко-латинского происхождения в славянских языках вступают в сложное взаимодействие с исконными префиксами и префиксоидами.

Именные словообразовательные форманты, выступающие как семантические модификаторы производящей основы, можно разделить на следующие группы со значением (1) количественных характеристик: а) множественности (*поли-*, *мульти-* / *много-*); б) единичности (*моно-*, *уни-* / *одно-*); в) половины (*семи-* / *пол(у)-*); г) прочих числовых значений (*би-*, *ди-* / *дву(х)-* и др.); д) всеобщности (*пан-* / *все-*); е) повторения (*ре-* / *пере-*); ж) высокой степени интенсивности признака (*архи-*, *мега-*, *супер-*, *экстра-*, *гипер-*, *ультра-*, *макси-*, *макро-*, *гига-* / *много-*, *сверх-*, *раз(с)-*, *пре-*); з) малого размера предмета, малой степени или недостаточности признака (*мини-*, *микро-*, *нано-* / *мало-*, *недо-*, *под-*); (2) пространственных модификаций: а) положения вне, снаружи, около (*экстра-*, *экс-* / *вне-*, *около-*); б) положения внутри (*интра-* / *внутри-*); в) положения между (*интер-* / *меж(ду)-*); г) выхода за пространственные пределы, а также пределы обычного (*транс-*, *мета-*, *пара-*, *супер-* / *сверх-*); (3) характеристик положения в иерархии: а) вышестоящего положения (*архи-*, *супер-*, *супра-* / *над-*); б) подчиненности (*суб-* / *под-*); замещения (*про-*, *вице-*); (4) несоответствия норме, идеалу: а) схожести с качественными отличиями, а также фальсификации (*квази-*, *псевдо-*, *фальш-*, *эрзац-* / *недо-*, *полу-*, *лже-*); б) отрицания, противоположности и противодействия (*анти-*, *контр-*, *нон-* / *противо-*, *не-*, *без(с)-*); (5) временных характеристик стадий существования предмета, явления или качества: а) исходности, первичности (*прото-* / *пра-*); б) предшествования (*анте-*, *пре-*, *про-* / *пред-*, *до-*), в) следования (*пост-* / *после-*) и др. [Поляков 2018а; Петрухина 2017; 2019а, б].

Как мы видим, особенно многочисленны разряды словообразовательных модификаторов, выражающих интенсификацию (или деинтенсификацию) признака (1ж, з); фальсификацию и несоответствие норме (4а); отрицание и противопоставление (4б).

Данные форманты в отдельном языке обеспечивают детальную сегментацию соответствующих концептуальных областей, создают разветвленные и пересекающиеся семантические сети, плотно их покрывающие, и позволяют компактно, словообразовательными средствами, выразить актуальные смыслы и их комбинацию [Korjakowsewa 2009; Петрухина, Поляков 2018; Петрухина 2019а].

В зависимости от типа дискурса и семантики мотивирующей базы производные слова с названными морфемами могут функционально и семантически

сближаться. Например, при выражении несоответствия тому, что выражено мотивирующей основой, форманты *псевдо-*, *квази-*, *пара-*, *суб-*, *мета-*, *-оид*, *эрзац-*; *лже-*, *недо-*, *под-*, *вместо-*, *около-*, а также *анти-*, *гипер-*, *супер-*, *транс-*, *пост-*, представляющие несколько словообразовательных категорий, становятся синонимичными в публицистическом дискурсе при соединении с мотивирующими словами (абстрактными существительными и образованными от них относительными прилагательными) типа *наука*, *искусство*, *религия*, *политика*, *экономика*, *образование*, *психология*, *рынок*; *научный*, *религиозный*, *политический*, *экономический*, *психологический*, *рыночный* и под. Так, в Википедии в словарной статье *паранаука* отмечается, что слова *паранаука*, *псевдонаука*, *квазинаука*, *ненаука*, *лженаука*, *антинаука* «и им подобные иногда употребляются взаимозаменяемо» (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> – последняя дата обращения: 10.01.2024). Ср. также синонимичные производные от существительного *литература*: *Массовая литература – это паралитература, сублитература, китчлитература... Массовая литература – ценностный “низ” литературной иерархии, часто отвергаемый как псевдолитература* (<http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskieterminy> – последняя дата обращения: 05.09.2023).

Складывается новый тип вариативности, отличный от типов исторической словообразовательной вариативности, описанной в [Менгель 1999], основанный на диалектическом взаимодействии семантической общности и спецификации рассматриваемых препозитивных модификаторов.

3. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАТОВ С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕФИКСАМИ

3.1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗНОСТЬ ПРИСТАВКИ *АНТИ-*

Греко-латинские приставки сыграли большую роль не только в интернационализации лексики русского и других славянских языков, но и в распространении новых знаний и идеологий в гуманитарной сфере. Этому способствует как их интернациональность, так и многозначность, диффузность семантики. Особое место здесь занимает приставка *анти-*, очень активная в современном русском языке и сохраняющая многозначность, характерную для древнегреческого языка [Славятинская 1996: 216].

Сохранены три основных значения древнегреческой приставки: 1) противоположность чему-л. (*антиидеал*); 2) направленность против чего-л. (*антитеррористическая программа*); 3) замещение, замена (*антипасха*). Все три значения могут комбинироваться, как, например, в слове *антихрист* (греч. ἀντίχριστος – ‘тот, кто против или вместо Христа’), заимствованном (через церковнославянский) из древнегреческого языка еще в древний период. Соответственно антихрист – это не только «самый страшный и жестокий враг Христа на земле, который явится в последние времена как вполне определенная личность и всеми возможными способами будет стремиться к разрушению дела Христова», но и тот, кто «в то же время будет выдавать себя за Христа» (Православная энциклопедия, URL: <https://www.pravenc.ru/text/115828.html> – последняя дата обращения: 05.09.2023]. Ср. также: «Этот Антихрист – космический узурпатор и самозванец, носящий маску Христа, Которого отрицает; он стремится занять место Христа, быть за Него принятым. <...> Его фальшивый двойник» [Аверинцев 2006].

Диффузная семантика приставки *анти-*, комбинирующая по крайней мере два значения ('противоположность чему-либо' и 'замена, замещение'), представлена в таких неологизмах, как *антикафе*, *антишкола*, активно используемых в современных номинациях, в частности в рекламном дискурсе, для привлечения внимания – новые номинации с приставкой *анти-* предполагают отказ от привычных стереотипов. Количество таких номинаций в последние три десятилетия росло в связи с модными проектами, в которых предпринимаются попытки создать что-то новое и оригинальное, отличное от обычных объектов, названных мотивирующими словами, например: *антимагазин*, *антитакси*, *антирадио*, *антивокзал*, *антигалерея*, *антиклуб*, *антилекция*, *антиучебник*, *антибиблиотека* и др.

Диффузная семантика приставки *анти-* делает возможным создание с ее использованием номинаций любых общественных заведений, отличающихся от традиционных, часто с пояснением необычности объекта, например: *Если вы устали от больших сетевых кинотеатров, <...> то можно пойти в антикинотеатры, где не платят за билеты. Здесь деньги возьмут за безлимитные попкорн и газировку или устроят для вас и ваших друзей эксклюзивный сеанс...* (<http://www.fiesta.city/spb/live/vkinoponovomu5antikinoteatrovpeterburga/> – последняя дата обращения: 12.08.2019).

Русская приставка *противо-* свойствами такой диффузности не обладает, выражая чаще всего «противоположность чему-либо, направленность против чего-либо, в ответ на что-либо или противоречащее тому, что названо мотивирующей основой» [Лопатин, Улукханов 2016]. Но данная приставка в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) по частотности не уступает и даже превосходит *анти-*: на 10 декабря 2024 г. в НКРЯ зафиксировано 59 955 словоупотреблений производных с приставкой *анти-* и 90 315 употреблений дериватов с *противо-*. Разница обусловлена, во-первых, тем, что *противо-* соединяется не только с именами, как приставка *анти-*, но и с глаголами (типа *противодействовать*, *противоречить*) и, во-вторых, тем, что в НКРЯ практически не представлены многочисленные современные неологизмы с *анти-*, подобные рассмотренным выше, в частности даже столь частотная в Рунете (по данным поисковых запросов Яндекс) лексема *антикафе* представлена лишь один раз.

3.2. НОВЫЕ КОМБИНАЦИИ СМЫСЛОВ В ДЕРИВАТАХ С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРЕФИКСАМИ

В данном разделе рассматриваются особенности семантики производных имен со словообразовательными формантами *пост-*, *транс-* и др. на материале французского оригинала книги П. Вирилио «Информационная бомба» [Virilio 1998], одного из ведущих французских философов XX в., и ее английского и русского переводов [Virilio 2000; Вирилио 2002]. Книга П. Вирилио интересна тем, что в ней предсказываются и описываются современные технологические и социально-политические процессы и изменения в глобальном информационном пространстве, в котором скоростная сверхинформация служит своего рода «информационной бомбой», по силе и последствиям воздействия на общество не уступающей атомной.

Большую роль в создании неологизмов в духе постмодернистской науки и культуры играют интернациональные приставки *post-*, *пост-* и *trans-*, *транс-*, способные выражать разрушение онтологических границ любых объектов и явлений, которые называют мотивирующие слова (*культура*, *наука*, *политика* и др.). Ср.: фр. *post-scientifique*, *post-industrielle*, англ. *post-scientific*, *post-industrial*, *постна-*

учный, постиндустриальный; фр. *transgénique, transpolitique*; англ. *transgenic, transpolitical*, *трансгенетический, трансполитический*. Это легко создающиеся и быстро запоминающиеся неологизмы, полукальки, передающие сочетания смыслов новой идеологии – трансгуманизма (постгуманизма), подробнее см. [Петрухина 2019а].

Семантика подобных дериватов, выражающих выход за конституирующие рамки онтологии предметов, в русском языке формируется на основе значений а) преодоления пространственных пределов и перехода из одной сферы в другую, типичного для дериватов с приставкой *транс-* (типа *трансграничный, транслитерация*), и б) выхода за временные периоды существования того, что называет мотиватор производных слов с приставкой *пост-* (например, *постмодерн, постинфарктное лечение*). При этом, соединяясь с именами, выражающими предметы и явления, имеющие онтологические константы, данные приставки становятся синонимичными, выступая своего рода проводниками постмодернистских воззрений: *постгуманизм, трансгуманизм, посткультура, трансккультура*. Например: «**ТРАНСКУЛЬТУРА** (*transculture*) – новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, гендерных, профессиональных культур. **Трансккультура** преодолевает замкнутость их традиций, автоматизмов, языковых и ценностных детерминаций и раздвигает поле “надкультурного” творчества» (URL: https://www.emory.edu/INTELNET/fs_transculture.html – последняя дата обращения: 07.10.2023); «В художественной культуре XX в. отразились глобальные изменения, происходившие в сфере человеческого бытия, в менталитете, в психологии и т. д. В связи с этим в художественноэстетической культуре наметилось переходное состояние – явление **ПОСТКУЛЬТУРЫ**. Если ранее культура ориентировалась на создание и развитие творческой деятельности, которая была призвана просветлять и преображать человека, то **посткультура** провозглашает сознательное разрушение значимых универсалий человеческого бытия, таких как Добро, Красота, Истина и др.» (URL: <https://bookonlime.ru/lecture/32elementpostkulturyvsovremennoyzhenskoouprozeindonezii0> – последняя дата обращения: 12.07.2023).

Для номинации новых явлений в глобализированном обществе используются также общие для французского, английского и русского языков префиксоиды: *техно-, кибер-, био-, инфо-, медиа-, видео-, нано-* и др. Ср. примеры из упомянутой книги П. Вирилио (на французском языке) и ее переводов на английский и русский языки: *la technobiologie, technocrate, la technoscience, technoscientifiqu, la technocultur, un technosystème; techno-biology, technocrat, techno-science, techno-scientific, techno-culture, technosystem; технобиология, технократ, технонаука, технонаучный, технокультура, техносистема; cyber-terroriste, cybercriminél, cyberespace, cybercmonde, cyber-optique, cyberculture, cyberbombe cyberbombe; cyber-terrorist, cybercriminal, cyberspace, cyberworld, cyberoptics, cyberculture, cyberbomb, cybercrime; кибертеррорист, киберпреступник, киберпространство, кибермир, кибероптика, киберкультура, кибербомба*.

В книге П. Вирилио основные изменения, происходящие в науке в современную эпоху, выражаются при помощи неологизмов с префиксоидом *техно-*, имеющим в книге отрицательную коннотацию, связанную с разрушением основных принципов науки, поэтому производные с *техно-* синонимичны производным с приставкой *пост-*:

«Современная наука ускользает от собственных философских принципов и все более становится **технонаукой**, роковым смешением научного исследования и поиска эффективных средств, тем самым сбиваясь с пути истинного. <...> “**Постмодернистская**” наука сейчас вовлечена в новое... соревнование: достижение максимальной эффективности в робототехнике и генной инженерии». “**Постнаучный** экстремизм” лишает вступающие в соревнование области знания разумных оснований. Трагедия познания, сделавшегося вдруг информационным, состоит в том, что **технонаука**, становясь массовой **технокультурой**, уже не ускоряет Историю, а порождает лишнее всякого правдоподобия, головокружительное ускорение реальности. ...Сейчас **технонаучное** исследование превращается в науку устранения этой самой истины, а на смену энциклопедическому знанию приходит знание информационное, отрицающее всякую объективную реальность» [Вирилио 2002: 10–11].

Рассмотренные толкования постмодернистских и трансгуманистических неологизмов *постнаука*, *технонаука*, *посткультура*, *трансккультура* фиксируют измененное отношение к реальности [Петрухина 2019б].

3.3. ИСКАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Предварительно необходимо сказать, что анализ употребления номинаций со значением отрицания реальности: *нереальность* (в НКРЯ зафиксировано с начала XX в.), *ирреальность* (в НКРЯ самый ранний текст с данным словом относится к 1922 г.), *антиреальность* (в НКРЯ отмечено всего лишь три словоупотребления – с 1997 г.) – показывает абсолютно субъективную трактовку оппозиции реальности – ирреальности (нереальности). Например (НКРЯ): *Реальность – это вид, идея, лик, а ирреальность – безвид, ад, тьма* (П. Флоренский, 1922); *Молясь об умерших, мы упражняемся в ощущении **нереальности** этого мира (ушла его дорогая нам часть) и реальности мира потустороннего, действительность которого утверждается нашей любовью к отшедшим* (А.В. Ельчанинов). Приведем также примеры субъективных представлений об антиреальности, почерпнутых из Рунета (примеры из livejournal.com и magazines.russ.ru) – от демонизма до скуки. *Возможное у романтиков намного превышает реальное. Противоречие между ними разрешается с отрицанием **реальности** и уходом в демонизм – своего рода особую темную **антиреальность*** (URL: https://m.livejournal.com/read/user/ira_gonto/12588 – последняя дата обращения: 21.04.2022); *Реальность становится **антиреальностью**, т. е. реальностью с примесью моих желаний и иллюзий* (URL: <https://m.livejournal.com/read/user/silkshark/3559> – последняя дата обращения: 21.04.2022); *Ледящее дыхание скуки как **антиреальности**, небытия* (URL: <https://magazines.russ.ru/neva/2012/8/s12.html> – последняя дата обращения: 21.04.2022).

Производная лексема *псевдореальность* также отрицает реальность, но вполне однозначно, выражая ее имитацию и подделку, фейк. В последнее время как синоним *псевдореальности* часто употребляется лексема *медиареальность*, например: *Данная проблематика имеет особый характер, в силу относительности понятия «**медиареальность**». Это **псевдореальность**.... Она формируется средствами массовой коммуникации (СМК) с целью воздействия на массовую аудиторию, часто ради достижения неких политических целей* (URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68870> – последняя дата обращения: 21.04.2022).

Новые аспекты измененных представлений о реальности (как объективно существующей действительности) можно изучать по современным данным языка – на материале новых словосочетаний соответствующей лексики и образованных от нее неологизмов с интернациональными префиксами, выражающими прежде всего созданный современными технологическими средствами мир, имитирующий реальную действительность или ее элементы и меняющий наше отношение к действительности. Ср., например, *виртуальная реальность компьютерных игр*; *замещенная реальность технологий 3D* (создающих возможность восприятия компьютерных изображений как происходящих в реальности событий рядом с наблюдателем); *дополненная реальность* (как особая технология, при помощи которой виртуальные объекты размещаются поверх изображений реального мира); *фейковая реальность (псевдореальность)*, которая создается в СМИ с помощью виртуальной реальности компьютерных технологий.

Большую роль в выражении измененного восприятия и понимания реальности играют префиксальные производные с интернациональными приставками *пост-*, *транс-*, *супер-*, *гипер-*. Разную степень взаимодействия реального и виртуального выражают *постреальность*, *трансреальность*, *суперреальность*. Так, персональная выставка художника Дмитрия Кавко называлась «Постреальность», в ее представлении утверждается, что «виртуальный мир вышел за пределы частных пространств и смешался с повседневностью» (URL: <http://cultobzor.ru/2016/06/dmitriyukavkopostrealnost/> – последняя дата обращения: 25.05.2023). Как синоним *постреальности* может использоваться *трансреальность* (по аналогии с такими производными, как *трансгуманизм*, *транснаука*, *транскультура*). Неологизм *суперреальность* в целом ряде текстов называет иллюзорную реальность соцсетей в интернете, рекламы и сериалов – создание «мнимого мира».

Эти же производные могут обозначать постмодернистские представления о реальности, связанные с признанием невозможности объективного познания и, соответственно, отсутствия критериев достоверности у всех позитивных истин и убеждений, утверждение иллюзорной реальности. В целом ряде проанализированных нами текстов из разных дискурсов (философского, публицистического, рекламного, сетевого) при употреблении данных неологизмов речь идет о влиянии созданной виртуальной реальности на события в действительности, а также о возникновении ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ. По Бодрийяру, *гиперреальность* выражает символическое отражение действительности, когда утрачивается соотнесенность вещей и знаков: сегодняшний поток информации уничтожает реальность, порождая огромное количество копий, которые и формируют замещающую реальность гиперреальность. Это копии несуществующей реальности, симулякры, маскировка отсутствия настоящей реальности, это «замкнутая на самой себе среда, которая уже никак не соотносится с объективной действительностью» [Бодрийяр 2000: 243]. Названные выше производные лексемы *реальность* могут выступать в качестве синонимов *гиперреальности*, как, например, в следующем отрывке: «Симулякр – это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” **постреальностью** посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей различия между реальным и воображаемым» [Маньковская 2000: 60].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная система именных препозитивных формантов-модификаторов в русском языке представляет собой результат взаимодействия универсальных и эт-

нокультурных языковых процессов, а также отражает результаты взаимодействия культур. Греко-латинские приставки сыграли большую роль не только в интернационализации лексики русского языка, но и в распространении новых идеологий в эпоху глобализации. Наше исследование показало, что неологизмы *постчеловек*, *транскультура*, *посткультура*, *постнаука*, *постреальность*, *гиперреальность* связаны, по сути дела, не просто с отрицанием, но и с разрушением концептов, выраженных мотивирующими словами. Корни таких слов, как *человек*, *культура*, *наука*, *реальность*, однозначно задают границы определенных концептуальных областей, а префиксы *пост-*, *транс-*, *гипер-* выражают преодоление и разрушение этих границ.

Как представляется, здесь мы имеем дело с новым типом семантического соотношения основы и форманта, основанного не на интеграции их концептуальных областей, а на таком взаимодействии, когда формант полностью меняет базовые концептуальные признаки мотивирующих имен. При этом словообразовательная структура производных с интернациональными префиксами является удобной формой «упаковки» новых комбинаций смыслов, объективируя и обобщая операции с «ментальными концептами нашего сознания» [Кубрякова 2004а: 22]. Пропущенные через язык и закрепленные в продуктивных словообразовательных моделях, новые, совсем еще недавно невозможные и недопустимые, сочетания смыслов приобретают как будто свойство реальности, подготавливая и определяя соответствующие изменения в ЯКМ, а значит, и в действительности.

Важно подчеркнуть, что проанализированные семантические и концептуальные тенденции продолжают и в настоящее время, несмотря на процессы деглобализации. Последняя в Новом дипломатическом словаре определяется как «процесс деградации и уменьшения взаимосвязей и взаимного влияния стран и народов мира, который, однако, предполагает не полное прекращение процессов глобализации, а их приостановку в связи с потерей доверия к существующей модели развития» [URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/> – последняя дата обращения 11.01.2024], см. также [Князев 2022; Комолов 2021]. Наше исследование показывает, что начавшиеся не так давно политические, экономические и социально-культурные процессы деглобализации современного мира пока не оказывают существенного влияния на русскую ЯКМ, где четко зафиксированы результаты рассмотренных глобализационных процессов, со всеми вытекающими последствиями для гуманитарной и идеологической сфер.

ГЛАВА 2. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Е.В. Скачкова

1. ВВЕДЕНИЕ

Исходя из энциклопедических знаний о внеязыковой действительности, мы можем определить интенсивность как свойство действия, состояния, процесса или качественного признака. Именно в таком значении лексема *интенсивность* употребляется в текстах, относящихся к различным сферам научного знания. Физики говорят об интенсивности звука, излучения или света, химики – об интенсивности химических реакций, геологи анализируют интенсивность тектонических структур, а в области математического моделирования встречается интенсивность потока событий. Понятие ‘интенсивность’ есть и в области гуманитарного знания: в терминосистеме психологии можно найти такие номинации, как *интенсивность ощущения*, в социологии – *интенсивность социальной мобильности*, в экономике – *интенсивность труда*. В медицине существует понятие ‘интенсивной терапии’. Несколько иначе интенсивность представлена в искусстве, где она может ассоциироваться с густотой и яркостью цвета. Список терминологических номинаций, включающий лексемы *интенсивный* и *интенсивность*, как мы видим, довольно обширен и может быть продолжен.

Интенсивность представляет собой важную часть русской языковой картины мира. Не случайно она представлена в «Словаре-тезаурусе прилагательных современного русского языка» в качестве отдельного раздела в рубрике «Универсальные представления, смыслы и отношения» [СТПРЯ 2012]. Интенсивность может снижаться и расти, увеличиваться и уменьшаться, интенсивность можно усилить. Это вполне естественным образом отражается в том, что в языковой системе есть как средства интенсификации, так и средства деинтенсификации. Заметим, что еще А. Вежбицкая отмечала, что «русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и, в частности, моральных» [Вежбицкая 1997: 84]. Как следствие, система средств (де)интенсификации асимметрична: интенсификаторов и интенсификатов гораздо больше, чем средств, выражающих низкую степень проявления признака. Так, в указанном выше словаре подраздел *интенсивность* представлен 139 прилагательными, а подраздел *неинтенсивность* – 26 [СТПРЯ 2012].

Все вышесказанное дает возможность утверждать, что в русском языке существует особая семантическая категория – целая система средств, выражающих значение интенсивности. Устройство этой категории, ее место в ряду других семантических категорий было подробно описано С.Е. Родионовой в русле Теории функциональной грамматики [Родионова 2004; 2005], одним из центральных понятий которой является понятие функционально-семантического поля – «группировки разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории» [Бондарко 2002: 17]. В соответствии с этим семантическая категория интенсивности (далее – СКИ) также имеет полевое устройство и образует отдельное функционально-семантическое поле интенсивности (далее –

ФСПИ). С.Е. Родионова считает, что ФСПИ имеет полицентрическое устройство. Его центр (или ядро) состоит из единиц двух уровней – лексического и словообразовательного¹. Периферия представлена фонетическими (пролонгация гласного) и синтаксическими средствами. Рассмотрим подробнее устройство ядра ФСПИ.

Наиболее многочисленным и хорошо исследованным классом единиц, имеющих семантику интенсивности, следует признать лексику. Считается, что на этом уровне представлены не только интенсификаторы, «сообщающие» сему высокого проявления признака, но и интенсификаты, которые содержат имплицитную сему интенсивности. К числу лексических интенсификаторов относится, например, наречие *очень*, а к числу интенсификатов – существительное *ливень*, которое имеет значение ‘сильный проливной дождь’.

Словообразовательные интенсификаторы представляют обширный класс морфем, включающий единицы, различающиеся морфемным статусом, стилистическим потенциалом, продуктивностью (и даже регулярностью), источником происхождения и особенностями функционирования. В самом общем виде список словообразовательных интенсификаторов можно представить так.

1. Морфемы, участвующие в отсубстантивном словообразовании:

а) префиксы *пре-* (*преразмазня*), *раз-/рас-* (*раскрасавица*), *сверх-* (*сверхумник*);
б) суффиксы *-ень-* (*жарень*), *-ин-* (*дождина*), *-ищ-* (*грязища*), *-уг-/юг-* (*ветрюга*), *-ынь-* (*теплынь*), *-юк-* (*пылюка*), *-як-* (*морозяка*), *-яр-* (*слоняра*), *-дрыг-* (*холодрыга*), *-ил-* (*ветрило*).

2. Морфемы, участвующие в отадаъективном словообразовании:

а) префиксы *наи-* (*наимнейший*), *пре-* (*премилый*), *раз-/рас-* (*развеселый*), *сверх-* (*сверхспособный*); *архи-* (*архисумасшедший*), *гипер-* (*гипертупой*), *мега-* (*мегаобязательный*), *овер-* (*овердлинный*), *супер-* (*суперкрасивый*), *убер-* (*уберстранный*), *ультра-* (*ультраомерзительный*);

б) префиксоиды *высоко-* (*высокорезультативный*), *много-* (*многоговорливый*), *сильно-* (*сильноактивный*);

с) суффиксы *-айш-/ейш-* (*простейший*), *-уш-/юш-* (*злющий*), *-енн-* (*толстенный*).

СКИ тесно связана с рядом субъективно-прагматических категорий: «С позиций исследователя текста интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность» [Туранский 1990: 7]. Нередко интенсивность может быть и вовсе определена исключительно как «мера экспрессивности» [Там же: 15–21].

С нашей точки зрения, большинство динамических процессов в области интенсификаторов (не только словообразовательных!) определяет именно экспрессивность. Известно, что она требует эффекта новизны, так как со временем «выцветает»: «Как определить экспрессивное средство выражения? <...> потребность в

¹ С.Е. Родионова полагает, что ядро ФСПИ включает также морфологические средства выражения интенсивности, к ним она относит суффиксы элатива [Родионова 2005]. Однако мы, вслед за В.В. Лопатиным и И.С. Улухановым [ССлАРЯ 2016] и «Русской грамматикой» [РГ-1980], признаем суффиксы *-ейш(ий)* и *-айш(ий)* показателями словообразовательных типов, а не грамматической формы. «Прилагательные с суф. *-ейш-*, *-айш-* (*глупейший*, *честнейший*, *глубочайший*, *жесточайший*), иногда называемые превосходной степенью, по своему значению большей степени проявления признака соотносительны с другими прилагательными с аналогичным значением типа *большущий*, *здоровенный*, *плевеселый*, *наилегчайший*, *распрекрасный*. Они не выражают особого морфологического значения и представляют собою словообразовательные типы» [РГ-1980: 545]. Поэтому ядро ФСПИ мы рассматриваем как двухкомпонентное.

экспрессивности постоянно стремится к замене обычных противопоставлений, по мере того как они становятся автоматическими и произвольными, на новые, цель которых – пробудить благодаря неожиданности внимание собеседника и, хотя бы минимально, привести его сознание в действие. Эти новейшие противопоставления, которые и составляют суть экспрессивного способа выражения, могут затрагивать как значение, так и форму знаков» [Фрей 2006: 218–219]. Эффекта новизны можно добиться преимущественно двумя способами – заимствованием и игрой с нормой, ведь «сущность экспрессивности заключается в том, чтобы играть с нормой, семантической или формальной, которую требуют нормативная логика или грамматика» [Там же]. Остановимся подробнее на первом из этих способов.

2. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ: ПРИЧИНЫ ПРОДУКТИВНОСТИ И ЭТАПЫ АССИМИЛЯЦИИ

Класс заимствованных формантов-интенсификаторов довольно многочислен. В последние несколько десятилетий наблюдается рост продуктивности данных единиц. В качестве возможных причин активизации заимствованных дериваторов-интенсификаторов можно назвать следующие. Во-первых, увеличивается поток заимствований, что соответствует тенденции к интернационализации, характерной не только для русского языка, но и для всех славянских языках. Во-вторых, иноязычные словообразовательные интенсификаторы относятся к группе препозитивных формантов, что делает их более «удобными» для словопроизводства, так как в русском языке самый слабый морфемный шов, чаще всего не требующий никаких преобразований, находится между префиксом и производящей основой. В-третьих, среди исконных префиксов едва ли найдется такой регулярный дериватор, который вместе со значением высокой степени проявления признака выражал бы положительную оценочную валентность. Последнее замечание объясняет, почему наиболее продуктивными среди этой группы формантов-интенсификаторов мы можем назвать префикс(оид)ы *супер-* и *мега-*.

Для понимания динамических процессов, затрагивающих именно этот класс единиц, следует обратиться к этапам их ассимиляции к русской словообразовательной системе. Надо сказать, что этот процесс для любой иноязычной морфемы, как правило, идет довольно медленно. Рассмотрим его на примере одного из наиболее продуктивных словообразовательных интенсификаторов – препозитивного форманта *супер-*.

По данным НКРЯ, *супер-* появляется в составе заимствованных лексем уже в XVIII–XIX вв. (*суперфлуа, супервест, супернатурализм, суперарбитр*). Их употребление в этот период носит единичный характер. В конце XIX в., когда приходит осознание структурной обособленности данного компонента, активизируется словообразовательная модель «интенсификатор + имя существительное», где препозитивный формант имеет значение либо высокой степени проявления качества, свойства или признака, названного мотивирующим именем существительным (*супер-модерн, супер-Дон-Кихот*), либо высокой степени проявления параметрического показателя (*супер-бомба*). Наконец во второй половине XX в. формируется словообразовательная модель «интенсификатор + имя прилагательное» (*суперэлитный, суперсовременный, супервместимый, суперидейный*), которая в современном русском языке становится высокопродуктивной в области

потенциального словообразования. Почти все заимствованные интенсификаторы проходят указанные этапы на пути к тому, чтобы стать полноценными морфемами русского языка, – этап «высвобождения» морфемы из структуры заимствованного слова, появление окказиональных отсубстантивных дериватов, активизация отсубстантивной модели и активизация отадективной модели.

3. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ: НОВЕЙШИЙ ЭТАП

Если для полной ассимиляции морфемы *супер-* потребовалось не одно столетие, то в настоящее время наблюдается значительное ускорение этого процесса в области других морфем-интенсификаторов. Так, в современном русском языке появляются неоинтенсификаторы, под которыми мы понимаем такие морфемы, которые еще не заняли свое место в системе литературного языка: они не фиксируются в составе устойчивых дериватов и, соответственно, в словарях словообразовательных аффиксов русского языка, участвуют в узуально ограниченном потенциальном словообразовании. К числу подобных морфем мы относим препозитивные форманты *овер-* и *убер-*.

1. ПРЕДШЕСТВЕННИК НЕОИНТЕНСИФИКАТОРОВ *ОБЕР-*

Прежде чем переходить к аналитическому обзору неоинтенсификаторов, следует отметить, что в современном русском языке наряду с ними существует еще одна морфема, восходящая к той же древнегерманской языковой единице, что и форманты *овер-* и *убер-*. Речь идет о препозитивном форманте *обер-*, значение которого по-разному трактуется лексикографическими источниками. Так, в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» указывается только на значение главенства и старшинства (при этом данный словообразовательный тип маркируется как продуктивный в терминологии, публицистике и разговорной речи), в то время как в «Большом толковом словаре русского языка» фиксируется и значение ‘высшая степень качества кого-л. (обычно с отрицательным оттенком); заядлый’ [БТС 2008: 665]. Остановимся кратко на этом форманте.

Обер- заимствуется в русский язык в составе слов, которые называют должности, чины и звания. В основном подкорпусе НКРЯ первые примеры подобных заимствований датируются рубежом XVII–XVIII вв. – *обер-инженер*, *обер-офицер*, *обер-комендант* и т. д. Первые единичные окказиональные дериваты с этим формантом строятся по модели «интенсификатор + имя существительное» и датируются уже рубежом XVIII–XIX вв.:

(1) *Все это сочинял граф Чернышев, обер-балагур придворный.* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 12, 1788–1822);

(2) *То есть обер-дурака.* (Н.М. Карамзин. [Примечания к стихотворениям], 1789–1814);

(3) *Весь двор примечал, что он был задумчив, но никто не мог выдумать, чем бы его позабавить; и обер-шут его двора, который был шутоватее всех итальянских опер вместе, с отчаянием видел, что высочайший его владетель уже два месяца не давал ему щелчков по носу* (И.А. Крылов. Каиб. Восточная повесть, 1792).

В примере (3) мы видим, как отчетливо начинает проступать значение высокой степени проявления признака: **обер-шут**, по всей видимости, не только занимает более высокую позицию по отношению к иным придворным шутам, но он «шутуваеет всех итальянских опер вместе».

Постепенно данная морфема начинает сочетаться с исконными производящими основами (*обер-воевода*, *обер-председатель* и т. п.), что свидетельствует о завершающем этапе ее ассимиляции. Во второй половине XIX столетия появляется уже более разнообразное количество производных с *обер-* (*обер-стриж*, *обер-страж*, *обер-сеятель*, *обер-бюрократ*, *обер-вор*, *обер-критик*, *обер-туз*, *обер-преподобие* и т. д.):

(4) *Нет, это не тот, а другой такой же попочка; меня уверяли, что указанные статейки нацарапал сам обер-стриж, господин Достоевский Феодор.* (М.А. Антонович. *Стрижам* (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому), 1864);

(5) *Несмотря на то что первый – обер-сеятель, а последний – обер-бюрократ, прозорливая бабушка продолжает называть их «братцами».* (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Новый нарцисс, или Влюбленный в себя*, 1868).

(6) *Хорошо, выходит этот обер-вор: тоже вздумал учить меня* (Л.Н. Толстой. *Война и мир*. Том второй, 1867–1869).

Уже в этот период мы видим, что в производных с *обер-* на первый план выступает отрицательная оценочная валентность. Эта закономерность усиливается на протяжении XX в. (ср. такие производные, как *обер-нахал*, *обер-бандит*, *обер-людоед*, *обер-палач* и т. д.). Отметим, что негативная оценка формируется скорее не самим формантом, а производящим. Кроме того, встречаются примеры, когда оба значения дериватора – и старшинства, и высокой степени проявления признака – контаминируются друг с другом. Так, И.С. Шкловский в «Эшелоне» называет Л. Берия *обер-палачом* и *обер-людоедом*, таким образом указывая на его социальный статус и в то же время интенсифицируя комплекс признаков, которые обнаруживают производящие, учитывая их иносказательное употребление (И.С. Шкловский. *Эшелон* (1984) // «Химия и Жизнь», 1988–1992).

Как кажется, в настоящее время *обер-* едва ли можно назвать продуктивным формантом. Так, ГИКРЯ дает лишь несколько примеров, построенных по модели «интенсификатор + имя существительное», а примеров отадъективной деривации с этим формантом не содержит вовсе. В НКРЯ встречается единичный пример деривата, построенного по модели «интенсификатор + имя прилагательное»:

(7) *...В качестве одного из доказательств того, что я вообще не имел никакого отношения к контррев. троцкизму и абсолютно не интересовался им, я на следствии указал, что из всех «произведений» оберфашистского бандита Троцкого я прочел всего две статьи – одну в «Правде» за 1927 г. и вторую в одной из французских буржуазных газет, название которой я забыл, в 1934 г.* (Георгий Гачев. *Господин Восхищение* (Повесть об отце) // Библиотека «Огонек», 1989).

II. НЕОИНТЕНСИФИКАТОРЫ: *ОВЕР-*

Заемствования с *овер-* появляются в русском языке, согласно данным НКРЯ, уже в XVIII в., но представлены они только единственным словом – термином из области мореплавания *оверштаг*. Другие заимствования встречаются уже значительно позже, ближе к середине XX столетия:

(8) *В старых и высоких фордовских купе неторопливо движутся фермеры в синих оверолах, простроченных по шву белыми нитками.* (Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка, 1936).

(9) *Захлебываясь от шума и почти не видя ничего впереди, Олег скользил толчками вперед, и Аполлону лень было за ним попевать, он плыл сзади удобным оверармстронгом, но в конце концов всегда обгонял зарвавшегося, вымотавшегося Олега.* (Б.Ю. Поплавский. Домой с небес, 1935).

(10) *Попали на праздники, и они, конечно, не работают. Капитан запрашивал у пароходства Овер-тайм. Ничего не вышло.* (Н.Ф. Ладугин. Дневник, 1961).

(11) *Я делаю оверкиль, а впереди снаряд – бац!* (П.А. Сажин. Сирень, 1962).

В 90-е гг. XX в. количество и употребительность заимствований с *овер-* растет. Появляются такие лексемы, как *оверлок* (позже это слово даст собственный дериват *оверлочить*), *овертайм*, *овердрафт*, *овернайт*, *оверишут*. Эти слова частотны, но при этом не фиксируются современными лексикографическими источниками и более сбалансированными корпусными источниками (НКРЯ). Очевидно, что в ряде этих лексем *овер-* уже имеет значение ‘сверх’, что «подталкивает» его к роли интенсификатора. В настоящее время дериваты с *овер-* в качестве интенсификатора нельзя назвать частотными, они не встречаются в НКРЯ. В ГИКРЯ подобные примеры немногочисленны, но среди них отчетливо можно выделить не менее двух словообразовательных подтипов.

1) ‘превышение предела’:

(12) *...но больше всего меня поражает что все дамы овербальзаковского возраста в полном мейкапе, это же во сколько надо проснуться...;*

(13) *...историй хватит на весь безграничный простор Интернета и на овермиллиардный тираж в твердом переплете... .*

2) ‘высокая степень проявления непроцессуального признака’:

(14) *...после Темного рыцаря (который реально скучный и овердраматичный), этот у меня тоже както не идет...;*

(15) *Азат просто оверэкзотическое имя;*

(16) *Каждый раз с тоской вспоминаю «Друзей» с этими оверудобными и милыми прачечными.*

Поскольку *овер-* только начинает свой путь как интенсификатор, логично предположить, что этот словообразовательный тип может сформировать большее количество подтипов.

III. НЕОИНТЕНСИФИКАТОРЫ: УБЕР-

Наиболее «молодым» неоинтенсификатором является префикс(оид) *убер-*. Естественно было бы предположить, что заимствования с *убер-* приходят к нам из немецкого языка: всем известен образ-понятие *сверхчеловека* (нем. *Übermensch*), введенный немецким философом Ф. Ницше. В НКРЯ мы встречаем единичный пример, где эта лексема транслитерируется:

(17) – *Вспомните, еще Бисмарк утверждал, что от смешения германской расы с славянской произойдет тот Великий, который украсит собою землю... – Убермени? Сверхчеловек? – дико и злобно расхохотался Тарновский.* (А.Н. Будищев. Лесничий Орн // журнал «Пробуждение» №7, 1916).

Тем не менее *убермени* не заимствуется в лексическую систему русского языка, приживается его калькированный перевод *сверхчеловек*. Более никаких заимствований с *убер-* в русском языке, согласно данным НКРЯ, на протяжении XX в.

мы не наблюдаем. Тем удивительнее, что в НКРЯ представлен еще один пример с *убер-*, но уже в качестве словообразовательного форманта в потенциальной деривации:

(18) *Поэтому непонятно, почему вдруг они стали супер-мега-убер-солдатами.* (Форум: Контакт с техномагическим миром, 2011).

Как мы видим, данный пример относится к области компьютерно опосредованной разговорной речи, а формант *убер-* включается в цепочку других препозитивных формантов, выражающих в том числе яркое оценочно-экспрессивное значение (явление «нанизывания» интенсификаторов называют гиперпрефиксацией²). Это дает нам возможность говорить, что *убер-* как интенсификатор скорее был заимствован из англоязычного сленга: в лексикографических источниках он описывается как стилистически маркированный префикс, характерный для разговорной речи, синонимичный префиксу *супер-* и имеющий значение ‘лучше’ или ‘больше’ [LED 2007: 1672].

Если литературный язык не дает нам примеров дериватов с *убер-*, то неcodифицированная компьютерная коммуникация демонстрирует высокую продуктивность этого форманта, которая проявляется и в отадективной, и в отадъективной деривации (приведенные ниже примеры почерпнуты из ГИКРЯ).

В рамках отсубстантивной деривации довольно последовательно проявляется следующая черта *убер-*. При его присоединении к производящим, называющим лиц, он не только выражает привычную для него положительную оценочную экспрессию, но и интенсифицирует исключительность этих лиц как обладающих какими-то необычными способностями, качествами, характеристиками³. Так, в следующем примере речь идет о бабушке, которая убедила работника службы охраны аэропорта помочь ее внуку:

(19) – *Сашенька? – внезапно спросил охранник. Я аж остолбенел. И это был даже не вопрос, а форма утверждения! Он оглядел меня и сказал:*

– *Пойдем. Тебя там бабушка ждет.*

*Я оставался в ступоре даже когда встретился с бабушкой. Я не стал спрашивать, как она умудрилась вскрыть мозг сотруднику охраны, но это было проведено так виртуозно... Теперь окончательно убедился, что у меня **убербабушка**...*

В отадъективной деривации *убер-* выступает как показатель высокой степени проявления признака без четкой дифференциации словообразовательных подтипов, что, как и в случае с препозитивным формантом *овер-*, можно объяснить его относительно недолгим функционированием в статусе интенсификатора. Почти во всех примерах его значение можно охарактеризовать как ‘очень’: *убернизкая температура (очень низкая)*, *убербогатый спонсор (очень богатый)*, *убердорогой девайс (очень дорогой)* и т. д. Однако в случаях, когда отадъективный дериват характеризует какое-либо техническое устройство, *убер-* может выступать и как интенсификатор непроцессуального признака, и как маркер высокого качества данного устройства или программы:

² Термин «гиперпрефиксация» был встречен нами в работах А.А. Шишкиной (см., в частности, [Шишкина 2010]), в которых это явление представлено как окказиональный способ словообразования. Под гиперпрефиксацией мы понимаем одновременное (как правило) присоединение к производящей основе нескольких препозитивных формантов (нанизывание морфем на производящую основу), которое не несет реального усиления признака: *супермегагипербольшой* имеет такое же значение, что и *супербольшой*.

³ Нельзя не предположить, что на формирование этого значения повлияла немецкая лексема *Übermensch* ‘сверхчеловек’.

(20) там не 4:3, там от 1,43:1 (формат **убердорогой** IМАХкамеры);

(21) Но моя главная забота в том, что семерка ударяет по **уберважной** программе – Традосу;

(22) Хотя в свое время ноут был **убермощным** – на вторую половину 2006-го года 2x2GHz Core2Duo, 2Gb 667й памяти....

4. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, развитие морфемы в статусе интенсификатора в русском языке может идти по разным сценариям. Во-первых, морфема может не достичь этапа отадъективной деривации и постепенно почти утратить способность к интенсификации, как это происходит с препозитивным формантом *обер-*. Во-вторых, морфема может постепенно включаться в систему интенсификаторов, как мы наблюдаем в случае с *овер-*. И наконец, в-третьих, кандидат в интенсификаторы может сразу включиться и в отсубстантивную, и в отадъективную деривацию, как это делает *убер-*.

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Глава 1. КОГНИТИВНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НЕОЛОГИИ (ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Л.В. Рацибурская

1. ВВЕДЕНИЕ

Активные деривационные процессы в современном русском языке «во многом обусловлены теми социальными изменениями, которые происходят в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. Новые номинации отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурой и социальной принадлежностью» [Рацибурская 2020: 6]. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета.

Известно, что в языке «означиваются», вербализуются те предметы и явления, их качества, состояния и действия, которые имеют культурную и коммуникативную значимость для человека [Вендина 1998: 222]. В неонминациях «отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфичные особенности категоризации и вербализации окружающей действительности» [Коряковцева 2016: 13].

В последние десятилетия активизировались исследования новообразований в лингвокогнитивном, социокультурном и лингвопрагматическом аспектах [Социокультурные... 2018]. «Новообразования, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания» [Николина, Рацибурская 2023: 44]. По

лексико-словообразовательным новациям можно судить «о лингвокреативных способностях языковой личности и об особенностях словотворческого процесса в целом» [Плотникова 2017: 308]. Анализ медийных неодериватов «не только дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов, но и позволяет понять, каким именно образом в языковом сознании в ходе номинации осмысливаются новые явления современной общественной жизни» [Коряковцева 2016: 10]. Деривационные процессы и отношения «отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективации новых концептов и связей» [Коряковцева 2016: 9].

Средоточием процессов номинации и деривации в современных славянских языках «является дискурс СМИ, “портретирующих” наиболее важные области жизни с помощью новых словообразовательных способов и типов, в которые внедряется новый лексический материал» [Коряковцева 2016: 13]. На рубеже XX–XXI вв. динамическое развитие СМИ привело к созданию глобального информационного пространства. Медийная коммуникация стала важнейшим общественным институтом, оказывающим влияние на упорядочивание социально значимой информации, качество публичного дискурса, создание альтернативной реальности, формирование моральных норм, эстетических вкусов, выстраивание иерархии ценностей. «Именно массмедиа “призваны” способствовать оценке окружающей действительности, воздействуя на общественное сознание и моделируя соответствующую картину мира» [Володина 2015: 21]. Современные электронные СМИ во многом характеризуются теми же тенденциями, что и другие средства массовой коммуникации: усилением авторского начала, коррелирующим со стремлением автора к диалогу с адресатом, свободой вербального выражения в сочетании с тенденцией к интеллектуализации, специфику которой в настоящее время составляют интертекстуальность и различные формы языковой игры.

Медийный дискурс отражает работу словообразовательного механизма языка: «СМИ, диктующие как социокультурные, так и языковые моды, влияют на общественную престижность не только отдельных лексем, но и целых словообразовательных типов, являясь основным “поставщиком” неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» [Коряковцева 2018: 20].

2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

2.1. ТЕНДЕНЦИЯ К ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

На рубеже XX–XXI вв. глобальная интернационализация проявляется не только в интенсивном проникновении англицизмов в языки-реципиенты, но и в активизации интернациональных элементов под влиянием английского языка: «Очевидно, что массовый наплыв интернационализмов-англицизмов влияет на словообразовательную структуру принимающих славянских языков, провоцируя разного рода преобразования» [Коряковцева 2018: 18]. Таким образом, тенденция к интернационализации проявляется в активном вовлечении в деривационные процессы иноязычных производящих слов (основ), а также заимствованных аффиксов и моделей интернационального характера.

2.1.1. Вовлечение в деривационные процессы иноязычных производящих слов (основ)

В связи с пандемией коронавируса большую социальную значимость приобрели некоторые прежние и новые заимствованные слова (*ковид, коронавирус, корона, пандемия, вирус, вакцина, карантин* и др.). На их базе созданы производные коронавирусной эпохи: *Таких уже называют ковид-диссидентами: они не верят в эпидемию* (Россия-24. 01.05.2020); *Слышала, ковид-пациентов лечат даже препаратами для ВИЧ-инфицированных* (СВ. 2228.05.2020); *Во Владивостоке появились желтые ковид-маршрутки* (Российская Газета. Неделя. 31.03.2021); *Несколько дней мы лечились дома, но состояние становилось все хуже, и ее госпитализировали в ижевский ковид-центр* (<https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1435282&start=15500>); *Но даже по официальной статистике – более 10 процентов легко переболевших получают «лонг-ковид»* (Российская газета. 20.10.2021); *Вирус как оружие. Кто инициировал коронаисторию* (zen.yandex.ru. 27.03.2020); *Коронадайджест* (Общество. 30.03.2020); *У психиатров уже появились новые диагнозы: коронаневроз, коронапсихоз и далее по списку, в зависимости от количества масок, перчаток, пакетов на голове, количества дезинфекций всего и вся и т. д. Кроме шуток* (Российская газета. 12.11.2020); *В Интернете настоящий коронабум* (Россия-1. 24.04.2020); *Готовят внушительный фотоальбом с коронатворчеством* (Комсомольская правда. 1522.04.2020); *Это ответ так называемым коронаскептикам, которые утверждают, что вирус не так опасен* (1-й канал. 25.04.2020); *...в мире говорят о третьем пришествии коронакризиса* (НТВ. 06.04.2021); *Я очень благодарен проекту Маска, который разбавил эту корона-ситуацию* (НТВ. 02.05.2021) (примеры даются по [Рацибурская 2022: 57]).

Названия пандемического вируса, заболевания ковид и связанных с ним реалий стали ключевыми словами социокультурного пространства: *COVIDное постоянство: коронавирус станет сезонной болезнью, как грипп* (Известия. IZ, 28.02.2020); *Записки COVID-волонтера* (Собеседник, www.sobesednik.ru, 15–16.05.2020); *Что сейчас выставляют на продажу и у кого очень мало шансов принести прибыль в постпандемийное время* (Zen.yandex.ru, 25.04.2020); *Российскую экономику поразили «сечинавирус» <...> инициатором разрыва с ОПЕК был глава «Роснефти» Игорь Сечин* (TVRAIN. RU, 09.03.2020); *т. е. среди 7,5 миллиарда населения Земли у одного человека, в организме которого (как и у всех) миллиарды миллиардов вирусенков, у одного вирусенка возникла мутация* (m.businessgazeta.ru, 23.05.2020); *Главной инфекционной мисс Катастрофа* (expert.ru/ввод, 22.03.2020); *Назван новый способ заражения коронавирусом <...> некоторые люди являются аэрозольными суперраспространителями* (yandex.ru, 06.04.2020).

Представленные в СМИ «новообразования с исходными словами, отражающими ситуацию пандемии в современном российском социуме, достаточно наглядно свидетельствуют об общественных умонастроениях: от негативной оценки, неприятия сложившейся ситуации до иронизирования и языковой игры» [Русский язык... 2021: 98].

Всеобъемлющее влияние интернета и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовало повышению частотности в неодериватах частей интернет- и онлайн-: *Просчитались интернет-паникеры из разных стран* (НТВ. 18.04.2020); *Аудитория интер-*

нет-версий изданий выросла на 100 млн человек (Российская газета. www.rg.ru, 24.04.2020); *Теперь и у широкой интернет-аудитории* появилась возможность посмотреть и оценить (1-й канал. 11.05.2020); *Что навязывают своим свидетелям «просветленные» интернет-учителя* (Россия-24. 31.07.2020); *Волонтеры объяснят, как уйти на налоговые каникулы и помогут выбрать онлайн-няню* (Комсомольская правда. 15.04.2020); *Какие онлайн-проекты* помогут учиться на карантине (Российская Газета.Неделя. 22.04.2020); *Создана онлайн-тетрадь для школьников и учителей* (Российская Газета.Неделя. 22.04.2020); *Модные показы перейдут в онлайн-формат* (sunmag.me/trend/24042020); *Пятая неделя изоляции. Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн-онлайн* (kommersant.ru. 24.04.2020); *Вакцина от хореографов фестиваля «Спасская башня»: онлайн-уроки танцев народов мира* (Российская газета. 02.05.2020) (примеры даются по [Радибурская 2022: 58]).

В связи с активизировавшимся в последнее время движением BlackLivesMatter в сложных дериватах стала актуальной аббревиатура BLM: *...адепты прогрессивных ценностей не намерены ограничиваться BLM-активизмом и расовыми вопросами* (Российская газета. 26.04.2021). Данная тема поддерживается и другими новообразованиями, в которых используется ставшее прецедентным имя преступника Д. Флойда: *В Америке очередной виток фloyd-безумия* (1-й канал. 13.07.2020).

С точки зрения социокультурной и лингвокогнитивной социально значимые мотивирующие слова можно назвать «ключевыми словами социокультурного пространства. Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных, которые широко представлены в медийных текстах. Таким образом, ключевые слова социокультурного пространства являются своеобразными точками роста в деривационных процессах» [Николина, Радибурская 2023: 88].

2.1.2. Активизация иноязычных аффиксов

На рубеже XX–XXI вв. в русском языке активизировались процессы именной префиксации, в которых участвуют заимствованные аффиксы. В данных деривационных процессах активность проявляют греко-латинские префиксы *анти-*, *пост-*, *супер-*, *мега-*, *псевдо-*, *квази-*, *экс-* и др.

Префикс *анти-* имеет значение отрицания, отсутствия: *Антикарантинный протест провели в машинах* (Радио России. 24.05.2020); *Попрощались лидеры Венгрии и России в антиковидном стиле...* (1-й канал. 01.02.2022); *Некоторым участникам этих антигонок выписали штраф* (НТВ. 06.07.2022); *антиэффekt российских санкций* (1-й канал. 19.09.2022); *На саммите двадцатки отличились самыми антикитайскими заявлениями* (1-й канал. 16.11.2022). Обычно новообразования с данным префиксом выражают негативную оценку.

Префикс *пост-* имеет временную семантику: *Посткарантинный тренд: мажорная под цвет маски* (elle.ru. 18.07.2021); *К ним добавятся новые постпандемические швы* (НТВ. 14.05.2020); *Кинотеатры в основном делали прибыль за счет зарубежных дипломов в постпандемийные времена* (Бизнес FM. 02.03.2022); *Миллионы россиян столкнулись с последствиями постковида* (Московский комсомолец. 19.01.2022); *Еще одна постковидная пациентка <...> стала бояться <...> собственной квартиры* (Московский комсомолец. 19.01.2022); *Фанаты автора говорят об осмыслении исторической вины и феномене постпамяти* (кр.

гу. 10.05.2022); Если мы говорим о будущем не Запада, а **постЗапада**, то мы должны подходить к этому глобально (Соловьев. LIVE. 19.06.2022).

Размерно-оценочный префикс *супер-* указывает на высокую степень качества, признака. При этом во многих новообразованиях он формирует позитивную оценку: Она у меня не только **супермама**, но и **супержена**. За этими суперзваниями она не должна забывать, что она **суперженщина** (1-й канал. 01.06.2020); Теперь уже можно увидеть тех **супермедиков**, которые перенесли заболевание (1-й канал. 08.04.2020); Но вот «дожила» бы она в спорте до второго олимпийского шанса – далеко не факт. Особенно учитывая скорое появление нового **суперпоколения** (Life. 04.04.2020); В Нижнем Новгороде выбирают **супербабушку** (Россия-1. 28.10.2022); Это решение не просто важное, а **суперважное** (Соловьев LIVE. 07.06.2022); Он говорил, что все будет не просто хорошо, но даже **отлично и суперотлично** (1-й канал. 02.08.2022). В других случаях данный префикс участвует в формировании негативной оценки: Москвичи страдают от **супержары** (1-й канал. 05.08.2022); ...это не какая-то **суперсмертельная инфекция, суперчума** (1-й канал. 19.03.2020). Характер оценочности определяется семантической мотивирующей и контекстом.

Амбивалентностью характеризуется также заимствованный из английского языка префикс *мега-* с размерно-оценочной семантикой: Его появление на свадьбе для меня стало **мегашоком** (Россия-24. 31.12.2022); По-прежнему говорят, что **мегарезервуар** спасет от засухи (Россия-24. 25.03.2023); Надо было переступить это **мегауважение** (ОРТ. 24.12.2023). Помимо указания на большой размер префикс *мега-* может выражать негативную или позитивную оценку: Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные **мега-свалки**, гигантские **супер-кладбища** и промышленную зону (Livejournal. 07.12.2017); Мы подогрели все эти польские **мегамечтания** (Вести FM. 28.02.2019); Он ехал и отрабатывал всю программу. **Мегапрофессионал** (Россия-1. 08.02.2022); Лолита, ты сексуальная <...>, **мегапопулярная** (НТВ. 06.11.2022); Тот самый случай, когда мне, бестолковому, захотелось присоединиться к **мегаталантливым** девчонкам Басты (1-й канал. 27.01.2023).

Негативной оценочностью характеризуется префикс *псевдо-* со значением неистинности, ложности: издержки **псевдоединства** (Россия-24. 17.06.2022); Еще один пример в копилку **псевдодипломатии** (Россия-1. 31.07.2022); Нам предлагается или рабство, или **псевдорабство** (Вести FM. 12.09.2022); Никакая **псевдолюбовь** Маннергейма не спасла бы Ленинград (Россия-1. 19.10.2022); Россия не признает никакие результаты такого расследования, **псевдорезультаты** (Вести FM. 14.10.2022); Где вся наша интеллигенция? Где вся наша «**псевдоэлита**»? Почему мы все молчим? С каких пор мы стали бояться называть себя русскими? (Взгляд. 04.03.2022); Этот европейский конкурс **псевдопесни**... (Соловьев.LIVE. 16.05.2022); В палату пришел **псевдомуж** Марины Евгеньевны (НТВ. 18.02.2018); Я расскажу о том, как распознать **псевдопатриотов** (Вести FM. 15.06.2022); **Псевдопервоклассникам** найдутся места за партами (Волга. 13.08.2022); Европейские **псевдолидеры** – это калка с наших навалных, ходорковских... (Вести FM. 10.08.2022); Оказалось, что пенсионерка расплатилась с **псевдомастером** псевдокупюрами (1-й канал. 17.09.2022); Разнузданное поведение англосаксонских **псевдогуру**... (Россия-1. 28.02.2022).

Негативной оценочностью обладает и синонимичный префикс *квази-*: Самое большое достижение Лиз Трасс, что она избавилась от **квази-министра** фи-

нансов (1-й канал. 19.10.2022); *Мы вступили в квазивоенное противостояние с Западом* (Вести FM. 24.06.2022).

Префикс *экс-* с семой 'бывший' также нередко выражает негативную оценку: *Особое место в своем рассказе об ужасах НН блогер посвятил дворикам улицы Рождественской, показав их убожество и взмахнув серпом над проектом губернаторского любимца, экс-сити-менеджера Олега Кондрашова «Рождественская сторона»* (Заноза. 15.03.2017); *Капитан вседозволенность: пьяный экс-депутат и уголовник не вышел сухим из воды, захватив с собой 10 человек* (Заголовки.ru. 13.06.2018.); *Экс-тюремщик объяснил, кто передал бандиту Цеповязу икру и крабов* (Московский комсомолец. 06.11.2018); *Экс-возлюбленные Харламова постоянно напоминают о себе* (НТВ. 10.09.2022); *Заменяем этих экс-королей верхней одежды на более простые и пушистые шубы с коротким ворсом* (ellegirl.ru. 27.11.2022).

Данные префиксы имеют широкие синтагматические возможности, сочетаясь с существительными и прилагательными разных лексико-грамматических разрядов. «Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране, специфику оценочной реакции говорящего, направленной на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов» [Радибурская 2020: 40–41].

В подобном префиксальном словотворчестве проявляется «такая черта русского “семантического универсума”, как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление» [Радибурская 2018: 185]. Новообразования с подобными префиксами – своеобразная реакция на негативные явления и конфронтацию в обществе.

Тенденция к интернационализации проявляется также в участии в словообразовательных процессах иноязычных суффиксов.

Регулярным в современной речи «стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности субстантивных и отадективных имен действия с суффиксом *-изация*», которые стали приметой нашего времени» [Николина, Фролова, Литвинова 2005: 126] и которые называют важные общественные явления и социальные катаклизмы, связанные с изменениями общественного строя и глобализацией: *В Швеции лингвисты официально приняли в обращение слово «трампизация», появившееся после многочисленных выступлений избранного американского президента Дональда Трампа в ходе предвыборной гонки* (L!fe. 01.01.2017); *стремительная бандеризация Украины* (Россия-1. 18.02.2018); *Семимильными шагами идет юанизация* (НТВ. 18.06.2022); *Кадыров заявил о неизбежности «дешайтанизации» Украины* (РИА Новости. 03.07.2022); *...афганизация конфликта на Украине* (1-й канал. 27.02.2022); *...рутинизация сложной деловой политики* (1-й канал. 25.02.2022); *Бербок – символ прибалтизации и полонизации* (1-й канал. 28.11.2022); *Байден шутит про финляндизацию НАТО* (Россия-1. 13.07.2023). Экспрессивная составляющая семантики подобных новообразований формируется за счет семантики и оценочности производящих именных основ, которые переносятся на процесс, обозначаемый неодериватом.

Суффикс *-изм-* регулярно сочетается с основами личных имен собственных и образует новации, «называющие общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, связанное с собственным именем лица, его ос-

новавшего» [Лопатин, Улуханов 2016: 349]: «**Трамнизм**» – это решение кризиса неолиберализма (Кто в курсе. 16.11.2016); Обыкновенный **шольцизм** (1-й канал, 04.04.2023). Суффикс *-изм-* сочетается также с основами имен нарицательных и других частей речи, образуя дериваты со значением общественно-политического, идейного, эстетического, научного направления, общественного явления: *Шолец превращается в какого-то клоуна. И вот этот клоунизм...* (Вести FM. 26.08.2022); *Российская экономика остается сырьевой. Как же одолеть «сырьеризм»?* (Московский комсомолец. 18.11.2016); *В плену догматизма. В СССР лозунг «Догнать и перегнать Америку» был популярен еще с 1920-х годов* (Коммерсантъ. 2016. № 24).

«Западнизация» российского общества способствовала активизации английского суффикса *-инг-*. «“Инговое цунами” обусловило полное усвоение суффикса *-инг-* и превращение его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам существительных, не имеющих процессуальной семы в лексических значениях» [Коряковцева 2016: 85]: **зацепинг** ‘езда на крыше электрички, между или под ее вагонами как разновидность увлечения; появилась в 2010 г.’ (https://mostitsky_universal.academic.ru/2004/%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B3); *На островах получил распространение балкони́нг – прыжки в бассейн с балкона* (Россия-24. 31.05.2018); *Те, кто «за», придумали новый термин «шольцинг», который обозначает нерешительность* (Россия-1. 28.01.2023).

Многие из новообразований с суффиксом *-ист-* в неодериватах с семантикой лица, ‘по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т. п. взглядам являющегося сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим’ [Лопатин, Улуханов 2016: 394] существительным, имеют негативную оценочность: **«Эрдоганисты»** (*да-да, некоторые из них так себя называют*) *не могут придумать другой причины, как преступный сговор* (Федеральное агентство новостей. 07.05.2016); *Никто из чавистов так и не стал мадуристом* (Россия-24. 19.04.2019); *Осеннее обострение в политике США: как трампи́сты все-таки захватили Конгресс* (<https://tass.ru/opinions/18948023>). Многие из новообразований с суффиксом *-ист-* имеют негативную оценочность.

Негативную оценку выражают и неодериваты с суффиксом *-оид-* со значением подobia: *Через двадцать лет после Чернобыльской трагедии мы имеем – здесь вставь какой-нибудь алармистскоармагеддоновский фактоид* (Комсомольская правда. 30.09.2013); *Но «эпоха» ельциноидов, разрушителей и откровенных воров прошла. Россия <...> стала постепенно втягиваться в общемировые и интеграционные процессы* (<https://politclub.livejournal.com/5926387.html>); **Трампоноиды**, *трампи́сты наши доморощенные считают, что Трамп может с кем-то договориться* (Вести FM. 07.11.2022).

Исследователи отмечают, что созданию пейоративных отонимических новообразований на *-оид-* «сопутствует метафорическая мотивация и так называемая формально-семантическая конденсация, в результате чего появляются окказиональные экспрессивы – семантические нерегулярные дериваты со значением ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой’» [Коряковцева 2016: 42].

В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, «растет спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощенном виде» [Коря-

ковцева 2016: 37]. Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: *Хилларигейт* покруче *Уотергейта* (Ахаг.az. 30.10.2016); *Трампгейт* состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия (Макспарк. 14.01.2017); «*Пенелопегейт*», как теперь именуют события во Франции (ТВЦ. 01.02.2017); о развитии *Бабченкогейта* (Россия 24. 01.06.2018); Все это, получившее название *Скрипаль-гейта*, уже порядком надоело (НТВ. 09.02.2019). «*Мытищи-гейт*»: «Новая газета» опубликовала расследование на тему выборов в Мытищах 18 сентября (ТJ. 05.12.2016); СМИ: участницу скандала «*Ибица-гейт*» укрывают спецслужбы на Балканах (ТАСС. 04.12.2019). И что дальше в *новичок-гейте*? (Бизнес FM. 07.04.2018); Во-первых, <...> «*паспортгейт*» направлен не на Зеленского, который еще не приступил к обязанностям президента, а на Порошенко <...>, а во-вторых, что раздача паспортов РФ на Донбассе не будет массовой (Facebook. 29.04.2019); *Харассмент-гейт*: Скандал с обвинениями в домогательствах прокатился по всему миру (<https://www.rbc.ru/story/5a06bdcd9a7947dc6911dc88>).

В современных деривационных процессах активно участвуют также префиксоиды иноязычного характера: *авиа-*, *био-*, *видео-*, *евро-*, *макро-*, *микро-*, *нео-*, *эко-* и др. «В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества актуализировался также префиксоид *кибер-* с семантикой ‘относящийся к технической кибернетике’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’ [Козулина, Левашов, Шагалова 2009]: <...> В числе самых перспективных разработок – проект «*Киберсердце*», с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы (Патриоты Нижнего. 2017. №48); В Сургутском районе стартует *киберолимпиада* (Сургутинтерновости. 08.11.2018); В реальной жизни можно стать спортсменом? А в виртуальном мире можно стать *киберспортсменом* (Livejournal. 20.07.2018)» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020: 8]. Подобные «новообразования выполняют не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию, которая обусловлена прежде всего семантикой исходных слов: <...> *Киберорда*. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки (Новая газета. 28.08.2017); Россия на британские и американские *киберобвинения* уже отреагировала (Россия-24. 02.05.2018); Обсуждается создание *киберармии* (НТВ. 07.04.2019); <...> У Маклейн есть все шансы стать первой в истории лунной *кибервзломщицей* (Россия-24. 25.08.2019)» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020: 9]; Если есть *киберпреступники*, то должны быть *киберследователи* (Радио России. 18.01.2020); *Киберкриминальный обзор... Все это – дело рук кибервымогателей* (НТВ. 14.05.2021).

«В последние годы в связи с распространением криптовалюты возросла продуктивность префиксоида *крипто-* с семантикой ‘относящийся к тайному, невяному, скрытому...’ [Козулина, Левашов, Шагалова 2009]: <...> Отказавшись от идеи тотального запрета, корейские власти собираются принять ряд жестких мер по деанонимизации *крипторынка* (Rusbase. 18.01.2018); В Госдуме предложили создать *крипторубль* (Взгляд. 07.11.2018); <...> Здание *криптофермы* уже опечатано (Россия-1. 23.05.2019)» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова

2020: 9]. В медийных новообразованиях с префиксоидом *крипто-* может также развиваться оценочность: «*Мир охватила криптолихорадка <...> Ушел ли криптопоезд для рядовых пользователей? <...> Последний писк криптомоды <...> Выделяют даже две группы: криптоанархисты <...> и криптореалисты (1й канал. 02.07.2017); <...> Понимаю, что у многих крипто-сектантов сейчас будет бомбить, но все же внесу свою лепту и постараюсь на пальцах пояснить, почему у биткоина нет будущего как у криптовалюты (Livejournal. 01.05.2018)» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020: 10].*

Неодериваты с *нано-* ('равный миллиардной доле исходной единицы измерения', 'имеющий мельчайшие, микроскопические размеры', 'связанный с частицами таких размеров' [Козулина, Левашов, Шагалова 2009: 161–162] «используются для номинации инновационных технологий и их результатов: *Наноцеллюлоза* – и сделанная из нее *нанобумага* – пользуются повышенным вниманием среди изобретателей миниатюрных устройств (Наука и жизнь. 12.10.2016); *Наноробот* стреляет в десятку (Российская газета. 22.11.2016); В Приморье разработали “*наношоколад*” с водорослями. Продукт отличается от уже выпускаемого на местной кондитерской фабрике аналогичного шоколада значительно меньшим размером частиц ингредиентов и особыми питательными свойствами. За это новая технология получила название “*наношоколад*” (Российская газета. 29.03.2017)» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020: 7–8]. В медийных новообразованиях префиксоид *нано-* может обыгрываться и формировать их негативно-ироническую окраску: «*Не придется ли в 2014 году “переклеивать ярлычки” и называть нанопродукцией все, что ни выпускается в стране? И жизнь превратится в апофеоз науки. “Налив поутру в нанобокал нанояблочный наносок, можно, не торопясь, подобрать под цвет нанокостюма нанехонький наноносок...”*» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020: 8]; *С его легкой руки не состоявшееся пока событие — крах нового большого научного проекта в России – уже получил название «Наногейт».* (Знание – сила, 2008. НКРЯ). Нестандартная сочетаемость префиксоида *нано-* с мотивирующими словами (основами) способствуют экспрессивизации новообразований.

Таким образом, в медийных текстах «переосмысливаются уже существующие морфемы, в связи с чем изменяются их статус, а также прагматико-стилистические свойства» [Коряковцева 2016: 109].

В вовлечении аффиксальных элементов книжного, терминологического характера в создание экспрессивных новообразований проявляется динамизм словообразовательной системы современного русского языка. «Подобный динамизм характерен, в частности, для тех иноязычных аффиксов и аффиксоидов, которые изначально использовались в составе терминов» [Николина, Рацибурская 2023: 45], но в медийных текстах могут участвовать в создании экспрессивных неодериватов.

2.1.3. Активизация иноязычных моделей

Проявлением интернационализации в современных деривационных процессах являются также продуктивные модели агглютинативного характера с неизменяемым первым исходным словом в составе сложения. По словам Е.И. Коряковцевой, «под воздействием английской агглютинативной модели композитов не только в русском языке, но также в польском и чешском происходит становление и развитие нового словообразовательного типа сложных слов, образуемых без помощи соединительной гласной» [Коряковцева 2016: 122]: «...*фишинг, вы-*

уживание – вид **интернет-мошенничества**, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей. Выявленные сайты маскировались под **интернет-магазины** (Российская газета. 25.08.2021); **Эти интернет-продавцы очень умные...** (Вести FM. 16.10.2021); **Честно говоря, не понимаю, что мешало элементарно позвонить мне и узнать, что я-то думаю про эти “телеграм-разоблачения”,** – написала она в инстаграме (РИА Новости. 27.05.2021); <...> **Чтобы не запутаться окончательно, разберем пошагово процесс создания дипфейк-видео <...>. Однако дипфейк-медаль стремительно открывает другую сторону <...>. Но нерешенной остается проблема правового рельефа нынешнего дипфейк-ландшафта <...>. Тем не менее правовое регулирование остального дипфейк-контента остается размытым** (Российская Газета. Неделя. 20.10.2021)» [Рацибурская 2022: 58].

В качестве исходных могут выступать и графически не освоенные иноязычные слова: **VIP-новости в лицах** (Нижегородская правда. 21.04.15); **2021 июня 2015 года в Нижнем Новгороде приволжское представительство ИД «Коммерсантъ» при поддержке правительства Нижегородской области провело VIP-турнир по теннису «Большая игра»** (Коммерсантъ – Нижний Новгород. 26.06.15); **Современные выпускники – дети digital-эры: интернет и компьютеры были в их жизни всегда...** (Л’Этуаль. 2018); **Умный Cosmo-шопинг** (Журналист-дайджест. 03.08.2018); **Beauty-средства – лишь инструмент, главное – наличие вдохновения и любопытства** (Л’Этуаль. 2018).

Таким образом, в деривационных процессах, отражающих тенденцию к интернационализации, активно используются как основы заимствованных слов, так и словообразовательные элементы интернационального характера – аффиксы и аффиксоиды. Одни из них демонстрируют прежнюю «доперестроечную» продуктивность, другие стали продуктивными в постсоветский период (-инг, псевдо-, квази-), третьи были заимствованы и активизировались в деривационных процессах в постсоветский период (мега-, -гейт). В постсоветский период активизировалось также функционирование словообразовательных моделей агглютинативного характера.

2.2. ТЕНДЕНЦИЯ К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Тенденция к демократизации связана с усилением влияния устной речи на письменную. Современные медиатексты отличаются повышенной экспрессией, оценочностью, речевой раскрепощенностью, языкотворческими экспериментами. «Проявлением демократического начала в медийном словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи» [Новые тенденции 2016: 158].

2.2.1. Вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики

Раскрепощенный стиль общения, характерный для современных российских СМИ, ярко проявляется в новообразованиях, где в качестве производящих выступает жаргонно-просторечная и даже инвективная лексика: **Агендурни. Российская разведка растеряла профессионализм?** (Наша Версия. 08.10.2018); **В соцсетях появился ролик, на котором разъяренный быдловодитель Mercedes, возмнивший себя «царьком», оскорбляет сотрудника ДПС** (<https://amarokman.livejournal.com/5383522.html>); **Они завели себе телеграм-помойки** (радио «Комсомольская

правда». 26.11.2022); *Дороже либеротвари, либероподонки, которые долгое время работали на Запад* (Вести FM. 26.06.2022); *Часть активно мотивированных укровоаяк уже в земле* (радио «Комсомольская правда». 31.08.2023). В подобных случаях возрастает опасность речевой агрессии.

Не только в бытовой разговорной, но и в публичной речи лексическое «разно-стилье» современных СМИ как результат эволюции газетно-публицистического стиля отражает «экспрессию психологического состояния общества» [Лысакова 2006: 119].

2.2.2. Вовлечение в деривационные процессы сниженно-маркированных словообразовательных средств

В современных российских СМИ широко представлены неодериваты со стилистически сниженными суффиксами. Проявлением разговорного начала можно считать и популярные в сфере неофициального общения и медийной речи феминитивы с разговорным суффиксом *-ш(а)*: *Антиваксерша Шукишина столкнулась с новой бедой: заткнули рот* (Экспресс-газета. 06.12.2021); *Ее жертвы просят о минимальном наказании для своей изуверши* (радио «Комсомольская правда». 01.12.2022). В случаях, когда данный суффикс присоединяется к основам слов, обозначающих статусных лиц, усиливается негативная оценочность вплоть до речевой агрессии: *Спикер Совета Федерации заявила, что население России «ментально готово» к тому, что президентом страны станет женщина <...>. Отметим, что на фоне отдельных сенаторш и депутатш Валентина Ивановна выглядит довольно симпатично. Но насчет ментальной готовности все же может заблуждаться* (Собеседник. 2016, № 22); *Я тут читал одну профессоршу, академикшу* (Вести FM. 15.07.2022); *При Клинтонше было бы хуже* (Вести FM. 22.09.2017); *Байдениша, супруга Байдена, сказала, что мужу плохо* (Вести FM. 05.08.2022).

Демократизация в СМИ проявляется также в новообразованиях с размерно-оценочными суффиксами, с помощью которых медийные авторы обычно выражают негативную оценку. «Многие субстантивные диминутивы с размерно-оценочными суффиксами не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, уничижение» [Радбиль, Рацибурская 2017: 35; Фуфаева 2018]: *Я еще тогда предполагал, чем кончится твоя карьерка* (Вести FM. 05.07.2018); *Когда существовали сицилийские кланы, всегда находился маленький кланчик* (Россия-1. 22.03.2022); *Это уже секточка* (о либеральной оппозиции в период пандемии. – Л.Р.) (Вести FM. 27.03.2020); *Та еще либеральная мировая элитка* (Россия-1. 19.07.2022).

Наряду с диминутивами-существительными в медиатекстах представлены также прилагательные, наречия, слова категории состояния с оценочными суффиксами: *Это выглядит очень специфично для нашего «толерантненького» мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра. 2016. № 30); *Какой-то он авторитарненький* (Россия-1. 08.12.2022); *Это циничненько, но возмозжененько* (радио «Комсомольская правда». 17.05.2023); *Вел себя адекватно, только пахивало от краеведа затхленько* (Комсомольская правда. 08.11.2011); *Здесь сладенько, здесь солененько, здесь пряненько* (Россия-1. 22.10.2022).

Суффиксы с аугментативным значением могут, наоборот, способствовать формированию позитивной оценки: *Вот это была борьба! Не борьба, а борьбища* (Вести FM. 23.04.2019); *То, что мы выскочили из этой гигантской системы вза-*

имозависимости, – это не плюс нам, а **плюсище** (Соловьев.LIVE. 17.05.2022); *Вот еще **новостища!*** (радио «Комсомольская правда», 14.02.2023); *Это не знак, а **значище!** Можно сказать, **сигналище!*** (1-й канал. 18.04.2023).

Как отмечает В.В. Химик, «субъективно-оценочные преобразования слов <...> составляют значительный и довольно яркий фрагмент национального русского лексикона, который обладает прихотливым и довольно сильным экспрессивным потенциалом: оценочным, эмоциональным, стилистическим» [Химик 2007: 449].

2.2.3. Вовлечение в деривационные процессы деривационных моделей, характерных для разговорной речи

Среди моделей, характерных для разговорной речи, стабильную продуктивность демонстрируют модели универбации, в частности субстантивные универбаты с суффиксом *-к(а)*. Универбаты реализуют тенденцию к языковой экономии и включают семантику всего исходного базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов: *Стало быть, пока суд да не дело (в смысле, **уголовки** (уголовного дела. – Л.Р.) пока нет), надо быстрее пропихнуть изменения в генплан...* (Зеркало. 11.11.2016); *Это произойдет, если проблема доступности обязательной «**автогражданки**» (страхование автогражданской ответственности. – Л.Р.) так и останется нерешенной* (Полит.ру. 08.06.2016); *Последние выходные осени москвичи могут провести <...> на фестивале японского кино и на **документалке** (документальное кино. – Л.Р.) Джима Джармуша об Игги Попе и его группе The Stooges* (РИА Новости. 25.11.2016); *Общественник Павел Сычев **санционку** (санкционные продукты. – Л.Р.) не переваривает* (Экспресс газета. 2015, №9); *На **встречке** (встречной полосе. – Л.Р.) **легковушка** столкнулась с микроавтобусом* (Российская газета. 01.12.2017); *Важно есть молочные продукты. Они компенсируют нехватку кальция. Однако не все виды «**молочки**» будут приносить пользу* (zen.yandex.ru. 26.02.2020); *Специалисты по безопасности отмечают, что поспешный перевод на **удаленку** неизбежно приводит к ошибкам администрирования и появлению незащищенных сетей* (Российская газета. 08.04.2020); *Виртуальные барахолки стали срезом жизни немцев на карантине <...>. Что же продают и покупают немцы на виртуальных «**блошинках**»* (Российская газета. 08.04.2020); *...заразили одного из сотрудников, имеющих доступ внутрь, и дальше **респираторка** сделала черное дело* (Комсомольская правда. 22–29.04.2020); *Как школьники и учителя справляются с «**дистанционкой**»* (Новое дело. 16–22.04.2020); *Да у всех препаратов есть **побочка**, – предупреждая мой вопрос, говорит Карина* (Яндекс.Дзен. 07.05.2020) – *побочный эффект; Это уже не является внутрисемейной проблемой. Это **международка*** (Вести FM. 26.06.2022) – *международная проблема; Скейт-площадка превратилась в опасную **заброшку*** (Россия-1. 13.07.2022) – *заброшенное пространство; Привычка игнорировать <...> межресничное пространство <...>. Нормальных гелевых карандашей для слизистой глаза и «**межреснички**» не было* (life.ru. 12.08.2022); *Стало легче и понасыщеннее, в том числе и с **высокоточкой*** (Вести FM. 17.08.2022) – *высокоточное оружие; У нас тоже какая-то **биполярка*** (радио «Комсомольская правда». 29.11.2022) – *биполярное расстройство. Многие универбаты характеризуются профессиональной сферой употребления.*

Семантика универбатов не всегда известна большинству говорящих из-за профессиональной направленности многих универбатов. Большинство существительных-универбатов со значением лица «имеют разговорную окраску и употре-

бляются как средство непринужденной оценки, в том числе в деловой или официальной обстановке» [Радченко 2009: 140–144].

В последние годы в устной медиаречи активизировался повтор узуального слова с целью усиления оценки: *Мой мужчина, который очень мужественный, прям мужик-мужик* (НТВ. 29.09.2019); *Познакомились они давно, и сначала это дружба-дружба была* (НТВ. 13.10.2019); *Конечно, гибель четырнадцати человек <...> – это трагедия-трагедия* (Вести FM. 03.07.2019); *О Ким Чен Ёне много пишут, что это чудовище-чудовище* (Вести FM. 25.04.2019); *Наполеон был кровавый-кровавый, кровавейший* (Вести FM. 28.09.2019); *Сегодня выходит книга Болтона. Книга жесткая-жесткая* (Вести FM. 23.06.2020); *Ну а теперь новость, которую мы прямо ждали-ждали-ждали* (Россия-1. 19.01.2019).

Оценочная семантика высокой степени качества может сопровождаться указанием на подлинность, «настоящность» денотата: *Физика – это наука-наука* (Вести FM. 10.09.2019); *Есть мужчины, которые называют девочками всех подряд <...>. А мы говорим о девочках-девочках, которым пять лет* (Радио России. 03.06.2019); *Им удалось выйти из кризиса, когда пришли профессионалы-профессионалы* (Вести FM. 19.03.2020); *Это действительно шедевр-шедевр? Или так себе?* (Радио России. 03.07.2020); *Я бы порекомендовал еще классику-классику <...> музыканта русского-русского происхождения. Это Игорь Левит (1-й канал. 07.04.2020); Чтобы он действительно был конкурент-конкурент, а не просто на бумажке. У подобных дериватов возможна ироническая окраска: У нас такая прямо демократия-демократия, свобода, что можно свободно вынести из музея художественные ценности* (Вести FM. 28.02.2019).

Таким образом, в результате возросшего влияния массмедиа на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, «узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного» [Нещименко 2010: 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, в том числе и в современных СМИ, «что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом» [Нещименко 2010: 38]; наблюдается проявление языковой экономии, «в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных семантически емких номинаций» [Нещименко 2010: 39].

2.2.4. Неузуальные способы и модели словообразования

В качестве проявления тенденции к демократизации можно рассматривать деривационные процессы, в которых участвуют неузуальные способы и модели словообразования. В современной медийной речи наблюдается активизация заменительного словообразования и контаминации.

При заменительном словообразовании в исходном слове заменяется одна из частей (морфемная или неморфемная). При этом замена может сопровождаться формальными изменениями взаимодействующих частей: *Отменили Евровидение – получите карантинovidение* (mir24.tv. 12.04.2020) – исходное *Евровидение*; *Страна перестраивается на карантинное мышление, люди представляют себя окруженными опасностью – формируется... карантинofрения* (Theworldnews.net. 23.05.2020) – исходное *шизофрения*; *Уже три месяца в мире бушует коронафрения. Коронафрения вызвала принятие нелепых решений в организации карантинных мероприятий в разных учреждениях высшего образования* (saroblnews.ru 19.03.2020) – исходное *шизофрения*; *Только штрафы вразумят коронафреников*

(BezFormata.com. 19.03.2020) – исходное *шизофреник*; **КОРОНАЯЗ**. (Комсомольская правда-Москва. 20.11.2020) – исходное *новояз*; **Туризмозамещение** (НТВ. 14.05.2022) – исходное *импортзамещение*.

При контаминации происходит произвольное совмещение формально тождественных частей (морфемных и неморфемных) исходных слов. Контаминация может сопровождаться формальными изменениями частей исходных слов: **Дальнокоронавирусная** внешняя политика (Коммерсантъ. 24.11.2020) – *дальновидная* + *коронавирус*; **Самый популярный хештег** <...> – **#вакцинацизм** (1-й канал. 14.08.2021) – *вакцина* + *нацизм*; **Безотказный** механизм (Российская газета. 26.05.2022) – *безотказный* + *газ*; **Приключения** в Артеке (Российская газета. 01.06.2022) – *прикол* + *приключения*; **Угленедороды** (Российская газета. 08.08.2022) – *углеводороды* + *недород*; **Экспортприаторы**. В Минсельхозе вынашивают планы создания монополии для внешней торговли (Наша Версия. 2228.08.2022) – *экспроприаторы* + *экспорт*.

В процессах заменительного словообразования и контаминации ярко представлена личность медийного автора, его словотворческие и игровые эксперименты.

Неотъемлемой чертой современного медиатекста является его мультимедийность или, шире, поликодовость, под которой понимается использование в рамках одного медиатекста элементов различных кодовых систем (буквенных и небуквенных графических средств, фото, рисунков, видео- и аудиоэлементов).

В качестве проявления поликодовости можно рассматривать графические гибриды как образования вербально-иконической природы. Представленная в науке классификация графических гибридов учитывает различные средства их создания, сочетающиеся в рамках слова [Попова 2013: 149; Рацибурская, Бусарева 2021]. Проявлением поликодовости в медийных новообразованиях можно считать использование в рамках одного новообразования разнофункциональных элементов одного языка (монографикация), комбинацию прописных и строчных букв (капитализация), алфавитов разных естественных языков (полиграфикация), а также элементов разных кодовых систем (кодографикация), цвета, рисунка, фото.

К монографикации относится использование разнофункциональных элементов одного языка. В данном случае графические небуквенные средства языка (дефис, кавычки, скобки) разбивают узуальные слова на части, соответствующие другим узуальным словам, что ведет к увеличению семантического объема новообразования и придает последнему виртуальный характер, обуславливая возможность разных толкований и создавая яркий экспрессивный эффект: **О-сна** процедуры. Рост числа случаев заражения оспой обезьян в мире (Российская газета. 01.06.2022); **Горе «лук»овое** (Арзамасские новости. 10.08.2017); **Разговор (не) по душам**. Почему врачам и пациентам непросто услышать друг друга (N+1. 12.05.2022).

В качестве средств визуального воздействия могут использоваться элементы алфавита одного языка, в частности прием капитализации, при котором в одном узуальном слове прописными буквами выделяется часть, соответствующая другому узуальному слову, нередко с формальными видоизменениями: **СУДостроение**. В России начинается «судебная революция» (Наша Версия. 10.12.2018); **сКАНН-дальние** платья фестиваля (Комсомольская правда. 18.05.2019) – о кинофестивале в Каннах; **ПодНАТОрели**: альянс вновь поставил «российскую угрозу» в один ряд с терроризмом (Известия. 05.12.2019); Прошли **сОБСЕдование**: спасут ли

организацию от кризиса новые назначения. Россия предложила свой вариант ее реформирования (Известия. 04.12.2020).

Как проявление поликодowości можно рассматривать использование элементов алфавитов разных естественных языков в рамках одного новообразования для выделения одной из частей в качестве самостоятельного слова (полиграфиксация): **SOSEДИ** (Московский комсомолец. 28.06.2017); *Удар по Urbanизму. Теория городского строительства от основателя Urban Group* (Наша Версия. 25.05.2018); **HOTELu** как лучше. *Интуристов могут пустить в столицу без визы на 72 часа* (Московский комсомолец. 18.09.2018); **ЖурFuck**. *Журналиста «Медузы», автора расследований о подрядах мэрии Москвы, похоронной и квартирной мафии, «взяли» по наркостатье...* (Новая газета. 10.06.2019); **Smartuaxтеры**... *Уже сегодня российские программисты снабжают шахтеров умными приложениями, о которых во многих странах только мечтают* (Российская газета. 09.12.2019).

Проявлением поликодowości является также использование элементов разных кодовых систем (кодографиксация): *Штраф принесет соб@чка. Граждане смогут получать уведомления от госорганов и оплачивать взыскания по электронной почте* (Российская газета. 04.12.2015). Совмещаются элементы алфавита естественного языка и цифры: **100ЛИЦА**. *Журнал о людях во Владимире* (<http://100lic.com/>).

Использование цветовых элементов – еще одно поликодowości средство в рамках графогибридизации. В заголовке **ЭКСТРИМАЛЬНОЕ ШОУ СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ** (Московский комсомолец. 09.16.12.2020) в визуальном экстремальное выделяется цветом часть *стрим* с формальным видоизменением. Сленговый неологизм *стрим* обозначает прямую трансляцию на видеохостингах. В контаминированном заголовке **ГУД БАЙДЕН, ТРАМП. Сможет ли новый президент выгнать из Белого дома старого?** (Московский комсомолец. 11–18.11.2020) цветом выделяется транслитерированная английская формула этикетного прощания *good bye*, что символизирует и прощание с бывшим президентом Трампом, и приход к власти нового президента Байдена.

Использование рисунка, фотоэлементов также является выразительным и действенным средством поликодowości. В заголовке *Оранжевая королева осени* (Вечерняя Москва. 28.10.2020), данном на фоне фотоизображения и представленном графемами белого цвета, в слове *королева* на месте второй буквы *о* изображена оранжевая тыква, что коррелирует с содержанием заголовка и статьи.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ деривационных процессов, результаты которых, новообразования, представлены в современных медийных текстах, свидетельствуют о двух основных тенденциях в данных процессах: тенденции к интернационализации и тенденции к демократизации. Обе тенденции реализуются в активизации в деривационных процессах производящих слов (основ), словообразовательных аффиксов и моделей определенных семантико-стилистических свойств. Актуализация подобных частей словообразовательного механизма демонстрирует способы социального реагирования на знаковые события окружающей действительности, а также способы осмысления данных событий современным языковым сознанием.

ГЛАВА 2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ НЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Николина

1. ВВЕДЕНИЕ

«Удаление от естественных норм языка» (Ю.М. Лотман) служит в художественном дискурсе источником новых изобразительно-выразительных средств и эстетических эффектов. В современной художественной речи это проявляется в словотворчестве. Одновременно в художественном дискурсе последовательно отражаются активные деривационные процессы, в целом характерные для развития современного русского языка в настоящее время. Прежде всего это:

- регулярное обращение к компрессивным способам словопроизводства (аббревиации, усечению, универбации): *Алина боялась вебкама* (Е. Некрасова. Мелузина и ее друзья); *В общем, Новосиб – город юношеской, почти детской влюбленности* (Д. Захаров. Комитет мертвых мостов); *Игнор женщины за рулем его раззадоривает* (Ю. Гурина. Мы же взрослые); *Игорь был лучшим поэтом в Лите* (П. Басинский. Любовное чтиво); *Там давали французский ромком – как раз то, что надо* (С. Сачкова. Люди и птицы); *Писать рефераты и курсачи от руки было уже просто неприлично* (Ю. Волкодав. Счастья хватит на всех); *В пятом классе Дрождина записалась в художку* (Э. Веркин. Осеннее солнце);
- интенсивное использование сложения: *Когда человек попадает под гипноудар, по его лицу проходит словно бы тень тонкого отвращения...* (В. Пелевин. Священная книга оборотня); *Несколько часов грядкомайнинга... утомляли не слишком* (В. Пелевин. Тайные виды на гору Фудзи); *Бумаги клипово-печально, медленно валяются с потолка* (И. Савельев. Как тебе такое, Mask); *А сегодня Павел не видел ничего, лишь черноту инфослоя* (В. Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари); *Петушино-красный облик солнца уже наполовину окунулся в сметану вечерней мглы* (А. Иванов. Золото бунта);
- употребление производных, образованных на базе заимствований: *Собеседование – это ритуал обязательный и неизбежный..., но до такой степени кринжовый, что его сейчас даже переименовали в более либеральное интервью* (С. Лебеденко. (He) свобода); *В спин-off... я скинула* (А. Володина. Протагонист); *Кирюха отключился, Настя его везде забанила...* (С. Синицкая. Безбоженька); *...Она ругалась, мемчилась, постиронизировалась. Проскроллились разные цветные маски* (Е. Некрасова. Банкомать);
- широкое распространение именной префиксации. Наиболее частотны образования с префиксами *анти-, пост-, мега-, супер-*: *Я постантихристианский мирянин-экзистенциалист...* (В. Пелевин. S. N. U. F. F.); *Транс-мета-кладбище, транс-мета-имена, / в транс-мета-гробиках / транс-мета-перекличка* (Ю. Мориц. Транс-мета-кладбище...); *Когда катер слился с белой тушей... мегаяхты, Федор Семенович наконец поднял глаза...* (В. Пелевин. Тайные виды на гору Фудзи).

Наряду с этими общими деривационными процессами для современной русской художественной речи характерна высокая степень активности словотворчества, которая наблюдается как в поэзии, так и в прозе.

2. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

2.1. СООТНОШЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СЛОВ И ОККАЗИОНАЛИЗМОВ

К словообразовательным инновациям обращаются представители разных направлений и школ. Создание индивидуально-авторских неологизмов в современной художественной речи пополняет арсенал образных средств, выражает авторские интенции, наконец, в ряде случаев заполняет лакуны, существующие в лексическом составе языка, при этом новообразования неравномерно представлены в поэтических и прозаических текстах: они заметно шире используются в поэзии, где встречаются как потенциальные слова, так и окказионализмы, связанные с нарушением словообразовательных закономерностей, присущих системе языка. В современных прозаических текстах доминируют потенциальные слова-новообразования, созданные по продуктивным моделям. Это слова, «которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов» [Земская 1973: 218]. Окказионализмы же представлены в прозаических текстах немногочисленными примерами, причем у отдельных авторов (В. Пелевин, Е. Некрасова). В то же время и для современной русской поэзии, и для современной русской прозы характерен ряд общих процессов в сфере словотворчества.

2.2. РАСШИРЕНИЕ КРУГА МОТИВИРУЮЩИХ СЛОВ

Прежде всего в художественном дискурсе расширяется круг слов, мотивирующих новообразования. В конце XX – начале XXI в. в качестве мотивирующих слов все чаще выступают местоимения и служебные слова, деривационный потенциал которых ранее почти не проявлялся. Ср., например:

*благословенна **никакойности** Праги* (Н. Азарова);
кабычесть равная обузе
авосисть равная бузе (С. Бирюков);
*кто **кчемности** себя сегодня не спрашивал...* (М. Котов);
что познано и что создано
*не вместе с тобой **вничтожится*** (М. Амелин).

Так, в стихотворении Алексея Цветкова новообразование *никтобы*, совмещающее значения отрицания и предположительности, образуется в результате сращивания местоимения и частицы *бы*:

плюс совместится с минусом и вот
*останутся фантомные **никтобы***
небабочки в прицелах нецветов
и соглядамай слеп но только чтобы
не человек не автор не цветков

Стихотворение Владимира Строчкова «Можебытность невероятного» строится как нанизывание словообразовательных инноваций, включающих местоименные основы и представляющих собой преимущественно контаминированные образования:

Всеньоры и всюдарины, этимность этой темы
темных в своей которости и всеменем туга,
но все ж отцы-снователи свистической свистемы
кударники кому нести чего с кого туда

Круг мотивирующих слов в современной художественной речи также активно расширяется за счет лексических единиц, отражающих различные аспекты интернет-коммуникации. Это особенно характерно для прозаических произведений. Например: *Мы их называем **мемокодами**... Такой **спецтег**, который указывает, что данная информация исходит от молодых, светлых и модных сил* (В. Пелевин. Бэтман Аполло); *Похоже, Кирогов был из тех **интернет-знатоков**, которые на любой случай имеют не знания, а ссылку. **Человеки-google, гугловоды*** (А. Иванов. Комьюнити).

По сравнению с предшествующим периодом растет и число новообразований, мотивированных прецедентными именами. Так, в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» одно из ключевых слов текста *цукербрин* образовано в результате контаминации фамилий основателя социальной сети «Фейсбук» Марка Цукерберга и одного из создателей компании Google Сергея Брина.

2.3. АКТИВИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Другим заметным процессом в современной художественной речи является активизация переходных явлений в сфере частей речи и размывание границ между ними. Наиболее продуктивна субстантивация, но встречаются и адвербиализация, и переход именных форм в глаголы. См., например:

*Хлебников, **каравай***
Слово свое несъедобное!
*Автобус, **трамвай***
Все самое красное, сдобное (А. Левин);
*И выпадет пеплом твоё **тогда**...* (Е. Михайлик);
*Мы не можем так стоять в золотом **нигде***
Мы не можем так мерцать в ледяной воде (В. Черешня).

Одновременно наблюдаются случаи десубстантивации прилагательных и причастий:

*Акмеистские стихи, **баратынские** кусты,*
***достоевские** старушки да гандлевские чекушки,*
надежи и времена! (Т. Кибиров);
*Я **достоевский** мальчик* (А. Цветков);
*Мой **насекомый** друг, что ты хочешь?* (В. Демидов).

Зыбкость границ между единицами разных частей речи ярко проявляется в известном стихотворении А. Левина «Больше жизни и ярче брызны»:

Больше жизни и ярче брызны
полюбил твоих серых глаз
утолил твоих теплых уст
утонул лебединого тела
щекотал непослушных ресниц
пробежал незаметных часов
шелестел заоконной листвы
тише мыши и выше крыши
улетел моей головы.

В тексте семь раз повторяются формы с суффиксом *-л-*, которые подвергаются транспозиции и выступают в стихотворении как формы имен с процессуальной семантикой, входящие в состав генитивных метафор, организующих произведение. «Однако значение глагольности здесь все равно не исчезает, особенно при использовании глаголов несовершенного вида – в них актуализируется не присутствующая имени длительность... Синкретизм имени и глагола динамизирует сам процесс рождения образности на основе генитивной метафоры, делает подвижными роли субъекта и объекта действия» [Фатеева 2021: 102].

2.4. ПРОДУКТИВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НОВООБРАЗОВАНИЙ

В современной художественной речи выделяются семантические группы новообразований, которые характеризуются особенно высокой продуктивностью. Это, прежде всего, названия лица, относящиеся к разным словообразовательным типам. Ср.:

Я пострусский (В. Пелевин);
Метафизиолы, логофил,
ювелирик и колыбелькантор,
словелас, о чем ты нас просил,
предлагал какой бессмертный бартер? (В. Павлова);
Учительницезавр снова начал рычать в рифму (Е. Некрасова);
словогонщики резвые
век рогов и копыт (А. Федулов);
вот пирронист в хуле осатанел,
вот аристотелик на Бога лает,
и всяк теолог не горяч, но тепл;
лишь сердце инквизитора пылает (А. Филатоф);
Самообломщик говорит: «Нет!» (А. Слаповский).

Во-вторых, это потенциальные слова, включающие префиксоид *пол(у)-*, выражающий неполноту признака. Например:

Тихо вспомню в России папу
Полумальчика и растяпу... (Э. Лимонов);
Полузимнего дня недовесок
Занимался гриппозной зарей (Д. Липатов);
И ходит он два дня полусчастливый и еще не верит, что он полуспасенный...
(Ю. Кокошко).

В-третьих, это отвлеченные имена существительные, образованные разными способами. Ср.:

в полях и бывь и притчица
и солоно в словах (А. Федулов);
Патриотизм: убей
Матрит-изм: оплачь (В. Павлова);
Из осязаемости незабытия выплывает вязь решеток на окнах (А. Черчесов);
В чем чтойность единичная явленья? (Г.Д.Зингер);
Это пора где-то давно,
Гдетства бегущая тень (Ю. Мориц).

Наиболее продуктивны в этой группе образования с суффиксом *-ость*.

3. СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ

Для производства новообразований в современной художественной речи используются как узуальные, так и окказиональные способы, например: *полундрожь* (В. Строчков) – междусловное наложение; *перепарижить* (Д. Бобышев) – префиксально-суффиксальный способ; (сфинкс) *пустынноглазый* (А. Иудин) – сложение во взаимодействии с нулевой суффиксацией; *кашеварающий* (Е. Михайлик) – субстантивация; *дьяволовирус* (Т. Щербина) – чистое сложение; *надгро* (В. Павлова) – усечение; *вечеромбурымглою* (И. Булатовский) – голофразис; *флюгерадьютанты* (В. Пелевин) – субституция; *сидидом* (А. Левин) – сращение во взаимодействии с нулевой суффиксацией (нулевой суффикс указывает на лицо).

Традиционно в современном художественном дискурсе продуктивны такие способы, как суффиксация и сложение:

У косяка смеется птице-ребенок (А. Петрова);
лягушек вольная гурьба
на перебой что жизнь «борьба»
и прочий марксоход досужий (И. Булатовский);
звукословье старинное
каждой мышцей услышь (А. Федулов);
издеватель раздеватель
до мяса и костей (Д. Давыдов).

3.2. ДЕПОСТФИКСАЦИЯ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ПОСТФИКСАЦИЯ

В современных поэтических текстах наблюдается новое интересное явление: с одной стороны, в них используются глагольные единицы, образованные таким окказиональным способом, как депостфиксация, с другой стороны, заметно растет число постфиксальных глаголов-новообразований. Так, «у современных поэтов часто встречается глагол *снить* в разных формах и значениях – ‘сниться’, ‘делать так, чтобы что-нибудь снилось’, ‘видеть во сне’, ‘делать что-нибудь в чьем-то сне’» [Зубова 2021: 353–354]. Ср.:

сон о малине снят к болезни (Г.Д. Зингер);
в вещество ее свет
сбив и снил душе
между мыслимым и реальным нет
расстоянья уже (В. Гандельсман);
человек запутался в пододеяльнике
снил о забытом в школе угольнике (Д. Суховей).

Одновременно, как отмечалось, активно употребляются нестандартные постфиксальные глаголы, которые подчеркивают замкнутость действия (состояния) в самом субъекте, при этом выделение субъекта в этом случае, как правило, акцентируется в высказывании дважды – посредством местоимения или существительного и посредством постфикса *-ся*. Ср., например:

Происходитса что-то само... (Д. Паташинский);
Сам себе я врусь (С. Петров);
Когда я умрусь
оставь мой балкон
над рамами выше моря (Н. Азарова);
Войнушка ждет, ныряется Чапай (И. Шостаковская).

3.3. КОНТАМИНАЦИЯ
КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ СОЗДАНИЯ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Сложение как высокопродуктивный способ создания новообразований представлено в современном художественном дискурсе несколькими разновидностями: чистым сложением, сложением во взаимодействии с суффиксацией, сложением, осложненным вставками основ. Например, в стихотворении Елены Михайлик «Тут грядет такая война миров» ключевое слово *черепаха* сочетается с компонентом *ре-диез* и подвергается деинтеграции: отделяется сегмент *паха*:

ни судного дня, ни огня, ни озера, ни госпраха
а просто зеленая че-че-ре-ре-диез и обязательно паха...

В сфере сложения, если рассматривать его в широком смысле, более продуктивной, особенно в современных поэтических текстах, наряду с чистым сложением, является контаминация, или блендинг. Она предполагает объединение сегментов разных слов, которые при этом сокращаются. Чаще всего происходит слияние начала одной лексической единицы и конца другой. В результате образуются слова-гибриды, «слова-саквояжи». Разновидностью контаминации, с нашей точки зрения, является междусловное наложение.

Контаминация длительное время рассматривалась как окказиональный способ словопроизводства и считалась приемом языковой игры, однако в современной русской художественной речи, как и в языке СМИ, она из периферийного деривационного приема постепенно превращается в активный способ словообразования, регулярно используемый в художественном дискурсе. См., например: *одиначество* (*одинаково* + *иначе* – И. Машинская), *щеновники* (*щетки* + *чиновники* – В. Строчков), *Кафказ* (*Кафка* + *Кавказ* – Ю. Мориц), *мгновечное* (*мгновенное* + *вечное* – В. Павлова), *вездесь* (*езде* + *здесь* – В. Павлова), *консервал* (*консерватор* + *либерал* – В. Пелевин), *климхналия* (*Климт* + *вакханалия* – В. Галечьян), *шелестье* (*шелететь* + *листья* – А. Альчук).

Контаминация в русской литературе использовалась и раньше (см., например, прозу Н.С. Лескова, произведения В. Хлебникова, стихи обэриутов), однако в настоящее время ее активность заметно возросла, при этом она поддерживается широким распространением слов-контаминантов в разговорной речи и языке СМИ, см., например: *сетература*, *чубаучер*, *Азиопа*, *пьянварь*, *фругурт* и др.

В художественной речи обращение к контаминации позволяет свернуть образную параллель и создать сложный образ, объединяющий разные признаки. Например, в стихотворении В. Строчкова «Чушь. Чепуха. Черемуха» встречается гибридное слово *настоящер*:

Чушь. Чепуха. Черемуха. Гуашь.
*Но завтра наступает **настоящер**.*

Контаминант характеризуется семантической диффузностью: можно предполагать, что, с одной стороны, объединяются сегменты таких слов, как *настоящий* и *ящер*, с другой стороны, таких лексических единиц, как *настоящее* и *ящер*. Будущее рисуется лирическому герою как мрачная безысходность, несущая в себе беспощадность и жестокость ящера.

Сходную контаминированную единицу находим в стихотворении С. Круглова, в котором так же объединяются, сливаясь, основы слов *настоящее* и *ящер*, при этом междусловное наложение сопровождается суффиксацией, а в тексте детально перечисляются признаки «настоящерности»:

*Настоящестъ, настоящерностъ!
Сожрала ты, хрустя, мое прошлое,
Рык твой син, кожа бугорчата,
Мозг – мизер, рельефны лядвея,
Рост огромен, зубы – в два ряда,
Одномерна, назойлива,
Коридорами дней гонишь меня в будущее...*

Контаминированные образования привлекают современных поэтов и прозаиков особенностями своей семантики, которая включает и значения объединяемых слов, и присущие им коннотации и аллюзивные смыслы, а также значения соединения, сопоставления, противопоставления, сравнения, развивающиеся в процессе образования гибридной единицы. Обратимся, например, к контаминированному эпитету *лебедяной* в стихотворении В. Черешни «Балет»:

*Только на фоне смерти
Может дрожанье пачки
Лебедяной балерины
Вызвать восторг и слезы.*

В одну единицу объединяются сегменты слов *лебединый* и *ледяной*. «Образ льда непосредственно связан со смертью, и, кроме того, в этих строчках ощущается связь с выражением *лебединая песнь*» [Зубова 2007: 343].

В результате контаминации образуются единицы разных частей речи: существительные (*квартирай* – Е. Некрасова, *спастика* – В. Пелевин, *сквозеро* – Ю. Мориц, *незнакомната* – В. Гандельсман), прилагательные (*побежалостный* – О. Юрьев), глаголы (*цветычется* – А. Альчук, *сволачивается* – В. Строчков). Преобладают гибридные имена существительные.

Контаминированные образования нередко выполняют текстообразующую функцию: они регулярно повторяются в произведении, развивая определенный мотив или тему. Так строятся, например, стихотворения Ю. Мориц «Сквозеро», «Спамятник», см., например:

*Он теперь – Спампушкин спамского полета,
Спамовозка спамских интервью и фото.
Едут спамотворы в спамоходной таре, –
Спамятники будут им на Спамбульваре...
Спамятников можно до небес наспамить
Каждому спампушкину – спаятник на спаять.*

В результате контаминации размываются границы между морфемами в структуре слова и усиливается семантическая диффузность лексической единицы.

3.4. ГОЛОФРАЗИС И ЕГО ТИПЫ

Наряду с контаминацией все большее распространение в современном художественном дискурсе получает голофразис – слияние в одно целое синтаксических единиц разных типов: подчинительного словосочетания, простого предложения, его отдельных частей, частей сложного предложения. Например:

*только зыбь и глаголь
мрачнотакшелестят (Т. Грауз);
тут дождь навеки промочил
все-что-имело-место-быть (Е. Ключев);*

речь-которая-я принадлежит мне,

не взламывается извне, не отчуждаема, не горит (Е. Михайлик);

Кому-то-там-наверху надоели... мои детские подростковые мытарства (М. Палей).

Голофрастические образования встречались в русской словесности и ранее. Так, отмечается их употребление в текстах В.К. Третьяковского [Ковынева 2007], в XX в. они регулярно встречаются в философском дискурсе (*бытие-в-мире*, *мир-как-представление* и др.), а также в ряде случаев в поэтических произведениях Василиска Гнедова, Марины Цветаевой, в прозе Е. Замятина; см., например:

Через-коленку враз

Саблю-ломает-сталь (М. Цветаева);

Ясно, что должна быть не «просто-так-любовь», а «потому-что-любовь». Все стихи должны быть (Е. Замятин).

Однако на рубеже XX–XXI вв. в художественной речи резко растет число голофрастических образований, которые оформляются или как дефисные комплексы, или как слияния без дефиса. Ср., например:

Музыка отлучилась в я-не-скажу-куда (В. Куллэ);

Я искал ночную улицефонаряаптеку... (О. Пащенко).

Широкое распространение подобных образований в современном художественном дискурсе связано, во-первых, с влиянием западноевропейских языков, прежде всего английского, во-вторых, с влиянием популярных мемов, в-третьих, с поиском нового, целостного обозначения тесно связанных между собой реалий, признаков, явлений. В поэтических же текстах, кроме того, голофрастические образования служат для передачи «слитного группового смысла» (Ю.Н. Тынянов).

Рассматриваемые новообразования в современной художественной речи многофункциональны.

Во-первых, они выступают в собственно номинативной функции. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, когда в описываемой ситуации неизвестно точное название предмета или лица либо имеет место нежелание его назвать, см., например: *Писатель, имя-ни-о-чем-не-говорит, жил и работал здесь...* (А. Матвеева); *Тот-что-пониже назвал ее по имени...* (Е. Некрасова); *Он – доктор каких-нибудь наук-о-смерти* (А. Лукиянова); *Родители, Боб, Сережа, Забыла-как-звать с гитарой* (В. Павлова).

Во-вторых, голофрастические образования выполняют функцию «фразеологизации речевого сегмента» [Зубова 2000: 304] – оформляют цитаты, служат для слитной передачи клише, стереотипов, бытовых штампов:

Обниму тебя с силой...

О, жирной рыбоюсальсой, старик-и-морем, тунцом... (Е. Крюкова);

В молодости всяк хочет жить, чтоб мыслить-и-страдать (Ю. Малецкий);

Алтарь обычая, так-принято, так-положено, надо-замуж (М. Кучерская).

В-третьих, голофрастические образования выступают в оценочной функции: *Рядом стояла девица из группы Павла. Ничего-такая-брюнетка* (В. Павлова).

Наконец, они используются для создания целостного художественного образа: *Власть-предержащих-тьма над нами, над рекою...* (М. Кулакова).

В поэтических текстах они, кроме того, служат для передачи особого ритмического членения произведения; см., например:

*Ночью шаги-на-помощь
это всего-лишь
стук-слышишь
своего
сердца* (Н. Азарова).

В прозаических текстах голофрастические сращения также нередко выполняют функцию маркера внутренней речи персонажа: *Аня быстро вообразила себе будущее. Вот она гордо молчит о своей **высокой-как-Останкинская-любви**. Вот тайно ревнует Неустроева **к-каждому-кусту**. Вот пишет по ночам плачевные **стихи-о-сердце-которое-кровит**...* Ему, разумеется, *ничего-этого-не-надо* (А. Лукиянова. Это не лечится).

Голофрастические образования занимают промежуточное место между словом и синтаксическими единицами. Если транспозиция размывает границы между различными частями речи, а контаминация – между морфемами, то голофразис ослабляет границы между словом и предложением. В результате современный художественный дискурс характеризуется высокой степенью диффузности, что отражает динамичную, текучую картину мира авторов.

4. НОВООБРАЗОВАНИЯ-ИНТЕРТЕКСТЕМЫ

Новообразования участвуют в актуализации интертекстуальных и интермедийных связей произведения. «Обнажение» интертекста, в целом присущее современной художественной речи, находит отражение в регулярном использовании словообразовательных инноваций, мотивированных прецедентными именами – именами писателей, деятелей искусства, литературных героев. Такие имена являются «важными элементами “языка культуры” благодаря особой емкости культурно значимой семантики в сравнительно небольшом линейном фрагменте дискурса» [Радбиль 2017б: 145].

Новообразования-интертекстемы, функционирующие в современных художественных текстах, можно разделить на три группы. К первой группе относятся дериваты, мотивированные именами писателей, художников, литературных персонажей и др. Например:

[Переулоч] почти сказочный, ганс-христиановский (Е. Посвятовская);
*Растаял Гумилед, раскрыв
На зависть сутрам
Ахматадулинский надрыв
ОБЭРИУтром* (В. Мельников);
*Мы изрядно укулели
И весьма **оцететели**
Но както **недоботтичелли**
И сильно **переджугашвили*** (А. Левин).

Вторая группа представлена дериватами, отсылающими к сюжетам или ключевым образам литературных произведений: *котлованизм* (Н. Горланова), *офаустение* (Ю. Малецкий), *полубобок* (В. Пелевин).

К третьей группе относятся новообразования, производящей базой которых служит цитата из известного текста, и дериваты, созданные по образцу слов, ставших приметой индивидуального стиля поэта или прозаика:

*Не гони же пургу-крутяк **буремглой вихреснежною*** (В. Строчков);

Было жарко и **болконскиймо** (Л. Лосев – ср.: *достоевскиймо* в поэзии В. Хлебникова);

Будто не прыгает жизнь по ухабам

*А мотыльком **крылышкует** по клумбам...* (К. Капович – ср.: *крылышка* золотописьмом в стихотворении В. Хлебникова).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, для современного художественного дискурса характерен ряд активных деривационных процессов: интенсивное использование сложения, контаминации и голофразиса, размывание жестких границ между морфемами в составе слова, грамматическими классами слов, лексической единицей и предложением (словосочетанием), последовательное образование дериватов на основе заимствований, расширение группы мотивирующих слов за счет привлечения местоимений и служебных слов. Обращение к словотворчеству сочетается в современной художественной речи с частым использованием морфемного повтора, актуализацией деривационных связей слов; см., например:

Дикие размежеванные... сожития, сосолья, сосмотрения (Е. Некрасова);

Озеро читают, не листья.

Сквозеро читается насквозь!

Сквозеро, кувшина золотая

Сквозь луну надетую на ось

Сквозняки дрожащих отражений... (Ю. Мориц).

Деривационные средства последовательно участвуют в художественном дискурсе в развитии мотивов текста, разворачивании его тем, репрезентации ключевых концептов. Например, в рассказе К. Некрасовой «Молодые руины» повторяются префиксальные образования с приставкой *со-*: *Новые **со-классники** поначалу называли ее франкенштейном. У **со-детей** была предводительница... **Сошкольники** глядели зло. В общежитии... **состудентки** держали порядок... **Лиля** и **со-пассажиры**... падали... на поворотах.*

Этот повтор развивает в тексте рассказа мотив ложного единства.

Словообразовательные средства, в том числе новообразования, таким образом, играют важную роль в современном художественном дискурсе и формировании его концептосферы.

Глава 3. Морфологические неологизмы в современном художественном дискурсе

Н.А. Николина

1. ВВЕДЕНИЕ

Исследование морфологических неологизмов предполагает выявление и рассмотрение нестандартных грамматических форм, образование которых связано с нарушением действующих в языке закономерностей и синтаксическими сдвигами. Отношение к нестандартным морфологическим формам в отечественной филологии было различным. В 1885 г., например, И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «В области языкознания... описание и объяснение языковых аномалий – па-

тология» [Бодуэн де Куртене 1963: 142]. Футуристы в начале XX в., напротив, подняли бунт против грамматических норм, аграмматизмы в их текстах вызвали большой интерес у лингвистов. Обосновывая необходимость изучения нестандартных грамматических форм, Р. Якобсон подчеркивал, что то, что в обыденном языке обычно признается «патологией» и аграмматизмом, в художественной речи может выступать как конструктивный принцип построения текста (или его фрагмента), реализующий эстетическую функцию [Якобсон 1975]. Для современной русистики стало традиционным рассмотрение преднамеренных и ненамеренных аномалий (Ю.Д. Апресян, Т.Б. Радбиль, А.Д. Шмелев и др.). Преднамеренные аномалии в художественном дискурсе отражают интенциональную девиантность, экспрессивная функция у них заметно преобладает над референтной функцией, которая, однако, может при этом актуализироваться в тексте, в частности в связи с использованием морфологических неологизмов.

Аграмматизмы широко распространены в современном художественном дискурсе, прежде всего в поэзии, для которой характерна в настоящее время «тенденция к выведению слова, морфемы из стандартной сочетаемости» [Зубова 2000: 399]. При этом современная поэтическая речь регулярно использует грамматические термины, многие из которых служат основой новых тропов, для творчества современных поэтов характерно последовательное обращение к метаязыковой рефлексии; см., например: *Падежом откупаешься дательным / От торговцев, барыг и менял / И выходишь в залоге страдательном / К тем, кто молча тебя обнимал...* (С. Кекова); *глаголы прошедшего времени не замечают смерти, / не сбиваются с курса, / не понимают условностей...* (Е. Михайлик); *Изменяю по лицам и временам тех кем умер* (М. Котов); *По болоту, по крылья в зеленом лягушечьем тираже / бродит птица выпь в именительном падеже...* (Е. Михайлик).

Обращение к грамматическим терминам нередко мотивирует использование в тексте ненормативной формы. Например, изменение формы рода слова *смерть* в стихотворении Веры Павловой сопровождается развернутым образным комментарием:

*Смерть, погибель, кончина...
Но меня не обманешь родом,
я знаю: смерть – мужчина,
щеголь рыжебородый,
надушенный, статный, еле
заметно кривящий губы...*

Наряду с грамматическими терминами в современных поэтических текстах используются и «воображаемые» грамматические категории. Например, в стихотворении М. Сухотина конструктивной базой текста служит предлагаемая поэтом категория «время в залоге», которая позволяет передать динамику человеческой жизни:

*время в залоге:
несу – несусь – несут.*

2. ИСТОЧНИКИ НЕСТАНДАРТНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Источники нестандартных морфологических форм в современном художественном дискурсе условно можно разделить на три группы.

Во-первых, это единицы, характерные для просторечия и жаргонов, а также образования по их моделям. Например, в тексте стихотворения Н. Искренко концентрируются ненормативные просторечные формы, которые создают образ носителя этой подсистемы русского языка:

*Пекет
Текет
И начинается
Кой как зажгет и снова мается
Позвóнит включíт поканючит
Заплóтит и уж чуть не плачет
А тут как выбросят
Возьмет и в сумку ложит...*

Просторечные формы, причем нередко в сочетании с архаичными, встречаем и в стихотворении Игоря Булатовского:

*сквозь эту дыру голубую – бежи
пока не закрылась
сема и овамо
где хотишь.*

Во-вторых, в художественном дискурсе «возрождаются» архаичные морфологические формы и появляются формы, образованные по их образцу. Так, в современной русской поэзии растет число кратких форм имен прилагательных, выступающих в функции определения по аналогии с усеченными прилагательными XVIII – начала XIX в. «В современной поэзии мы наблюдаем массовую активизацию кратких прилагательных в атрибутивной функции» [Зубова 2010: 284]. Ср., например:

*Голубиный город у **сепа** моря,
Город снов и черных коней (В. Шубинский);
Бабочки **белы** летают попарные...
Я все скажу за **корабельна** коника⁴
В месте **злачне-покойне**
Хорошо – высоко (М. Степанова).*

В-третьих, в современных художественных текстах используются собственно морфологические окказионализмы, которые возникают в результате изменения грамматических признаков слова или его сочетаемости, перехода из одной части речи в другую, семантических преобразований и др. Например, в стихотворении М. Степановой «Балкон, какое-то апрель...» имя существительное *апрель* может восприниматься как грамматическая аномалия – существительное среднего рода. Возможна и другая интерпретация этой словоформы: указание на неточную или незначимую дату, но в этом случае форма *апрель* опять же носит нестандартный характер, так как отсутствует флексия родительного падежа. В стихотворении В. Строчкова «Ранняя готика» глагол *исчезать* развивает значение каузатива и употребляется как переходный, предполагающий наличие прямого объекта:

⁴ Использование кратких прилагательных в атрибутивной функции регулярно встречается в поэзии Марии Степановой и служит приметой ее индивидуального стиля; см., например:

*А еще гремучи-бегучи
Воды городского дождя
Обнимают **мусорны** кучи,
Навсегда в асфальт уходя.*

...и начнут **исчезать** вольнодумцев,
Чужих, разночинцев, родных,
Иностранцев, своих, их детей и домашних.

В результате употребления грамматического неологизма в тексте создается образ активного зла, направленного на множество безымянных жертв.

В стихотворении В. Черешни в результате семантических преобразований и изменения синтаксической позиции появляется морфологический неологизм *нигде*, выступающий в функции предиката и обозначающий состояние лица:

Так **нигде** тебе, словно вышел в лес...

В другом стихотворении того же автора используется ненормативная форма компаратива *одиноее*, заполняющая «пустую клетку» парадигмы:

Кем бы ты ни был услышанным
Можно ль еще *одиноее*?

Как видим, «в художественном тексте многое из того, что безусловно признается аномалией, реально является нормой для концептуальной и языковой организации данного художественного дискурса» [Радбиль 2017б: 296].

3. СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

3.1. ТРАНСПОЗИЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

Распространенным способом создания морфологического неологизма в современном художественном дискурсе является окказиональная транспозиция грамматических форм (субстантивация глагольных форм и наречий, десубстантивация, деадвербиализация и др.). Например:

Я живу там же, по-прежнему живу там
На реке **Вызнай** и реке **Выспроси**... (М. Кулакова);
Нельзя разрушать искусство,
душе пустой грозя!
– Тогда покажите **пусто**
и дайте мне что **нельзя!** (М. Яснов).

Особенно часто в художественной речи используется субстантивация:

и выпадет пеплом твоё **«тогда»**
в годичный слой гренландского льда (Е. Михайлик).

3.2. УСЕЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ.

Другим частотным способом создания собственно морфологических неологизмов в современной поэтической речи служит усечение грамматических форм; см., например:

В неизвестном направлении
движ
движ
тролл (С. Бирюков);
Двое две **лопа**
Гилу мы **копа**
Корни **вылеза**
Корни **выреза** (Г. Сапгир);
Но чаемого воздуха не **чу** (М. Степанова);
Пир во время **чу** (В. Павлова).

Усечение грамматических форм обычно связывают с «поэтикой полуслова», получившей широкое распространение в современной русской поэзии. «Техника «полуслова» может использоваться автором как чисто шуточная, ориентированная на то, что прием «ребуса» или «загадки слова» задан установкой на языковую игру с читателем. Но в то же время та же техника способна выводить читателя и на глубинные обобщения, рожденные особым расположением языковых элементов» [Фатеева 2021: 14]. Так, в стихотворении В. Кривулина «Чудное мгнове» сокращение формы *мгновение* подчеркивает фрагментарность цитаты и служит знаком уходящего в прошлое поэтического направления:

*зачем ты чудное мгнове
в моей засело голове
обломком части неприличной
от некой статуи античной?*

В стихотворении Г.Д. Зингер «Нелюдимые взгляды отражений» усеченная форма *мо* сменяет в тексте существительное молчание и символизирует окончательную победу тишины, ухода от всех контактов:

*голос чьего молчания
голос твоего мо.*

Усечение форм приводит к утрате показателей грамматических значений, в результате аморфная морфологическая форма может интерпретироваться по-разному. Ср.:

*копают вырезают
копа< выреза<
копали вырезали*

Так, в стихотворении Д. Суховей *зако* может восприниматься как форма прошедшего или настоящего-будущего времени:

*ни солить ни сварить
и даже молока –
зако*

В современных поэтических текстах усекаться может не только конечная, но и начальная часть морфологической формы; см., например, стихотворение А. Левина «Все аемые и яемые», где субстантивированные причастия представлены только суффиксами и флексиями:

*Все аемые и яемые
всем ающим и яющим:
«Что вы щиплетесь, что вы колетесь!
Как вам не ай и яй!»
Все ающие и яющие
всем аемым и яемым:
«А вы двигайтесь, двигайтесь!
Ишь, лентяи!»*

Особенно часто наблюдается в современных поэтических текстах сокращение формы будущего времени, чаще с отрицанием:

*Темноты не бу – на море светло (Д. Суховей);
Напрячься и времени больше не бу... (А. Цветков);
Не оттуда ли я говорю, что играть не бу (М. Степанова);
Ступень к ...не Бу (А. Альчук).*

Усечение форм будущего времени выражает в текстах значение гипотетичности либо развивает мотив «разрыва» времени, неверия в возможность предстоящего или благополучного исхода.

4. MORFOЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И РОДА

В современной поэтической речи в одном контексте нередко объединяются различные временные формы, что актуализирует семантику темпоральной неопределенности и устранение противопоставления разных временных планов; см., например:

*Жил был
Был БУДУ был был БУДУ
ОДИН (Е. Мнацаканова);
Когда мы Будем Были
Когда мы Будем Были
Наши глаза Будут Смотрели,
Наши песни Будут Звучали... (О. Арефьева).*

В современном художественном дискурсе встречаются морфологические неологизмы, связанные не только с категорией времени, но и с другими грамматическими категориями – категориями вида, залога, лица⁵. Особую активность проявляют морфологические неологизмы в сфере грамматической категории рода имен существительных; см., например:

*Тут был сирень. Тут был мигрень (М. Степанова);
На пеньке сидела лисиц
Толстовата-маловата (А. Левин);
бедная моя дождь
начнется под вечер и хочет спать
невыносимо только сна ей не будет ночь стоит (А. Месропян)*

Нестандартные формы рода заключают в себе большой образный потенциал. На «намеренном употреблении формы одного рода вместо другой» [Ремчукова 2005: 86] строятся художественные приемы персонализации и деперсонализации. Так, в стихотворении Е. Фанайловой имя существительное *столп* неожиданно сочетается с прилагательным женского рода *огненная* и, соответственно, приобретает признаки женского рода, который развивает содержательную мотивированность в тексте. Образ сравнения *как огненная столп* символизирует женское начало и соотносится с субъектом женского пола:

*Была я здесь и буду
Как проводник и счастья и печали
Как огненная столп существования <...>
Как дерево воды в пустыне.*

Использование ненормативных форм рода имен существительных также связано с «родовой гиперкорреляцией» (Л.В. Зубова), т.е. попыткой представить соотносительные формы мужского и женского рода и придать категории рода большую последовательность и стройность. Например, А. Левин в стихотворении «О происхождении человека» образует форму женского рода *человека* путем

⁵ См. многочисленные примеры нестандартных грамматических форм в монографии Л.В. Зубовой «Грамматические вольности русской поэзии. 1950–2020» (М., 2021).

расчленения прилагательного *человекообразная*, в результате возникает коррелятивная пара *человек – человека*:

*Кругом тишина непролазная,
природа угрюмая спит.
А тут человека образная
улыбкой во тьме шелестит.
Глаза ее синие синие,
а в сердце ее тишина.
Она молодая и сильная,
такая, какая нужна.*

В другом стихотворении А. Левина «Зеленая охота» возникает соотносительная пара: *хомо* (мужской род) – *хома* (женский род).

Морфологические неологизмы в сфере категории рода имен существительных появляются также в результате установления или «обнажения» интертекстуальных связей произведения. Так, в стихотворении А. Левина ненормативная форма *День (тиха)* служит отсылкой к стихотворению М. Лермонтова, которое травируется Левиным:

*Выхожу с людьми на дорогу.
Сквозь бутан кремнистый путь звездит
День тиха лежит и внемлет Гогу
И Магог
с народом
говорит.*

В стихотворении Н. Делаланд «Лесов таинственный осень...» согласование по форме мужского рода также мотивируется, возможно, переключкой с текстом А.С. Пушкина («Лесов таинственная сень») и отсылает к нему, предлагая другую интерпретацию осени:

*Лесов **таинственный** осень
резной прозрачный сухостойкий
дыши листвою не окосей
от столька*

Аномалии в сфере рода, наконец, могут быть вызваны семантическим «согласованием». Нестандартная форма рода в этом случае определяется родом ключевого слова контекста или координируется с понятием, о котором идет речь. Например, в стихотворении В. Сосноры женский род слова *татья* обусловлен семантической связью с ключевым словом контекста *Родина*:

*Ты, Родина, тебе молясь,
с тобой скитаясь,
ты – хуже мачехи, моя,
ты – **татья** святая!*

Обращение к морфологическим аномалиям может определяться темой текста и функцией, в которой выступают нестандартные грамматические формы. Так, например, в цикле С. Завьялова «Эрзянь ды мокшонь кирьговонь грамматат» (Берестяные грамоты эрзи и мокши) аграмматизмы выполняют характерологическую функцию. С одной стороны, они развивают мотив утраты древней культуры, с другой, акцентируют тему столкновения двух языков:

*Брат мой
занесенный снега
окоченевший мороз
будто лишенный воздух холод
такой чуждой страна
мы встретиться
и ни язык родной
ни какой общий оборот речь
ничего уже...*

Ряд морфологических неологизмов в современном художественном дискурсе может рассматриваться как «точки роста» новых грамматических явлений. Таковы, по нашему мнению, причастия будущего времени и краткие формы, образованные от относительных прилагательных, а в ряде случаев даже от имен существительных, нестандартные формы компаратива:

*Вот я – пойдущий и найдущий.
Вот я – дорогу перейдущий.
Не то в грядущее бредущий,
Не то в бредущее грядущий (А. Левин);
День понедельен, вторничен, срединн... (М. Степанова);
Цыганска, польска я, еврейска, русска... (М. Степанова);
Аромат неотцветших стихов
Майского сентябрее (Д. Суховей).*

5. НЕНОРМАТИВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ И НЕЗАМЕЩЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Употребление ненормативных грамматических форм в современных поэтических текстах происходит на фоне расширения и изменения сочетаемости глаголов:

*Куда проснешься ты, куда еще нельзя? (А. Поляков);
Мы прожили столь сильно
Всех встреченных нами людей (В. Аристов);
Печален старичок, допив настой на травке,
И думает коту, лежащему на лавке... (Е. Шварц).*

Общая для современного художественного дискурса установка на компрессию проявляется в частом незамещении синтаксических позиций и редукции членов предложения или предикативных частей; см., например:

*Мы красивые картинки
Будем из окна (Д. Гатина);
Март. Перелетных забота,
где угнездиться – на, у, за (В. Павлова).*

На этом фоне усиливается роль предлогов, маркирующих ту или иную синтаксическую позицию. В современном художественном дискурсе наблюдается тенденция к своеобразной эмансипации предлогов. Предложно-падежные формы приобретают новое для них расположение: предлоги меняют свою традиционную позицию и сближаются с послелогогами. Такие предложно-падежные формы могут рассматриваться как особый тип морфологических неологизмов:

*Это страх одиночества не
Это песенка нежности о
Нам бежать по своей тишине
окончания августа до* (В. Кальпиди);
*Печальный Пушкин
площадью над
площадь плоче сковороды блинов для
площадь почти машин без
на Тверской уже ночь, глянь...* (Е. Кацюба).

В случае эллипсиса имени существительного или местоимения происходит укрупнение значения предлога, который восполняет отсутствие управляющего слова:

*Мне становится тонко от
Я похож и сижу за* (И. Буркин);
*Это – зима зверей;
Нет ни после, ни до...* (М. Котов).

Эмансипация предлогов и изменение их позиции отражают характерную в целом для современной поэтической речи тенденцию к отказу от прямого выражения явных смыслов. Возможно также, что это и проявление общеграмматической тенденции к аналитизму – падежные отношения передаются предлогами, которые выступают в предложении (тексте) знаком определенных семантических ролей.

6. НАРУШЕНИЕ КООРДИНАЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Наряду с собственно морфологическими неологизмами в современном художественном дискурсе встречаются аномалии, связанные с нарушением координации подлежащего и сказуемого в предложении. Так, в стихотворении Н. Делаланд происходит своеобразный «обмен» глагольными формами лица и числа (*он расту, я сохранили, вы стою*):

*Скульптор небесный листающий лес
лестница в небо и огненный лис
голос растрепанный катится вниз
в темном закате навеки исчез
мы сохраняйте свою пустоту
я тишину сохранили свою
вы до сих пор тонконого стою
он тонкоруко ветвями расту...*

Такая грамматическая аномалия подчеркивает единство изображаемого природного мира и лирического героя, растворяющегося в нем. Сходное явление наблюдается в стихотворении В. Строчкова «Уплытие»:

*Нам не надо докторов,
я лечиться не хотим,
мы психически здоров,
я здоровы как один.
Я тут все за одного,
мы тут весь один за всех...*

В этом произведении «обмен» формами числа развивает тему единства сообщества, о котором идет речь в стихотворении.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наряду с аграмматизмами в современном художественном дискурсе используются архаические морфологические формы. Они либо являются цитатами из древнерусских произведений, либо служат для стилизации, либо выступают средством разграничения высокого и бытового, низкого. Например:

И время спит с улыбкой на устах

И говорит: я быхъ, я рѣхъ, я стахъ,

И над младенцем точит свет лампада (С. Кекова).

Морфологическая система языка достаточно стабильна, поэтому аграмматизмы встречаются в современных художественных текстах значительно реже, чем словообразовательные инновации. Морфологические неологизмы преимущественно встречаются в поэтической речи, особенно в «игровой» поэзии, и редки в прозе. Употребление нестандартных грамматических форм способствует усилению экспрессивности текста, обогащает арсенал образных средств художественного дискурса, углубляет в нем интертекстуальные связи и отражает креативность современных авторов.

РАЗДЕЛ 3. СИСТЕМНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

ГЛАВА 1. КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

Т.Б. Радбиль

1. ВВЕДЕНИЕ

Словообразование вообще представляет собой особый интерес с точки зрения когнитивной лингвистики. Как было показано в замечательных работах Е.С. Кубряковой, существующие в языке модели словообразования используются носителями языка не только и не столько для создания новых слов, для пополнения словарного запаса языка в связи с меняющимися реалиями окружающей среды. Словообразовательные модели – это прежде всего особые форматы знания, средства концептуализации нового опыта [Кубрякова 2004а]. Действительно, как человек вообще может узнать что-то новое? Только сопоставив его с чем-то уже известным в опыте, для чего уже есть готовая номинация. Тогда можно это соотнесение в мысли оформить двумя способами: (1) с помощью переноса обозначения на новую реалию – тогда получится семантическая деривация как результат полисемии; (2) с помощью разнообразных средств словообразования: префиксации, суффиксации, сложения и пр. – тогда мы будем иметь дело с деривацией словообразовательной. С точки зрения когнитивистики, они выступают как варианты деривации концептуальной – как средства формирования новых концептов в процессе когниции – человеческой деятельности по мыслительному освоению

окружающего мира, в том числе и с помощью языка [Русский язык начала XXI века 2014; Радбиль 2017а].

Когниция не осуществляется, так сказать, в безвоздушном пространстве. Она всегда тесно связана с установками национальной культуры, т. е. во многом национально обусловлена. В трудах ученых, разрабатывающих лингвокультурологическую проблематику, были выявлены так называемые «культурные доминанты» русской языковой картины мира [Вежбицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбиль, Рацибурская 2017]. В их число, например, входят следующие доминанты: «установка на эмпатию (выраженная в субстантивных и адъективных диминутивах), чрезмерная гиперболизация (интенсификаторы и аугментативы), гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий (“моральная страстность”, по А. Вежбицкой), острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, несоответствие самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом, ироническое “остранение” карнавального типа и пр.» [Русский язык в интернет-коммуникации 2021: 47].

В целях нашего исследования важно, что эти культурные доминанты проявляют себя не только в лексике, но и на других уровнях системы языка, в том числе в областях облигаторного выражения смысла (например, в грамматике). К таковым областям относятся и словообразовательные механизмы языка.

2. ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНАЯ АПРОПРИАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ»

Под «культурной апроприацией заимствований» [Радбиль 2017а] мы понимаем имеющие комплексную природу разноуровневые явления русского языка, в которых «происходит своего рода “переиначивание” семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков “чужих” ценностей или инокультурных моделей поведения. “Знаковые” в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира» [Русский язык в интернет-коммуникации 2021: 46]. На уровне словообразования, в частности, эти тенденции заключаются в том, что иноязычные по происхождению элементы (чаще всего корни, реже префиксы и суффиксы) входят в типично русские модели окказиональной экспрессивной деривации. В результате этого в неодеривате возникают национально специфичные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые отсутствовали в языке-источнике. С точки зрения когнитивной лингвистики, данные языковые явления на концептуальном уровне выражают русские способы словесной реакции на действительность как определенные форматы знания о мире, т. е. вписываются уже в национальную систему ценностей.

Так, например, в среде пользователей компьютеров получило широкое распространение слово *юэсбшшка*. Насколько можно в такой огласовке и в таком структурном оформлении воспринимать его как заимствованное? Несмотря на то, что в основу слова входит русифицированное произношение англоязычной аббревиатуры USB (англ. Universal Serial Bus ‘универсальная последовательная шина’), добавление исконного суффикса субъективной оценки *-шшк-* переводит его в разряд типично русских эмоционально-экспрессивных производных слов типа *землишка*, *мелочишка*. В плане концептуальном это свидетельствует о реали-

зации уже национально обусловленных когнитивных моделей ситуации. С одной стороны, на уровне денотата, выраженного иноязычной корневой морфемой, мы имеем абсолютно нейтральное, даже специализированное значение терминологического характера ‘последовательный интерфейс для подключения периферийных устройств к бытовой цифровой технике (компьютеру, мобильному телефону и пр.)’. Но с другой стороны, наличие эмоционально-экспрессивного суффикса одновременно задает для говорящего и адресата и определенный тип отношения, ценностной реакции на объект номинации, характерной именно для русского способа концептуализировать нейтральные объекты и явления (установка на эмпатию, «моральную страстность» [Вежбицкая 1997], чрезмерную гиперболизацию эмоциональной реакции на ситуацию и пр.). По тому же принципу CDROM превращается в *сидюк*, а РС (аббревиатура от РС – personal computer) даже в *писюк*. Трудно представить, что такие неолексемы, как *сидюк* и тем более *писюк*, в языковом сознании носителей русского языка могут хоть как-то быть восприняты как заимствования.

В наших предыдущих работах был раскрыт лингвокогнитивный механизм образования подобного рода семантической емкости, смысловой двуплановости для неодериватов на базе иноязычных элементов: «Вместе с иноязычным компонентом усваивается некий общий денотативный или сигнификативный слой, необходимый для заполнения имеющейся лакуны в когнитивной базе этноса или для обозначения появившейся в нашей жизни реалии: затем этот “слой” подлежит концептуальному переосмыслению и эмоционально-оценочной трансформации уже в соответствии с ключевыми идеями русской языковой картины мира <...>, т. е. становится скрытой предикацией. В таких словах выделяется своего рода диктумная часть, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и модусная часть, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно-русским формантом» [Радбиль 2019: 222]. Указанная семантическая насыщенность этих неолексем также является знаком их культурной апроприации в мире русского слова.

Э. Бенвенист в свое время выдвинул тезис о том, что говорящие в момент речи как бы присваивают язык [Бенвенист 1974]. В нашем случае тоже можно говорить о своего рода «присвоении» заимствований носителями языка в своих речевых практиках, при которых иноязычные элементы уже не воспринимаются как маркеры инокультурного бытия.

Особый исследовательский интерес представляют те иноязычные слова, которые выражают какие-либо знаковые (со знаком «плюс» или со знаком «минус») понятия в условиях новых коммуникативных потребностей в современной социокультурной ситуации. Многими исследователями отмечается «триумфальное шествие» по пространству русского языка таких лексем, как *гламурный* или *экссклюзивный*. Так, о крайне своеобразной рецепции слова *glamour* на русской почве говорится в статье О.И. Северской «Гламур, гламурь, гламурье и прочее (Об истории одного из заимствований последних лет)»: «...слово *гламур*... явно превратилось из иностранного в русское слово, образовав целое “гламурное” словообразовательное гнездо» [Северская 2011: 54]. В этой статье встречаем всем известное уже *гламурненько*, о распространенности которого в отечественной речевой практике свидетельствует наличие сайта *Гламурненько.ру*, серии книг «Гламурненько», названия произведений сетературы (например «Как выглядит

гламурненько!») и даже песен, а также безаффиксный отадъективный экспрессивный дериват *гламурь*, квазисобирательный суффиксальный дериват *гламурье*, имена деятеля *гламурищик*, *гламурищица*, глагол *гламурить* и пр. [Северская 2011].

Любопытен в этом плане неодериват *гламурненько*. В свое время А. Вежбицкая показала, что суффиксы субъективной оценки русских прилагательных *-оньк-/-еньк-* выражают не передаваемое средствами других языков представление о синкретичном, неопределенном «свободно плавающем хорошем чувстве», направленном на денотат или ситуацию в целом: ‘когда я думаю о X, я чувствую что-то хорошее’ [Вежбицкая 1997], в наших работах мы в таких случаях говорим об «эмпатийных употреблениях», понимая под эмпатией эффект оценочно-экспрессивного отношения русского человека к миру вообще, некую смысловую тональность («ауру») особой эмоциональной насыщенности и личностной вовлеченности в номинацию явлений и событий, которая распространяется даже на самые обычные вещи. В неодеривате *гламурненько* «мы видим нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного “неопределенно хорошего чувства” и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. О продуктивности такой модели свидетельствуют разнообразные *готичненько*, *экслюзивненько* и пр., которые порождены на базе “чужеродных” *готов*, *экслюзива* и т. д.» [Русский язык начала XXI века 2014: 28]. Говоря об исключительной распространенности слов с показателями субъективной оценки в русской речи (которые, кстати, переводятся на другие языки чаще всего с потерей этого важного смыслового компонента), А. Вежбицкая в свое время сформулировала положение о том, что они в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи: «То, какое именно чувство передается, зависит каждый раз от контекста, но в целом эмоциональная температура текста весьма высокая – она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках» [Вежбицкая 1997: 54–55].

Итак, и само наличие разветвленных моделей словообразования на базе какого-либо слова говорит, по мнению А. Вежбицкой, о значительной «культурной разработанности» обозначаемого им понятия в языке [Вежбицкая 1997]. Если в такие модели вписывается иноязычный по происхождению корень (в нашем случае *гламур-*), то это, в свою очередь, свидетельствует о его существенной «аккультурации», о концептуальном освоении в речевых практиках носителей русского языка. В этом плане важно также и само количество денотатов, которые может обозначать аккультурированное слово. Большое количество также доказывает высокую степень культурной апроприации заимствования. Например, неодериват *экслюзивчик* в разных ситуациях может обозначать некое знаменательное событие для говорящего, так может называться магазин, интернет-портал, даже стихотворение.

На собственно семантическом уровне для явлений подобного рода характерна определенная «десемантизация» иноязычного корня, когда «перевешивает» семантика форманта, который как бы «забирает» на себя основной смысловой акцент при восприятии новообразования. А формант, как мы уже знаем, характеризуется как исконно русский. Это и является когнитивной основой для переинтерпретации изначально чужого элемента в духе специфически русского способа языковой концептуализации мира по эмпатийной модели. Как правило, это может сопровождаться и приращениями дополнительных коннотаций, связанных с ироническим обыгрыванием, остранением первоначальной «серьезности» семантики этих корней в языке-источнике как выразителей инокультурных жизненных ценностей.

Итак, заимствованные лексемы естественным образом вовлекаются в этот круг тотальной эмпатии русского дискурса. В наших предыдущих работах мы рассмотрели примечательное в этом плане слово *смайлик*, «которое в общем даже совсем не похоже на заимствование, потому что здесь иноязычный корень изначально вовлекается в сферу семантических и словообразовательных процессов, присущих русскому языку, т. е. приобретает несвойственное ему в языке-источнике структурное оформление, словообразовательный показатель – размерно-оценочный суффикс *-ик*, при отсутствии исходного *смайл* (в отличие, например, от модели *стол* → *столлик*). Этот элемент *-ик* должен быть квалифицирован как субморф, но он является важным для понимания слова *смайлик*, потому что отражает типично русскую конфигурацию смыслов, характерную для полноценных уменьшительно-ласкательных суффиксов, – указание на малый размер, совмещенное с особым эмоциональным, задушевным отношением говорящего к объекту номинации и к ситуации общения в целом. Ничего подобного не обнаруживаем в слове, ставшем источником для данного заимствования: *smiley* (1. *прилаг.* улыбчивый → 2. *перен.* смайлик; эмотикон, обозначающий улыбку). Понятно, что и в английском языке-источнике имплицитно содержится указание на малый размер и особую экспрессию, но в русском языке эти смыслы эксплицированы в показателе *-ик*» [Радбиль и др. 2018: 130].

3. КУЛЬТУРНАЯ АПРОПРИАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Очень показательным примером «культурной русификации» иноязычных элементов являются варианты «эмоционально-экспрессивные образования неолексем, которые, помимо диминутива, могут реализовать другую версию, с просторечным суффиксом *-УХ(А)*; так, например, наряду с диминутивом *превью-ШК-а* (англ. *preview* – “предварительный просмотр”): *Я загружаю размером одним, а превьюшка представляется совсем в другом размере и на много меньше, чем мне надо* [<https://drupal.ru/node/62717>], – имеется и *превью-Х-а*: *Возникла такая проблема, перестали генерироваться превьюхи* [<https://rulightroom.livejournal.com/174877.html>]» [Русский язык в интернет-коммуникации 2021: 65].

Также, как было показано ранее: «Другую культурную установку – на чрезмерную гиперболизацию при номинации самых обычных лиц, вещей, явлений или событий – отражает модель окказионального образования аугментативов (“увеличительных” неолексем) на базе иноязычных корней посредством размерно-оценочных суффиксов, например, *респект-ИЩ-е* (англ. *respect* – выражение благодарности, уважения): *Респектище тебе, добрый человек!* [<https://www.ejabberd.im/node/2661/index.html>]» [Там же: 66].

Эти новообразования настолько стремительно входят в отечественное социокультурное пространство, особенно в коммуникативную среду пользователей интернета и социальных сетей, что многие из них на уровне языковой рецепции просто перестают восприниматься как заимствования. Исконные аффиксы, присоединяясь к заимствованным корням, как бы «обнуляют» изначально иноязычный характер неолексем.

В русской глагольной лексике также наблюдаются рефлексии культурной апроприации заимствований в зоне языковой облигаторности. В глаголах типа *троллить*, *приаттачить*, *запостить*, *законнектить(ся)*, *фóрсить*, *забанить* и т. д.

мы видим грамматическую оформленность по законам русской морфологии, а в некоторых из них также отмечается появление русских приставок и суффиксов, модифицирующих первоначальное значение слова. «Аккультурация иноязычных корней в русскую глагольную лексику также осуществляется по русским способам видеть мир в слове, отражая такую черту “семантического универсума”, как присущая русскому глаголу избыточная образная характеристика ситуации в целом с встроенным экспрессивно-оценочным отношением к ней» [Радбиль 2017а: 110].

Как известно, национально-специфической чертой морфологии русского глагола является лексико-грамматическая категория способа глагольного действия. Поэтому вовлечение некоего иноязычного слова в разветвленный способ глагольного действия является несомненным свидетельством его «культурной русификации», так сказать, концептуального «обрусения». Именно это мы наблюдаем для глагола *селфить* / *селфиться*. От данного глагола образуются самые разнообразные дериваты с сильной степенью экспрессии:

- *понаселфить*: **Понаселфили** в общем [www.pictaram.com/tag/malcev];
- *понаселфиться*: Пока Доби бегал за водичкой, они **понаселфились**... [<https://vk.com/wall/>];
- *отселфить*: Я ровно два года назад **отселфился** на этой же камере [<https://www.drive2.ru/b/>];
- *поселфиться*: Из разряда помылись, убрались, **поселфились** [<https://www.drive2.ru/>];
- *населфиться*: **Населфился** до потери сознания! [<https://otvet.mail.ru/question>]; Петербуржцам и гостям города на Неве можно и бесплатно **населфиться** вдоволь [peterburg.center/ln/3dselfivpeterburgefotosdinozavramiinetolko.html];
- *уселфиться*: Весь **уселфился** [<https://vk.com/>].

Понятно, что проанализированные процессы характерны не только для этого отдельно взятого глагола. Речь идет именно о тенденции вхождения в разнообразные способы глагольного действия любого глагола с заимствованным корнем, активно распространяющегося в коммуникативном пространстве интернета.

Так, от глагола *френдить* ‘включать чью-либо учетную запись в список избранных контактов на интернет-ресурсе’ также зафиксировано множество экспрессивных аффиксальных модификаций действия:

- *зафрендить*: Добавить в друзья (т.е. предоставить повышенные права доступа к личным ресурсам) в социальной сети, в частности в жж. *Хотите меня зафрендить?* [argo.academic.ru/];
- *зафрендиться*: **Зафрендиться** с потребителем в последнее время [www.kommersant.ru/private/pdoc?docid=139182];
- *отфрендить*: **Отфрендить** нельзя помиловать [www.cosmo.ru/sexlove/he_and_you/otfrenditnelzyapomilovat/];
- *расфрендить*: Трудно **расфрендить** человека, который одновременно: сам по себе хороший и обаятельный [andrzejn.livejournal.com/555148.html];
- *расфрендиться*: Недавно пришлось **расфрендиться** с парой «широко известных в узких кругах» блогеров [asiarussia.ru/blogs/11100/];
- *пофрендиться*: Ничего не имею против новых технологий, но когда они опускаются только до уровня «**пофрендиться**» и «**полайкаться**»... [forums.kuban.ru/43068749post4820.html].

Согласно разрабатываемой нами концепции, доказательством наличия наибольшей степени культурной апроприации заимствований являются особые коммуникативно-прагматические (или, иначе говоря, когнитивно-дискурсивные) рефлексии их актуализации в речевых практиках носителей языка. Речь идет о том, что слова подобного рода на определенном этапе их функционирования расширяют возможные сферы использования, выходя за пределы изначально специализированной области употребления, в нашем случае это референциальная область компьютерных технологий, интернет-коммуникаций и социальных сетей. Проще говоря, *игнорить*, *флудить*, *банить*, *коннектиться* и под. теперь тоже можно не только в интернет-пространстве. Подобное расширение тематической сферы использования, как будет показано далее, ведет и к языковому расширению, как правило, по моделям концептуальной метафоризации.

Игнорить ‘намеренно, автоматически, с помощью программных средств (специальной ссылки), исключать нежелательного собеседника (в программах онлайн-общения, форумах, чатах)’: *Например, бывает полный игнор – это когда вы с девушкой расстались (как по ее воле, так и по твоей) и разъехались, либо никогда не жили вместе. В этом случае ты представляешь, что человека просто не существует и игноришь по всем фронтам* [<https://rvcouch.ru/nepoluchaetsyasoblyudatignorvotprochemu/>]. Здесь же слово используется в расширительном значении ‘намеренно не замечает, игнорирует’ в целях усиления экспрессии и подстройки под специфику аудитории интернета.

Флудить (от искаженного произношения английского flood – звучит как [flʌd] ‘поток, наводнение’): ‘размещать большое количество ненужной информации в процессе общения в сети, информации, как правило, бессмысленной и не соответствующей теме’: *В социуме стало превалировать мнение, что женщина – хозяйка своего флуда и вольна флудить, с кем и как захочет* [<https://proza.ru/2009/12/30/159>]. – Однако здесь значение слова *флудить* метафорически расширяется до предельно обобщенного ‘нести ерунду, говорит не по делу, бессмысленные вещи и под.’.

Забанить ‘заблокировать, установить в софте форума, блога или т. п. запрет на сообщения определенного участника’: *Сегодня УЕФА решает забанить «Спартак». Сегодня ФИФА исключает сборную России* [https://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Futbol/]. – А здесь имеется модель метафорического переноса, расширяющего сферу применимости глагола *забанить*, в результате чего он приобретает эмоционально окрашенное значение ‘исключить, запретить, ограничить в правах’.

Коннектиться ‘подключаться к сети, соединяться с интернетом’: *5 февраля. Как Зима с Летом коннектились* [istorii.net.ua/nonformat/31-15-fevralya-kak-zima-s-letom-konnektilis.html]. – Между тем здесь глагол употреблен просто в значении ‘встретились’.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное выше явление культурной апроприации заимствований, конечно же, следует рассматривать в контексте противостояния общемировой тенденции к интернационализации и установки на сбережение национальных культурных традиций, что характерно для многих регионов мира, в том числе и для отечественного социокультурного пространства. В свете лингвокогнитивной интерпретации особенностей «культурной русификации» слов с иноязычными компонентами мы можем утверждать, что она по-разному осуществляется на разных

уровнях языка. В частности, очевидно, что инновационные процессы в лексике, в том числе и связанные с заимствованиями, проявляют себя наиболее активно. Но надо отчетливо представлять, что изменения в лексической сфере в плане именно влияния на языковую картину мира этноса и социума имеют наименьшую значимость. Другое дело – изменения в зоне языковой облигаторности, т. е. в словообразовательных моделях, грамматических категориях как строевых единицах грамматического строя языка, которые выступают в качестве основных средств воплощения мысли о мире в языке. Но именно в этой области, как показывают наши наблюдения, преобладают все же исконные, национально обусловленные когнитивные и культурные модели языковой концептуализации мира.

Формально-структурные изменения иноязычных по происхождению элементов в результате их включения в способы русского словообразования обязательно сопровождаются семантическим расширением и коннотативно-оценочным приращением смысла, часто по моделям концептуальной метафоры. Это позволяет употреблять данные инновации в самых разнообразных коммуникативных условиях в качестве оценочной реакции на самые разнообразные ситуации. Постоянно действующие механизмы культурной апроприации заимствований способствуют расширению экспрессивных возможностей русского языка, т. е. в конечном итоге служат его обогащению и развитию.

Отечественные речевые практики демонстрируют удивительную свободу в обращении с иноязычным материалом, которая выступает как проявление лингвокреативного потенциала носителей языка. При этом достаточно крепкими и надежными выглядят барьеры, расставленные в зоне языковой облигаторности русской грамматикой, на пути проникновения инокультурных паттернов в национальную языковую картину мира. Проще говоря, в освоении заимствований русский язык ведет себя как рачительный хозяин: берет из чужого то, что ему нужно, и делает это своим. Во многом это происходит благодаря действию разнообразных словообразовательных механизмов русского языка, еще раз продемонстрировавших свою значительную роль в реализации когнитивных процессов этноса и социума.

Глава 2. Модели номинации действий пользователей интернета в русской онлайн-коммуникации⁶

М.Э. Де Пой

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, современный русский язык последних десятилетий характеризуется интенсивными заимствованиями из английского языка. Естественной средой распространения заимствованной лексики являются различные интернет-ресурсы, предназначенные для неформального общения, в первую очередь социальные сети. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о формировании новой коммуникативной среды – глобальной сети Интернет. Во многих отношениях она дублирует привычное устное повседневное общение, отличаясь от него по преимуществу лишь каналом коммуникации. В то же время данная среда обладает и рядом особенностей, с чем связано возникновение множества новых понятий

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/231800260/>.

и явлений, специфических именно для этой новой виртуальной среды. Образование таких номинаций происходит главным образом на базе заимствований из английского языка, что обусловлено ведущим местом, которое занимают в развитии электронных технологий страны англо-американского мира. Рост заимствований, таким образом, связан с потребностью в номинациях этих новых явлений, появившихся сравнительно недавно, но в короткое время успевших стать неотъемлемой частью неформальной онлайн-коммуникации – и их число постоянно растет.

Заимствования последних десятилетий не ограничиваются англицизмами. Так, в современной русской онлайн-коммуникации можно встретить слова, заимствованные из японского языка (такие как *ня*, *кавай*, *аригато* и т. д.). Источником такой лексики является субкультура аниме в самом широком смысле этого слова, т. е. даже не столько сам дискурс фанатов жанра «аниме», сколько дискурс современной молодежной японской культуры, интерес к которой практически всегда идет бок о бок с увлечением аниме. Однако эти заимствования все же по преимуществу остаются специфической чертой аниме-дискурса. Английские же заимствования, находящиеся в фокусе настоящего исследования, называют действия, которые каждый день многократно совершает любой пользователь интернета, поэтому они более широко распространены и быстрее адаптируются к русскому языку.

Целью нашего исследования является описание процесса заимствования в русский язык английских глаголов, описывающих неформальную онлайн-коммуникацию. Основные задачи – это описание моделей заимствования таких глаголов русским языком, анализ их семантики и прагматики в сопоставлении с английскими исходными глаголами, а также анализ их конкуренции с другими типами номинаций тех же действий. Исследование проводится на материале текстов неформальной онлайн-коммуникации. Методы исследования определяются использованием Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) и механизмов интернет-поиска (поисковые системы Яндекс и Google). Поиск глаголов в интернете позволил компенсировать устаревание данных ГИКРЯ (поскольку корпус не пополнялся с 2016 г. и некоторые глаголы в нем просто не представлены).

2. МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА

Мы выделяем три основных модели в номинации действий пользователей сети в неформальной онлайн-коммуникации:

1. **Заимствованные глагольные неологизмы, образованные комбинированным способом**, т. е. присоединением русских аффиксов к заимствованному корню, например: *лайкать*, *постить*, *репостить*, *стримить*, *хейтить*, *хайповать* и т. д. Для значительной их части в русском языке не существует однословного и однозначного эквивалента. Например, значение глагола *хайповать* (или *хайпить*) – ‘использовать ажиотаж вокруг какой-либо темы в целях привлечения внимания’ – передается в русском языке только описательными конструкциями (ср. *черный пиар*). При этом используется транслитерация или транскрипция англоязычной основы, к которой впоследствии и присоединяются аффиксы, например: *to post* [pəʊst] – *пост* [пóст] – *постить* [пóс’т’ыт’], *to like* [laɪk] – *лайк* [лájк] – *лайкать* [лájкът’], *to stream* [stri:m] – *стрим* [стр’ím] – *стримить* [стр’ím’ыт’], *to hate* [heit] – *хейт* [х’эйт] – *хейтить* [х’эйт’ыт’], *to hype* [haɪp] – *хайп* [хájп] – *хайповать* / *хайпить* [хэйпавát’] и т. д.

2. **Узуальные переводные эквиваленты.** Например, для передачи лексического значения глагола *to send* [message / email / etc.] говорящий, вероятно, скажет *отправить* [сообщение / письмо по электронной почте], но не **сендить* или **сенднуть*. Точно так же *to reply* – *ответить*, но не **реплаить* или **реплаинуть* (хотя такой глагол встречается в контекстах, связанных с обсуждением самой технической возможности отправить реплику на сообщение на форуме; ср.: *Не могу реплаинуть в своем треде, читай тут* [ГИКРЯ]). Поскольку глаголы данной группы в основном отсылают к кругу речевых действий, общих для «онлайна» и «офлайна», в контексте онлайн-коммуникации узуальное русское слово просто сужает свое лексическое значение в определенном контекстном окружении (ср.: *ответить на вопрос учителя* и *ответить по электронной почте*).

3. **Аналитические предикаты**, такие как *сделать репост*, *поставить лайк / тег / хэштег*, *послать / отправить мейл* и т. п. Глагольная часть таких единиц состоит из русского глагола, именная – из заимствованного существительного (ведь заимствованная лексема может оформляться не только как глагол (*post* – *постить*, *hate* – *хейтить*), но и как существительное мужского рода (например, *пост*, *хейт*, *хайп*, *тег*, *рофл*, *лайк* и т. п.). Аналитические номинации по своей семантической структуре соотносятся с комбинированными глагольными неологизмами.

Английской лексеме могут соответствовать в русском языке несколько единиц разных типов. Ср. такие цепочки: англ. *ROFL* (аббр. *Rolling On the Floor Laughing* ‘валяюсь по полу от смеха’) – *рофлить* – *шутить*, англ. *to post* – *постить* – *написать*, англ. *to check* – *чекать* – *проверить / посмотреть*, англ. *to like* – *лайкать* – *нравиться*, англ. *to tag* – *тегнуть* – *отметить*, англ. *to refresh* (*web-page*) – *рефрешить (страницу)* – *обновить / перезагрузить*, англ. *to stalk* – *сталкерить* – *преследовать* и т. п. Подобных цепочек можно составить немало, поскольку, как показывают эксперименты с опросом информантов, при желании и необходимости практически любому подобному глаголу можно найти русский эквивалент. Например, при анализе контекстов мы поначалу исходили из предположения, что заимствованный глагол *рофлить* не является полным синонимом к узуальному русскому *шутить*. Однако опрос информантов показал, что для значительной части опрошенных эти слова являются полными синонимами. Подробнее результаты анкетирования будут изложены ниже в соответствующем разделе.

3. КОНКУРЕНЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ И РУССКИХ СИНОНИМОВ ПРИ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

3.1. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Е.И. Литневская пишет, что «большинство пользователей чатов – молодежь в возрасте от 14 до 26 лет» [Литневская, Бакланова 2005: 48]. По данным исследования Mediascope, среди молодежи интернетом пользуются почти 100% (97,1%). Поскольку для молодых пользователей важен сленг, они его активно используют. Е.И. Литневская приводит данные А.Е. Войскунского о том, что «более двух третей пользователей русского Интернета владеют английским языком в степени, достаточной для его использования в Сети» [Литневская 2011: 113]. А раз так, то англицизмы становятся для молодежи еще более естественными. Ср. примеры употребления наиболее частотных из таких неологизмов (для примера, частотность *полайкать* по ГИКРЯ – 2373 употреблений, *запостить* – 2072, *забанить* – 19146), ср.:

Думаете, если вы **полайкаете** мальчика, он вас влюбится? [ГИКРЯ];

Запостил прохождение игры со своими выученными навыками – вот здесь [www.gamer.ru], но хотелось бы почитать как люди проходят с другими прокаченными навыками [https://steamcommunity.com/];

[Я] **забанил** школьника который притворялся админом, спалил читера перед одноклассниками на уроке в Zoom [ГИКРЯ]

Из этого можно было бы предположить, что молодежь в основном использует англицизмы. Однако наше исследование показало, что в речи молодых пользователей соцсетей представлена и русская лексика. Так, при анализе языка общения в чате-«флудилке» (т.е. таком чате, который создан с целью вынести флуд (общение на свободную тему) за пределы «официального» учебного чата) одной из академических групп филологического факультета МГУ обращает на себя внимание преобладание русской лексики в соответствующих вторичных значениях: *поделиться, прислать, кинуть / скинуть, выложить, написать* и т.д. По всей вероятности, широкое распространение узуальных русских синонимов связано с широтой и универсальностью их значения. Общей семой для таких глаголов является ‘предоставить в (публичный) доступ’, что в принципе является ядром значения большинства глаголов, описывающих онлайн-коммуникацию, поскольку при общении в интернете стирается грань между межличностной и публичной коммуникацией (ср., например, [Битков 2012: 37]). При этом в контекстах, связанных с онлайн-коммуникацией, их значение способно сужаться. Высокая культура речи и ответственное отношение к языку, свойственные в основной массе студентам-филологам, на наш взгляд, не играют здесь значительной роли, поскольку в данном случае мы имеем дело с ситуацией неформального общения.

3.2. СИНОНИМИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ: РУССКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Проиллюстрируем последнее утверждение на примере лексико-семантической группы, связанной с публикацией контента в социальных сетях: *запостить – отпостить – пропостить – постнуть – репостнуть – отрепостить – зарепостить – прорепостить – перепостить – выложить* [что-л.] – *опубликовать* [что-л.]. В данной ЛСГ представлен наиболее полный набор вариантов: и комбинированные дериваты (префиксальные и суффиксальные), и аналитические предикаты, и русские синонимы, включая любопытный с точки зрения морфемики вариант *перепостить*, очевидно имеющий своим источником *репостить*, однако на основе частичного созвучия сменивший англоязычный префикс *re-* на синонимичное русское *пере-*. При этом необходимо учитывать, что глагол *выложить* многозначный: наряду со вторичным производным значением ‘опубликовать’ он имеет также значения ‘положить куда-л., вынув откуда-л.’, ‘покрыть какую-л. поверхность, уложив на ней что-л.’, ‘(разг.) отдать, заплатить’ и ‘(разг.) высказать, сообщить (обычно исчерпывающе, откровенно)’ [БТС], которые фиксируются в онлайн-коммуникации. Следовательно, при анализе контекстов необходимо отделить значение ‘опубликовать в интернете’ от всех остальных. Поэтому его частотность по ГИКРЯ подсчитывалась в несколько этапов.

1. По запросу [lemma = “выложить”] была получена выгрузка контекстов общим числом ~670 тыс. вхождений. При этом среди контекстов были и такие, в которых глагол *выложить* употребляется в значении публикации контента, и те, в которых он означает действие в процессе приготовления блюда, – тексты кулинарных рецептов (например, *выложить тесто в форму для запекания*), а также

связанные с разговорным значением ‘заплатить [некоторую сумму денег]’ (например, *выложить тысячу баксов*) и некоторые др.

2. Путем анализа правого контекста была определена типичная сочетаемость для данного глагола в «кулинарных» контекстах (*на противень / блюдо / в миску / сковороду* и т. п.) и «денежных» контекстах (*долларов / рублей / евро / миллионов / тысяч* и т. п.).

3. Путем фильтрации строк по столбцу с правым контекстом из выгрузки были исключены контексты, не имеющие отношения к публикации контента в соцсетях.

4. В полученном наборе контекстов путем перепроверки вручную погрешность была сведена практически к нулю.

5. Итоговая частотность представлена для каждого члена данной ЛСГ в таблице 1.

Таблица 1

Глагол	Частотность
<i>выложить</i>	360 507
<i>опубликовать</i>	312 433
<i>сделать репост</i>	195 412
<i>написать пост</i>	104 007
<i>репостнуть</i>	33 721
<i>сделать пост</i>	3 977
<i>выложить пост</i>	1 985
<i>запостить</i>	1 095
<i>постнуть</i>	188
<i>зарепостить</i>	175
<i>отрепостить</i>	138
<i>прорепоить</i>	131
<i>перепостить</i>	106

На вершине списка, отсортированного по убыванию частотности, находится русский узуальный глагол, в нижней части списка находятся комбинированные неологизмы (причем частотность суффиксальных выше, чем префиксальных). В средней части таблицы сконцентрировались аналитические предикаты. Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что в данной лексико-семантической группе наибольшей популярностью пользуются русские переводные эквиваленты. Аналогичный анализ в перспективе может быть проведен и для других ЛСГ.

- *Об этом я все никак не соберусь написать... А пока собираюсь – **выложу** тут очень ценное ее высказывание о том, как материнство становится адом.*
- *Сегодня постараюсь **выложить** что-то из полезного. В данном случае это книжный магазин.*
- *А не **выложить** ли мне перечень слов и ругательств, которые хочется помнит вечно?*
- *Я просто не могу не **выложить** этот диалог!!! XD Я до сих пор с него валяюсь.*
- *Ну что ж, и я **выложу** мою Коломну любимую.*

- *Метаморфозы в детской книге. Давно хотел **выложить**, но как-то руки не доходили.*

Для обозначения этого действия могут употребляться и другие глаголы. Так, русское *поделиться* вслед за англ. *to share* развивает дополнительное значение, употребляясь в контекстах, связанных с передачей одним пользователем другому того или иного контента по интернету. Говорящий, произнося «*поделитесь, пожалуйста, кафедральным учебником*» или «*не могли бы вы поделиться конспектом*», подразумевает, что поделиться файлом учебника или конспектом в Google Docs можно совершенно определенным способом: сгенерировать ссылку на документ или загрузить аудиофайл в файлообменник и отправить их получателю в мессенджере или по почте. В контекстах ниже говорящий учитывает технологическую составляющую этого действия и на всякий случай оговаривает, что отсутствие у адресата такой возможности будет служить извинением тому, что он этого не сделает:

- *ребят, а кто-нибудь записывает лекцию на аудио? если да, поделитесь потом пожалуйста 🙏*
- *Да, и поделитесь, пожалуйста, кафедральным учебником, ежели оный у кого-то имеется)*
- *И, простите, что снова клянчу, но не могли бы вы поделиться конспектом... Хотя она их присылает.*
- *Спасибо! Потом поделитесь, пожалуйста, записями и аудиозаписями с семинара и лекции, если есть 😊*
- *дорогие, а может кто-то поделиться файлом со всеми схемами предложений??*
- ***Есть возможность** поделиться со мной ссылкой на сегодняшнюю лекцию по критике Л.А. Трахтенберга?*

Ср. употребление английского глагола в аналогичных контекстах:

- *February 7, 5:36 pm # Great Article! Couldn't find a link to **share** on facebook? # Dave # Yellowknife, NWT, Canada [COCA]*
- *Support women's sports and **SHARE** this story with your friends! [COCA]*
- *This blog is an opportunity to **share** stories from IKEA coworkers and our partners on the projects we support [COCA]*

В качестве переводного эквивалента комбинированному *расшарить / зашарить* может выступать глагол *кинуть* (или *скинуть*). Конкретно-пространственное значение этого глагола при использовании в контексте онлайн-коммуникации развивается в сторону абстракции, при этом за основу берется семантический компонент «дать возможность воспользоваться другому» (ср. значение по Ожегову: «Быстро перемещать, направлять, посылать куда-л.» [Ожегов 1997]). В этом отношении глагол *скинуть* также может выступать и как синоним *поделиться* (разговорная окраска при этом будет выражена более ярко). Ср. следующие контексты:

- *Там в рассылке только четыре адреса указано, поэтому решила **кинуть** сюда [про ссылку на зум-конференцию]*
- *А **киньте** ссылкой*
- *А может кто-нибудь, кому не очень сложно, **кинуть** скринами то, что читаем из Белошапковой на сегодня?..*
- *Так она **скидывала** ответы [преподаватель уже присылал ключи к тесту]*

- Ребята, а можете **скинуть** скрины с 1-ым заданием и теорией по 2-му conditional? У меня в файле дефектные странички(
- а можете **скинуть** точные названия [статей]?
- блин сори всем еще раз за вопрос, но можете **скинуть** список по зарубежке?

Использование русских переводных эквивалентов оказывается актуальным и для других лексико-семантических групп. Так, глагол *тегать* ([тэ́гът']) – от англ. *tag* ‘отметить, поставить тег’ обозначает встроенную в интерфейс большинства соцсетей функцию, позволяющую «отметить» пользователя по адресу его страницы в чате или на публикации с целью привлечь его внимание (пользователь получает всплывающее уведомление). Эта функция особо актуальна при отправке важных сообщений или если желательна реакция упоминаемого человека на публикацию; нередко для этого используется тег @all (ср. производный от него глагол *олнуть*). Не следует при этом смешивать тег¹ ‘отметка для привлечения внимания’ с тег² ‘хэштег’, который обозначает маркировку публикаций с целью объединить их по тематическому признаку (например, *тег #фольклорная_экспедиция_2019*). По-видимому, здесь имело место постепенное семантическое расхождение английского *to tag*, в обоих случаях содержащего семантический элемент ‘отметить’, по мере развития технологий, связанных с тегированием как одним из видов сообщения пользователю (при публикации поста в соцсетях под каким-либо *тегом* = *хештегом* пользователи уведомления не получают). Говорящие нередко используют для этого русские синонимы.

Один из таких синонимов – *упомянуть*. В частности, именно он используется в тексте всплывающего сообщения, которое появляется, когда тот или иной участник чата вас тегнул (ср. такие контексты, как *Иван Иванов упомянул вас в беседе «Встречи Поэтического клуба МГУ»*). Однако он встречается и в речи участников чатов:

- можно было и **упомянуть** [человек зашел в чат поздно вечером и узнал, что днем одноклассники созванивались в Зоот для обсуждения сложной темы]
- Август, почему-то не могу тебя **упомянуть**. Его выходы-возвращения из/в беседу, как я считаю, не более чем бородатый и дешевый эпатаж

Глаголы *отметить* / *отмечать* не используются в основном интерфейсе ВКонтакте, во всяком случае в контекстах, связанных с упоминанием в чатах или в комментариях. Однако пользователи могут употреблять его в ходе переписки:

- Я просто очень не хочу **отмечать** all, как здесь это принято, потому что тогда остальные 220 участников меня проклянут, хахахапх
- Кому надо, тот читает, только **отмечать** 10 раз всех не надо
- Короче, не знаю, на сколько это правильное решение, но меня не будет очно на психологии. Если она даст кр очно, **тегните** все равно, плез. Если все же домой даст, тоже **отметьте**, пожалуйста [яркий пример синонимичного употребления *тегнуть* и *отметить* в одном контексте]

Заметим, однако, что *отметить* человека можно и на опубликованной в соцсетях фотографии, что иногда предлагают сделать сами встроенные алгоритмы обработки изображения, идентифицирующие лица на фотографиях. В таком случае пользователь также будет уведомлен об отметке.

Довольно неочевидным эквивалентом заимствованному *лайкнуть* и однокоренным приставочным дериватам и аналитическим предикатам является глагол *оценить*. Как и *упомянуть*, он употребляется в текстах уведомлений, встроенных

в сам интерфейс ВКонтакте (ср.: *Иван Крылов и еще 6 человек оценили вашу запись*). При этом корректное функционирование данного глагола обусловлено тем обстоятельством, что в функционале социальной сети ВКонтакте отсутствует как таковая возможность поставить иную оценку, кроме положительной (при этом возможность *дизлайкнуть / поставить дизлайк* есть в социальных сетях Facebook, YouTube и некоторых других).

Таким образом, можно говорить о расширении интенционала узуальных русских глаголов в связи с употреблением в контекстах, связанных с новыми информационными технологиями и их использованием в ходе неформальной онлайн-коммуникации.

3.3. СИНОНИМИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ: АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Что касается комбинированных заимствованных глаголов, их употребление, как правило, связано либо с отсутствием в русской концептосфере соответствующих концептов, либо с наличием некоторых содержательных различий, по той или иной причине важных для участников онлайн-коммуникации и не могущих быть выраженными средствами только русского языка. В последнем случае у говорящего просто нет иного выхода, кроме как использовать комбинированное заимствование. При этом часто при заимствовании происходит семантическое изменение заимствованного английского глагола, в результате чего русский неологизм, образованный на его базе, оказывается семантически сложнее своей мотивирующей базы.

Так, значение глагола *хейтить* (от англ. *to hate* 'ненавидеть'), в отличие от исходного английского глагола, не сводится к 'ненавидеть'. Оно состоит из двух компонентов: 'ненавидеть' + 'выражать ненависть'. Как пишет О.М. Вертинская, *хейт* выступает «в качестве прагматического противовеса *лайков* как виртуализированной формы любви», что позволяет провести четкое разграничение «между референциально универсальной ненавистью и хейтом» [Вертинская 2019: 103]

В ряде контекстов, впрочем, различие между двумя вариантами – *хейтить* и *ненавидеть* – может размываться вплоть до нейтрализации. Ср. следующие примеры:

- *она и так меня заслуженно хейтит / ненавидит* [студент, который не появляется на занятиях, про преподавателя, на занятиях у которого он не появляется]
- *Мне кажется, она Митю както особенно хейтит / ненавидит* [про предвзятое отношение преподавателя]
- *В феврале Ариха хейтила / ненавидела* меня, как мне тогда казалось
- *Пускай мы хейтили / ненавидели друг друга в начальной школе, но сейчас ты одна из лучших девушек, которых я когда-либо знал*

Однако в других контекстах *ненавидеть* может быть попросту неуместно. Ср. следующие примеры из ГИКРЯ:

- *Я слишком себя уважаю, чтобы как-то хейтить эти 50 оттенков дерьма* [речь о скандальной книге «50 оттенков серого», представляющей из себя графоманский эротический роман]
- *Я представитель партии, которую здесь принято только хейтить* – «Единая Россия»
- *В последнее время, в группе стало модно хейтить Хардена* (особенно после его балаболизма)

В семантической структуре английского глагола *to hate* такой элемент, по-видимому, отсутствует. По результатам анализа 156 контекстов из подкорпуса СОСА (Corpus of Contemporary American English) Британского национального корпуса не было зафиксировано ни одного контекста употребления глагола *hate* в аналогичном значении. К такому же выводу приходит, в частности, О.М. Вертинская. Исследовательница отмечает, что «ни один из английских словарей не регистрирует появления специализированного значения *hate* как маркера негативных эмоциональных оценок в интернет-пространстве» [Вертинская 2019: 103]. Все это позволяет говорить о том, что за неоминацией *хейт* и образованным от него глагольным неологизмом *хейтить* стоит трансформация существующего концепта на специфически русской почве. Вместе с тем результаты проведенного опроса с выбором глагола показали почти одинаковую популярность обоих вариантов в подобных контекстах, что, вероятно, связано с возможностью их нейтрализации. Одним из участников был предложен целый ряд синонимичных русских вариантов: «плевался», «терпеть не мог», что говорит о творческом подходе к языку и поиску альтернативных стратегий выражения того или иного смысла.

Ситуация с глаголом *рофлить* несколько сложнее. Обозначаемое им понятие связано прежде всего с особым типом юмора, родственным постиронии (сатирический прием, в котором искренность сложно отличить от иронии), актуализация которого связана с развитием интернета и связанной с ним «карнавальная» культурой (ср., например, [Нестерова, Нестеров 1999]). Иначе говоря, *рофлить* – это отпускать ни к чему не обязывающие шутки, на которые не следует обижаться прежде всего в силу их абсурдного характера. Однако изначально местом возникновения этого явления была именно интернет-среда. Аббревиатура *ROFL* (англ. *Rolling On the Floor Laughing*) была заимствована первоначально в виде *РОФЛ*, а затем стала оформляться как существительное 2-го субстантивного склонения *рофл*, чему способствовал ее фонетический облик (односложная закрытая основа). Это существительное и стало базой для глагольной номинации *рофлить*.

При этом данные опроса свидетельствуют о том, что бóльшая часть пользователей употребляет его как синоним *шутить* (по крайней мере, таково reported usage). Об этом свидетельствуют и, например, такие контексты:

- [Ответ на реплику участника, буквально воспринявшего шутку] *Да я рофлю* (ср. *Да я шучу*)
- *Мне трудно понять, рофлите вы или нет* (ср.: *мне трудно понять, шутите вы или нет*)
- *Ты че рофлишь* ('ты что, издеваешься?') (ср.: *ты что, шутишь?*)
- *Не парься, я просто рофлю*
- *Я просто рофлю. Но пригорело малость правда, да*

Однако участниками опроса было также высказано мнение, что при объектном употреблении этого глагола (т. е. *рофлить над кем-то*) возникает экспрессивная окраска, выражающая акцент на издевку:

- *Больше политоты богу политоты, но не рофлить над этим я не могу*
- *Сама над собой я рофлить могу*
- *Тогда не будет над чем рофлить!*
- [Неужели] *так сложно перестать рофлить над моим ростом?!*
- *Я сидела с челом из приемки, и мы тупа рофлили над абитурой вдвоем*

Безусловно, существуют и такие контексты, в которых *рофлить* употребляется наиболее близко по значению к исходной английской аббревиатуре – ‘очень сильно смеюсь’. В таком случае типично употребление его в составе предложно-падежной конструкции *рофлить с кого-л. / чего-л.* Однако доля таких контекстов, на наш взгляд, немногочисленна. Ср. следующие примеры:

- *Я рофлю с твоих комментариев моего фото*
- *Алик Смахов и Картман – этих ребят можно смотреть бесконечно и рофлить до потери пульса и дыхания*
- *Рофлю с чела, который вряд ли знает, как ставится бомба*

В английском языке *ROFL* также может использоваться как глагол. Так, в Британском национальном корпусе встречаются примеры, где лексема *rofl* грамматически оформлена как глагол *laugh*, присутствующий в расшифровке этой аббревиатуры (*rolling on the floor laughing*), т. е. *rofl at*. Ср. следующие примеры:

- *#lols wut. rofl at ur cmnts*
- *I got it on the brain. Still ROFL at myself*
- *Youre making me lol out loud and rofl on the floor and if I lmao and more my ass off*
- *“Yes,” one of them says as they rofl about, writhing in pain or still lost to laughing*

4. РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

4.1. ВЫБОР СПОСОБОВ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ

В качестве некоторой начальной попытки определить стратегии, которыми руководствуются сами говорящие при выборе того или иного варианта, было проведено анкетирование говорящих. В опросе приняло участие около 60 человек разного возраста (от 17 до 57 лет) и социального статуса (ученики старших классов, студенты разных профилей и представители разных профессий). Респондентам был предложен ряд контекстов с выбором варианта на месте заимствованного неологизма, имеющего узуальный русский синоним.

В каждом из предложений ниже выберите, какой из представленных вариантов Вы бы употребили в своей речи. При необходимости предложите свой.

- *Дорогие, а может кто-то поделиться файлом / зашарить файл со всеми схемами предложений?*
- *Тот момент, когда ты хейтил / ненавидел оригинал и восхищался ремиксом, не осознавая, что это одна и та же песня.*
- *Все началось с того, что твоя мама лайкнула / отлайкала / поставила лайк / поставила оценку «Нравится» на мою аватарку в ВК.*
- *Мне трудно понять, рофлишь / шутишь ты или нет.*

Результаты опроса подтверждают высказанные выше соображения относительно актуальности тех или иных моделей у пользователей разных возрастных групп и особенностей их употребления. Так, в паре *расшарить / зашарить / поделиться* («Дорогие, а может кто-то поделиться файлом / расшарить файл со всеми схемами предложений?») говорящие в обеих возрастных группах (от 17 до 30 лет и от 33 до 57 лет) чаще всего выбирали русский глагол *поделиться*. Связано это, вероятнее всего, с тем, что он вполне отвечает потребностям в номинации соот-

ветствующего действия в ходе онлайн-коммуникации, позволяя к тому же уйти от омонимии, возникающей в случае с *зашарить* или *расшарить*.

Для пары *хейтить* / *ненавидеть* результаты по возрастным группам разошлись. Более молодые респонденты (17–30 лет) в контексте «*тот момент, когда ты хейтил / ненавидел оригинал и восхищался ремиксом, не осознавая, что это одна и та же песня*» чаще всего выбирали вариант *хейтил*. Чуть меньшее количество голосов пришлось на *ненавидел*. Третьим по популярности оказался вариант, объединяющий оба эти варианта, т. е. выбравшие его респонденты считали возможным употребление в подобных контекстах как русского, так и заимствованного глагола (см. говорившееся выше о способности членов этой оппозиции к нейтрализации в ряде случаев). Респонденты же старшей возрастной группы (33–57 лет) значительно чаще остальных вариантов выбирали вариант *ненавидеть*, а также предлагали собственные варианты на русском языке (*плевался на, терпеть не мог* и т. п.). По-видимому, это может быть связано либо с тем, что говорящие старшего поколения недостаточно осознают семантическое расхождение между *хейтить* и *ненавидеть* по причине низкой вовлеченности в соответствующий дискурс, либо с тем, что, осознавая разницу в семантике, говорящие тем не менее считают необходимым передавать ее все же средствами русского языка, даже если альтернативой становится неоднословная номинация. Последнее тоже в определенной степени может быть связано с меньшей долей онлайн-коммуникации в жизни старшего поколения, поскольку в таком случае отпадает нужда в повышении скорости коммуникации за счет использования более коротких и емких номинативных единиц.

В ряде лексических единиц *лайкнуть* / *поставить*, *лайк* / *залайкать* / *поставить оценку «нравится»* в обеих возрастных группах респонденты чаще всего выбирали вариант *лайкнуть* (контекст *Все началось с того, что твоя мама лайкнула / отлайкала / поставила лайк / поставила оценку «Нравится» на мою аватарку в ВК.*), что, вероятно, связано с высокой степенью освоенности данного заимствования.

Наконец, в паре *рофлить* / *шутить* наиболее частотным оказался вариант *шутить* – как в старшей, так и в более молодой возрастной категории (контекст *Мне трудно понять, рофлишь / шутишь ты или нет*). При этом, однако, респонденты в возрасте от 17 до 30 лет также довольно активно выбирали вариант *рофлить*, и примерно столько же допускали употребление обоих вариантов. В ответах же респондентов от 33 до 57 вариант *рофлить* не представлен вовсе, что мы также связываем с низкой вовлеченностью старшего поколения в дискурс неформальной онлайн-коммуникации и стремлением ориентироваться на стилистические смыслы ‘норма’ и ‘книжность’.

4.2. ПРЯМАЯ ОЦЕНКА ЗАИМСТВОВАНИЙ

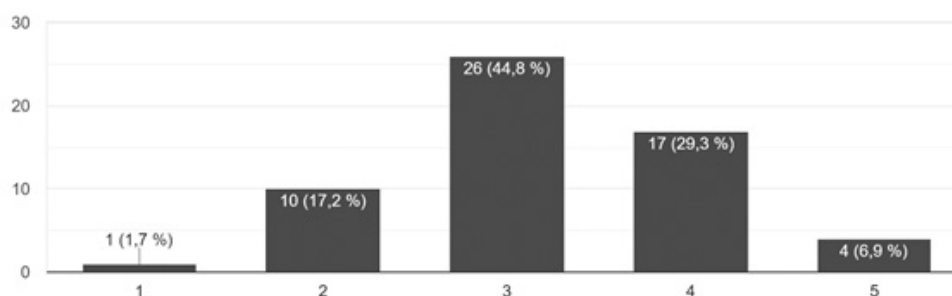
Участникам было предложено оценить свое отношение к комбинированным неологизмам английского происхождения по пятибалльной шкале, где 1 – резко отрицательно, 5 – крайне положительно. Диаграмма ниже демонстрирует, что большинство респондентов были склонны к нейтральной оценке, категоричных оценок (как положительных, так и отрицательных) было дано существенно меньше.

Участники опроса также имели возможность аргументировать свою точку зрения. Полученные результаты, как нам представляется, ярко иллюстрируют различные стратегии использования языковых средств в ходе неформальной он-

лайн-коммуникации разными социально-возрастными группами. Так, среди ответов встречалась как положительная, так и резко отрицательная оценка, причем последняя в основном исходила от представителей старшего поколения. При этом была представлена и своего рода центристская позиция, причем ее выражали представители обеих возрастных групп.

Как Вы относитесь к подобным словам?

58 ответов

Те участники опроса, которые высказали отрицательное отношение к заимствованным неологизмам, апеллировали к кодифицированному литературному языку как к сакральной ценности, святыне, которую недопустимо попирает, т. е. этическими и эстетическими соображениями. Ср. комментарий *«это оскорбление для языка, на котором говорил Пушкин»*; *«В русском языке достаточно слов, чтоб четко выразить свои мысли. А подобные слова я отношу к сленгу»*. Кому-то «не нравится звучание таких слов»: по всей вероятности, слух режет некоторая химерность комбинированных неологизмов, связанная с соединением разнородных компонентов. Наиболее категоричным выражением подобных взглядов является, по-видимому, комментарий *«Считаю, что это бесовщина и деградация русского языка»*. В целом же респонденты апеллируют к некой абстрактной чистоте языка, хотя, как признаются некоторые из участников опроса, *«сам частенько употребляю неологизмы – стараюсь сокращать их количество»*.

С другой стороны, были даны и положительные оценки:

- *Считаю, что это нормальный этап развития разговорного языка.*
- *Эти слова, на мой взгляд, хорошо вписались в современный язык благодаря интернету, ничего плохого не вижу.*
- *Я считаю это уместным, когда люди используют такие слова в небольшом количестве. Если в их речи таких слов уже большинство, то теряется смысл. Поэтому все должно быть в меру.*
- *Нет ничего плохого в том, чтобы иметь в арсенале различные слова (ср. афоризм «Филолог слова не боится»).*

При этом, как правило, эти оценки звучат более сдержанно и меньше связаны с субъективными ощущениями говорящего, а апелляция идет, скорее, к системе языка в ее динамике и многоплановости. То же верно и для комментариев, связанных с нейтральной оценкой (отметим, что таких было большинство). Респонденты признают объективную актуальность подобной лексики для представителей молодого поколения, однако учитывают связанный с этим разрыв поколений:

- Для молодежи это нормально, уши режет, когда эти слова используют люди возраста 30+, особенно родственники. Но вводить в норму эквиваленты не нужно.
- Не вижу трагедии. В каждом поколении есть свои новинки-словечки. Высокий литературный слог в обычной речи мало кто использует. Скорость жизни невысказанно высока. Пока я буду говорить «я решила поставить оценку посту в такой-то социальной сети»... , мой собеседник уже заскучает, а за окном уже миллион событий произойдет.
- Считаю, что язык – живое существо, которое развивается и меняется вместе с человечеством. Нет ничего плохого в заимствованиях и неологизмах. Но иногда, конечно, нужно базар фильтровать, чтобы кринжа не навалить.

Как видим, весьма важным для анализа ответов респондентов оказывается критерий возраста. Появление заимствованных неологизмов в речи молодежи воспринимается как нечто естественное и связывается с самоидентификацией данной социальной группы. Именно поэтому использование подобной лексики более старшим поколением воспринимается молодыми носителями языка как заход на чужую территорию: «уши режет, когда эти слова используют люди возраста 30+, особенно родственники». Кроме того, в ряде комментариев речь идет о специфике интернет-общения, связанной с высокой скоростью передачи информации. Заимствованные номинации в большинстве своем более короткие и емкие, а замена их описательными номинациями приводит к неоправданным временным потерям: «мой собеседник уже заскучает, а за окном уже миллион событий произойдет». Так что, по-видимому, принцип экономии речевых усилий оказывается решающим при выборе между альтернативными способами номинации новых явлений виртуальной среды Интернет.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Существуют 3 модели заимствования: комбинированные неологизмы на базе английских глаголов, русские синонимы и аналитические предикаты с именными англицизмами. Комбинированные неологизмы, производные от заимствований, достаточно частотны, поскольку они описывают действия пользователей интернета, которые постоянно выполняются ими в ходе неформальной коммуникации. В то же время присутствует конкуренция между такими неологизмами и русской лексикой: если имеется узусный русский глагол, относительно точно выражающий соответствующий смысл, то предпочтение зачастую отдается ему. В таком случае значение русского глагола сужается, обозначая конкретное новое действие в интернете (ср. *лайкнуть* – *оценить*, *запостить* – *выложить*, *расшерить* – *поделиться* и т. д.). Отсутствие такого синонима обычно связано с существенными различиями в семантике: неологизм на базе английского глагола может быть семантически сложнее, чем исходный глагол и русский глагол с близким, но не тождественным значением, обозначая специфическое для виртуального интернет-пространства понятие (ср. *хейтить VS to hate*, а также *ненавидеть*). Так происходит заимствование не только лексики, но и концептов, связанных с новой виртуальной коммуникативной средой.

Результаты проведенного анкетирования показывают, что в контекстах, описывающих онлайн-коммуникацию, заимствованные неологизмы являются стандарт-

ной номинацией для новых действий: в контекстах, допускающих синонимичное употребление заимствованного неологизма и русского синонима, респонденты в целом чаще выбирали заимствованный глагол. При этом сравнительный анализ частотности заимствований и русских глаголов на примере группы «*выложить*» (в нее входят глаголы *выложить, опубликовать, сделать репост, написать пост, репостнуть, сделать пост, запостить, постнуть, зарепостить, отрепостить, прорепоить, перепостить*) показывает, что частотность русских глаголов данной ЛСГ превышает частотность заимствований.

Таким образом, русские синонимы используются в онлайн-коммуникации наравне с заимствованиями. При этом, поскольку значительную часть пользователей интернета составляет молодежь, неологизмы, называющие специфические для интернета понятия, являются ярким маркером данной социальной группы. По всей видимости, именно поэтому из уст более старших пользователей такой сленг может звучать неестественно, не сглаживая разрыв поколений, а, скорее, наоборот, подчеркивая его.

Часть 4.
Взаимодействие словообразования
и морфологии в синхронии и диахронии:
дискуссионные вопросы

Раздел 1. Модификационное словообразование

Глава 1. Словообразовательное формообразование
и модификационное словообразование
в системе русской деривации

А.Л. Шарандин

1. ВВЕДЕНИЕ

В рамках настоящего раздела рассматривается вопрос о статусе модификационного словообразования в общей системе деривации русского языка. В этом плане логично и целесообразно осмыслить его взаимосвязи с мутационным словообразованием и словообразовательным формообразованием и тем самым определить границы модификационного словообразования. Предполагается, что его специфика позволяет отличать модификационное словообразование не только от формообразования, но и от мутационного словообразования. Такое видение проблемы представляется значимым в связи с тем, что в настоящее время достаточно активно в грамматике представлено понятие словообразовательных форм в качестве единиц словообразовательного формообразования. Однако его статус неоднозначно определен не только в морфологии как учении о формах слова, но и в дериватологии как учении о производных (вторичных) единицах.

В результате проблема рассмотрения модификационного словообразования в аспекте его связей со словообразовательным формообразованием и собственно словообразованием имеет спорный характер. Он во многом обусловлен разными подходами исследователей к разграничению различных деривационных процессов. При этом их разграничение не всегда является очевидным и легким. Так, например, академик Л.В. Щерба в работе «Восточно-лужицкое наречие» (1915) включил в формы одного и того же слова для существительных не только падежные формы ед. и мн. ч., но и уменьшительные слова типа *стол**ик*, а также парные существительные мужского и женского рода типа *учитель* – *учительница*, все префиксальные образования от одной и той же глагольной основы типа *читать* – *прочитать*, *дочитать*, *почитать*, *перечитать* и т. д. В работе же «О частях речи в русском языке» Л.В. Щерба в какой-то мере сужает границы одного слова. И в результате возникают колебания: «...будет ли *стол**ик* формой слова *стол*? Это **не**

так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется **как будто** (выделено мной. – А.Ш.) различным в этих случаях» [Щерба 1957: 77].

Таким образом, вопрос о статусе и границах модификационного словообразования имеет не только теоретическую ценность, но и практическую значимость, особенно в связи с представлением его единиц и единиц словообразовательного формообразования в лексикографической практике.

2. МОДИФИКАЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ЕГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МУТАЦИОННОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

Термин «модификационное словообразование» оказался достаточно востребованным в терминологической системе русской дериватологии и активно представлен в ее описании. Его единицы объединяются с единицами мутационного словообразования в рамках выполнения ими собственно номинативной функции, которая, по мнению Е.А. Земской, отражает коммуникативную установку говорящего и призвана создать необходимое наименование для какой-либо реалии, часто новой, или для переименования старой – предмета, действия, признака [Земская 1992: 8]. Различие в содержании мутации и модификации определяется характером отношений между производящим и производным словами в составе словообразовательной пары с учетом мотивации. Если мотивация претерпевает существенные предметно-понятийные изменения, которые приводят к новому концептуальному (лексическому) содержанию, связанному с отражением новых предметов и явлений действительности, то такое словообразование определяется как мутационное (ср. *учить* – *учитель*, *училище*, *учебник*). Если мотивация производной структуры включает некоторый дополнительный смысл, который не приводит к предметно-понятийному и частеречному изменению статуса производного слова, то такое словообразование характеризуется как модификационное (ср. *учить* – *поучить*, *подучить*, *поучивать* и т. д.; *стол* – *столик*, *столице* и т. д.). Морфема с модификационным значением входит в лексическую основу слова, но на правах факультативного компонента, а не определяющего ядерное (предметно-понятийное) значение слова. Такое понимание приводит к значительному количеству дополнительных смыслов, включаемых в содержание модификации и, соответственно, модификационного словообразования. Однако состав модификационных значений оказывается не только объемным, но и *разнородным*, требующим уточнения и определенной систематизации.

Такая систематизация, в частности, представлена в «Русской грамматике» (1980) и включает 16 групп слов (лексем) с модификационным значением. Среди них оказались как разные по средствам выражения слова, так и по частеречному представлению. Так, например, выделяются существительные со значением женкости (*пассажирка*, *перепелка*; *учительница*; *повариха*, *волчиха* и др.); невзрелости живого существа (*слоненок*, *поваренок* и др.); подобия (*дымка*, *ножка мебели*); подчиненности (*субординатор*, *подмастерье*); собирательности (*листа*, *зверье*, *солдатня*); единичности (*градина*, *пылинка*, *мармеладка*); с различными субъективно-оценочными значениями (*стаканчик*, *братишка*, *лошаденка*, *статуетка*, *подруженька*, *сынуля*, *домище*, *холодище*) и т. д. В системе глагола модификационные значения широко представлены в способах глагольного действия

(*молчать – помолчать, греметь – отгреметь, говорить – заговорить* и т. п.). Включается в состав модификации и стилистическая модификация (*овражина, щебенка, картошка, Ванька, ножик*), которая считается аналогичной и подобной словообразовательным модификационным значениям. С точки зрения семантической структуры модификационного производного слова его значение целиком базируется на значении производящего, но с учетом осложнения некоторой семантической добавкой: *мяч – мячик, деревня – деревенька, делать – доделать*.

Важным критерием отнесения производных слов к модификационному словообразованию является принадлежность производящих и производных слов с модификационным значением к одной и той же части речи (*синий – синенький, синеватый; тигр – тигренок; студент – студентка; студент – студенчество*). Поэтому, в частности, deverbatивы (имена действия) типа *бег, чтение* или deadъективы (имена качества) типа *синь, белизна*, несмотря на то что обнаруживают лексическое (денотативное) тождество с производящими словами и характеризуются синтаксической (грамматической) природой их образования, тем не менее не включаются авторами «Русской грамматики» (1980) в состав модификационного словообразования. Основанием для этого являются различия между ними и их производящими образованиями в категориальных значениях, присущих разным частям речи. В случае, например, *читать – чтение* мы имеем различие между действием и предметом в широком смысле, или предметностью. В словообразовательной паре *белый – белизна* различие связано с противопоставлением признака и предметности.

Традиционно считается, что deverbatивы типа *чтение* и deadъективы типа *белизна* выполняют *конструктивную функцию*. Она, по мнению Е.А. Земской, предназначена для изменения и упрощения синтаксического построения речи. «Эту функцию обслуживают так называемые синтаксические дериваты (по Е. Куриловичу), т. е. производные, отличающиеся от базовых слов не по значению, но принадлежностью к иной части речи» [Земская 1992: 89]. Действительно, с точки зрения Е. Куриловича, данные образования характеризуются как синтаксические дериваты, т. е. как формы с тем же лексическим содержанием, что и у исходных форм, но с другой синтаксической функцией [Курилович 2013: 32].

М. Докулил определяет deverbatив и deadъектив как результат «чистой транспозиции» [Dokulil 1997: 106], которая понимается им как частный деривационный процесс, не отягощенный какими-либо лексическими изменениями в производном слове по сравнению с производящим словом. При этом одним из факторов этих изменений оказывается другая синтаксическая функция у производного образования. В этом случае понятие транспозиции сближается с понятием синтаксической деривации, что порой позволяет исследователям видеть их содержательную близость. Однако, как указывал сам М. Докулил, такое отождествление неправомерно, поскольку синтаксическая деривация связана с потребностью в изменении синтаксических отношений, тогда как транспозиция отражает и другие причины, связанные с участием этих образований в качестве наименования [Dokulil 1997: 108]. Абсолютно бесспорным случаем «чистой транспозиции» признается образование отглагольных существительных (имен действий или deverbatивов) и субстантивных названий качества (имен качества или deadъективов). Деривационный процесс в них не служит собственно номинативной цели. Его результатом является восприятие содержания транспонированной единицы через призму новой категории субстанции. Смысловое наполнение исходного язы-

кового знака при этом полностью сохраняется: действие остается действием, а качество продолжает оставаться качеством. Изменяется лишь их категориальное оформление, которое и накладывает свой отпечаток на появившееся в результате транспозиции новообразование. В результате транспозиции действие и качество перестают восприниматься как признаки какого-либо предмета, а интерпретируются как самостоятельные сущности, в отвлечении от их действительных носителей. Поэтому по отношению к ним возможна дальнейшая в тексте предикация или атрибутивность.

В широком смысле транспозиция отождествляется с морфолого-синтаксическим способом словообразования [Немченко 1984: 244]. По мнению Е.В. Клобукова, для транспозиции характерна отнесенность производного и производящего слов к разным частям речи (*неть – невец*). В этом случае синтаксическая деривация устанавливается в рамках транспозиционных типов словообразования, поскольку отнесение к разным частям речи сопровождается тождественностью в лексическом значении (*неть – пение*) [Клобуков 1991: 177].

В нашем случае при рассмотрении deverbатов и deadъективов речь идет о чистой транспозиции, понимание которой сближается с пониманием синтаксической деривации. Принципиальное различие между ними, на наш взгляд, определяется их статусом – формообразовательным или собственно словообразовательным – в отношении с их производящими словами. В этом плане наша точка зрения на частеречный статус deverбата и deadъектива, отражающий их грамматическую природу (сущность), принципиально не совпадает с традиционным подходом к их словообразовательному (лексическому) статусу. Поэтому мы сочли возможным в дальнейшем изложении материала не акцентировать внимание на основаниях нашего подхода, поскольку это требует специальной детальной аргументации, которая присутствует в наших работах (см.: [Шарандин 2009; 2019а; 2019б]). Кратко же отметим, что deverбаты и deadъективы рассматриваются нами как особые (субстантивные) формы глагола (deverbатив) и качественного прилагательного (deadъектив) в рамках теории синтаксической деривации (по Е. Куриловичу) или чистой транспозиции (по М. Докулилу). Следовательно, они, как и причастия с деепричастиями, относятся нами к синтаксическому формообразованию.

Итак, для выявления модификационного значения необходимо наличие словообразовательной пары, в которой на основе мотивационных отношений между ее членами определяется, имеем ли мы дело с модификацией (наличием дополнительных смысловых оттенков) или мутацией (образованием номинативной единицы) в рамках словообразования.

Учитывая, что термин «словообразование» характеризуется связью не только с образованием нового слова как единицы языка, но и с образованием форм слова как единиц речи, целесообразно, на наш взгляд, закрепить в научном обиходе термин «лексемообразование». Дело в том, что для носителей русского языка, не обладающих специальными знаниями, разными словами являются не только, например, *читать – читатель*, но и *читать – читающий*, *читать – читая*, *читать – читаю* и т.д. Термин же «лексема» оказывается более однозначным в аспекте противопоставления языка и речи. Он отражает языковой статус слова и связан с образованием нового понятия (*читать – читатель*) или включает модификационный концептуальный признак в предметно-понятийное содержание производной лексики (*читать – почитывать*: читать немного или иногда).

Поэтому мы предпочитаем использовать языковой термин «лексема» в Виноградовском понимании (лексема – это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [Виноградов 1972: 17]). В отличие от лексеμοобразования, термин «словообразование» такой однозначностью не обладает, поскольку он мог отражать не только модель типа *читать – читатель* или *читать – почитать*, но и модель типа *читать – читающий*, *читать – читая*. Но последняя модель не воспринималась однозначно как словообразование, а чаще всего рассматривалась как формообразование, поскольку причастия и деепричастия большинством лингвистов определялись как особые формы глагола. Поэтому в терминологическом плане *лексеμοобразование* понимается как процесс образования нового ЛСВ, представленного в словаре и связанного с отражением в слове-лексеме нового предметно-понятийного содержания (*читать – читатель*) или с включением в него дополнительного смыслового оттенка (*читать – почитать, дочитать, почитать*).

Единицами лексеμοобразования являются лексические дериваты мутационного и модификационного типа. Различие в их содержании определяется характером отношений между производящим и производным словами в составе словообразовательной пары с учетом мотивации между ними. Если мотивация претерпевает существенные предметно-понятийные изменения, которые приводят к новому концептуальному (лексическому) содержанию, связанному с отражением предметов и явлений действительности или с новым частеречным статусом производных слов, то такое словообразование определяется как мутационное (ср. *читать – читатель, читальня*). Если мотивация производной структуры включает некоторый дополнительный смысл, который не приводит к предметно-понятийному и частеречному изменению статуса производного слова, то такое словообразование характеризуется как модификационное (ср. *читать – почитать, почитать, дочитать* и т. д.; *стол – столик, столице* и т. д.). Морфема с модификационным значением входит в лексическую основу слова на правах *факультативного компонента*, но не определяющего ядерное (предметно-понятийное) значение слова. Такое понимание приводит к значительному количеству дополнительных смыслов, включаемых в содержание модификации и, соответственно, модификационного словообразования. Однако состав модификационных значений оказывается не только объемным, но и *разнородным* (см. выше перечень групп в «Русской грамматике»), требующим, на наш взгляд, уточнения с позиций модификационного словообразования и словообразовательного формообразования.

3. МОДИФИКАЦИОННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ

Другим аспектом модификационного словообразования как частного деривационного процесса в составе лексеμοобразования является его противопоставление не только мутационному (собственно номинативному) словообразованию, но и формообразованию в рамках деривации в широком смысле. К сожалению, в русском языке данные процессы не закреплены однозначно за теми или иными средствами выражения словоизменительных (грамматических) или словообразовательных (лексических) функций. Например, суффикс *-л-* может выполнять не только словообразовательную функцию (*гнить – гнилой, жить – жилой*), но и словоизменительную (в глагольных формах прошедшего времени: *гнила, жила*). Суффикс *-к-* участвует в образовании девербатива (*вывеска объявлений*), предметного существительного (*вывеска на кафе*), модификационных существитель-

ных со значением уменьшительности (*березка*), существительных со значением женскости (*студентка*), существительных, имеющих стилистическую окраску и употребляющихся в той или иной сфере общения (*тетрадка* – разг.).

В этом плане существенным моментом для понимания и характеристики различий между ними является разграничение понятий слова и разных форм слова, поскольку некоторым формам присуща производность, которую можно рассматривать как результат словообразования. Так, модель типа *читать* – *читающий*, *читать* – *читая* включает в свою морфемную структуру суффиксы, указывающие на направление производности. В силу этого, например, причастие и деепричастие в истории грамматических учений рассматривались не только как особые формы глагола, но и как самостоятельные лексемы, образованные от глагола (отглагольные прилагательные и отглагольные наречия). Однако большинством лингвистов они рассматриваются как особые формы глагола, а не как самостоятельные лексемы.

Различия между лексемообразованием и формообразованием нашли отражение в мотивационных отношениях между производящей и производной структурами. В лексемообразовании (без разделения на мутацию и модификацию) структура производного слова-лексемы включает в себя мотивирующее слово и формирующую (формантную) часть, непосредственно связанную с формированием нового понятия (мутацией) или его модификацией: *читатель* – тот, кто читает; *почитывать* – читать немного или иногда и т. п. Другими словами, в лексемообразовании (собственно словообразовании) данная структура имеет «родословную», по крайней мере двух взаимосвязанных языковых знаков (*читать* и *человек*). В результате семантический сдвиг при лексемообразовании настолько значителен, что обуславливает появление новой единицы номинации, нового ЛСВ или его существенной, коммуникативно значимой модификации.

В случае с причастиями и деепричастиями мы имеем, по существу, «родословную» одного знака (*читать*), только представленную в разных синтаксических позициях – в позиции определения (причастие) и обстоятельства (деепричастие). Однако при этом не осуществился перевод языкового знака *читать* в новый предметно-понятийный класс. Не имеем мы и лексического уточнения, конкретизации этого содержания посредством каких-либо лексических оттенков, т. е. лексемообразования (собственно словообразования) здесь не наблюдается. Формирующая часть имеет грамматический характер, обусловленный синтаксическим функционированием глагола во вторичной для него синтаксической позиции, которая для новой структуры становится основной позицией (например, *читающий* – позиционный признак, присущий прилагательному в позиции определения, по действию *читать*: *читающий ребенок* или *ребенок, читающий книгу*). Семантический сдвиг (атрибутивный характер глагола) в этом случае обусловлен функционированием глагольной лексемы в тех или иных неосновных (вторичных) для нее синтаксических позициях. И мы, как уже отмечалось выше, имеем или синтаксическую деривацию (по Е. Куриловичу), или чистую транспозицию (по М. Докулилу), или конструктивное словообразование (по Е.А. Земской). Другими словами, смысловые различия между производящими и производными образованиями имеют грамматическую природу. Суффиксы как основной вид усложнения их морфемной структуры позволяют определить лишь направление деривации, но не выражают нового ЛСВ, нового лексического значения или его смыслового оттенка, а отражают грамматическую (синтаксическую) семантику новой пози-

ции. Мотивационная модель разных форм лексемы демонстрирует отсутствие отношений лексической производности между собой.

Таким образом, термин «формообразование» оказывается общим для двух типов (видов) деривации, связанной с грамматикой и представленной морфологической и синтаксической деривацией (чистой транспозицией, конструктивным словообразованием).

В нашем изложении выбор в пользу термина «синтаксическая деривация» обусловлен его ориентацией на грамматическую природу их образования, которая определяет противопоставление формообразования (грамматика) и лексеμοобразования (лексика). При этом знания, отраженные в морфологических и синтаксических дериватах, имеют различную когнитивную природу. Словоформы, как морфологические дериваты, демонстрируют знания об отношениях между словами в составе высказывания. Эти отношения во многом определяются синтагматикой и морфологическими характеристиками слов, связанных, прежде всего, с их изменяемостью. Поэтому словоформы оказываются единицами словоизменения слов-лексем. В синтаксических же дериватах (можно использовать термин «трансформы») присутствуют знания о первичных и вторичных синтаксических функциях частей речи в той или иной синтаксической позиции. В том и другом случае присутствует единство морфолого-синтаксической информации, поскольку, по мнению В.В. Виноградова, «в грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое целое». Это позволило ему определить «морфологические формы» как «отстоявшиеся синтаксические формы» [Виноградов 1972: 31]. На наш взгляд, морфология в системе языка обслуживает два его основных уровня – лексический (знаковый) и синтаксический (конструктивный). Если в целом подходить к субординации между лексикой и грамматикой (морфологией и синтаксисом), то она выглядит следующим образом: морфология определяется синтаксисом, а в целом они обслуживают лексику, структурируя (оформляя) ее содержание (морфология) и осуществляя лексико-синтаксическую координацию (синтаксис).

Важным теоретическим моментом для разграничения формообразования и лексеμοобразования имеет их связь с понятием основы слова. Формообразовательная основа не включает в свой состав все аффиксы (флексии, суффиксы, префиксы и постфиксы), имеющие грамматический характер. В результате выделяемая основа оказывается средством выражения лексического значения. Так, например, такие образования, как причастие (*несущий*), деепричастие (*неся*), настоящее время (*нес-у*), прошедшее время (*несл-а*), повелительное наклонение (*неси-те*), инфинитив (*нести*), несмотря на различия в словоизменительной основе (часть слова без флексии), характеризуются общностью их лексического значения (*нес-*), представленной формообразовательной основой (часть слова без грамматических аффиксов). Это дает основание видеть во всех этих глагольных образованиях не самостоятельные лексемы, а формы одного слова-лексемы. В таких же образованиях, как *учить*, *учитель*, *учительница*, *учительская* формообразовательная основа позволяет выделить различия в их лексической основе и исходя из этого считать, что данные образования представляют собой разные слова-лексемы, находящиеся между собой в производных отношениях, определяемых лексеμοобразованием.

В свою очередь морфологические дериваты также оказались различными в плане средств выражения грамматических значений. Дело в том, что формы сло-

воизменительных категорий падежа, рода и числа, например, существительных демонстрируют отсутствие отношений семантической производности между собой. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что «разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают, но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма “вода” переходит в форму “воду”, как и наоборот, форма “воду” – в форму “вода”» [Бодуэн де Куртенэ 1907: 495]. В данном случае перед нами *альтернативные отношения*, которые в отличие от отношений производности лежат в иной плоскости [Бондарко 1976: 103].

Однако формы несловоизменительных категорий, к которым большинство лингвистов относит вид и залог, демонстрируют словообразовательную производность с выраженной морфемными средствами направленностью. Эти аффиксы указывают на направление производности, но не являются, строго говоря, собственно словообразовательными (номинативными). Они не выражают нового словообразовательного значения, нового лексического значения, а отражают грамматическую семантику. В связи с этим исследователями выделяется словообразовательное формообразование, а его единицы получили название «словообразовательные формы», предложенное А.В. Бондарко. В этом случае мы отмечаем, что глагол, например, по виду *не изменяется, а имеет* словообразовательные формы вида. В результате словообразовательное формообразование можно рассматривать как деривационный процесс, который оказывается по форме *словообразовательным*, а по содержанию – *формообразовательным (грамматическим)*. Таким образом, морфологическая деривация включает в свой состав *словоизменительные формы* и *словообразовательные формы*.

Что же касается синтаксических дериватов, то их морфемная структура достаточно однозначно указывает на направление деривации от производящего слова к производному. Поэтому такие дериваты, как причастие и деепричастие с полным основанием (при условии их рассмотрения как особых форм) относятся к *словообразовательным формам*. Что же касается синтаксических дериватов, представленных девербативом и деадъективом, то они (при условии их традиционного рассмотрения как самостоятельных производных лексем) представляют собой область транспозиционного словообразования.

4. ВОПРОС О СТАТУСЕ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Сущность вопроса о статусе модификационного словообразования в следующем: связано ли оно только с собственно словообразованием или же обнаруживает определенную связь и со словообразовательным формообразованием, что позволяет говорить о специфическом его месте в системе русской деривации? В этом случае специфика модификационного словообразования позволяет отличать его как от словообразовательного формообразования, так и от мутационного словообразования. Различает словообразовательное формообразование и модификационное словообразование *характер значений их дериватов*: у производных (словообразовательных) форм слова мы имеем грамматические значения, обусловленные взаимосвязью и взаимодействием морфологии и/или синтаксиса, а модификационные значения имеют неграмматический характер. Сближает же формообразование и модификационное словообразование *степень семантического сдвига*: он не настолько значительный, как при мутационном словообразовании. При *формообразовании* принято говорить о видоизменениях одного слова,

находящихся между собой в отношениях «альтернации» (А.В. Бондарко), сосуществования в парадигме слова-лексемы, или о формальной направленности деривации, отражающей связь с грамматикой. При *модификационном словообразовании* у производного слова в словообразовательной паре обнаруживаются дополнительные оттенки смысла, но не затрагивающие ядерного лексического (предметно-понятийного) значения, а *интерпретирующие* его в различных смысловых ракурсах. *Интерпретация* в этом случае понимается как когнитивная способность человека, которая позволяет ему не только воспринимать мир как отражение в виде «слепок» действительности, но и перерабатывать эту объективную отражательную информацию с точки зрения *отношения* к ней, включая такие когнитивные свойства человека, как его чувства, способность давать оценку, определять прагматическую ценность и т. д. [Шарандин 2017].

Такое понимание модификационного словообразования как явления интерпретации позволяет включать в его состав различные в содержательном и деривационном плане производные образования, статус которых в аспекте соотношения формообразования и словообразования имеет спорный характер. Рассмотрим с этой точки зрения наиболее яркие, на наш взгляд, случаи. В частности, насколько правомерно включать в модификационное словообразование видовые и аспектуальные образования (СГД), поскольку данные образования имеют разную языковую природу? Видовые образования отражают характер несловоизменяемой (классифицирующей) морфологической категории вида и включаются в систему грамматического описания глагола. Аспектуальные же образования характеризуются как лексико-грамматические единицы, которые образуют один из лексико-грамматических разрядов глагола.

5. ЧЛЕНЫ ВИДОВЫХ ПАР – СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ; СГД – МОДИФИКАЦИОННЫЕ ДЕРИВАТЫ

Как известно, проблема вида глагола относится к наиболее обсуждаемым вопросам в русистике. Особый исследовательский интерес вызывает деривационный аспект, поскольку, как отмечает Е.В. Петрухина, «видообразование в русском и других славянских языках имеет словообразовательный механизм» [Петрухина 2023б: 13], который присущ и СГД. В связи с этим возникает вопрос о природе этого механизма и о том, являются ли видовые образования результатом словообразовательного формообразования или модификационного словообразования?

Как известно, видовые образования, образующие видовую пару, включаются в грамматическое противопоставление по виду, позволяющее выделять в русском языке грамматическую категорию глагола. Именно видовая пара определяет ее характер – словоизменяемый или несловоизменяемый (классифицирующий), что связано с производными отношениями в ее составе между видовыми образованиями. Однако производный характер того или иного члена видовой пары обусловлен не лексическими различиями между ее членами, а грамматическими, которые выражены словообразовательными средствами перфективации и имперфективации. Другими словами, словообразовательно выраженные различия между членами перфективной или имперфективной видовой пары (типа *учить – выучить, решать – решить*) имеют грамматический характер, поскольку они определяются только значениями ограниченности действия внутренним пределом с учетом целостности действия (сов. вид) и неограниченности действия внутренним пределом (несов. вид). Данные значения видов признаются в качестве

грамматических значений в связи с отнесением вида в целом к грамматическим (морфологическим) категориям русского глагола. Другого компонента, например значения финитивности (окончателности) действия, наряду с семантикой вида (сов. в.), представленного, например, в глаголах *доучить*, *дорешать*, в глаголах *выучить*, *решить* нет. Следовательно, лексическая тождественность видовых образований при грамматических различиях между ними обуславливает статус формы согласно традиционному ее определению.

Однако далее должно следовать важнейшее уточнение: форм одного слова или форм разных слов? Именно на этом основании обнаруживается различие в понимании вида как морфологической категории. Если мы имеем противопоставление *видовых форм одного глагольного слова*, то вид оказывается *словоизменяющей категорией*, представленной видовой парой как парой тождественных глаголов, различающихся между собой не лексически, а грамматически морфологическими значениями несов. и сов. вида. Если же мы имеем противопоставление в видовой паре *форм разных глагольных слов*, то категория вида характеризуется как *несловоизменяющая (классифицирующая)*. По мнению Е.В. Петрухиной, «видовые корреляции представляют собой формы СВ и НСВ разных глаголов, находящихся в отношениях словообразовательной мотивации» [Петрухина 2023б: 14]. Поэтому, имея коррелятивный характер, вид характеризуется как *несловоизменяющая (классифицирующая) категория*. При этом словообразовательная мотивация между данными формами позволяет установить направление производности. В качестве словообразовательного значения, получившего статус грамматического, выделяется значение общей результативности, совпадающее со значением предела как категориального значения вида. Так, *выучить* – это достичь общего результата по глаголу *учить*; *решить* – это достичь общего результата по глаголу *решать*. В частности, Н.С. Авилова считала общерезультативное значение формы сов. вида его грамматическим значением, а отсутствие результативности – грамматическим значением формы несов. вида. Значение результативности в характеристике видов глагола учитывалось и Ю.С. Масловым.

Что же касается морфемной выраженности грамматических различий между формами вида, то они в своем большинстве представлены суффиксами и префиксами. Это и позволяет в качестве основных типов видовых пар выделять суффиксальные (имперфективные) и префиксальные (перфективные) видовые пары. В данном случае мы не затрагиваем проблему видообразования и принимаем перфективацию и имперфективацию как наиболее частотный и регулярный способ образования видовых пар. По мнению Е.В. Петрухиной, «категория вида характеризует глагольную основу в целом – лексическое и грамматическое здесь соединяются на гештальтной основе» [Петрухина 2000: 21]. В наших работах видообразование также не связывается с морфемами (суффиксами и префиксами), а представлен взгляд, согласно которому средством выражения вида оказывается видовая основа [Шарандин 2011].

Таким образом, по отношению к членам категории вида, которая часто определяется как *несловоизменяющая грамматическая категория глагола*, вполне применимым может быть термин «словообразовательные формы», предложенный А.В. Бондарко. В частности, А.В. Бондарко предлагал не связывать формообразование с тождеством слова, поскольку «формообразование – это не только образование форм одного и того же слова, но и образование разных слов» [Бондарко 1976: 115]. По его мнению, «понятие формообразования охватывает словоизме-

нение (словоизменяющее формообразование) и, кроме того, формообразование несловоизменяющее, т. е. сочетающееся со словообразованием (классификационное или словообразовательное)» [Бондарко 1976: 116–117].

В этом случае мы констатируем, что глагол по виду не изменяется, а имеет словообразовательные формы вида. В результате словообразовательное формообразование в видовой паре можно рассматривать как деривационный процесс, который оказывается *по форме словообразовательным*, а *по содержанию – формообразующим (грамматическим)*. Такое решение позволяет устранить противоречие между определением видовой пары как пары лексических тождественных глаголов, различающихся между собой грамматически, и определением вида как противопоставления форм разных глаголов. Рассматривая видовые образования в качестве словообразовательных форм, мы имеем по существу определение вида как противопоставления форм одного глагола, но только форм словообразовательных, т. е. характеризующихся нефлективной выраженностью видовых значений и указанием на направление их производности. Ведь нефлективные средства в русском языке могут выражать не только словообразовательные значения, но и грамматические, поскольку, как отмечалось выше, в русском языке морфемы строго не закреплены за выражением только одной какой-либо функции. Поэтому словообразовательные формы не выходят за рамки грамматического формообразования. Только они имеют деривационную отмеченность (выраженность) в отношениях между собой, позволяющую установить направление производности.

Иной взгляд на статус видовых образований представлен в подходе Е.В. Петрухиной. Она относит их не к словообразовательным формам, а к модификационному словообразованию. Причем не только к перфективным видовым парам типа *писать – написать*, но и к имперфективным парам. По ее мнению, «префиксация, сопровождаемая перфективацией исходного глагола, в данном случае связана с эксплицитным выражением достижения результата, совпадающего с пределом действия, и однократности действия, что и позволяет префиксальное видообразование анализировать в системе модификационного словообразования». И далее: «...имперфективация глаголов СВ, устраняя представление об ограничении действия временными рамками, временным пределом, с содержательной точки зрения также находится в области аспектуальной модификации» [Петрухина 2023б: 14]. Но в этом случае видовые образования несов. и сов. вида и СГД оказываются в одной деривационной плоскости – модификационного словообразования. Насколько правомерно не учитывать их различную природу – грамматическую у вида и неграмматическую у СГД? Представим ответ на этот вопрос после рассмотрения статуса СГД в аспекте словообразовательного формообразования и модификационного словообразования.

В «Русской грамматике» (1980) СГД рассматриваются как «семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значения беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально результативных характеристик» [РГ-80: 596]. Как легко заметить, в этом определении присутствует понятие модификационного значения. Действительно, если сравнивать грамматическую структуру видовых образований и семантико-словообразовательную структуру СГД, то различие в ней достаточно наглядно свидетельствует о принципиальном различии между видом и СГД. Хотя, как отмечал Ю.С. Маслов, «и вид и способ действия отражают какие-то различия в типах протекания глагольного действия

или в типах представления этого протекания говорящим» [Маслов 1959: 160]. Но дело в том, что различия в протекании действия или в представлении этого протекания, несмотря на общность их происхождения и, естественно, их первоначальной лексической природы, претерпели со временем существенные изменения. В виде глагола лексические оттенки (значения) в протекании действия *грамматикализовались* и приобрели *регулярный характер* в образовании несов. и сов. видов. В результате их содержание стало содержанием членов грамматической категории вида. В СГД этого не произошло, их содержание не претерпело значительных статусных изменений, т. е. характер содержательных характеристик СГД, как имеющих лексические оттенки, сохранился. Вследствие этого и не произошло перехода СГД в грамматическую категорию, а сохранился статус семантико-словообразовательных разрядов, в которых различного рода дополнительные оттенки значений по отношению к протеканию или представлению действия получили морфемную выраженность модификационных значений. Поэтому в настоящее время их место в языковой системе можно определить как «*срединное*», «*промежуточное*» в отношениях лексики и грамматики: они уже не настолько лексические, насколько и не собственно грамматические. По своему содержанию способы действия демонстрируют так называемое модификационное словообразование. Однако по характеру выражения модификационных значений способы действия оказались не настолько регулярны и обязательны, как элементы грамматической категории вида (да и средства их выражения более разнообразны по сравнению с видом). Правда, и в системе вида регулярность и обязательность по-разному представлена у перфективных и имперфективных видовых пар. Как отмечает Е.В. Петрухина, «имперфективация является более грамматикализированным и регулярным, чем префиксация, процессом, поэтому в ряде публикаций, в том числе и недавних, имперфективация противопоставляется перфективации и рассматривается, в отличие от перфективации, как словоизменение» [Петрухина 2023б: 14], с чем она не согласна. По ее мнению, «при образовании видовых пар как при помощи имперфективации, так и перфективации меняется категориальная видовая семантика глагола при неизменности лексической, что позволяет говорить о видообразовании и о грамматическом характере корреляции парных глаголов СВ и НСВ» [Петрухина 2023б: 14].

Но, возвращаясь к СГД, необходимо ответить на вопрос о том, где целесообразно их рассматривать: в лексике (словообразовании) или грамматике? На наш взгляд, предпочтительней подход, согласно которому способы действия описываются в грамматике в качестве особых словообразовательных единиц (образований) с модификационным значением [Шарандин 2005]. При этом срединный статус этих образований обусловлен, на наш взгляд, их *лексико-грамматическим характером*. Они связаны с грамматическими изменениями производящих слов и дополняются смысловыми оттенками. В результате СГД дополняют видовую семантику. Например, *дочитать* – финитивный (завершительный) способ действия парного видового глагола *читать*.

Однако здесь закономерно возникает другой вопрос – о взаимосвязи и взаимодействии в семантической структуре глагольного слова категориальной семантики видов и способов действия. Так, Е.В. Петрухина, характеризуя отношения между парными предельными (терминативными) глаголами НСВ и приставочными глаголами СВ типа *писать* – *написать* (*письмо*), *мыть* – *помыть* (*окно*), пишет: «Префиксация, сопровождаемая перфективацией исходного глагола, в данном слу-

чае связана с эксплицитным выражением достижения результата, совпадающего с пределом действия, и однократности действия, что и позволяет префиксальное видообразование анализировать в системе модификационного словообразования» [Петрухина 2023б: 14]. Этой же позиции, по ее мнению, придерживается и М. Докулил, ссылаясь на работу которого она дает в этом высказывании.

Такая взаимосвязь, предполагающая определенное соотношение между ними, вполне приемлема, поскольку *видовые формы и аспектуальные формы не лежат в одной плоскости*. Данные образования являются близкими, но не тождественными, представляя собой разные языковые категории: вид имеет грамматическую природу, а СГД – лексико-грамматическую. Но, в целом, вид и аспектуальные единицы отражают динамический процесс в протекании действия или состояния. Если глагол обозначает не процесс, а некий статический признак (например, отношение), то никакого протекания действия или процесса нет. Вот почему глаголы типа *соответствовать* не обнаруживают, не реализуют каких-либо аспектуальных форм и тем более видового противопоставления, которые сориентированы на репрезентацию процесса как явления действительности, а не как частеречного концепта. При этом категория вида демонстрирует высшую степень в категоризации протекания процесса во времени, его ограниченности внутренним временным пределом. Это находит отражение в грамматических формах категории вида. И если иметь в виду, что вид по своей природе – это грамматикализованный способ действия (в частности, по мнению Ю.С. Маслова, результативный способ глагольного действия), то все глаголы, имеющие видовую пару, уже по определению аспектуальны. Но не все аспектуальные глаголы, т. е. имеющие тот или иной способ действия, фиксирующий лишь какой-то частный аспект протекания процесса, оказываются видовыми в строгом смысле этого слова, т. е. имеющими полную видовую парадигму (видовую пару). Поэтому в отношениях между аспектуальной формой и видовой формой более значимой является аспектуальная форма и тот глагол, которому она присуща. Аспектуальная природа СГД обуславливает, в принципе, нерелевантность видового признака в характеристике способов действия, поскольку в них актуализируется конкретный аспект (способ) протекания действия.

Таким образом, на наш взгляд, отношения между ними можно проиллюстрировать примерами: *дочитать* – финитивный (завершительный) способ действия парного видового глагола *читать*; *почитать* – ограничительный способ действия парного глагола *читать*; *поспать* – ограничительный способ действия непарного глагола *спать*; *зазнобить* – начинательный способ действия непарного глагола *знобить* и т. д. В семантической интерпретации эти отношения выглядели бы так: *дочитать* – модификационный дериват, обозначающий завершение в протекании действия предельной лексемы *читать*; *поспать* – модификационный дериват, обозначающий ограниченное во времени протекание действия неопредельной лексемы *спать*, *зазнобить* – модификационный дериват, обозначающий начало в протекании действия неопредельной лексемы *знобить*.

Что же касается видовых форм, характеризующихся значимостью в противопоставлении по виду, то, например, *читать* определяется как форма несовершенного вида парного глагола *читать*; *прочитать* – словообразовательная форма совершенного вида парного глагола *читать*; *спать* – форма несовершенного вида непарного глагола *спать*, *знобить* – форма несовершенного вида непарного глагола *знобить*. В семантической интерпретации эти отношения выглядели бы так:

читать – форма, обозначающая ограниченность во временном протекании действия предельной лексемы *читать*; *прочитать* – словообразовательная форма, обозначающая ограниченность во временном протекании целостного действия предельной лексемы *читать*.

В связи с точкой зрения Е.В. Петрухиной на статус видовых образований, относящихся к модификационному словообразованию, отметим, что по отношению к статусу СГД наши позиции совпадают: они рассматриваются в системе модификационного словообразования. При этом, что особенно важно и ценно, Е.В. Петрухина не все СГД относит к модификации, поскольку среди них есть и такие СГД, которые представляют собой мутацию. Она пишет: «В самом общем виде можно сформулировать следующее утверждение: если внутриглагольная деривация затрагивает и меняет результативно-целевую перспективу исходного глагола и его логические и соответственно семантические валентности, то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией, например: *кричать* – *перекричать* (кого-либо), *сидеть* – *отсидеть* (ногу), *гулять* – *прогулять* (лекцию). Если же меняются лишь временные, пространственные, количественные, оценочные характеристики исходного действия (ср. *кричать* – *закричать*, *покричать*, *прокричать*, *накричаться* и т. п.), то в основе деривации лежит модификация» [Петрухина 2023б: 13–14].

К сожалению, в настоящее время мы не располагаем системной классификацией СГД с учетом мутации и модификации. Поэтому, как справедливо отмечает Е.В. Петрухина, «разграничение модификации и мутации во внутриглагольном словообразовании является дискуссионным вопросом» [Петрухина 2023б: 13]. Попытка представить такое разграничение перспективна, теоретически значима и практически ценна, поскольку в этом случае достигается разграничение разных по своему назначению и природе словообразовательных дериватов. Что же касается модификационных СГД и видовых образований как единиц модификации, то разграничение между ними осуществляется Е.В. Петрухиной не на уровне разных деривационных процессов, поскольку их объединяет модификация, а на уровне разграничения вида как грамматической категории несловоизменительного типа и СГД как семантико-словообразовательной категории. Мы согласны с Е.В. Петрухиной в том, что первичным и более значимым является их разграничение с точки зрения отношения к грамматике (вид) и словообразованию (СГД). И следствием этого, на наш взгляд, оказывается их разный статус в деривационном плане.

Итак, способы глагольного действия – это *неграмматические*, в отличие от словообразовательных форм вида, *словообразовательные дериваты модификационного типа*, обозначающие отношение к характеру протекания действия (процесса, глагольного признака), выраженному производящей формой, и представленные морфемно характеризованными значениями – временными, количественно-временными и специально-результативными.

Модификационное словообразование в отношении СГД представлено *по форме* как *словообразовательное*, а *по содержанию* как *неграмматическое* (*лексическая модификация*). Поэтому основа того или иного способа глагольного действия включает в свой состав аффиксы с модификационным содержанием. Например, в *дочитать* префикс *до-* входит в состав словообразовательной основы, тогда как в слове *прочитать*, являющегося членом видовой пары, представляющим собой словообразовательную форму (сов. вид), префикс *про-*, имея формообразующий

статус, не включается в лексическую основу слова. На этом основании различие между видом и СГД лежит не только в области их разграничения по линии грамматической категории (вид) и неграмматической категории (СГД), но и на уровне разграничения деривационных процессов: вид связан со *словообразовательным формообразованием*, а СГД (в определенной их части) – с *модификационным словообразованием*.

6. КОННОТАТИВНАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ В АСПЕКТЕ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Наиболее ярко модификационное словообразование представлено в производных словах с коннотативным значением. Связь коннотации с интерпретацией и концептуальной деривацией очевидна и вытекает из самого определения коннотации как добавочного значения к той информации, по отношению к которой она оказывается «*созначением*». Содержание этого «созначения» определяется тем, что человек не только оказывается объективным фиксатором отражательных способностей своего сознания, в основе которых рациональная интерпретация, но и принимает активное участие в *субъективном отношении* к отражаемой действительности, выражая это в эмоциях, оценках и мотивации. В результате формируются дополнительные смыслы или значения, которые отражают это субъективное отношение. Оно часто выражено деривационными (морфемными) средствами, которые отличают коннотативное производное образование от производящей основы. Поэтому в сознании носителя языка всегда присутствует слово (и более сложные структуры), по отношению к которому выражается дополнительный смысл. В этом случае «созначение» как бы сопровождает и субъективно интерпретирует основное (ядерное) лексическое значение и оказывается *дополнительным по отношению к нему*. Добавочное значение выражается с помощью аффикса (чаще всего суффикса) в составе расширенного лексического значения (ср. *братик, братишка* и т. д.). В общей семантической структуре слова коннотативный компонент имеет самостоятельный, но факультативный статус. Как правило, словарные статьи таких слов содержат пометы типа «ласк.», «шутл.» и др. Например, *старик – старикан* (шутл.), *старичок* (ласк.), *старичонка* (уничижит).

В научной и учебной литературе нет однозначного понимания состава коннотации с точки зрения образующих ее компонентов. Не вдаваясь в детальный анализ данной проблемы (см.: [Шарандин 2022]), отметим, что чаще всего в коннотацию включаются компоненты с эмотивным и оценочным значениями, представленными в качестве самостоятельных в ее составе, а также с эмоционально-оценочным значением, поскольку очень часто эмоции и оценки оказываются взаимосвязанными. При этом обращает на себя внимание связь состава компонентов, включающих эмоции и оценки, как в отдельности, так и в совокупности, с лексической семантикой слова, с его предметно-понятийным содержанием. Например, денотат «человек как живое существо» характеризуется, по терминологии Л.Г. Бабенко, коннотативными эмосемами «ласк., пренебр., презр., неодобр., шутл., ирон.», тогда как денотат «цвет» – только «ласк.» [Бабенко 1989: 56].

Наличие морфем с выражением того или иного коннотативного значения позволяет характеризовать их как производные. Но статус коннотативных образований требует ответа на вопрос: *являются ли они новыми языковыми знаками (лексемами) или особыми формами лексемы?* Показательно в этом отношении приведенное выше высказывание Л.В. Щербы: «...будет ли *столик* формой слова

стол? Это не так уж и ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных» [Щерба 1957: 77]. Понятие уменьшительно-ласкательных форм было достаточно устойчивым и в школьном изучении русского языка. Однако в научной традиции они определяются по отношению к их производящим словам как производные слова-лексемы. Насколько это правомерно и целесообразно?

На наш взгляд, когда речь идет о коннотативных образованиях лексемы, то нового понятия, по существу, не возникает, а присутствует использование лексического значения производящего знака в сфере «эмоция – оценка». В этом случае он используется в коммуникативных целях как для объективного отражения предмета, так и для выражения субъективного отношения к нему. Поэтому, в отличие от лексемообразования, *коннотативное словообразование* отражает *модификационные отношения* между производящим словом и производным образованием. В результате мы имеем следующую структуру словообразовательной мотивации: она включает в себя мотивирующее слово, отражающее то или иное явление или предмет действительности на основе рациональной интерпретации, и формантную часть, связанную с их эмоциональной или оценочной характеристикой, которая формируется на основе субъективной интерпретации. Ср.: *брат – братишка; жизнь – жизненка; актер – актеришка, актер – актерище* и т. д.

Таким образом, коннотация как семантическое явление имеет интерпретационный характер, который отражает коммуникативно-дискурсивную природу ее формирования, а также репрезентирует концептуальную деривацию модификационного типа, в рамках которой выделяется морфемное средство выражения коннотативного значения – эмоционального, оценочного, эмоционально-оценочного. Поэтому коннотативное образование – это результат *модификационного словообразования*. По форме оно словообразовательное, а по содержанию – модификационное, имеющее морфемно выраженную лексико-семантическую природу, присущую экспрессивно-оценочным словам. Именно лексико-семантическая природа отличает в рамках модификационного словообразования коннотативно окрашенные слова от способов глагольного действия, имеющих лексико-грамматическую природу. Поэтому в принципе можно говорить о двух разновидностях модификационного словообразования: *лексико-грамматической модификации* (СГД) и *лексико-семантической модификации* (коннотация).

7. ПРОИЗВОДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЖЕНСКОСТИ В АСПЕКТЕ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

К модификационному словообразованию относят и образования со значением обозначения пола (чаще всего женского). При этом особое внимание следует обратить на мотивацию разными основами и на направление производности слов со значением женскости. Так, семантика таких существительных, как, например, *гадалка, швея*, отражает мутационное (номинативное) словообразование, поскольку они образованы от глагольных основ для обозначения новых наименований. В результате в формирующей части производного слова представлено предметно-понятийное содержание, которое принципиально отличается от соответствующего содержания производящего слова. Ср.: *гадать* (действие) – *гадалка* (лицо), *шить* (действие) – *швея* (лицо). Слово же с модификационным значением сохраняет то же предметно-понятийное содержание, которое было у производящего слова, но с

учетом его дополнения семантикой женского пола (*учительница* – жен. к *учитель*; *трактористка* – жен. к *тракторист*).

Однако в дериватологии некоторые ученые объединяют мутационное и модификационное значения (наряду с отдельным их существованием) в рамках единого комплекса. Это позволяет им выделять так называемые словообразовательные категории смешанного типа. В частности, В.В. Лопатин в качестве примера приводит дериваты *жнея*, *ворожея*, *швея*, *стряпуха*, *щебетуха*, в которых, по его мнению, соединяются мутационное значение «производитель действия» и модификационное «женскость» [Лопатин 1987: 49–50]. Однако у наименований лиц женского пола типа *швея*, образованных в данном случае от глагольных основ, отсутствует непосредственная формально-семантическая связь с личными существительными мужского пола, по отношению к которым выявляется противопоставление по полу. Именно в его рамках и выделяются существительное со значением женскости. В случае смешанного (мутационно-модификационного) объединения мы, скорее всего, имеем определенную последовательность (словообразовательную цепочку), например: *учить* – *учитель* – *учительница*. В ее составе сначала представлено мутационное словообразование, а затем, уже на его базе, выделяется модификационное значение (женскость), которое дополняет сформировавшееся производное слово для его использования в качестве производящего слова. Например, (*учить* – *учитель*) – (*учитель* – *учительница*), т. е. для *учитель* мотивация с *учить* семантически непосредственная, а для *учительница* – опосредствованная.

Формально такой механизм объединения мутации и модификации может использоваться, но в реальности языковое сознание не смешивает их в едином комплексе. Существительные *учитель* и *учительница* в их связи с глаголом *учить* предполагают участие существительных *мужчина* и *женщина*, которые также различаются по полу: *учитель* – мужчина (тот, кто), который учит; *учительница* – женщина (та, кто), которая учит. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно в образовании существительных типа *учитель* видеть только мутационное словообразование (ср.: *трактор* – *тракторист*, *маникюр* – *маникюрша*), а в отношениях *учитель* – *учительница* – модификационное словообразование (ср.: *тракторст* – *трактористка*, *парикмахер* – *парикмахерша*), т. е. не соединяя их в единый комплекс. Выделение смешанных словообразовательных категорий мутационно-модификационного типа предполагает использование в качестве объекта словообразования словообразовательную цепочку, а не словообразовательную пару, т. е. объектом оказывается более сложная (вторичная) деривационная структура.

Другой неоднозначный момент в характеристике существительных со значением женского пола связан с их деривацией. Очень часто данный процесс представляют в направлении от существительных мужского пола к существительным женского пола (*старик* – *старуха*, *певец* – *певица*, *певун* – *певунья*, *москвич* – *москвичка*). В данном случае мы имеем лишь непосредственную *формальную* производность, поскольку семантически мотивированная производность окажется затрудненной. Считать, что, например, существительное *певунья* образовалось от существительного *певун* достаточно проблематично, поскольку обнаруживается некоторый когнитивный диссонанс, некоторая логическая несовместимость: понятия муж. пола и жен. пола, однозначно закрепленные в этих словах, прямо противоположны и находятся между собой в эквиполентных (равнозначных) отношениях. Нельзя, не нарушая здравого смысла, считать, что *певунья* – это *певун*

жен. пола. И *певун*, и *певунья* имеют мотивацию, связанную с глаголом *петь*: *певун* – это тот (мужчина), который поет; *певунья* – это та (женщина), которая поет. Отношения между *певун* и *певунья* аналогичны отношениям, например, между *домик* и *домище*, которые не находятся между собой в отношениях словообразовательной мотивации типа *домище* – это *большой маленький* дом. Примеры же типа *студент* – *студентка* не могут служить основанием для утверждения о том, что существительное *студентка*, имеющее, несомненно, значение женскости, образовано от существительного *студент*, соотнесенного с мужским полом. В этом случае слово *студент* обозначает социальное положение лица как такового и характеризуется не по полу, а по грамматическому признаку рода существительного. Поэтому и оказывается возможной семантическая мотивация между *студент* и *студентка*: *студентка* – жен. к *студент*.

В работе «Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола» (1978) мы представили троичные оппозиции типа *гусак* → *гусь* → *гусыня*, которые, в принципе, включали две привативные оппозиции, в которых маркированными оппозиитами оказываются слова *гусак* и *гусыня* (*гусь* → *гусак* и *гусь* ← *гусыня*). Это позволило достаточно однозначно выразить в них словообразовательную мотивацию по признаку пола (*гусак* – гусь-самец, а *гусыня* – гусь-самка, что подтверждалось словарными определениями). Здесь важно подчеркнуть, что слово *гусь* в этой оппозиции не актуализирует однозначно значение пола. Это подтверждается, в частности, употреблением его во множественном числе: *гуси* не означает, что все они особи муж. пола, тогда как слово *гусаки* сохраняет обозначение муж. пола. *Гусь*, скорее всего, является названием вида птицы. Крайние же оппозииты, сориентированные на обозначение конкретного пола, находятся в этом случае в эквивалентных (равнозначных) отношениях, что и не позволяет значение одного из них выразить через значение другого.

В случае модификационного образования существительного типа *студентка* от слова *студент* (социальное положение) мы имеем толкование типа: *студентка* – это студент жен. пола. Однако слово *студент* может быть и обозначением лица муж. пола. В этом случае мы имеем по существу *омонимичные* образования, одно из которых обозначает социальное положение данного лица, а другое – называет лицо муж. пола: *студент* – это *студент* муж. пола. Другими словами, и *студент* (муж. пол), и *студентка* (жен. пол) связаны со словом *студент* в его безотносительном к полу обозначении. Между собой они находятся в эквивалентных отношениях, но в привативных отношениях с нейтральным в смысле пола существительным *студент*, обнаруживая разные способы и средства образования в случае обозначения пола.

То, что подавляющее большинство названий специальностей, должностей и профессий выражено существительными мужского рода, не означает, что существительные со значением женского пола образовались от существительных со значением муж. пола. Род и пол – это соотнесенные, но все же разные когнитивно-языковые сущности: *род* имеет отношение к *языковым знаниям* и является грамматическим признаком, а *пол* связан с *концептуализацией действительности*, с отражением реальных половых различий. Вследствие этого значение пола рассматривается как *лексическое значение*, а в производных словах – как *словообразовательное значение модификационного характера* [Шарандин 2014].

Таким образом, существительные с морфемно выраженным дополнительным значением женского пола, противопоставленные существительным мужского пола,

которые соотнесены чаще всего с существительными мужского рода, представляют собой результат *модификационного словообразования*. По форме они *словообразовательные*, по содержанию – *модификационные (неграмматические)*.

8. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ В АСПЕКТЕ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Как отмечалось выше, в перечне слов, реализующих модификационное значение в словообразовательном процессе, были представлены существительные, тождественные лексически (в предметно-понятийном смысле), но различающиеся между собой стилистически (*тетрадь* – *тетрадка* (разг.), *лиса* – *лисица* (книж.), *прочитать* – *прочесть* (разг.)). В толковом словаре эти слова имеют самостоятельные словарные статьи, что, естественно, если стилистически отмеченные слова рассматривать как самостоятельные лексемы, как результат словообразования, только не мутационного, а модификационного. Но их толкование обычно сводится к обозначению «то же, что»: *тетрадка* – то же, что *тетрадь*, только «разг.». Насколько правомерно рассмотрение такого рода производных в составе модификационного словообразования?

С этим, скорее всего, *можно не согласиться*, поскольку стилистические различия и лексические различия не лежат в одной плоскости. Содержательно стилистически маркированные слова, в частности, Э.В. Кузнецова определяет как слова, несущие «информацию об уместности, допустимости, оптимальности слова в определенных условиях общения, о его «привязанности» определенному функциональному стилю». Поэтому она считает, что стилистическая маркированность не включается в содержание слова, а «приписывается» самому слову как факту языка [Кузнецова 1989: 187].

Действительно, вне сфер общения слово как языковой знак не существует. В этом случае мы имеем дело с принципиально иной отражательной информацией о предмете или явлении, которая хотя и задействована в структуре слова, но только в плане ее использования в определенной сфере (Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, И.А. Стернин и др.). По мнению И.А. Стернина, стилистический (по его терминологии – «функционально-стилистический») компонент «не характеризует предмет, а несет информацию о ситуации, в которой протекает речевой акт (формальная, неформальная, устная, официальная и др.)» [Стернин 1985: 73].

Другими словами, отражение предмета в этом случае опосредовано сферой общения. Поэтому стилистическая семантика оказывается противопоставленной как лексической семантике, так и грамматической. Она вне грамматики и лексики. Строго говоря, стилистические образования тождественны между собой и лексически, и грамматически (с точки зрения грамматических значений, а не формальных изменений, например, по роду: *табурет* – *табуретка*, *плацкарт* – *плацкарта*). В этом смысле стилистическая деривация оказывается противопоставленной семантической деривации, представленной формообразованием и словообразованием (лексемообразованием), в основе которых семантические изменения (сдвиги) между производными и производящими словами. Показателем такого своего рода внеуровневого статуса стилистики оказывается то, что стилистически окрашенными могут быть и лексические единицы (*блогер* – *блогерка*), и грамматические формы (*прочитать* – *прочесть*).

Следовательно, понятие формообразования, связанное с грамматическими различиями, и понятие собственно словообразования, определяемое лексическими различиями, по существу не являются релевантными для определения статуса стилистических образований в качестве форм или разных слов. Однако, на наш взгляд, производные стилистические слова все же могут быть квалифицированы в этом аспекте, поскольку для них характерно лексическое и грамматическое тождество с исходными словами, но при этом выражено стилистическое различие посредством аффикса, который указывает на направление деривации.

Е.А. Земская в системе функций словообразования выделяет стилистическую функцию в качестве *особой самостоятельной функции*, противопоставляя ее таким функциям, как собственно номинативная, конструктивная, компрессивная и экспрессивная. Данное противопоставление, скорее всего, обусловлено исследовательским подходом к их изучению и описанию, поскольку, по ее мнению, «в акте коммуникации некоторые производные могут выполнять одновременно не одну функцию» [Земская 2005: 12]. Она приводит в качестве примера универбат с суффиксом *-к-* *девяэтажка*, демонстрирующий реализацию компрессивной и стилистической функций. В чистом виде стилистическое словообразование представлено в производных словах, которые отличаются от так называемых производящих слов только стилистической окраской и/или прагматическим компонентом значения. С ее точки зрения, таких производных мало. Но для нас важен другой ее вывод, значимый для нашего рассмотрения этих производных в качестве модификационных дериватов. Е.А. Земская пишет: «Стилистический член противопоставления не является дериватом своего противочлена, но находится с ним в иных отношениях, чаще всего – в отношениях кодеривации. Однако мы относим (стилистические производные. – А.Ш.) к сфере словообразования, так как носителем стилистической окраски выступает словообразовательный аффикс» [Земская 2005: 10].

Думается, в этом случае мы имеем в большей степени отношения, близкие к отношениям альтернации, сосуществования, чем к собственно словообразовательным. Поэтому, на наш взгляд, более продуктивным и логически обоснованным, в рамках учения о слове и его формах, является подход, согласно которому стилистические значения характеризуют не столько семантические различия между разными словами-лексемами, сколько различия между разными формами слова, задействованного в разных сферах общения. В этом, скорее всего, проявляется прагматическая сторона слова, но не нарушается главный критерий формообразования – тождество лексического значения. А с учетом тождества и грамматических значений в производных и производящих стилистических образованиях можно говорить об *особой деривации – стилистической*, единицами которой являются стилемы (термин «стилема» принадлежит Х.Х. Махмудову, но имеет более широкое толкование [Махмудов 1970: 72–78]). Они, как языковые единицы, в речи представлены теми или иными *стилеформами*. Поэтому мы считаем, что стилистически отмеченные морфемами слова представляют собой не модификационное словообразование с выраженными дополнительными смыслами, а являются стилистическими формами (стилеформами), имеющими дополнительный аффикс, указывающий на направление деривации и характеризующий сферу употребления вторичной стилистической формы [Шарандин 2015а].

В результате мы имеем по форме *словообразование* (наличие аффикса, указывающего на направление производности), а по содержанию (тождество лексичес-

кого значения в производящих и производных образованиях) – *формообразование*. Поэтому, например, *тетрадка* – это словообразовательная стилистическая форма существительного *тетрадь*, употребляемого в разговорной сфере общения. В толковом словаре словообразовательная стилистическая форма указывается не в самостоятельной словарной статье, а в статье лексемы *тетрадь*.

9. ИТОГИ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МОДИФИКАЦИОННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ЕГО МЕСТА В ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

С лексеμοобразованием, в рамках которого представлено *модификационное словообразование*, его сближает то, что словообразовательный компонент в производных словах с модификационным значением имеет лексический характер. Он не отражен в грамматической семантике морфологических категорий, а связан, по выражению В.В. Виноградова, с «дополнительными смысловыми оттенками», которые по своей природе являются лексическими (номинативными). В этом случае мы имеем мотивационную модель, которая демонстрирует регулярные отношения производности как процесса семантического и формального преобразования одной языковой единицы в другую. Ср.: *почитывать* – *читать* немного или иногда; *дочитать* – завершить читать что-либо, ранее не прочитанное до конца; *столик* – маленький стол; *парикмахерша* – женщина-парикмахер. Другими словами, словообразовательная модель включает в себя мотивирующее слово, отражающее то или иное явление действительности (*читать*), и формантную часть, связанную с уточнением этого действия с количественно-временной точки зрения, которая отражает динамические процессы в протекании действия или состояния. В этом случае в человеческом сознании фиксируются и объективируются в языковых образованиях различного рода модификации в протекании действия или в восприятии и интерпретации предмета (*столик, столице, учительшика, старикан, старец*).

Отличает же *модификационное словообразование* от мутационного словообразования то, что предметно-понятийное содержание, отраженное производящим словом, сохраняется и в производном слове, но при этом оно претерпевает лишь модификации, связанные с дополнительными характеристиками в отражении предметно-понятийного (лексического) содержания слова.

Таким образом, сближает модификационное словообразование с мутационным (собственно номинативным) словообразованием *неграмматический характер* этих модификаций, а различает *характер лексических значений*, который находит отражение в *степени семантического сдвига*: у модификационных образований он имеет *дополнительный характер*, а в мутационном словообразовании он представлен как основной, базовый, определяющий ядро лексического значения. Ср.: *почитать* (читать) и *чтец* (читать); *домик* (дом) и *домовой* (дом).

Сравнение модификационного словообразования со словообразовательным формообразованием также позволяет обнаружить как различие, так и сходство. Различает их *характер значений*: словообразовательные формы слова соотносятся с грамматическими значениями, обусловленными морфологией и/или синтаксисом, а модификационные значения имеют неграмматический характер. Сближает же словообразовательное формообразование и модификационное словоо-

бразование степень семантического сдвига: он не настолько значительный, как при мутации (собственно номинативном словообразовании).

В своем прототипическом виде *словообразовательные формы* представлены видовыми образованиями, которые являются членами грамматической категории глагола. Прототипами *модификационного словообразования* оказываются СГД в системе глагола и коннотативные образования с эмоционально-оценочным значением в системе существительного. Периферия модификационного словообразования характеризуется, на наш взгляд, синтаксическими дериватами.

Место модификационного словообразования в деривационной системе русского языка можно определить как *срединное* между формообразованием, представленным, с одной стороны, словоизменительными формами и словообразовательными формами, а с другой стороны, как мутационное (собственно номинатив) словообразование.

С концептуальной точки зрения модификация позволяет внести в концептуальное содержание слов разного рода дополнительные значения и смыслы, позволяющие в определенных коммуникативных условиях использовать их языковой и речевой потенциал, часто связанный с прагматическими целями.

Глава 2. Родовое оформление диминутивных и экспрессивных дериватов в истории русского языка

О.Ю. Крючкова

1. ВВЕДЕНИЕ

Род имен существительных выражается двояко: типом словоизменительной парадигмы – системой флексий («морфологический род») и характером согласования имен существительных с атрибутивными словами и глаголами прошедшего времени («синтаксический, или согласовательный», род).

При образовании субъективно-оценочных производных имен существительных возможны разные виды их родового соотношения с производящими существительными, что обуславливает актуальность наблюдений за особенностями родового оформления таких дериватов, ср. замечание В.В. Виноградова: «Зависимость родовых функций уменьшительных, ласкательных, увеличительных образований от производящих слов (*чудак – чудачина; парень – парнишка, хвастун – хвастунишка*, но *хвастуха – хвастушка* и т. п., но ср. *пир* и *пирушка; голод* и *голодуха* и т. д.) побуждает связывать описание способов их производства с категорией грамматического рода...» [Виноградов 1975: 182].

Приведенные В.В. Виноградовым примеры показывают разные типы родовых отношений между производными словами и их производящими:

– *чудак – чудачина, парень – парнишка, хвастун – хвастунишка* – морфологический род производных слов отличается от морфологического рода слов производящих (это разные парадигмы склонения имен лиц муж. рода), но их синтаксический род совпадает (*какой чудак / чудачина, хороший парень / парнишка, невероятный хвастун / хвастунишка*);

– *хвастуха – хвастушка* – и морфологический, и согласовательный род производного слова и его производящего совпадают (*такая хвастуха / хвастушка*);

– в парах *пир – пирушка*, *голод – голодуха*, напротив, не совпадает ни морфологический, ни согласовательный род производных слов и их производящих (*большой пир*, но: *большая пирушка*; *ужасный голод*, но: *ужасная голодуха*).

Таким образом, В.В. Виноградов показал, что при описании разного рода оценочных модификационных дериватов заслуживает внимания вопрос об их родовом оформлении в сравнении с производящими именами.

В данном разделе мы рассмотрим тенденции родового оформления производных слов с диминутивным и экспрессивным значением в истории русского языка.

2. ВАРИАНТЫ РОДОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ДИМИНУТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКИЙ И СТАРОРУССКИЙ ПЕРИОДЫ

Значительное количество диминутивно-оценочных производных появляется в памятниках старорусской письменности (XV–XVII вв.) в связи с расширением жанрово-стилистического диапазона письменных текстов в сравнении с письменностью древнерусского периода, ориентированной в большей степени на церковнославянские образцы высокой книжности. Изучение материала старорусского периода (по данным Словаря русского языка XI–XVII вв.) показывает, что в большинстве случаев грамматический род задается исходным существительным и не варьируется в производных: *грамота – грамотка – грамоточка*, *кайма – каемка – каемочка*, *сын – сынок – сыночек*, *город – городок – городочек*, *конь – коник – коничек*, *слово – словцо – словечко* и под.

Нарушение родовой корреляции (расхождение морфологического, а иногда и согласовательного рода производящих и производных слов) чаще всего встречается в тех случаях, когда производные 1-й или 2-й ступени образуются с помощью сложных по своему происхождению суффиксов *-ишк-/-ышк-*, *-онк-/-енк-*, *-ушк-/-юшк-* (вторым компонентом сложения в этих суффиксальных формантах является суффикс *-к-*, который используется также и как самостоятельный диминутивный суффикс). Производные с названными суффиксами достаточно регулярно оформляются по среднему роду (с флексией *-о*) при производящих существительных мужского и женского родов. Ср.: *царь – царшишко*, *сын – сынец – сынчишко*, *ларь – ларец – ларчишко*, *деревня – деревнишко*; *армяк – армячишко* и *армячонко*, *дорога – дороженко*, *веревка – веревченко*, *коробья – коробейка – коробейченко*, *шуба – шубка – шубченко*, *собрат – собратушко*, *капитан – капитанюшко*.

Наблюдается также и вариативность родового оформления производных с названными суффиксами (*-ишк-/-ышк-*, *-онк-/-енк-*, *-ушк-/-юшк-*) – по женскому или по среднему морфологическому роду (т.е. с флексией *-а* или с флексией *-о*): *сынец – сынчишка* и *сынчишко*, *батя – батюшка* и *батюшко*, *лавка – лавчишка* и *лавчишко*. Ср. также: *коробка – коробчонка*, но: *коробейка – коробейченко*.

Отметив вариативность родового оформления существительных со сложными оценочными суффиксами, сосредоточим далее внимание на оформлении оценочных производных слов по среднему роду.

**3. РОДОВАЯ ДЕКОРРЕЛЯЦИЯ ДИМИНУТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ
ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (СРЕДНИЙ РОД)
И ИХ ПРОИЗВОДЯЩИХ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ
И СТАРОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

По среднему роду могли оформляться как оценочные производные от основ мужского рода, принадлежащие к разным типам склонения, т. е. к разным морфологическим родам (*царь – царишко, батя – батюшко*), так и дериваты от основ женского рода (*дорога – дороженко, веревка – веревченко, лавка – лавчишко, коробейка – коробейченко*).

Такие оценочные дериваты фиксируются с конца древнерусского периода (с конца XIV в.) и особенно распространены в памятниках старорусской письменности XVI–XVII вв. Подобные образования создают впечатление, отмеченное в отношении этих периодов Ф.И. Буслаевым: «...в увеличительных, уменьшительных, ласкательных и унизительных (формах) господствует род средний» [Буслаев 1959: 135].

Какой смысл имело оформление оценочных дериватов по среднему роду, чем мотивирована их родовая декорреляция с производящими существительными? Интерпретацию этого факта находим у Ю.С. Азарх. По ее наблюдениям, флексия среднего рода у производных имен существительных с суффиксами субъективной оценки служила средством усиления экспрессивности таких образований, а также средством дифференциации экспрессивов и диминутивов, т. е. различителем экспрессивно-оценочной или же размерной (диминутивной) функции таких производных [Азарх 1980: 270]. Морфы, оформленные показателем среднего рода, служили с конца древнерусского и в старорусский период формальным средством выражения определенной семантики – «индикатором» субъективно-оценочного значения производных, подчеркивали их экспрессивную функцию.

Чем обусловлен выбор среднего рода как средства выражения экспрессивности? Этот выбор диктовался, по-видимому, тем, что средний род, в отличие от мужского и женского родов, не служит для различения биологического пола и поэтому может выполнять экспрессивную функцию при образовании субъективно-оценочных слов от имен мужского и женского родов. В.В. Виноградов так пишет о семантике среднего рода: «...эта категория представляется “формальной”, как бы фиктивной. Самое имя среднего рода намекает на негативный характер этой категории: она объединяет слова ни того, ни другого рода, не-мужского и не-женского» [Виноградов 1947: 82].

Экспрессивная и дифференцирующая функция среднего рода подтверждается как структурными, так и функционально-семантическими данными.

1. Флексия среднего рода в случаях родовой декорреляции (при образовании оценочных существительных от основ мужского и женского родов) сочеталась не с любыми диминутивно-оценочными суффиксами, а отмечалась лишь при словопроизводстве оценочных существительных со сложными суффиксами *-шук-/-ышук-, -онк-/-енк-, -ушк-/-юшк-*, тогда как функционирование других диминутивных суффиксов (например, *-к-, -ок-/-ек-, -ик-*) исконно характеризовалось последовательным соблюдением родовой корреляции между исходным существительным и диминутивным производным. Поэтому можно думать, что «прикрепленность» морфологического показателя среднего рода к определенным суффиксам маркирует развитие словообразовательных типов, специализированных на производстве экс-

прессивов – дериватов с подчеркнутой эмоционально-оценочной (в отличие от собственно размерной) функцией.

2. Дифференцирующая функция среднего рода, отличающая экспрессивы от собственно диминутивов (дериватов с размерным значением), выявляется в контекстах употребления однокоренных производных с соблюдением и несоблюдением родовой корреляции с их производящими. Морфологические показатели среднего рода функционируют в качестве дополнительных средств дифференциации экспрессивной функции и размерного значения дериватов. Сильным дифференциатором этих значений является контекст.

Ср. примеры из [СлРЯ XI–XVII вв.] (контексты XV–XVII вв.):

Бынокъ и **Быночекъ** ‘сын, сынок (о маленьком мальчике)’ – диминутивное значение:

Изяславъ же приведе Всеслава Киеву, и всадиша и в порубъ [темницу] с двѣма снѣкома (Ипат. лет., ок. 1425 г.).

Осталось жена да сынокъ двѣ годковъ (Ряж. Дес., 1579 г.).

Сижѹ, гѣдрь, я в Астороханѹ..., а со мною, гѣдрь, женишко моя да сынокъ, и тон, гѣдрь, женишкѣ моеѹ да сыночкѹ моему твоего гѣдрва поденнова кормѹ не дают (Астрах. а. № 179, 1634 г.).

Сынчишко и **Сынчишка**. Уменьш.-уничижит. к **сынецъ** – экспрессивная функция:

Бьет челом холоп твой, Оскольского города сынчишка боярской (Столб. Печ. пр., 1613 г.).

Воеводѣ Андрѣю Афонасьевичю приказные людишка сынчишко боярской Васька Котковской да десятничшко казачей Максимко Агрѹновъ съ товарищи челомъ бьютъ (ДАИ VII, 8, 1676 г.).

Ларь ‘сундук’, **Ларець** ‘ларец, шкатулка’, **Ларчикъ** ‘небольшой ларец, шкатулка’ – диминутивное значение.

Ларчишко ‘уменьш.-уничижит. к ларець’ – экспрессивная функция:

Ларчишко окованъ жестью вѣлою, замокъ испорченъ вѣтхѹ, а в немъ мелачь всякая (Оп. им. Матв., 20, 1677 г.).

Веревочка ‘уменьш. к веревка’ – диминутивное значение:

Да челом, государь, тевѣ вью шапку лисью горлатнѹ чернѹ, а послалъ ее къ тевѣ со князь Федоромъ Звенигородскимъ, продернѹвъ в нее веревочкѹ, запечаталъ тою жъ печатью, которою ся грамотка запечатана (АИ II, 362, 1610 г.).

Веревченко ‘уничиж. к веревка’ – экспрессивная функция:

Двѣ попониска лошадиных пестрых, ветхих, да веревченко сѣновязное, ветхое (Кн. прих. расх. Карел. с.) Арх. Он. 1693 г.

4. ТЕНДЕНЦИЯ К УСТРАНЕНИЮ РОДОВОЙ ДЕКОРРЕЛЛЯЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ ЭКСПРЕССИВОВ С ИХ ПРОИЗВОДЯЩИМИ

К концу старорусского периода средний род как признак, дифференцировавший диминутивы и экспрессивы, перестает быть актуальным и постепенно утрачивается. Экспрессивы все чаще, подобно диминутивам, коррелируют в роде с производящими именами, и в современном русском языке преобладает родовое соответствие экспрессивов с их производящими. Ср. примеры родового оформления производных экспрессивов в современном русском языке: *хлебушек, воробушек / воробышек, соловушек, камушек, колышек, клинышек, пупырышек; избенка / избишка, шубенка, церквенка, головенка, лошаденка, бороденка, сестренка, ком-*

натенка, газетенка, работенка, кофтенка; судьбишка, бородишка, торговлишка, мебелишка, шинелишка, постелишка, силишка, землишка, мыслишка, страстишка, мелочишка, статьяшка; травушка, деревушка, церквушка, вдовушка, головушка, кровушка, коровушка, зимушка, кумушка, жenuшка, сиротинушка, долюшка, нянюшка, зорюшка [Обратный словарь... 1974].

Но: *сараюшко, хлебушко* – реликты прежней родовой декорреляции. Ср. также другие (не по среднему роду) примеры декорреляции морфологического рода, сохраняющиеся в современном русском языке: *соловушка, дедушка, соседушка, зверюшка, тестюшка, зятюшка*. Однако в целом примеров с родовой декорреляцией в современном русском языке меньше, чем случаев ее соблюдения.

Можно выделить ряд факторов, обусловивших развитие тенденции к устранению родовой декорреляции экспрессивных дериватов с их производящими.

1. Появление в старорусском языке большого количества диминутивов и экспрессивов способствовало четкой структурной (формантной) оформленности соответствующих словообразовательных типов и делало избыточным наличие дополнительного грамматического дифференциатора, ведь любая более развитая система требует меньшего числа оппозиций для различения тех или иных элементов. Словообразовательные типы со сложными по происхождению формантами специализировались на выражении субъективно-оценочной экспрессивной семантики. Экспрессивность таких слов в достаточной мере выражается суффиксом.

2. Развитию словообразовательных типов с экспрессивными суффиксами, их специализации в качестве отдельной подсистемы способствовали и особенности деловой письменности старорусского периода. Для челобитных и писем-просьб были обязательны слова с умалительно-уничижительным значением (особенно распространены дериваты с суффиксом *-ишк-*, нередко оформленные по среднему роду). Но после проведения Петром I реформы делового стиля умалительно-уничижительные слова были вытеснены из деловой письменности. В результате такие образования потеряли свою особую дискурсивную значимость. Это, вероятно, тоже послужило одним из стимулов их родového переоформления. В XVIII в. экспрессивы на *-ишк(о)* были уже употребительны только в демократической сатире, в шуточных песнях.

3. Свою роль сыграл также фактор контекстной синонимии диминутивов и экспрессивов. В контексте диминутивы (которые характеризовались родовым соответствием со своими производящими) все чаще могли приобретать субъективно-оценочные значения (ласкательности, уничижительности). Это способствовало активному взаимодействию бурно развивающихся в старорусский период словообразовательных типов диминутивов и экспрессивов, обусловило размывание семантических границ между ними.

Таким образом, устанавливающееся в истории русского языка родовое соответствие экспрессивов с их производящими – это результат параллельного исторического развития и взаимодействия диминутивных и экспрессивных словообразовательных типов.

5. ХАРАКТЕР РОДОВОЙ ДЕКОРРЕЛЯЦИИ ЭКСПРЕССИВОВ С ИХ ПРОИЗВОДЯЩИМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Оформление экспрессивов (и притом пейоративов) по среднему роду не утрачено полностью в современном русском языке. Оформленные по среднему роду экспрессивно-оценочные существительные на *-ишк(о)*, образованные от слов

мужского рода, продолжают употребляться в русской речи. Вместе с тем почти утрачена прежняя свободная вариативность родовых показателей при суффиксе *-ишк-* – флексий *-о* и *-а* (см. выше). Они получили своеобразное распределение в связи с взаимодействием данной словообразовательной модели с категорией одушевленности (см. [Азарх 1980: 270]).

При образовании существительных с суффиксом *-ишк-* от основ мужского рода в современном русском языке родовые флексии распределяются следующим образом (примеры из Обратного словаря русского языка):

– флексия *-о* (морф *-ишк(о)*) используется при образовании неодушевленных пейоративных существительных с конкретно-предметным и абстрактным значениями, ср.: *домишко, сараишко, амбаришко, заборишко, дворишко, хуторишко, хвостышко, городишко, заводышко, огородышко, пиджачишко, сюртучишко, рублишко, носишко, животышко, ротишко, голосышко, часышко, талантышко, нарядышко, доходышко, умышко, месячышко*;

– флексия *-а* (морф *-ишк(а)*) – при образовании лично-одушевленных пейоративов, ср.: *сынышка, парнышка, мальчишка, человечышка, лакеышка, офицерышка, писарышка, актерышка, аристократышка, купцышка, старичышка, фанфаронышка, хахалышка, лгунышка, врунышка, шалунышка, хвастунышка, ворышка, трусышка, братышка, плутышка, муравышка, котишка, зайчышка, рачышка*.

Но: *человчышка* и *человчышко* – как реликт прежнего состояния.

В.В. Виноградов, отмечая возможность родовых колебаний в дериватах на *-ишк* в современном русском языке (особенно в диалектной речи, просторечии), подчеркивал, что такие факты не отменяют общую тенденцию к утрате среднего рода у экспрессивных суффиксов и свидетельствуют об установлении связи экспрессивно-оценочных образований с категорией одушевленности – неодушевленности [Виноградов 1947: 86].

В истории словообразования экспрессивов, в том числе и экспрессивов с суффиксом *-ишк-*, вопрос вызывает функция флексии *-а*, оформляющей производные слова, образованные от слов мужского рода. Рассуждения о связи флексии *-а* с категориями экспрессивности и одушевленности содержатся в трудах известных ученых. Так, очевидно, древней является экспрессивная функция флексии *-а* у существительных, обозначающих лиц мужского пола. А.М. Пешковский отмечал, что сочетание женских окончаний с обозначениями лиц мужского пола – «феминизированный мужской род» – «есть особый факт речевого сознания» [Пешковский 1914: 111]. Такое сочетание оппозитивных грамматических значений (оппозиция мужского / женского – основная оппозиция в категории рода) становится почвой развития экспрессии. Экспрессивность мужских наименований, оформленных по женскому роду, ярко проявляется в словах общего рода (типа *разиня, непоседа, рева, растрепан, сквалыга*).

Флексия *-а* также издавна участвует в формировании категории лица, маркируя личные существительные мужского рода. Исследователи истории русского языка (Г.П. Павский, А.Х. Востоков, А.А. Шахматов) видят в архаическом склонении слов, обозначающих лиц мужского пола, по женскому образцу на *-а* (слова типа *вельможа, воевода, староста, владыка*) грамматическую маркировку значения лица в период выделения категории лица из общей категории предметности. С помощью флексии *-а* категория лица противопоставляется категории не-лица (см. [Виноградов 1947: 72]).

Таким образом, декоррелятивная флексия *-а* в дериватах с суффиксом *-ишк-* выполняет 2 функции: выступает грамматическим знаком личности и подчеркивает экспрессивность таких слов.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности родового оформления дериватов с диминутивным и оценочным значением в истории русского языка отражают знаменательные тенденции в развитии диминутивно-оценочной системы:

- формирование специализированных словообразовательных типов экспрессивов в составе диминутивно-оценочной словообразовательной подсистемы русского языка;
- процессы взаимовлияния и дифференциации словообразовательных типов диминутивов и экспрессивов;
- роль категории одушевленности в развитии экспрессивного словообразования.

РАЗДЕЛ 2. СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ ВИДА

ГЛАВА 1. РОЛЬ СУФФИКСАЦИИ И ПРЕФИКСАЦИИ В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.Ю. Крючкова

1. ВВЕДЕНИЕ. ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКОГО ВИДА

В истории русского языка категория глагольного вида с противопоставлением совершенного и несовершенного видов – довольно поздняя и новая категория. Полагают, что она начинает складываться в позднем праславянском языке (эту точку зрения высказывал Ю.С. Маслов). Предположение о праславянских истоках категории вида в славянских языках основывается на том, что все славянские языки развили эту категорию, хотя имеют свои особенности в ее оформлении.

Категории славянского вида (с различием совершенного и несовершенного видов) в раннем праславянском и еще раньше (в праиндоевропейском), вероятно, предшествовали другие отношения, характеризующие протекание действия. Полагают, что такой наиболее древней оппозицией было различие длительности – недлительности действия (или степеней длительности). Эти значения передавались чередованиями гласных в основах глаголов – древними индоевропейскими количественными и качественными чередованиями; их реликты сохраняются в древнерусском и современном русском языке: *нести – носити – нашати, братьи – бирати (събърати – събирати), просити – прашати, усъхнути – усыхати*. Формы с долгими корневыми гласными толкуются О.Н. Трубачевым в «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ) как «итеративно-дуративные» глагольные формы (т.е. совмещающие в одном показателе значения многократности и длительности). О.Н. Трубачев связывает развитие итеративно-дуративных значений с первоначальным становлением видовой семантики славянского глагола [Силина 2018: 194]. «В целом можно заключить, – пишет В.Б. Силина, – что ма-

териалы ЭССЯ свидетельствуют о том, что становление славянского глагольного вида начиналось с развития количественной (т. е. итеративно-дуративной аспектуальности), которое происходило в сфере бесприставочных глаголов» [Там же: 195].

Подобные отношения длительности – недлительности (с наслоением временных отношений) имеются в других индоевропейских языках (например, ярко представлены в древнегреческом языке), что говорит об их древности.

Однако в славянских языках (в поздний период существования праславянского языка) более существенное развитие получает противопоставленность глаголов по предельности – неопределенности действия (представление действия как имеющего или не имеющего границу – в его начальной или конечной фазе). На основе этой семантической оппозиции формируется категория славянского вида – значения совершенного и несовершенного вида.

К началу письменного периода русского языка (XI в.) уже заметно оформление видовых значений у глаголов, хотя система видовых корреляций, близкая к современной, сложилась лишь к началу XIX в. Весь этот длительный период (особенно с XI по XVII в. – древнерусский и старорусский периоды) – время активного формирования новой глагольной категории, время выработки более четких, последовательных семантических оппозиций, поисков средств выражения новых видовых значений.

Таковыми средствами становятся префиксы и суффиксы: префиксы оформляют значение предельности (границы, отделяющей новое состояние от старого); суффиксы участвуют в выражении значения неопределенности, в представлении действия как наблюдаемого, разворачивающегося на глазах наблюдателя процесса, границы которого не отмечаются.

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРЕФИКСОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА

Отправной точкой в формировании видовых значений у глаголов послужило участие в этом историческом процессе глагольных префиксов. Семантические преобразования префиксов – начальный, но не основной этап формирования категории вида.

Первоначальным значением префиксов были значения пространственные (они и сейчас свойственны приставкам и предлогам, ср.: *в, из, от, на, над, под*). Считают, что по происхождению приставки и предлоги восходят к индоевропейским неизменяемым самостоятельным словам, сходным по своему характеру с наречиями (А. Мейе, И.М. Тронский, А. Вайан, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов). На базе независимых реляционных элементов в индоевропейском языке появились предлоги и приставки. Значения индоевропейских элементов, к которым восходят приставки, носили пространственный характер [Табаченко 2003].

В приставках (бывших самостоятельных словах с пространственным значением) развиваются процессы делокализации – стирания, затухания (нейтрализации) их первоначальных пространственных значений. Делокализованные приставки становятся средством выражения нового значения – значения общей результативности (характеризующего действие как законченное, завершённый процесс), которое тесно связано с более широким значением предельности. Таким образом, наблюдается процесс грамматикализации приставок.

Этот процесс сопровождается в древнерусский и старорусский периоды рядом явлений в области префиксальных глаголов (здесь и далее примеры, относящиеся к указанным периодам, приводятся по словарным источникам [ДРС XI–XIV вв.; СЛРЯ XI–XVII вв.; Срезневский 1893–1903]).

1. В результате делокализации приставок (нейтрализации их семантических различий) и одновременно развития у них общерезультативной функции появляется множество разноприставочных синонимов, выражающих значение общей результативности: **одолѣти** – **прѣдолѣти** ‘победить, одолеть’; **постичи** – **пристигнѹти** ‘произойти, случиться’; **ѹяти** – **обѹяти** ‘захватить, поймать’; **изити** – **протити** ‘появиться’; **постигнѹти** – **състичи** ‘догнать’; **отгълѹчити** – **гълѹчити** ‘отлучить от церкви’; **исѣчи** – **высѣчи** ‘иссечь, изрубить’; **въннити** – **принити** ‘наступить, начаться’; **омрачитися** – **помрачитися** ‘покрыться мраком’; **воссияти** – **просияти** ‘засиять’; **написати** – **прописати** ‘указать, предписать’; **сгълѹчитися** – **пригълѹчитися** ‘случиться’; **повѣститися** – **возвѣститися** ‘стать известным’; **очистити** – **прочистити** ‘очистить’; **въслѣдовати** – **послѣдовати** ‘последовать’; **нарядити** – **изрядити** ‘снарядить’; **пропяти** – **воспяти** – **распяти** ‘распят’.

2. Синонимия одноприставочных глаголов, возникшая на основе грамматикализации приставок, стимулирует образование дополнительных членов синонимических рядов – двупрефиксных глаголов: **прѣдолѣти**, **припостичи**, **обѹяти**, **пронизити**, **съпостигнѹти**, **гълѹчитити**, **выиссѣчи**, **привъннити**, **поомрачитися**, **провоссияти**, **пронаписати**, **присгълѹчитися**, **восповѣститися**, **проочистити**, **воспослѣдовати**, **изнарядити**, **воспропяти**, **распропяти** и под. (это явление описано в [Крючкова 2000]).

3. Вторичная (семантически дублирующая) префиксация, направленная на поддержку нового общерезультативного значения, актуальна в связи с тенденцией к опрощению первичной глагольной приставки у одноприставочного глагола, ср.: **оврѣсти** – **прѣоврѣсти**, **изоврѣсти**; **одѣти** – **прѣодѣти**, **приодѣти**; **одолѣти** – **прѣдолѣти**; **исходити** – **пронсходити**; **начинати** – **проначинати**; **въкѹпяти(ся)** – **съвъкѹпяти(ся)** – **присъвъкѹпяти(ся)**.

Все эти явления в области приставочного словообразования (синонимия приставочных глаголов, вторичная префиксация, подробнее см. [Крючкова 2011]) вызваны развитием и актуальностью нового общерезультативного значения – грамматикализацией приставок; они отражают также поиски форм выражения этого значения.

Первоначально присоединение приставки к глаголу еще не сопровождается появлением у него значения собственно совершенного вида (перфективного значения). Соединение глагольных основ с приставками и их семантическое преобразование создавало лишь предпосылки и условия для возникновения вида в позднем праславянском языке – формировало «ту категорию предельности, из позднейшего расщепления которой и вышел несовершенный, а затем и совершенный вид» [Маслов 1958: 38].

3. РАЗВИТИЕ ИМПЕРФЕКТИВНЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ В КРУГУ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Значение совершенного вида сформировалось у приставочных глаголов после оформления вида несовершенного, в оппозиции к глаголам с выраженным имперфективным значением, ср.: «Семантическим и формальным центром этой системы была категория имперфективности. Значение несов. вида – процессуаль-

ность, длительное действие, стремящееся к своему пределу, – явилось тем смысловым стержнем, который создал и укрепил эту категорию» [Силина 1982: 162]. Центральное положение категории имперфективности в истории формирования видовых противопоставлений объясняется, очевидно, особенностями имперфективной семантики. Ср. рассуждение В.В. Виноградова о значении несовершенного вида: «обозначение действия в его течении, не стесненной мыслью о пределе процесса в целом, представляется “обычным”, естественным значением глагола, его грамматической нормой»; «несовершенный вид, обозначая “неквалифицированное действие-состояние” (Шахматов), является основой, нейтральной базой видового соотношения» [Виноградов 1947: 498].

Если приставочные глаголы послужили исходным моментом в формировании аспектуальных значений, то видовые отношения сложились после того, как появилось парное соотношение значений совершенного и несовершенного видов, т. е. после возникновения глаголов несовершенного вида, соотносительных с приставочными глаголами. Именно развитие специальных средств выражения значения несовершенного вида способствовало укреплению видовой функции у приставочных глаголов, имевших еще нечетко выраженное перфективное значение (развивших лишь значение общей результативности; иногда приставочные глаголы на этом этапе их грамматикализации называют глаголами общего вида). Образование суффиксальных имперфективов от приставочных глаголов привело к сложению парных видовых корреляций (глагольных пар, члены которых имеют различия по виду и минимально осложнены лексическими различиями), к положению, «когда все снабженные приставками глаголы, от которых были образованы производные имперфективы, стали глаголами сов. вида» [Силина 1982: 275]. Первоначальная система видовых корреляций складывается в кругу приставочных глаголов; видовые оппозиции приставочных глаголов составили ядро развивающейся видовой системы, ср.: *раздѣлити – раздѣляти, раздүмати – раздүмывати, показати – показывати*.

4. РОЛЬ СУФФИКСАЦИИ В ВЫРАЖЕНИИ ИМПЕРФЕКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

В образовании глаголов несовершенного вида решающую роль сыграли суффиксы. В древнерусский и старорусский периоды наблюдается неупорядоченность суффиксов как средств имперфективации. Многообразные средства имперфективации не были закреплены за отдельными классами глагольных основ. В результате появлялись многочленные ряды имперфективов.

Древнерусский язык зафиксировал сложную систему имперфективного словообразования. Здесь мы находим и параллельное существование однокорневых основ с суффиксами *-и* и *-ја* (*изгон-и-ти – изгон-я-ти*), *-а* и *-ова/-ева* (*прим-а-ти – прим-ова-ти*), и однокорневые параллели с суффиксами *-ова* и *-ыва* (*сѣдѣл-ова-ти – сѣдѣл-ыва-ти, напис-ова-ти – напис-ыва-ти*), *-а* и *-ива* (*наряж-а-ти – наряж-ива-ти*), варианты с суффиксом *-а/-ја* и вторично присоединенным к нему суффиксом *-ва* (*конч-а-ти – конч-а-ва-ти, начерт-а-ти – начерт-а-ва-ти*). Возможна была ситуация, когда одному приставочному глаголу (с развивающейся перфективной функцией) противостояли три имперфективных варианта (т. е. существовали четырехчленные видовые корреляции): *загнати – загонити, загоняти, заганивати; внести – вносити, внашати, вношивати; покрасти – покрадати, покрадывати, покрадовати* [Силина 1982: 209, 234].

Такая же вариантность существует и в старорусский период. На протяжении всего древнерусского и старорусского периодов видовые корреляции носят, как правило, многочисленный характер в плане выражения. Но в плане содержания видовые оппозиции бинарны.

Сосуществование старых и новых имперфективных форм продолжалось длительное время, у некоторых глаголов, как отмечает В.Б. Силина [Силина 1982: 273], – вплоть до начала XIX в. И между вариантами шла напряженная конкурентная борьба. Но с течением времени эта избыточность, вариантность ликвидируется; многочисленные корреляции превращались в двучленные. Наличие у некоторых глаголов параллельных («двойных») форм несовершенного вида отмечает В.В. Виноградов и в современном русском языке (*заползать* и *запалзывать*, *замарать* и *замарывать*, *отряхать* и *отряхивать*), подчеркивая, однако, их стилистические различия [Виноградов 1947: 509].

В истории развития средств имперфективации обращает на себя внимание довольно распространенное в древнерусский и старорусский периоды явление на низывания глагольных суффиксов (см. [Крючкова 2000; Крючкова 2001]), ср.:

- др.-р. *сконч-а-ти* – *сконч-а-ва-ти*, *напа-я-ти(ся)* – *напа-я-ва-тися*, *обѣщ-а-ти(ся)* – *обѣщ-а-ва-ти(ся)*, *обон-я-ти* – *обон-я-ва-ти*, *оклевет-а-ти* – *оклевет-а-ва-ти*, *порабощ-а-ти* – *порабощ-а-ва-ти*, *привѣщ-а-ти* – *привѣщ-а-ва-тися*, *раскоп-а-ти* – *раскоп-а-ва-ти*, *распыт-а-ти* – *распыт-а-ва-ти*, *сверш-а-ти* – *сверш-а-ва-ти*, *страд-а-ти* – *страд-а-ва-ти*, *увѣщ-а-ти* – *увѣщ-а-ва-ти*;
- ст.-р. *начерт-а-ти* – *начерт-а-ва-ти*, *подраж-а-ти* – *подраж-а-ва-ти*, *развѣщ-а-ти* – *развѣщ-а-ва-ти*, *раска-я-тися* – *раска-я-ва-тися*, *растерз-а-ти* – *растерз-а-ва-ти*.

Присоединение вторичного глагольного суффикса *-ва-* служило средством снятия двувидовости глаголов с суффиксом *-а/-ја*, образовавших, по наблюдениям А. Мейе [Мейе 1951: 239–240], особую группу неспецифицированных по виду глаголов. Ср.:

- кончати* – ‘кончать (окончить)’; *кончавати* – ‘кончать, оканчивать’;
- скончати* – ‘закончить (заканчивать), завершить (завершать)’; *скончавати* – ‘заканчивать, завершать’;
- обѣщати* – ‘дать (давать) слово’; *обѣщавати* – ‘давать слово’;
- обоняти* – ‘ощущать (ощутить) запах’; *обонявати* – ‘ощущать запах’;
- оклеветати* – ‘клеветать (оклеветать), обвинять (обвинить)’; *оклеветавати* – ‘клеветать, обвинять’;
- увѣщати* – ‘уговорить, ободрять’; *увѣщавати* – ‘уговаривать, утешать’.

В древнерусский и старорусский периоды суффикс *-ва* (более новый в сравнении с древними суффиксами *-и*, *-а*, *-ја*) был очень продуктивным средством имперфективации и имел четкое имперфективное значение. Продуктивность суффикса *-ва* стала падать только с ростом продуктивности новейшего суффикса имперфективации *-ива-*.

Первые глаголы с суффиксом *-ива/-ыва* отмечаются с XII в. К концу XIV в. эта модель имперфективации получила широкое распространение. Однако в древнерусском языке глаголы на *-ива/-ыва* почти не функционировали в роли единственных имперфективных коррелятов к приставочным глаголам. Имперфективы на *-ива-* являлись в основном вариантами к имперфективам, оформленным другими,

более древними суффиксами. По данным В.Б. Силиной, в древнерусский период фиксируется только 38 глагольных лексем на *-ива/-ыва*, не имеющих параллелей с другими суффиксальными имперфективами [Силина 1982: 260].

XV–XVII вв. – период максимальной продуктивности суффикса *-ива/-ыва*, он вытесняет другие, более древние суффиксы имперфективации. Его преимущества заключались в протяженности (неоднофонемности), что обеспечивало ему выразительность и информативность, в способности присоединяться к глагольным основам любого строения, не подвергаясь изменениям, в монофункциональности (это было специализированное средство имперфективации). В старорусский период увеличивается число непараллельного употребления имперфективов на *-ива*, они выступают в качестве единственного имперфективного члена видовой корреляции, образуют видовую пару. Характер употребления суффикса *-ива* в старорусский период был близок к функционированию грамматического аффикса, имперфектив на *-ива-* мог образовываться в это время практически от любого глагола. Это становилось в том числе причиной образования многочисленных видовых корреляций (вариантного выражения имперфективного значения).

Однако грамматикализация суффикса *-ива-* была прервана вследствие утраты им монофункциональности. Этот суффикс начинает употребляться как средство образования многократных глаголов и проявляет активность в этой функции вплоть до начала XIX в. В.В. Виноградов приводит примеры употребления многократных глаголов с суффиксом *-ива* в литературе XIX в.: *У меня дядя был псовый охотник. Я с ним езживала весною* (Тургенев, «Вешние воды»); *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?* (Пушкин, «Станционный смотритель»). Такой же омонимией (способностью выражать как значение несовершенного вида, так и значение многократности), отмечает В.В. Виноградов, исторически характеризовались также суффиксы *-а, -ва* [Виноградов 1947: 503]. К началу XIX в. суффикс *-ива-* утрачивает в литературном языке продуктивность как средство образования многократных глаголов (подобные образования сохраняются как диалектные).

В ходе конкуренции между суффиксами имперфективации наблюдается явление перехода прежних имперфективов в перфективы (т. е. приобретение имперфективами, имеющими суффиксы имперфективации, перфективного значения). В процесс перфективации втягиваются обычно старые имперфективы, образованные по наиболее древним моделям (с суффиксами *-и, -а*): *проскакати, заклепати, проводить, прочитати*. Замена одного видового значения другим происходит не сразу, чаще новые (вторичные) перфективы становятся двувидовыми глаголами, глаголами с нечеткой видовой принадлежностью (они могут выражать и то, и другое видовое значение).

Вторичные перфективы вступают во взаимодействие со старыми однокорневыми перфективными глаголами. Результаты этого взаимодействия разнообразны (см. [Силина 1982: 275]):

- вторичные перфективы могут вытеснить старый перфективный коррелят, занять его место (*пробости – пробадати, заклепти – заклепати*);
- вторичные перфективы расходятся лексически со старым перфективным коррелятом и образуют новую корреляцию с участием нового имперфектива (*провести – проводить – проважать*),
- вторичные перфективы вступают в варианты отношения со старым перфективным коррелятом, сохраняются оба глагола (*прочесть – прочитать*).

Перфективация старых имперфективов – это лексико-словообразовательный процесс, его действие нерегулярно, затрагивает отдельные лексические единицы. Однако общая значимость этого процесса связана с тем, что вызван он активным развитием видовой системы, обусловлен конкуренцией и поиском оптимальных средств выражения видовых значений.

5. УКРЕПЛЕНИЕ ПЕРФЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ У ПРЕФИКСОВ

Вместе со стабилизацией средств выражения имперфективного значения укрепляется и видовое значение приставок. Однако на протяжении старорусского периода сохраняется значительное число приставочных глаголов с нечетким видовым значением – двувидовых глаголов. Средством снятия двувидовости в таких случаях становится вторичная префиксация. Чаще всего двуприставочный глагол разрешает двувидовость в пользу значения совершенного вида (**про-вадити** – двувид. ‘прогнать (прогонять)’; **от-про-вадити** – сов. ‘прогнать’), подробнее об этом см. [Крючкова 2000].

Укрепление приставок в роли выразителей совершенного вида способствовало формированию видовых корреляций приставочных и бесприставочных глаголов: **дѣлати** – **сдѣлати**, **писати** – **написати**, **зъвати** – **позъвати**. В таких корреляциях, появившихся в сравнительно поздний период истории русского языка, приставочные глаголы стали противопоставляться бесприставочным как глаголы совершенного вида глаголам несовершенного вида. Закрепление таких соотношений в качестве видовых корреляций происходило в том случае, если утрачивался производный имперфектив. В этих условиях выразителем имперфективного значения становился простой бесприставочный глагол. Иными словами, после утраты (не ранее XVII в.) суффиксальных имперфективов **сдѣловати**, **сдѣлывати**, **написовати**, **написывати** закрепились видовые корреляции *делать* – *сделать*, *писать* – *написать*. Утрата суффиксальных имперфективов в свою очередь была связана со степенью нейтрализации словообразовательного значения приставки. Чем сильнее нейтрализация, тем легче утрачивался суффиксальный имперфектив (как в приведенных примерах); чем отчетливее было словообразовательное значение префикса, тем сохраннее оказывались суффиксальные имперфективы (ср.: *доделать* – *доделывать*, *переписать* – *переписывать*). При сохранении приставочных видовых пар соотношения бесприставочных и приставочных глаголов (*делать* – *доделать*, *писать* – *переписать*) носят словообразовательный характер, имеют различные лексические значения.

Постепенно в видовые отношения втягиваются и бесприставочные глаголы: **рѣшити** – **рѣшати**. У бесприставочных глаголов долго наблюдались колебания в их суффиксальном видовом оформлении. И в современном русском языке как пережиток прошлого функционируют двувидовые бесприставочные глаголы *казнить*, *велеть*, *женить*, они не имеют специальных видовых аффиксов, поэтому их видовое значение неопределенно. (В некоторых говорах эти глаголы выступают как глаголы несовершенного вида, поскольку там развились приставочные образования *оженить*, *повенчать*, *исказнить* – как результат тенденции к более последовательному развитию видовой парности.) В целом модель видového противопоставления в кругу бесприставочных глаголов (типа *решить* – *решать*, *бросить* – *бросать*, *кончить* – *кончать*, *лишить* – *лишать*) не получила в истории русского языка заметного развития; таких соотношений в русском языке немного.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, суффиксы и префиксы играют важнейшую роль в становлении видовой системы русского языка. Однако характер их участия в становлении категории вида в русском языке различен. В истории русского языка появляются специальные суффиксы имперфективации – выразители значения несовершенного вида. Специальных видообразующих приставок нет, приставки претерпевают изменение в плане содержания, получают способность выступать не только в функции словообразующего, но и видообразующего средства.

Только к началу XIX в. происходит стабилизация, упорядочение видовой системы. Многочленные корреляции превращаются в двучленные. Укрепляются корреляции, где в качестве имперфективного члена выступают бесприставочные глаголы. Завершается процесс перехода бывших имперфективов в сферу совершенного вида, устраняется появлявшаяся у них в процессе этого перехода двувидовость (вторичная двувидовость).

Формирование категории вида – процесс, в котором ярко проявляется взаимодействие словообразования и морфологии, движение словообразовательных средств в сторону их грамматикализации, не достигающей, по-видимому, своей полноты, ср., например, рассуждение В.В. Виноградова о «сопротивлении лексического материала» при выражении видовых значений: «...чисто видовое соотношение форм часто нарушается и осложняется примесью лексических значений (ср., например, *выдергивать* как форму несовершенного вида к *выдернуть* и к *выдергать*; *насаживать* – *насажать*; *насаживать* – *насадить* и *насаждать* – *насадить* и т. п.). <...> Категория вида является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений» [Виноградов 1947: 499]. Тесное взаимодействие словообразования и морфологии в истории и современном состоянии категории вида побуждает исследователей квалифицировать данную категорию как занимающую промежуточное положение между двумя языковыми уровнями – как «морфологическую деривационную категорию» [Петрухина 2014].

Глава 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРФЕКТИВАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

О.И. Дмитриева

1. ВВЕДЕНИЕ

По справедливому утверждению С.О. Карцевского, «вид – это до некоторой степени вторичное явление, которое дополнительно присоединилось к явлению деривации, а потому категория вида принципиально отличается от словоизменительных категорий» [Карцевский 1962: 218]. Исследование глагольного вида связано с исследованием процесса глагольной префиксации, которая является основным средством перфективации, т. е. образования глагола совершенного вида от глагола несовершенного вида. Н.В. Перцов при рассмотрении проблемы вида с позиций грамматики отмечал, что в префиксальных парах складываются отношения, соответствующие отношениям мотивирующего и мотивированного слов, а не отношениям между грамматическими формами [Перцов 2001: 128]. Характер образования приставочных глаголов от бесприставочных как разных слов, а

не форм одного слова признается и другими учеными [Волохина, Попова 1997]. Категория вида отличается от других грамматических категорий тем, что она формировалась на базе отглагольной деривации.

В этой связи закономерно, что развитие теоретической базы исследования глагольной префиксации идет именно на пересечении аспектологического и словообразовательного подходов. На современном материале изучение характеризованных приставками способов действия имеет широкую и устойчивую традицию [Маслов 1958; 1984; Петрухина 2012в; Шелякин 2008; Зализняк, Шмелев 2000; Авилова 1976]. Исследование этой проблемы в диахронии более фрагментарно [Мальгина 1993; Сигалов 1977; Ананьева 2004; Мальцева 1988; Дмитриева 2000; Дмитриева, Крючкова 2010]. Представляется, что рассмотрение процесса развития семантики приставок в связи с процессом эволюции характеризованных приставками способов глагольного действия должно способствовать более точному объяснению причин формирования отдельных способов действия, неравномерно го характера их становления в системе языка.

2. ПРЕФИКСАЦИЯ, ПЕРФЕКТИВАЦИЯ И СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ДИАХРОНИИ

Результаты изучения категории вида в языковой диахронии позволяют более отчетливо представить процесс соотношения перфективации и префиксации. Высказывается соображение, что этот процесс способствовал осмыслению отношений результатива (*зажечь*) – нерезультатива (*зажигать*) [Мальцева 1988]. Другая точка зрения на формирование видовых отношений предполагает возможность появления вторичного имперфектива только по универсальной схеме: от приставочного глагола, образованного в свою очередь от беспрефиксного (т. е. не *нести* → *принести*; *носить* → *приносить* и далее *принести* → *приносить*, а не *сти* → *принести* → *приносить*) [Сигалов 1977].

В.Б. Силиной убедительно обосновано положение о том, что в древнерусском языке приставочный глагол представлял собой особый глагол общего вида. В дальнейшем формирование видовых отношений определялось развитием категории результативности, появлением корреляций приставочных глаголов, где отношение длительность / недлительность действия системно начинает осмысливаться как отношение процесс / результат: *жечи* – *зажечи*, *зажигати*, *зажигивати*, *пасти* – *запасти*, *западати*, *западывати*, *палити* – *запалити*, *запаляти*, *запаливати*. В ходе развития категории вида складывается «специализированная собственно древнерусская модель имперфективации с суффиксом *-ива-/-ыва-*, которая уже к XVI–XVII вв. характеризуется максимальной продуктивностью» [Силина 1982: 176].

Системное развитие вторичной имперфективации часто сопровождается утратой исходных беспрефиксных глаголов, которые находились на первой ступени видовой оппозиции. Послужив базой для оформления второй ступени, они приобретали характер связанных основ: *нүдити* – *понүдити* – *понүждати*, *рүчити* – *порүчити* – *порүчати*, *зарити* – *озарити* – *озаряти*, *мерети* – *үмерети* – *үмирати*, *казати* – *показати* – *показывати* (подробно об этом см. [Никифоров 1952]).

Видовая роль префиксации, являющейся словообразовательным процессом, обусловлена прежде всего семантикой приставок, которые уже в древнерусском языке выражали не чисто локальные значения, а пространственно-результативные [Кукушкина 1996; Дмитриева, Крючкова 2010]. С этим утверждением соотносится высказывание Ю.С. Маслова о том, что базу возникновения вида в соб-

ственном смысле, т. е. соотношения совершенности – несовершенности, составили глаголы результативного способа глагольного действия [Маслов 1958: 33].

Префиксация, как уже отмечалось, является основным средством перфективации, т. е. образования совершенного вида (маркированного члена видовой оппозиции). Представляется правомерным рассматривать развитие семантики приставок в связи с формированием инвариантного значения совершенного вида. Вопрос об инвариантном значении совершенного вида решается неоднозначно. Оно может определяться как предельность [Кузнецов 1959; Виноградов 1947; Авилова 1976; Маслов 1984], целостность [Бондарко 1996; 1998; Шелякин 2008], фазисность [Гловинская 1998]. Все эти значения так или иначе связаны с концептом результата (т. е. общим значением «сделано»), в котором «семантика видов находит себе точку опоры» [Карцевский 1962: 220]. Результат может определяться достижением внешнего предела действия (*добежать*), внутреннего предела, т. е. завершенности действия (*построить*), одной из его временных фаз (*заговорить*, *помолчать*, *отшуметь*). Результат (в узком смысле) связан с естественным завершением действия, достижением его естественного предела [Петрухина 2012в: 56].

В ходе синхронно-диахронного анализа приставочных глаголов [Дмитриева 2005; Дмитриева, Крючкова 2010] обнаружено, что отдельные приставочные значения исторически взаимосвязаны и могут рассматриваться как имеющие общее прототипическое значение, определяемое как структурно-семантический прототипический инвариант. Его реконструкция позволяет не только представить механизм развития глагольной префиксации, но и понять динамику формирования способов глагольного действия, характеризованных приставкой. Инвариантом его правомерно считать потому, что он является связующим семантическим компонентом при формировании всех остальных приставочных значений.

Приставки, генетически восходящие к древним адвербам, т. е. самостоятельным словам наречного характера, исторически имели собственное значение. Ранние локальные значения (**налѣжати** ‘располагаться на чем-либо’, **подѣстояти** ‘стоять внизу’) уже в древнерусском языке не были типичными, а наиболее характерным для этого периода было пространственно-результативное значение, которое можно считать исходным для дальнейшей эволюции приставок (см. об этом [Дмитриева 2005]). Инвариантное значение приставки определяется путем конкретизации пространственно-результативной семантики как наиболее близкой к исходной пространственной.

Отчетливо связь прототипического инварианта с формирующимися в ходе языковой эволюции значениями приставки, а значит, и модификациями характеризующимых этой приставкой способов глагольного действия, прослеживается у приставки *по-*, так как она раньше других префиксов утратила собственно локальную семантику, и потому исходным для нее значением в древнерусском языке можно считать пространственно-результативное. Значение последовательного, постепенного (точечного) развертывания действия по поверхности в ее плоскостном представлении с некоторой степенью условности определяется нами как структурно-семантический прототипический инвариант приставки *по-*. Ср.: **поковати** ‘оковать’ (**одръ покованъ златом**); **посмолити** ‘осмолить’; **потравити** ‘испортить, истребить’, ‘опустошить’; **помостити** ‘вымостить, замостить’; **попустошити** ‘опустошить’ [ДРС 1988–.].

Результативное значение сливается с пространственным и мыслится как значение последовательного развертывания действия по точкам поверхности (стадиям

процесса) к пределу (результату). Инвариантный характер пространственно-результативного значения возможно графически представить при помощи точек, обозначающих распространение действия к его крайнему пределу, при этом стрелки указывают на направление последовательного движения к конечной точке:

→→→→→→→→→→→→→→→↓

.....•

Специфика результативного значения в древнерусском языке заключается в том, что важным его компонентом становится не только семантика результата (условно обозначенного на рисунке как последняя точка), т. е. внешнего или внутреннего предела действия, а весь процесс его развертывания к крайней границе распространения действия, к внешнему пределу. Такой способ выражения результативности определяется спецификой мышления средневекового человека, которое было предметно и синкретично. Следует подчеркнуть, что в процесс образования глаголов пространственно-результативной семантики в древнерусском языке вовлекаются преимущественно производящие основы со значением конкретного физического действия, имеющего распространение по поверхности. Ср. **покопати** ‘выкопать’: **границы покпал и ямы на земли покопал** [ДРС 1988– .]; **досллати** ‘послать, прислать’: **дослю братоу послы свое** [ДРС 1988– .]; **отъганати** ‘прогонять’: **подобаеть неразоумныхъ отъганати ... а оумныхъ паче инѣхъ хранити** [ДРС 1988– .]. Действие мыслится как точечно распространяющееся по поверхности, как цепь последовательно совершаемых актов.

Через инвариантное прототипическое значение последовательного распространения действия по точкам поверхности к его крайнему пределу (результату) могли формироваться и другие значения приставки, становившиеся средствами обозначения отдельных формирующихся способов глагольного действия.

Определение самого понятия «способ глагольного действия» может строиться на разных основаниях, но оно соотносится с процессом префиксации. Как способ глагольного действия (СГД) может обозначаться характер протекания действия по отношению ко времени, пространству, результату, количеству проявления действия и количеству охваченных этим действием объектов, к кратности действия. При этом СГД создает семантическую основу модификационных и мутационных формаций, которые приставка характеризует, т. е. морфемно фиксирует [Петрухина 2012в]. Под способами глагольного действия понимаются как словообразовательные группировки глаголов, которые «привносят в глаголы значения начинательности, ограничительности, многократности и прочие значения, которые можно охарактеризовать как количественно-временные» [Авилова 1976: 259], так и отдельные модификационные значения приставок, т. е. «обобщения значений конкретных приставок, причем обобщения достаточно высокого уровня» [Кронгауз 1998: 127].

Попытаемся представить, как на базе исходного пространственно-результативного значения (на примере приставки *по-*) формировались остальные значения приставок, которые становились основой формирования семантики отдельных способов глагольного действия. Формирование *дистрибутивного способа глагольного действия* начинается уже в древнерусском языке. Семантика этого СГД соотносится с представлением о постепенном распространении действия по всем или многим точкам поверхности, т. е. действия многоактного или направленного на многие объекты пространства. Через прототипический инвариант дистрибутивное значение может быть определено как значение охвата всех точек поверх-

ности, т. е. направленности действия на все или многие объекты. Можно говорить о значительной диффузности пространственно-результативной и дистрибутивной семантики в древнерусский период, что объясняется их близостью к прототипическому инвариантному значению приставки *по-*: **подѣлити** ‘разделить’ – результативное и ‘наделить, оделить (о многих)’ – дистрибутивное, **пограбити** ‘огрбить’ – результативное и ‘разграбить (многое)’ – дистрибутивное. Важную роль в дифференциации дистрибутивного и результативного значений играет внешний контекст, акцентирующий многообъектность действия, т. е. использование в нем таких слов, как *много*, *всех*.

В результате синхронно-диахронного анализа обнаруживается спецификация двупривставочных дистрибутивных глаголов с приставкой *по-* в системе русского языка, но это не распространяется на глаголы с той же первичной приставкой, поскольку вторичная префиксация является стилистически маркированным способом словопроизводства и по этой модели образуются разговорно-сниженные двупривставочные глаголы, например: *понабросать*, *понастроить*, *понасажать* [Дмитриева, Крючкова 2010].

Вопрос о генетической связи пространственных и количественно-временных значений приставок является дискуссионным. Как могут соотноситься значения начала действия или его ограниченной длительности с инвариантным значением последовательного охвата точек поверхности? Воспринимая окружающий мир, человек воспринимает его объекты и удерживает их в своем сознании «в будущем или в прошлом в то же время, что и в пространстве», а «вещи сосуществуют в пространстве потому, что они присутствуют перед одним и тем же воспринимающим субъектом и находятся в пределах одной и той же временной волны» [Мерло-Понти 1999: 341–354]. Во многих языках понятие «время» первоначально тесно связано с понятием «ограниченное, или обстроенное оградой, пространство (нашего) мира», поэтому время событий, протекающих в этом пространстве, собственно, «круг событий» [Степанов 1997: 117]. С исторической точки зрения само слово *время* восходит к и.-е. *uer-t- «вращать, вращаться» и означает «круговорот». В других языках прослеживается этимологическая связь слова *время* со значением «тянуть» или с названием центральной балки в строении дома [ЭССЯ]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «модель Пути основана на метафорах движения и места занимаемого Путником» и не противопоставлена модели Потока времени [Арутюнова 1998: 690–691]. Ср. употребление глагола **отстояти** в значении ‘находиться на каком-либо расстоянии’ и в значении ‘быть отделенным каким-либо промежутком времени’:

Градъ ксть отстога от кыква града стольнааго•нъ•попъриц [ДРС 1988–.].

И оувидѣ носифѣ днѣ недалече отстояще [ДРС 1988–.].

Формирование начинательного способа глагольного действия в древнерусском языке определяется актуализацией начальной границы его протекания. Обращает внимание возможность выражения с помощью приставки *по-* значения начала не только дальнейшего перемещения субъекта, но и начала процесса изменения состояния субъекта или распространения звука в пространстве. В начинательном значении употреблялись многие древнерусские глаголы с приставкой *по-*, в ходе развития языка утратившие такую способность: **похотѣти** ‘захотеть’, **погоготати** ‘загоготать’, **поволѣти** ‘заболеть’, **позвиздати** ‘засвистеть’. Пример употребления глагола **похотѣти** в тексте:

Толико тѣчью даи тѣлу, елико же трѣбуетъ, а не елико же похочеть [ДРС 1988– .].

В древнерусском языке имела место словообразовательная синонимия приставок *въз-* и *по-* при обозначении начала действия (ср. *възболѣти* и *поболѣти* в значении ‘заболеть’). В процессе развития языка основным средством обозначения начинательного СГД становится приставка *за-*. В русском языке XVIII в. расширение круга глаголов начинательного способа действия за счет новообразований с приставкой *за-* становится активным процессом, о чем свидетельствуют лексикографические данные. Образование новых глаголов с приставкой *за-* с общим значением ‘начать действие’ – характерная особенность формирования глагольной подсистемы в этот исторический период: *заскрипеть, засверкать, заохать, замечаться, заплакать, запищать, заспорить, зарадоваться, заржать, заблестеть* [СлРЯ XVIII 1984– .]. В процессе формирования системы способов глагольного действия приставка *по-* приобретает семантико-словообразовательную маркированность – автономию на выражение значения только начала однонаправленного перемещения [Мальцева 1988; Малыгина 1993; Дмитриев, Крючкова 2010].

Развитие делимитативного способа глагольного действия начинается в старорусский период, но активный характер этот процесс приобретает только в русском языке XVIII в. В связи с прототипическим инвариантом значение ограниченного протекания действия соотносится с представлением об охвате действием определенного участка (ряда точек) поверхности, что подчеркивается внешним контекстом:

повыити ‘провести какое-то время, побывать’: **По семь мало побывьше особь братии. абиѣ клеплю(т).** [ДРС 1988– .].

помѣлчати ‘помолчать некоторое время’: **Мало же помѣлчавъ, рече ми: имамъ .л̣. лѣтъ и три** [ДРС 1988– .].

Процесс формирования семантики ограниченного по времени длительности протекания действия в старорусский период и в XVIII в. часто идет одновременно с утратой пространственно-результативного значения многими глаголами с приставкой *по-* и «вытеснением» этого префиксального форманта другими результативными приставками: *поковати* – *оковать*, *помести* – *выместить*, *попустошити* – *опустошить*, *посмолити* – *осмолить*, *покосити* – *скосить*, *потързати* – *растерзать*, *поквасити* – *заквасить*, *поръвати* – *вырвать*, *поучити* – *научить* и др. [СлРЯ XI–XVII вв. 1975– .; СлРЯ XVIII в.]. Можно заметить в таких случаях, что с развитием большей абстрактности выражения языковых значений утрачивается непосредственная связь результативной семантики с исходным инвариантным значением целостного последовательного развертывания действия по всем его точкам (стадиям) к пределу (завершению) и обозначение конечной стадии процесса (значение «сделано») начинает со временем восприниматься как собственно результативное значение. С развитием категории вида выражение результативного значения как значения завершенности действия приобретает системный характер [Дмитриева 2005.] Многие глаголы, которые утрачивают способность выражать результативное значение в сочетании с приставкой *по-*, приобретают значение ограниченной длительности действия. В дальнейшем приставка *по-* становится автономным выразителем ограничительно-длительного (делимитативного) способа глагольного действия. В современном русском языке количество делимитативных глаголов, характеризованных приставкой *по-*, постоянно увели-

чивается, и этот СГД остается наиболее продуктивным в процессе неологизации языка: *поавралить, покреативничать, потусоваться, поманежить* [БТС 1998].

Поздний характер развития диминутивной семантики отмечался исследователями в связи с анализом разных семантико-словообразовательных подсистем [Дмитриева, Крючкова 2010]. Диминутивная семантика, т. е. значение слабой интенсивности осуществления действия, формируется у приставок начиная со старорусского периода. Диминутивное значение связано с исходным инвариантным как значение охвата действием лишь некоторых точек (объектов) поверхности, без указания на конечную границу, крайний предел его распространения. Реализация этого значения, как правило, требует развертывания во внешний контекст. В лексикографических источниках значение глаголов-диминутивов определяется с помощью слов ‘немного, слегка, до некоторой степени’:

Помочити ‘смочить слегка, немного’: ...**дно такъ хорошо ѹтолкѹт и ѹтопчѹт мало помочивши, что пескъ и воды никакне в себя не впустит** [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–.].

Как и у дистрибутивных глаголов, маркированным средством выражения диминутивного значения является вторичная приставка: *поизмять, попридержать*.

Вторичность диминутивного значения приставки *по-* и его генетическая связь с пространственно-результативным подтверждается тем, что семантика слабой интенсивности действия часто развивается у глаголов, которые в древнерусском или в старорусском языке имели только пространственно-результативную семантику. Ср. употребление глагола *почистить* в раннем результативном значении ‘расчистить, очистить’ (**Велѣлъ хрестьяномъ отъ Ёргольского до Напорожского ямѹ дороги почистити и мостовъ по рекамъ... починити** [СлРЯ XI–XVII вв. 1975–.]) и в современных диминутивных значениях ‘вычистить до некоторой степени’ (*Почистить стиль*) и ‘очистить некоторое количество чего-л.’ (*Почистить моркови для салата*) [БТС 1998]. Глаголы диминутивного способа глагольного действия в современном русском языке часто образуются от основ с общим значением становления, приобретения признака: *погустеть* (‘несколько, немного загустеть’); *покривить* (‘слегка искривить’) [БТС 1998].

Исследование исторической динамики глаголов с приставками *до-* и *от-*, с попыткой реконструкции прототипического (генетического) семантического инварианта [Дмитриева 2005; Дмитриева, Крючкова 2010], обнаружило сходные закономерности формирования префиксальных значений, связанные с изменением в процессе языкового развития пространственно-результативной спецификации: они становятся из средства выражения значения крайнего предела развертывания действия в пространстве средствами обозначения завершенности действия во времени. Наиболее активно процесс развития временных значений в семантической структуре приставок (например, делимитативного значения приставки *по-*, результативно-финитивного значения приставок *до-* и *от-*), а соответственно, и характеризованных этими приставками временных способов глагольного действия идет в старорусский период, когда результативность начинает осознаваться как конечная фаза завершения действия, а не как результат достижения выраженного предела в процессе развертывания действия в пространстве.

Развитие количественно-временной префиксальной семантики и формирование количественно-временных способов глагольного действия сопровождается возникновением широкой синонимии приставок, обусловленной словообразовательной вариативностью и отсутствием четкой специализации приставочных

значений, характерной для раннего периода языкового развития. Позднее в составе количественно-временных способов глагольного действия формируются группировки с общей семантикой меры и степени реализации действия, такие, как диминутивный (глаголы с приставкой *по-*), интенсивно-результативный с общей семантикой воздействия на объект, приводящего к негативным последствиям (глаголы с приставками *до-* и *от-*).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диахроническое исследование префиксальных глаголов позволяет соотнести процесс развития отдельных приставочных значений с формированием способов глагольного действия. Рассмотрение значений приставок как семантической системы, базирующейся на общем исходном значении, определяемом как прототипический инвариант, подтверждает особую роль результативности в ходе формирования категорий вида и способа глагольного действия. Результаты нашего диахронического анализа во многом соотносятся с утверждением С.О. Карцевского о том, что формирование результативности в языке могло быть связано с двумя стадиями, двумя мыслительными операциями: 1) сведением процесса к развертыванию результативной точки и 2) осмыслением результативного процесса во времени [Карцевский 1962: 219]. В процессе языковой эволюции меняется характер результативного значения, приставка утрачивает пространственно-результативную спецификацию и становится из средства обозначения последовательного развертывания действия в пространстве к его пределу средством обозначения завершенности действия во времени. Это определяет динамику формирования временных и качественных модификаций приставок, характеризующих способы глагольного действия.

Часть 5.

О РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

РАЗДЕЛ 1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ МОДЕЛЯМИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Н.К. Онипенко

1. ВВЕДЕНИЕ

Термин «синтаксическая деривация», введенный Е. Куриловичем [Курилович 1962]) в связи с определенными направлениями словообразования, сегодня используется не только для объяснения связей на уровне слова, но и для характеристики отношений между синтаксическими конструкциями в синтаксической системе. Понятие с процессуальной семантикой позволяет устанавливать и интерпретировать синхронные (статические) связи как динамические, восходящие к отношениям «производящее – производное», «обосновывающая форма» => «обоснованная форма»: «так называемые изменения “по аналогии” протекают в определенном направлении, а именно – от обосновывающей формы к обоснованной. Эта рабочая гипотеза, подтвержденная практическими результатами, имеет, очевидно, теоретическое значение и позволяет нам делать выводы о фактах обоснованности, то есть о структуре системы» [Курилович 1962: 27]. Такой подход соответствует принципам функциональной объяснительной лингвистики.

Динамический подход в синтаксисе связан с теорией порождающей грамматики (см., например, [Хомский 1962]), порождающей семантики [Чейф 1975] и вербоцентрическим подходом Л. Теньера [Теньер 1988]. Соединение задач системного описания синтаксиса с методами, используемыми при динамическом подходе, породило синтаксическую парадигматику, которая представляет тот или иной тип предложения как ряд контекстуально-обусловленных вариантов, которые, в свою очередь, могут интерпретироваться в связи с глагольными категориями [Седельников 1961], в связи с «грамматическими категориями предложения», например с «категорией конвертируемости» [Ломтев 1969; 1972: 6062], или в связи с «коммуникативными категориями предложения» [Гак 2000]. Подробнее о типах синтаксических парадигм см. в [Всеволодова, Дементьева 1997]. Возможность / невозможность построения синтаксической парадигмы для того или иного предложения стала основанием для деления моделей предложения на предложения динамического и статического ранга [Золотова 1973]: динамический ранг предполагает наличие парадигмы, статический – ее отсутствие. Терминологический аппарат современной «динамической лингвистики» включает: общелингвистические методологические понятия (варианты, вариации, реализации), словообра-

зовательные термины (деривация, транспозиция, модификация), синтаксические термины (трансляция, трансформация, конверсия, диатеза).

В лингвистике русского языка, который является языком синтетического типа, значимыми являются идеи **изморфизма** и **изосемии**, устанавливающие связи между уровнем слова и уровнем предложения.

Принятие принципа **изморфизма** позволяет на единых структурно-семантических основаниях описать деривационные процессы на уровне слова и формы слова, с одной стороны, и процессы порождения синтаксических конструкций, с другой. При этом исходной структурой признается минимальная предикативно оформленная структура, т. е. количественный критерий определения непроезводности.

Системно-синтаксическая интерпретация глагольных словоформ дала сначала семичленную [Грамматика 1970: 544], а позже восьмичленную грамматическую парадигму [РГ80, II: 86; 245248]: в окончательном варианте – три времени в изъявительном наклонении и пять ирреальных синтаксических наклонений. Категория лица авторами Грамматики-80 не признается предикативной и выводится за пределы грамматической парадигмы.

Аналитические способы выражения аспектуальных значений (*начал бегать*, *стал умным*), и модальных значений (*мог стать знаменитым* = *был бы знаменитым*; *мог прийти* = *пришел бы*), т. е. составные сказуемые с фазисными и модальными компонентами, с полусвязочными глаголами стали рассматриваться как маркер синтаксической производности. В результате исчисления возможных для той или иной синтаксической структуры дериватов (регулярных реализаций структурной схемы), осложненных добавочными значениями, строится «деривационная парадигма» – список конструкций, структура которых обусловлена добавочными сематическими компонентами, например фазисностью, модальностью или обобщенно-личностью [Белошাপкова, Шмелева 1981]. Соотнесение уровня словоформ (в частности, залоговых) и уровня конструкций (чаще глагольных), образованных одним полисемичным глаголом, но различающихся набором семантических валентностей, воплощается в теорию диатез [Мельчук, Холодович 1970; Храковский 1974; Тестелец 2001: 411–428]. Изменение конструкции за счет изменения количества «партиципантов» называется «актантной деривацией» [Плунгян 2000: 208–219; Тестелец 2001: 428–435]. Первое направление синтаксической парадигматики связывает синтаксис с морфологическими категориями вида, времени, наклонения, лица, второе – с категорией залога, иногда с учетом категории лица. Категория залога связывает синтаксис, морфологию и словообразование, поэтому традиционные словообразовательные проблемы начинают интерпретироваться с помощью понятия «синтаксический процесс» (см., например [Летучий 2014]).

Принцип изосемии, соединяющий категориальные значения частей речи и типовые значения предложений, становится надежным основанием разграничения исходных (базовых) моделей предложения и их производных в функционально-коммуникативной грамматике [Золотова 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004]. Для обозначения производных конструкций используется термин «структурно-семантическая модификация».

В настоящем разделе речь пойдет о синтаксической деривации в аспекте синтаксической парадигматики с использованием терминологии коммуникативной грамматики. В «Коммуникативной грамматике» для производных синтаксичес-

ких конструкций (дериватов) используется понятие структурно-семантической модификации [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 111]. При этом будут обсуждаться, во-первых, принципы разграничения производных и непроизводных синтаксических конструкций в разных синтаксических концепциях, во-вторых, набор модификационных значений, выражаемых в структурно-семантических модификациях базовых синтаксических конструкций, и средств их выражения, в-третьих, значение синтаксической парадигматики для описания семантических категорий русского языка.

2. ПРОИЗВОДНОСТЬ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ

Объяснительная лингвистика ставит своей основной задачей обосновать семантическую интерпретацию синтаксических конструкций, т.е. сделать мотивированным структурно-семантическое единство синтаксической конструкции. Для решения этой задачи избирается динамический подход, устанавливающий отношения производности между синтаксическими конструкциями. В отличие от синтагматического разворачивания, которое обозначается такими терминами, как «распространение и осложнение предложения», деривационно-парадигматический подход устанавливает системные связи между конструкциями, относящимися к разным частям синтаксической системы, например: между глагольными и именными конструкциями, личными и безличными, односоставными и двусоставными.

При исчислении вариантов синтаксической конструкции возможны три типа перестройки – добавить, убавить, поменять; соответственно, говорится о трех вариантах трансформации исходной конструкции: контаминации (увеличение компонентного состава), компрессии (уменьшение компонентного состава), конверсии (изменение синтаксических позиций при сохранении лексического состава) [Мурзин 1984].

После этапа описательного синтаксиса и полного системного представления синтаксических конструкций, обеспечивающих уровень предложения (см. у А.А. Шахматова), возникает потребность разделить эти конструкции на исходные и производные, а значит, сформулировать правила разграничения исходных и производных конструкций.

2.1. ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПЛАНЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМАТИКИ.

2.1.1. Модификационные значения и модификационные средства

В рамках синтаксических теорий *к исходным категориальным значениям* относятся те, вокруг которых организуются полнозначительные части речи (предметность, качественность, количественность, действие, состояние), к *модификационным* – видо-временные, залоговые, персональные, модальные, коммуникативно-прагматические, эвиденциальные, экспрессивно-стилистические, которые могут быть выражены, прежде всего, сегментными средствами (вспомогательными глаголами, именными предикативами, частицами) в составе синтаксической конструкции или самой синтаксической конструкцией в целом.

К *средствам* модификации относятся прежде всего неполнозначительные компоненты, увеличивающие количество слов в предложении (1) вспомогатель-

ные глаголы, модальные прилагательные и предикативы (*начал, хочет, должен учиться; стало светать, нужно учиться*); (2) полусвязочные глаголы (*выглядит усталым, считается самым умным*); (3) восклицательные частицы (*Как рано мог он лицемерить*); (4) отрицательные частицы (*Дома его не было; Дома не было ни дедушки, ни бабушки*). Кроме того, к средствам синтаксической модификации относятся: (5) неуправляемые косвенные падежи, обязательные для синтаксической конструкции (например, родительный количественный в генитивных предложениях: *Народу!* – и в предложениях с субъектным родительным: *Воды прибывает; Денег хватает*); (6) незамещенные субъектные синтаксические позиции, или «синтаксические нули» (*Тише едешь, дальше будешь; Он славно пишет, переводит*); (7) возвратные глаголы и страдательные причастия, изменяющие компонентный состав исходной модели предложения (*Мне не спится; Роман уже издается; Пол вымыт*); (8) некоординируемые глагольные сказуемые (*А царица хохотать!; Она как закричи*) и именные, синонимичные глагольным (*Она в слезы, в крик*); (9) глагольно-именные перифразы с производными существительными (*Обследование было произведено вовремя*), (10) каузативные глаголы (*Дождь заставил нас вернуться*). При использовании указанных средств образуются производные конструкции разной сложности – как монопредикативные, так и полипредикативные (например, каузативные конструкции или конструкции с вербализованным модулем). Помимо сегментных средств, учитываются и суперсегментные: интонация и порядок слов,

Разграничение исходных и производных конструкций в разных теориях осуществляется на разных основаниях: формально-морфологических, категориально-семантических, семантико-морфологических, логико-синтаксических, интонационно-коммуникативных. Покажем разницу между формально-морфологическим и категориально-семантическим принципами разграничения исходных и производных синтаксических конструкций на примере интерпретации инфинитивных предложений.

2.1.2. Инфинитивные предложения с точки зрения формального синтаксиса

В формальном синтаксисе инфинитивные предложения признаются минимальными структурными схемами, т. е. непроемными структурами; основанием для такого решения является статус инфинитива как независимой формы глагола [РГ-80, II: 97; Современный русский язык 1997: 724–727]. Это значит, что предложения разной структуры (*Быть рекам чистыми; Не бывать ему генералом; Умом Россию не понять; С якоря сниматься!; Зачем любить, зачем страдать?; Что с него взять?!*) и разной семантики (вопросительные, побудительные, с модальными значениями желательности, невозможности уверенного предсказания, запрета и др.) подводятся под одну структурную схему – Inf. Если у А.А. Шахматова инфинитивные предложения рассматриваются и как особый тип односоставных предложений, и как синтаксическое (например, желательное) наклонение [Шахматов 2000], то авторы «Русской грамматики» синтаксическим наклонением считают только те производные конструкции, которые сохраняют структурную схему (например, сохраняют спрягаемую форму сказуемого и именительный падеж подлежащего). В результате предложение *Ты бы отдохнул* относится к двусоставной структурной схеме, а *Тебе бы отдохнуть* – к другой (односоставной), хотя даже морфологи относят инфинитивные конструкции с *бы* к сослагательному накло-

нению (<http://rusgram.ru>). Та же ситуация с предложениями *Тебя не поймешь* и *Тебя не понять*: первое считается регулярной реализацией двухкомпонентной структурной схемы со спрягаемо-глагольным сказуемым (т. е. производной структурой), вторая – непроизводной инфинитивной конструкцией. Однако и с точки зрения семантики и в первой паре, и во второй выражаются одни и те же значения: желательность – в первой паре; невозможность и обобщенно-личность – во второй. Конструкции во второй паре различаются по линии субъекта: предложения с глаголом во 2-м лице ед. числа не допускают подстановки субъектного компонента в Им. падеже, в предложении с инфинитивным предикатом сохраняется возможность подстановки Дат. падежа субъекта (*Мне тебя не понять*; *Чужим тебя не понять*; *Вам меня не понять*). Однако возможности синтаксической категории лица применительно к инфинитивным предложениям «Русской грамматикой» не рассматриваются.

2.1.3. Инфинитивные предложения с точки зрения функционально-коммуникативного синтаксиса

В функционально-коммуникативном синтаксисе для идентификации непроизводных синтаксических структур принимается категориально-семантический принцип, учитывающий совпадение / несовпадение семантико-синтаксических характеристик компонентов модели и их категориально-морфологических значений. Инфинитив, несмотря на отсутствие морфологических показателей зависимости, не является изосемической формой самостоятельного предиката, в условиях определенной синтаксической конструкции он выражает добавочные, чаще модальные, значения, следовательно, инфинитив является модификационной формой [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 139–140], т. е. средством структурно-семантической модификации.

Г.А. Золотова предложила различать три варианта модификации: (а) по линии предиката (фазисность, модальность), (б) по линии субъекта (неопределенно / обобщенно-личность, неопределенно-предметность), (в) по обоим направлениям одновременно (пассивность, инволютивность) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 111–137]. Предикатные модификации соотносятся с глагольными категориями: фазисные – как аналитический способ выражения видовых значений, модальные – как связанные с глагольным наклонением. Субъектные модификации, действуя в рамках глагольной категории лица, усложняют субъектную перспективу высказывания, поскольку, в отличие от категории лица, которая предполагает совпадение / несовпадение субъекта действия и субъекта(ов) речевого акта, выражают включенность / исключенность субъектов речевого акта в состав субъектов действия. Пассивность и инволютивность, будучи связанными с категорией залога, указывают, во-первых, на уменьшение степени зависимости данного положения дел от личного субъекта (в пассивной конструкции он превращается в исполнителя или «атрибут» артефакта, в «безличной» конструкции – в субъекта чувствующего) и, во-вторых, на изменение семантического типа предиката (глагол акциональный изменяет свое значение, становясь предикатом качества, отношения или представляя данную ситуацию через ощущение личного субъекта).

Инфинитивные сказуемые могут соединяться и с Им. падежом субъекта (*Она ну кричать*), и с Дат. падежом субъекта (*Ей завтра работать*). В первом случае мы имеем дело с экспрессивно-фазисной модификацией по линии предиката, во

втором – по обеим линиям, в результате выражается модально-инволютивное значение неизбежности, модальности, не зависящей от воли субъекта действия.

В «Коммуникативной грамматике» предложения с инфинитивным сказуемым рассматриваются не только в плане структуры и семантики, но и в плане коммуникативной функции в связи с понятием коммуникативного регистра речи. В результате различаются следующие функционально-коммуникативные модификации [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 149]:

- (1) акционально-экспрессивная (*Она – хохотать*);
- (2) рефлексивная (*Что же делать?*);
- (3) оптативная (*Отдохнуть бы!*; *Только детские книги читать!*);
- (4) эпистемическая (*Быть грозе!*; *Не нагнать тебе бешеной тройки!*);
- (5) оценочно-характеризующая (*Тебя не переспорить*);
- (6) волюнтивно-интеррогативная (*Где бы нам пообедать?*);
- (7) волюнтивно-императивные (*Молчать!*);
- (8) реактивно-оценочные (*Изменить присяге!*).

Таким образом, в «Коммуникативной грамматике» инфинитивные конструкции рассматриваются как производные – как структурно-семантические модификации и как экспрессивно-коммуникативные. В список базовых конструкций инфинитивные предложения не включаются, так как инфинитив признается потенциально-модальной формой глагола.

2.1.4. Безличность и инволютивность с точки зрения синтаксической парадигматики

Остановимся подробнее на тех конструкциях, которые принято называть «безличными». Формально-морфологическая безличность указывает на отсутствие контроля со стороны субъекта данного положения дел (*Мне тоскливо*; *Меня лихорадит*; *Мне случалось попадать в странные ситуации*; *Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется*; *На улице светает*; *Песком засыпало дорогу*). Отсутствие контроля со стороны человека (или **ИНВОЛЮТИВНОСТЬ**) может быть обязательным семантическим компонентом изосемических моделей предложения, например, моделей со значением состояния (*Сестре грустно, весело, душно*). Но может быть и добавочным, модификационным компонентом в предложениях с глагольным сказуемым: *Я сегодня не работаю – Мне сегодня не работается*; в местоименно-инфинитивных конструкциях: *Мне не с кем посоветоваться*.

Статус производной конструкции для предложений с возвратно-«безличной» (*хорошо спится, не спится; не сидится, не работается*) формой признается «Коммуникативной грамматикой», но не признается В.А. Белошапковой: основанием признания или непризнания семантико-синтаксической производности является (1) решение вопроса о возможности / невозможности косвенного падежа подлежащего или (2) признание / непризнание возможности неподлежащно-сказуемостных двухкомпонентных конструкций. Отрицательный ответ на первый вопрос характерен для формально-описательного синтаксиса (концепция В.А. Белошапковой). РГ-80 дает положительный ответ на второй вопрос, что позволяет увеличить количество двухкомпонентных структурных схем в синтаксическом описании русского языка [РГ-80, II: 97].

Положительное решение первого вопроса (признание подлежащих в косвенных падежах и как следствие признание того, что производные конструкции сохраняют основной компонентный состав модели предложения) дает Г.А. Золотова: она

признает косвенные падежи подлежащих, поэтому квалифицирует предложения типа *Мне здесь (не) работается* как структурно-семантическую модификацию (инволютивную) предложения *Я здесь работаю*. В.А. Белошапкина исходит из количественного понимания предикативного минимума, поэтому утверждает, что в предложениях с безлично-возвратным глаголом грамматическая основа предложения состоит из одного глагола, и, соответственно, это предложение квалифицируется как производное, построенное по минимальной однокомпонентной структурной схеме.

2.2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДНОСТИ В СИНТАКСИСЕ

Проблема деривационных связей между синтаксическими конструкциями обсуждается в рамках теории диатез, при этом диатеза понимается широко и охватывает всю систему синтаксических конструкций (а не только варианты залоговых трансформаций). В теории диатез разграничиваются прямые, исходные диатезы (непроизводные) и косвенные, не прямые (производные) [Храковский 1975; Падучева 1977; Крылов 2011].

При установлении направления производности самым простым вариантом является опора на словообразовательные связи. Так, для предложений с акциональным глаголом направление производности очевидно – от акционального невозвратного глагола к возвратному (*работаю, работаешь, работает > работается*), а по линии субъекта – от именительного падежа к дательному, или, пользуясь классификацией Е. Куриловича [Курилович (1949) 1962], от синтаксического падежа – к семантическому (*я > мне*). Сложнее определяется направление деривации для неакциональных глаголов; например, для эмотивных: словообразовательная деривация *удивить > удивиться, возбудить > возбудиться, беспокоить > беспокоиться, радовать > радоваться*. Направление словообразовательной производности (от переходного глагола к возвратному) не совпадает с семантико-синтаксической мотивированностью, направлением семантической интерпретации, поскольку источником эмоции является субъект личный, а второй именной компонент выражает каузатора (причину эмоционального состояния человека):

Ребенок порадуется новой игрушке > Новая игрушка порадует ребенка;
(Удивительно, насколько он спокоен) Я удивляюсь его спокойствию > Его спокойствие меня удивляет / поражает. = Он на удивление спокоен;
Я беспокоюсь о его здоровье > Его здоровье меня беспокоит.

Конструкция с переходным глаголом квалифицируются как каузативно-эмотивная (т. е. с добавочным значением), при этом каузация является ненамеренной, а значит, переходный глагол выражает не действие, а временную последовательность – от причины к следствию, т. е. образует конструкцию семантически более сложную. См. об этом, например, в статье С.А. Крылова: «...так, у глаголов чувств разумно считать исходной декаузативную диатезу (*Федя радуется похвале*), а производной – каузативную (*Похвала радует Федю*), так как похвала – не деятель, а лишь причина процесса, и каузативная трансформация выглядит как грамматическая метафора, изображающая (мысленно) каузацию процесса (*радуется*) как действие (*радует*)» [Крылов 2011: 71].

Проблема определения направления деривации (модификации) существует и для глаголов с семантикой перемещения, например для предложений с глаголами *двигать – двигаться*:

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь (И.С. Тургенев);

И море, и Гомер – все движется любовью (О. Мандельштам);

Если бы звезды Юга двигались ею, то – в стороны друг от друга (И. Бродский).

Все эти предложения восходят к финалу «Божественной комедии» Данте: *l'amor che move il sole e l'altre stelle* («любовь, которая движет солнце и другие звезды»); в переводе М. Лозинского: *...Любовь, что движет солнце и светила*; в пер. Д. Минаева: *Тогда мои желанія и волю Я отдалъ произволу той любви, Которой солнце движется и звѣзды*; в пер. А.А. Илюшина: *...Влекла кругами извечного цикла Любовь, что движет и солнце и звезды*.

У И. Бродского есть и вариант действительной конструкции, отсылающий к Данте: *Неправда, что любовь движет звезды (Луну – подавно)*. В результате И. Бродский соединяет и действительную, и страдательную конструкции в одном фрагменте:

Одну ли, две ли
проживаешь жизни, смотря по вере,
вечером в первой осознаешь: неправда,
что любовь **движет** звезды (Луну – подавно),
ибо она делит все вещи на два –
даже деньги во сне. Даже, в часы досуга,
мысли о смерти. Если бы звезды Юга
двигались ею, то – в стороны друг от друга.

(Декабрь во Флоренции)

Но если не помнить цитату из Данте, то все, что не зависит от воли человека, воспринимается как движущееся само по себе (*Солнце восходит и заходит; Луна выплывает из-за тучи, жизнь не стоит на месте; все течет, все изменяется*), поэтому «двигаться любовью» прочитывается как «двигаться за счет / с помощью любви», подобно словосочетаниям «подпитываться энергией», «впечатляться красками».

Если мы обратимся к лексикографической истории глаголов *двигать* – *двигаться*, то увидим, что с годами направление семантической мотивации меняется. В Словаре Д.Н. Ушакова (1935 г.) *двигаться* как страдательный залог к *двигать* (в 4-х значениях дано первым пунктом, в Словаре С.И. Ожегова (1990 г.) и в Словаре С.А. Кузнецова (1998 г.) в словарной статье *двигаться* нет страдательного значения, отсылающего к глаголу *двигать*. Страдательный залог *двигаться* у С.А. Кузнецова есть в словарной статье *двигать*, к таким значениям, как «заставлять действовать» (*Пар движет колеса; Им движет алчность*). Однако вряд ли можно считать корректными для современного русского языка предложения *?Колеса движутся паром, ?Он движется алчностью*. Это значит, что образование страдательного залога ограничено и семантикой именных компонентов. Интересно, что в Словаре Д.Н. Ушакова к примеру «Им движет чувство сострадания» страдательного деривата нет, хотя к другим четырем указывается страдательное значение в статье «двигаться» (стр. 657). В 3-м томе «Активного словаря русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна (2017 г.) нет *двигаться* в значении страдательного залога ни в статье «двигаться», ни в статье «двигать», хотя страдательное причастие *движимый* есть в статье глагола *двигать*. Словарная история страдательного *двигаться* свидетельствует о том, что страдательное значение со временем уходит на семантическую периферию лексики и что современные носители русского

языка часто не могут образовать страдательную конструкцию от действительной, например от такой, как «Чувство сострадания движет защитниками природы». Еще М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755 г.) [Ломоносов 1952] говорил о том, что в страдательной конструкции творительный падеж указывает не на лицо, а на орудие, силу: «ежели творительный падеж не так, как лице, но в силе орудия представляется, то страдательного силу возвратный глагол иметь может: *вѣтръ качаетъ дерева; дерева вѣтромъ качаются*» (§ 512). Но и эту трансформацию мы осуществляем по-другому: *Деревья качает (качало) ветром* (безличное предложения); *Деревья качаются от ветра*. В § 511 Ломоносов пишет: «*вѣтръ колеблетъ море и вѣтромъ или отъ ветра колеблетъ море* весьма изрядно; напротив того, *мать дитя качаетъ и дитя отъ матери качается* весьма несогласный разум имеют, ибо последнее значит, что *дитя, само съ бока на бокъ качаясь, отъ матери уклониться хочетъ*». Из этого следует, что уже во времена Ломоносова акциональные предикаты с личными субъектом, локализованные в актуальном времени, были ограничены в своих деривационно-синтаксических возможностях. Пример из стихотворения Б. Пастернака *И ветер, жалуясь и плача, Раскачивает лес и дачу. Не каждую сосну отдельно, А полностью все деревья* семантически сложнее, чем синонимичные предложения с каузативной синтаксемой ОТ + Род. п.: «Лес и дача качаются (раскачиваются) от ветра». Переходный глагол во взаимодействии с деепричастиями олицетворяют ветер, превращают его в самостоятельно действующего субъекта.

Приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что направления производности в синтаксической системе не всегда задаются словообразовательным направлением производности, пассивизация регулярна для предложений с неактуально локализованными предикатами:

Археологи раскапывали кладбища римского Форума с начала XX века – Кладбища римского Форума раскапывались археологами с начала XX в. – Раскопки на римском Форуме велись (археологами) с начала XX века.

Проблема направления производности для предложений с глаголами речи решается в связи с категорией субъекта. Так, в работе [Касимова 1989] вводится понятие «синтаксической парадигмы глагола» (или «предикативной парадигмы глагола»), в которую включены шесть морфологических форм глагольного предиката, которые взаимодействуют с разными субъектными словоформами. Исходной формой глагольного предиката признается спрягаемая определенно-личная, а исходной формой субъекта – Им. падеж. В результате образуется шестичленная парадигма: *Мы иногда упоминаем об этой истории > У нас иногда упоминают об этой истории > Нами / у нас иногда упоминается эта история / бывает упоминаема эта история > Нами / здесь упомянуто об этой истории > Нам необходимо упомянуть эту историю > Не нам же упоминать об этой истории!*) [Там же: 232–235]. Ср. также семичленный синонимический ряд в статье С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1976], посвященной предикатам эмоционального состояния: *Я беспокоюсь – Мне беспокойно / На душе беспокойно – Я в беспокойстве – У меня беспокойство / На душе беспокойство – Я обеспокоен – Меня что-то беспокоит – Меня охватило беспокойство*. С.Н. Цейтлин показывает синонимические связи между синтаксическими конструкциями, но не ставит перед собой задачи определения направления производности применительно к предикатам психического состояния. На первое место она ставит глагол, потому что именно глагольное сказуемое является основной формой сказуемого в подлежащно-сказуемой

модели предложения. Однако если предикаты речи предполагают субъекта-агенса и для такого субъекта изосемической формой является Им. падеж, то предикаты состояния связаны с субъектом состояния и восприятия, для которого исходной формой является Дат. падеж: *Сестре грустно > Сестра грустит.*

3. МОДИФИКАЦИОННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ

3.1. ПРИНЦИПЫ ИСЧИСЛЕНИЯ МОДИФИКАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ: РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

В синтаксической науке есть термин *модификатор*, который в разных синтаксических теориях используется для интерпретации одних и тех же объектов, но понимается этот термин по-разному. В концепции «Коммуникативной грамматики» модификаторами называют вспомогательные (неполнозначенательные) глаголы и именные предикативы с модальным и фазисным значением (*Брат работает > Брат может / хочет / должен работать; начал / продолжает работать*). В «Теории функционального синтаксиса» А. Мустайоки [Мустайоки 2000: 250–297] модификаторы – это добавочные семантические компоненты, т. е. элементы плана содержания, например Фаза (в которую входит и фазовость, и модальность), Каузация, Авторизация. Модификатор Фаза обнаруживается в составном сказуемом с модальными и фазовыми глаголами. Из этого видно, что, как бы мы ни толковали слово «модификатор», речь идет о синтаксических конструкциях с составными сказуемыми, которые можно интерпретировать в связи с другими (более простыми) синтаксическими конструкциями.

Понятие структурно-семантической модификации как процесса образования производных синтаксических конструкций позволяет увидеть те **значения**, которые признаются модификационными и в словообразовании, и в морфологии, и в синтаксисе. Например, фазисное (фазовое) значение начала квалифицируется как модификационное и в морфологии категории вида [Исаченко (1960) 2003], и в синтаксисе [Мустайоки 2000].

С развитием функциональной грамматики и применением полевого принципа для описания грамматических категорий модификационные значения оказываются представленными теми средствами, которые занимают периферийные зоны поля. Так, фазисность описывается в поле аспектуальности в связи с понятием способа глагольного действия [ТФГ 1987], а обобщенность – на периферии поля персональности [ТФГ 1991]. Некоторые категориальные значения могут выступать и как основные (центральные) и как модификационные (периферийные). Например, категория количественности, представленная особой частью речи (числительным) и морфологической категорией числа, организует отдельное функционально-семантическое поле. Если же количественность соединяется с другими категориями, например аспектуальностью, качественностью, временной локализованностью, то она попадает в периферийные зоны соответствующих функционально-семантических полей.

В лексической семантике предлагается различать тематические компоненты в семантике слова и строевые [Падучева 2004:42–48]. Тематические – связаны онтологической общностью, являются основными, обязательными для лексемы, определяющими набор валентностей, допускающими типовую полисемию. Строевые компоненты являются добавочными по отношению к тематическим. К про-

дуктивным строевым компонентам Е.В. Падучева относит каузацию, начинательность, отрицание, оценку, аспектуальные значения (предельность, узуальность, итерация и др.), модальность и некоторые др.

В синтаксической науке морфологические и семантические категории интерпретируются на уровне предложения (например, категории времени, наклонения) и становятся основанием для построения парадигмы. Т.П. Ломтев предложил список из семи грамматических категорий предложения, т. е. тех грамматических значений, каждое из которых позволяет построить синтаксическую парадигму:

- 1) утвердительности – отрицательности;
- 2) вида общения: повествовательности, вопросительности, побудительности;
- 3) времени;
- 4) модальности;
- 5) конвертируемости;
- 6) определенности, неопределенности, обобщенности и формальности предмета;
- 7) активности – демиактивности [Ломтев 1972: 62].

В.Г. Гак также говорит о коммуникативных (грамматических) категориях предложения, которые делит на «категории, ориентированные на говорящего»: (1) соответствие действительности (утверждение / отрицание и модальность); (2) соотносящие пропозитивное содержание с условиями и участниками речевого акта (лицо речи, пространственный и временной дейксис); (3) эмотивность; и «категории, ориентированные на собеседника»: (4) категория целенаправленности высказывания (повествование, вопрос, побуждение); (5) категория информативности (актуальное членение); (6) категория речевой ситуативности (формы вежливости, стилистические модификации) [Гак 2000: 560–561]. В результате В.Г. Гак предлагает девятичленную синтаксическую парадигму французского предложения.

В.А. Белошапкина и Т.В. Шмелева разграничили синтаксическую парадигму и деривационную. Если синтаксическая основана на синтаксическом подходе к морфологическим категориям глагола, то деривационная связана со списком добавочных значений:

- 1) фазовость: *Он работает над книгой – Он начал / продолжает / закончил работать над книгой;*
- 2) модальность: *Он может / должен / хочет работать над книгой;*
- 3) негация: *Был дождь – Не было дождя;*
- 4) оценочно-экспрессивный смысл: *Он изменился – Как он изменился!*
- 5) авторизация: *Книга интересная – Книга показалась / считалась интересной;*
- 6) интерпретация субъекта:
 - неопределенность: *Отец звонит – Звонят;*
 - обобщенность: *Его все ждут – Вечно его ждешь* [Белошапкина, Шмелева 1981].

Т.В. Шмелева в курсе своих лекций «Семантический синтаксис» разделила модификационные значения на диктумные и модусные. По линии диктума действуют фазисность, интенсивность, количественность и отрицание; модальность, оценка и авторизация принадлежат сфере модуса [Шмелева 1988].

Г.А. Золотова предлагает говорить о модификации исходных моделей по разным направлениям, все варианты производных синтаксических конструкций помещаются в синтаксическое поле предложения. Предложения, имеющие возможность

структурно-семантических модификаций, относятся к моделям «динамического ранга». В синтаксическом поле выделяется центр и периферия. Поле включает:

- 1) исходную модель предложения;
- 2) грамматические модификации;
- 3) семантико-грамматические (структурно-семантические) модификации;
- 4) экспрессивно-коммуникативные модификации;
- 5) монопредикативные синонимические вариации;
- 6) полипредикативные осложнения модели [Золотова 1982: 182–183].

Нумерация указывает движение от центра к периферии. Пункты 2–5 – монопредикативные производные синтаксические конструкции, пункт 6 – полипредикативные, являющиеся результатом взаимодействия минимум двух моделей предложения (каузативные конструкции, авторизованные конструкции). Авторизация и модальность признаются значениями разного уровня: модальность – монопредикативного (простое предложение), авторизация – подипредикативного. В свою очередь, авторизация противопоставляется каузативности по принципу модус – диктум: каузативная конструкция – результат осложнения по линии диктума (*Мы вернулись – Дождь заставил нас вернуться*), авторизация – осложнение по линии модуса (*Он умный человек – Он был умным человеком – Михаил Аверьяныч считал доктора честным и благородным человеком.* – А. Чехов. Палата №6; *У нас он считался умным человеком*).

Пункт 5 – синтаксическая синонимия (*Он помог детям – оказал помощь детям; Она стала стройной – Она построилась; У нее темные волосы – Она темноволосая*) – соединяет проблему конструктивно-синтаксической производности с производностью словообразовательной.

Таким образом семантически интерпретируются все формальные типы сказуемого – при сохранении и с изменением формы подлежащего: (2) модальные, временные и личные формы (*кричу/-ит, кричал; кричал бы*); (3) составные сказуемые с вспомогательными глаголами, прилагательными и предикативами (*начал кричать, хочет кричать*); (4) несогласованные сказуемые (предложно-падежные, инфинитивные и императивные с неимперативным значением – *Она сразу в крик, ну кричать; возьми и закричи*); (5) глагольно-именные перифразы (*испустил крик; зашелся криком, в крике; ударился в крик, сорвался в крик*); (6) варианты осложнения сказуемого, «двусказуемые» по А.А. Шахматову (*Ленский первоначально рисовался крикуном и мятежником «странного вида»; Ленский первоначально был крикуном и мятежником, и только впоследствии «мечтатель» вытесняет в стихе «мятежника», а потом, регрессивно, и «крикуна».* – Ю. Тынянов).

3.2. СИСТЕМА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

В парадигму структурно-семантических модификаций (пункт 3 в перечне производных конструкций) Г.А. Золотова включает следующие типы модификационных значений:

- 1) субъектные (определенно- / неопределенно- / обобщенно-личность);
- 2) предикатные (фазисность, модальность, экспрессивность);
- 3) объектно-пассивное;
- 4) субъектно-предикатное (инволютивность);
- 5) субъектно-объектное [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 133].

Примеры: *Драматург пишет пьесу => (1) Пишу пьесу; Пьесу уже пишут ... ; Пишешь пьесу (Писать роман так, как пишешь пьесу, писать пьесу так, как пишешь роман. – Интернет-ресурс); (2) Он начал / может писать пьесу; (3) Пьеса пишется известным драматургом; (4) Ему не пишется; (5) У него не пишется пьеса.*

В неизосемических моделях предложения (например, с инфинитивом и отрицательным местоименным компонентом – *...некому руку подать, некогда отдыхать, негде спать*) обнаруживаем наличие нескольких модификационных значений: модальность, отрицание, инволютивность, а в некоторых контекстах и обобщенно-личность.

Таким образом систематизируется множество русских предикативных конструкций, интерпретируются отношения между предложениями с разными формами выражения субъекта и предиката.

Рассмотрим подробнее то направление модификации, которое связано со значением фазисности. При всех различиях в подходах и при различии в количестве выделяемых модификационных значений, фазисность (прежде всего начинательность) рассматривается во всех синтаксических концепциях, поскольку это временное (недействительное) значение имеет регулярные способы выражения как на уровне синтаксиса, так и на уровне морфологии. В синтаксисе речь идет прежде всего о составном сказуемом с глаголами, например, начальной фазы (*начал, стал прыгать*), в морфологии – о категории вида и способах глагольного действия (*прыгать – запрыгать*).

Стандартным вариантом выражения фазисности являются вспомогательные глаголы. Однако есть и собственно именные средства. Речь идет о предложно-падежных формах (1) В + Вин. п. (*в крик, в слезы, в пляс, в бега, в обморок, в ужас, в забытьи*); На + Вин. п. (*на работу, на охоту, на тренировку*) – (2) В + Предл. п. (*в бегах, в обмороке, в ужасе, в панике, в забытьи*); На + Предл. п. (*на работе, на охоте, на тренировке*) – (3) Из + Род. п. (*из забытья, из оцепенения*). (1) – начальная фаза, (2) – средняя; (3) – конечная (начало другого положения дел). Фазисные субстантивные синтаксемы образуются событийными существительными, мотивированными глагольными, адъективными предикатами, или существительными со значением состояния (*в обиде – обидно – обиделся, в крик – закричал*).

В + Вин. падеж со значением начальной фазы у М. Цветаевой в поэме «Крысолов» образуется от односложных лексем (подобных глагольным междометиям) со значением действия:

Раты – в ик,
Герры – в чих.
Раты – в фырк,
Герры – в верт.

Формы В + Вин. п. синонимичны глаголам совершенного вида с приставкой *за-* (*заикали, зачихали, зафыркали, завертелись*), что парадигматически связано с предложениями типа *Чуть на них не так взглянешь – они сразу фырк!* (Д. Емец. Сердце двушки, 2021). В той же поэме Цветаевой находим и предикаты со значением изменения состояния (начала состояния, признака):

Очи – в узь,
Щеки – в глянец.
(«Очи стали узкими, сузились, Щеки стали глянцевыми»).

Но есть и другой вариант:

Щеки – мак,
Брови – еж.

Соотношение беспредложного предиката и предложно-падежного соответствует двум фазисным модификациям: беспредложный вариант – срединная фаза, предложно-падежный – начальная фаза. Однако в тексте Цветаевой и тот, и другой вариант для предикатов с признаковым значением семантически сближаются, поскольку выражают проявление эмоциональной реакции, каузированной словами крысолова, т. е. соединяют значение фазисности с экспрессивностью (выражают резкий переход), что характерно для некоординируемых сказуемых (Ср.: *А царица – хохотать*).

Таким образом, именные некоординируемые предикаты являются экспрессивными модификациями исходных конструкций, чаще со значением начала.

С точки зрения описательного синтаксиса только формы предложного падежа (средняя фаза) признаются самостоятельными предикатными формами, поскольку только эти формы соединяются с глаголом-связкой; при этом связка оказывается согласуемой (*Сестра (была) в слезах, в обмороке, в панике; Брат (был) на работе, в командировке*). А.М. Пешковский [Пешковский 2001] к составным сказуемым относит и *был из немцев*. Но чаще начальная фаза, представленная в формах Вин. падежа, и конечная фаза, выражаемая формами Род. падежа, рассматриваются либо как часть предикатной перифразы (*впал в забытье = забылся; пришел в ярость = разъярился; отправили в командировку = командировали; погрузился в тоску = затосковал*), либо как обязательный распространитель глагольной структурной схемы (*Он вышел из забытья; ушел в плаванье – вернулся из плаванья – N₁ Vf*); при отсутствии глагола предложение квалифицируется как эллиптическое (*Как уехал ты – я в крик, бабы прибежали.* – В. Высоцкий).

Неакциональный предикативный признак в трех временных фазах может быть выражен предложно-падежными формами личных существительных во мн. ч.: ***В круглых отличниках не ходил, но ему это и не надо было*** (В. Распутин) – ***Дебютант Валерий Рожнов, снимая фильм о студенте-прогульщике, сам явно метит в отличники*** (Кинопоиск) – ***Из отличников в троечники – за пару секунд*** (интернет-ресурс). Г.А. Золотова предложила соединить в одну парадигму (по категории фазисности) формы *в солдаты – в солдатах – из солдат*, которые имеют общую типовую семантику (социальный статус человека, его принадлежность к определенной группе), но различаются фазовым значением (начала, середины и конца) [Золотова 1985]. С точки зрения морфологии в этой триаде интересна только форма Вин. падежа, поскольку именно она маркирует категорию собирательности: выбор формы Вин. неодушевленного свидетельствует о том, что семантика собирательности «отменяет», «подавляет» сему одушевленности. Но и две другие формы образуются от мн. ч. личных существительных и выражают то же собирательное значение. Следовательно, с точки зрения синтаксиса предложения с этими именными предикатами образуют синтаксическую парадигму, а глаголы в соединении с такими предикатами признаются неполнозначительными: *ходит в любимчиках, метит в начальники, глядим в Наполеоны* (А.С. Пушкин), *в мужья не годится, в мужья попадешь* (А.Н. Островский). См. у М. Цветаевой: *Коль божество, в мясники не лезь, Как в божества не лезем*.

4. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА КАК СРЕДСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Наличие парадигматических связей между синтаксическими конструкциями может быть востребовано в качестве аргумента (1) для определения синтаксического статуса той или иной словоформы в синтаксической конструкции (например,

для определения подлежащего и сказуемого), (2) для разграничения лексических значений слова или для определения семантического типа предиката; (3) для разграничения омонимичных синтаксических конструкций.

4.1. ПАРАДИГМАТИКА КАК СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТАТУСА (ПОДЛЕЖАЩЕЕ ИЛИ СКАЗУЕМОЕ?)

А.М. Пешковский, рассматривая биноминативные предложения, писал о том, как отличить именительный подлежащего от именительного сказуемого: «...значение можно было бы определить как отношение постоянного тождества (или, может быть, лучше “вневременного тождества”) того предмета, который обозначен именительным предикативным, с тем предметом, который обозначен именительным подлежащего. Значение это мы извлекаем из сравнения этого именительного с творительным предикативным» [Пешковский 2001: 234]. И далее Пешковский предлагает решать вопрос об определении синтаксического статуса именительного падежа на основании трех признаков, трех средств доказательства: 1) порядка слов, 2) интонации, 3) соотношения с другими синтаксическими конструкциями, образующими, как бы мы сегодня сказали, синтаксическую парадигму. Далее читаем: «Итак, применяя наше третье средство, мы предположили бы, например, для первого из вышеприведенных примеров (...я стал наперсник осторожный – Пушкин) следующие смежные формы словосочетаний: 1) я стану наперсник... ты станешь наперсник, мы станем наперсники, вы станете наперсники, 2) я стал наперсником, мы стали наперсниками. Так как во всех этих случаях несомненным подлежащим по грамматическим признакам является местоименное существительное, то мы примем его за подлежащее и в исследуемом словосочетании, а наперсник определится, таким образом, как предикативный член» [Там же: 238–239]. В парадигме под цифрой 1. предложения различаются формами лица и числа, тем самым определяется подлежащее. В парадигме под цифрой 2. появляется творительный предикативный, что позволяет Пешковскому определить сказуемое.

Г.А. Золотова в статье 1964 г. обратилась к тем примерам, которые А.М. Пешковский выделил как такие, которые демонстрируют противоречие между логической и психологической интерпретацией, например: *Дети – смысл ее жизни*. С логической точки зрения *дети* – подлежащее, так как согласование связки осуществляется со словом *дети* и замена на творительный возможна только для слова *смысл*; с «психолого-интонационной» (по Пешковскому) точки зрения подлежащим является слово *смысл*, так как рематическое ударение падает на слово *дети* и прямым порядком слов является вариант *Смысл ее жизни – дети*. Г.А. Золотова показала, что предложения с категориальными словами *смысл, цель, задача, проблема, причина* и др. образуют парадигму не только по категории времени, поэтому важно учитывать не только творительный предикативный, но и другой вариант трансформации: *Смысл ее жизни (был) в детях*. Этот вариант связан с авторизацией («Она видит смысл жизни в детях»). Г.А. Золотова выдвинула предположение о том, что биноминативные предложения с категориальными компонентами являются конструктивно-синтаксическим вариантом одного из вариантов актуального членения с ударением на предложно-падежной форме *ради детей* («Она живет ради детей»). Синтаксема В + Предл. п. употребляется в предложениях, выражающих результат чьих-то умозаключений, т. е. предполагает наличие субъекта мнения за пределами синтаксической конструкции (в ранге «За кадром» – в терминологии Е.В. Падучевой). Ср: *Сперва Штрум был убежден, что причина*

его неудач в несовершенстве опытов, в отсутствии новой аппаратуры (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1; 1960); *Сторож*, <...> также очень хорошо знал, что, в сущности, все дело в неурожае и вообще в «нехватке», сопутствующей мужику на всех путях (Г.И. Успенский. Дохнуть некогда; 1889).

Другой способ обоснования синтаксического статуса связан не с синтаксически трансформациями, а со средствами распространения и осложнения предложения. При этом понятие синтаксической деривации расширяется: деривация понимается не парадигматически, а синтагматически. «Русская корпусная грамматика» [<http://rusgram.ru>] для определения подлежащего статуса использует многофакторный подход, который включает учет следующих синтагматических свойств подлежащего:

«А. Грамматически тесно связанные с подлежащим статусом:

I. Контроль глагольного согласования

II. Именительный падеж

III. Контроль деепричастий (свойство актанта в главной клаузе)

IV. Трансформация в невозстанавливаемый нуль (PRO) при инфинитивах и деепричастиях (свойство актанта в зависимой инфинитивной клаузе)

Б. Опосредованно связанные с подлежащим статусом:

V. Способность контролировать аргументный рефлексив *себя*, посессивный рефлексив *свой* и взаимный показатель *друг друга*

VI. Способность контролировать целевой инфинитив: *Я привез Сережу на работу, чтобы выдать ему деньги*

В. Связанные с высоким (подлежащим или прямообъектным) синтаксическим статусом актанта:

VII. Способность контролировать депиктивы – прилагательные и некоторые существительные, обозначающие вторичное свойство актанта в конструкциях типа: *Я приехал туда уже стариком*».

При этом не учитываются факторы порядка слов и логического ударения, а также типы вопросительных конструкций и отрицание, что актуально не только для биноминативных, но и для бытийных предложений.

4.2. ПАРАДИГМАТИКА КАК СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТИПА СУБЪЕКТА И ПРЕДИКАТА

Парадигматические связи используются для доказательства семантического типа субъекта и предиката: акциональность сказуемого и агентивность подлежащего доказывается возможностью побудительных конструкций (*Он пишет аккуратно – Пиши аккуратно*). Возможность инволютивной субъектно-предикатной модификации (*Ему сегодня не пишется*) связана с именной категорией личности, т. е. с противопоставлением личности и предметности (ср: *Ручка не пишет*, но: **Ручке не пишется*). Семантическое противопоставление личности и безличности обнаруживается при образовании объектно-пассивной конструкции:

Почтальон разносил письма – Письма разнесены почтальоном,
но не **Письма разнесло почтальоном*

Ветер разносил семена – Семена разнесло ветром.

Так обосновывается семантический статус существительных личных, называющих человека, и существительных, называющих стихии, для которых возможно употребление в Тв. падеже при безличной форме глагольного сказуемого.

Для личного субъекта возможна неопределенно-личная модификация (*Письма уже отправили / разнесли*).

4.3. О ГЛАГОЛЕ БЫТЬ

Сравнение синтаксических парадигм, учет вопросительных и отрицательных конструкций стали способом установления отношений синтаксической омонимии, например, в предложениях с глаголом БЫТЬ.

Н.Д. Арутюнова показывает, что за предложением *У него были седые волосы* скрываются синтаксические омонимы – две конструкции с разным значением: собственно бытийное (*У него есть седые волосы*) и предикативно-характеризующее (*У него седые волосы*). Для бытийного предложения возможны временные формы, при этом в настоящем времени предложение содержит слово *есть*, а в отрицательной модификации слово *нет*. Для предложения со значением характеристики в настоящем времени нулевой вариант глагола *быть*; возможны временные варианты и фазисные с глаголом *стать*; кроме того, возможен и творительный предикативный при дистантной позиции прилагательного (*Волосы у него стали седыми*) [Арутюнова 1998: 787–788]. Н.Д. Арутюнова обосновывает мысль о том, что семантико-синтаксическое различие «стремиться “выйти на поверхность” во всей парадигме предложений» (787), «стремятся получить формальное выражение» (788). Она же обращает внимание на ударность / безударность глагола *были* и ударность / безударность прилагательного *седые*. Таким образом, для доказательства различий учитывается временная, фазисная парадигмы, а также варианты актуального членения.

Ю.Д. Апресян [Апресян 1980: 70] с помощью отрицательной модификации разграничивает омонимичные конструкции, которые скрываются за одним предложением *Отец был на море*. И, соответственно, разграничивает видо-временное значение предиката: *Отец не был на море (не бывал)*; *Отца не было на море (Я там его не видел)*.

Е.В. Падучева делает акцент на способе получения информации – наличии / отсутствии фигуры наблюдателя «За кадром» [Падучева 2006].

И.А. Мельчук [Язык как он есть 2023: 388–397] в статье о глаголе *быть* использует синтаксическую парадигматику для обоснования количества значений у этого глагола. И.А. Мельчук из «16 лексем вокабулы БЫТЬ» исключил 6 лексем (значений). Так, И.А. Мельчук справедливо исключает значение «неизбежность события» (*Быть грозе!*), которое понимает как значение инфинитивной конструкции, которую считает производной от *Вчера была гроза*, реализующей значение «иметь место, состояться». Аргументация И.А. Мельчука совпадает с интерпретацией Г.А. Золотовой, которая считает инфинитивные предложения модификацией исходной спрягаемо-глагольной конструкции. Эта модификация характеризуется «регулярным смысловым приращением» «модально-экспрессивного плана» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 139]. Предложения типа *Быть грозе!* Г.А. Золотова называет «эпистемическими», поскольку «они передают оттенки субъективно-эпистемической модальности – уверенность говорящего в осуществимости / неосуществимости, необходимости, неизбежности, предопределенности сообщаемого» [Там же: 143].

С другой стороны, И.А. Мельчук на основании синтаксических и морфологических ограничений выделяют значение «численно равен» (*Шесть минус два будет четыре*) и значение «награда, наказание» (*Что ему за это было / будет?*).

Такое решение не представляется оправданным. Обоснуем это утверждение. Значение «численно равен» связано с употреблением глагола *быть* в форме будущего времени. Но эта форма обусловлена «учебным вопросом» (*Сколько будет... ?*), в котором будущее время относится к сфере субъекта мыслящего, т. е. предьявляет время модусное, а не диктальное («Если ты проделаешь мыслительную операцию, то узнаешь...»). Ср. употребление *будете* в вопросе при знакомстве: *Кто вы у нас будете?*

Предложение типа «Дважды два – четыре» относится к классу моделей «статического ранга» [Золотова 1973], не имеющих временной парадигмы. Возможность парадигматических вариантов при такой семантике связана с «изменением мира» (см., например, у И.С. Тургенева в стихотворении в прозе «Молитва»: «Великий Боже, сделай так, чтобы дважды два – не было четыре!»). В этом контексте мольба о чуде интерпретируется посредством формы сослагательного наклонения: желаемое мыслится как невозможное в этом мире, а значит, в нашей реальности значение математического равенства не допускает никаких вариантов.

К предложениям статического ранга относятся и предложения, выражающие родо-видовые отношения: *Корова – травоядное животное (относится к травоядным)*. Но в «Стране невыученных уроков» *Корова становится, стала плотоядной, у Вовки корова перестала быть травоядной*. Прошедшее время в подобных предложениях (*В Стране невыученных уроков корова была плотоядной*) говорит не об изменяемости положения дел, а о предшествовании мыслительного действия данному речевому акту, т. е. о времени модуса.

4.4. ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕГИСТР РЕЧИ

Одним из важнейших понятий коммуникативной грамматики является понятие коммуникативного регистра речи. Коммуникативный регистр речи – это модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными задачами, располагающая определенным набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста. Для большинства изосемических моделей возможно употребление в разных регистрах речи. Полный набор регистровых функций модели предложения образует функциональную парадигму модели предложения. Грамматические вариации и структурно-семантические модификации обеспечивают попадание модели в те или иные текстовые условия.

Соответственно, возможность / невозможность грамматических вариаций и структурно-семантических модификаций становится доказательством принадлежности данного предложения к определенному регистру речи: *Хорошо! Ладно! Конечно!* не допускают временной парадигмы, поскольку являются средствами реактивного регистра речи и прикреплены к данному моменту речи.

Сентенциальные высказывания, принадлежащие генеритивному регистру речи, также не допускают вариаций и модификаций: *Цыплят по осени считают, Дареному коню в зубы не смотрят*. Изменение формы сказуемого приведет к тому, что предложение потеряет обобщенно-метафорический смысл, поэтому невозможность модификаций становится доказательством коммуникативно-регистровой принадлежности предложения.

С другой стороны, возможность замены прошедшего времени настоящим без потери смысла становится доказательством принадлежности предложения репродуктивному регистру речи:

Из *N.*, уездного города *Z*-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная брчка... Она *тарахтела* и *взвизгивала* при малейшем движении; ей угрюмо вторило ведро, привязанное к ее задку... (А. Чехов. Степь) – Из *N.*, уездного города *Z*-ой губернии, ранним июльским утром *выезжает* и с громом *катит* по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная брчка... Она *тарахтит* и *взвизгивает* при малейшем движении; ей угрюмо *вторит* ведро, привязанное к ее задку...

5. ОБЩИЕ ИТОГИ

Синтаксическая деривация, понимаемая как отношения между производящим и производным, семантически более простым и семантически более сложным как на уровне словообразования, так и на уровне синтаксиса, позволяет системно описать совокупность синтаксических конструкций. При этом в основу целостности синтаксической парадигмы кладется семантика, типовое значение предложения, которое образуется в результате взаимодействия семантики главных членов предложения.

При определении направления производности учитывается возможность трех вариантов трансформации исходной конструкции: контаминация (увеличение компонентного состава), компрессия (уменьшение компонентного состава), конверсия (изменение синтаксических позиций при сохранении лексического состава).

Направление производности в синтаксисе может быть связано:

(1) с количественной характеристикой конструкции: от меньшего количества – к большему: *Он пишет стихи* > *Он начал писать стихи* > *Он может начать писать стихи*);

(2) с иерархией морфологических форм в морфологической парадигме (*Он сапожник* > *Он стал сапожником* – Им. п > Тв. п.; *Мэр рассказал о строительстве стадиона* > *В мэрии / в новостях рассказали о строительстве стадиона / В новостях было рассказано о строительстве стадиона* – Финитная согласуемая форма > неопределенно-личная форма / страдательно-безличная форма);

(3) с направлением словообразовательной производности (*Она стройная* > *Она постройнела*; *Все в восторге от его стихов* > *Все восторгались его стихами*);

(4) с отношениями семантической мотивированности (*Он удивился моему приходу* > *Мой приход его удивил* – Каузативный глагол *удивить* толкуется как «вызывать удивление, делать так, чтобы кто-то удивился»).

При определении базовой модели в русском синтаксисе лингвист может опираться на морфологию словоформ и на категориальную семантику частей речи. В первом случае за исходную конструкцию принимается номинативно-глагольная синтаксическая структура и формально-количественный критерий определения предикативного минимума, во втором – изосемическая субъектно-предикатная конструкция, в которой формы субъектного и предикатного компонентов взаимозависимы, т. е. форма субъектного компонента зависит от семантики предиката (предикат действия – субъект в Им. падеже, предикат качества – субъект в Им. падеже, предикат состояния – субъект в Дат. падеже, предикат количественного признака – субъект в Род. падеже).

При интерпретации семантики предложения выделяются грамматические (коммуникативные) категории предложения, одни из которых являются обязательными (для оформления предложения как единицы коммуникативной), другие – необязательными. Необязательные (модификационные значения) добавляются к

типовому значению исходной модели предложения. Эти добавочные семантические компоненты могут модифицировать (1) семантику субъектного компонента, (2) семантику предиката или (3) семантику обоих главных членов конструкции.

При включении семантического параметра в синтаксическое описание предложений основными значениями признаются частеречные, добавочными – значения морфологических и синтаксических категорий. При этом в сферу синтаксической парадигматики попадают объекты морфологии (словоформы), объекты словообразования (синтаксические дериваты) и объекты лексической семантики (лексемы со вторичными, синтаксически обусловленными значениями).

Средствами выражения признаются, прежде всего, сегментные (словоформы, служебные части речи, неполнозначенательные лексемы самостоятельных частей речи); суперсегментные (интонация, порядок слов, ударение учитываются в связи с понятием коммуникативной парадигмы). Вычленение модификационных семантических компонентов является способом семантической интерпретации конструкций с вспомогательными (неполнозначенательными) словами в составе предиката, предложений с косвенным падежом субъекта или незамещенной субъектной позицией, средством объяснения условий, при которых отсутствует координация между главными членами.

Учет парадигматических возможностей синтаксической конструкции становится приемом доказательства той или иной лингвистической квалификации языковой единицы, основанием для установления семантического типа предиката и субъекта, для отнесения лексемы к тому или иному семантическому разряду, для выделения лексических значений многозначного слова.

Ограничение или отсутствие синтаксической парадигмы может быть связано с лексическим значением предиката, семантическим (статическим) рангом синтаксической модели, регистровой принадлежностью предложения, т. е. указывает на определяющую роль семантики в формировании коммуникативной синтаксической единицы.

Таким образом, понятие синтаксической деривации в современной грамматической науке позволяет соединить синтаксис и семантику, словообразование и синтаксис, системность описательной грамматики и объяснительность функционально-грамматического подхода.

РАЗДЕЛ 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ (В АСПЕКТЕ АСИММЕТРИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАКА)¹

Н.П. Курмаева

1. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Развитие отечественной дериватологии отличается многовекторностью направлений и многообразием концепций, объясняющих языковые явления в проекции как на язык-структуру, так и на язык-функцию. Один из развивающихся векторов дериватологии – синтаксический, получивший толчок к разработке благодаря

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7-6.2.1;6.2.2).

предложенному Ежи Куриловичем (1936) разграничению деривации лексической и синтаксической и его выводам о первичных и вторичных функциях слов. Ключевым признается его тезис: «Мы употребляем термин “деривация” в широком смысле слова, понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что **одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении** (выделено автором. – *Н.К.*) [Курилович 1962: 61], т.е. «для каждой части речи имеется основная (исходная), или первичная, синтаксическая функция» и возможны вторичные (производные) функции, «синтаксические дериваты» [Там же]. Получившее широкое развитие в синтаксисе понятие *синтаксическая деривация* в дальнейшем стало осмысливаться широко и прилагаться «к широкому классу явлений создания языковых форм за пределами слова» [ЛЭС 1990: 129]. Так, в современном синтаксисе за этим понятием закрепились дефиниция, сформулированная Е.С. Кубряковой: «...синтаксическая Д[еривация] обозначает процесс образования разных синтаксических конструкций путем трансформации определ. ядерной конструкции» [Там же]. С.Д. Кацнельсон вносит уточнение: «...в синтаксисе она [деривация] выступает как синтагматический механизм, как средство развертывания языковых элементов в синтагматические ряды» [Кацнельсон 1986: 132].

К числу исходных положений теории синтаксической деривации следует безусловно отнести идею С.О. Карцевского об «асимметричном дуализме» знака и значения, что предполагает необходимость учитывать в структуре предложения знаки «адекватные» и «транспонированные» (неадекватные); разработки В.Г. Адмони по полевой организации грамматических явлений с обоснованием ядерных и периферийных зон [Адмони 1964]; положения теории прототипов Е.С. Кубряковой, утверждающей наличие в языке прототипических и непрототипических знаков. Прототипичность «как свойство категории» признано одним «из наиболее плодотворных положений когнитивной науки», поскольку позволяет «выделить у нее ядро и периферию», а также установить границы категории и «совокупность представляющих ее признаков» [Кубрякова 2004б: 103]. В основе понятия прототипичности категории лежит представление о том, что «у этой категории есть особое внутреннее строение, что не все ее члены одинаковы и равны», что ядро категории составляют так называемые «лучшие (идеальные) образцы, инвариант, а на периферии располагаются «отдельные представители» категории, которые демонстрируют в большей или меньшей степени «некоторые черты подобия или сходства с тем членом категории, который выбирается в качестве ее лучшего представителя и полнее всего репрезентирует эту категорию» [Кубрякова 2004б: 101–103]. Этим закрепляется видение грамматической категории, в том числе синтаксической, как поля с ядром и периферией.

Концептуальными представляются размышления Р.И. Аванесова, И.И. Мещанинова, В.Н. Мигирова, Е.В. Кротевича и др. о закономерностях соотношения частей речи (ЧР) и членов предложения (ЧП), о морфологизованных и неморфологизованных ЧП.

Важно отметить и то, что основные исследования проблемы синтаксической деривации, нередко в иной терминологии, плодотворно велись во второй половине XX в. и ведутся в XXI в. в пространстве динамического синтаксиса, т.е. в функциональном аспекте (В.В. Бабайцева, А.В. Бондарко, В.А. Белашапкина,

М. Грель, Г.А. Золотова, А.К. Киклевич, В.И. Кодухов, О. Лешка, В.В. Лушай, Л.Н. Мурзин, Б.Ю. Норман, И.П. Распопов, Р. Ружичка, В.И. Фурашов, Л.Д. Чеснокова, Т.В. Шмелева и др.)

2. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ДИНАМИЧЕСКОМ (ФУНКЦИОНАЛЬНОМ) СИНТАКСИСЕ

Известным советским разработчиком синтаксической деривации в функциональном аспекте является Л.Н. Мурзин (основатель Пермской лингвистической школы). Он данное явление понимает очень широко, опору делает на элементарные и производные структуры. Каждая далее нечленимая конструкция в его концепции – исходная, каждая структурно и по смыслу усложняющаяся – производная. Основными элементами деривационного процесса называет конверсию (*Мне грезилось море от Я грезил морем*) и контаминацию («скрещивание») (*Письма я не знаю, всегда ли отправляются дальше.* – пример А.К. Киклевича, который тоже под синтаксической деривацией понимает в том числе процессы конверсии и контаминации [Киклевич 2014: 345–363]). В.С. Юрченко исповедует «принцип синтаксической деривации» в своих исследованиях по философии грамматики, исходя «из того, что в языке имеется основной тип предложения, в котором его инвариантная структура представлена, так сказать, в наиболее первозданном виде» и является «основным, исходным» предложением, а все другие, от него образованные, включающие разной степени редукцию и/или преобразования состава членов предложения, «являются вторичными, производными, занимая разные позиции в системе синтаксиса» [Юрченко 1995: 4–5].

Б.Ю. Норман в книге «Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию» вывел 9 моделей «живых процессов синтаксиса»: 1) соблюдение структурной схемы; 2) развертывание структурной схемы; 3) расширение; 4) свертывание (эллипсис); 5) смещение (синтаксический перенос), влекущее конверсию или стяжение (компрессию); 6) контаминация (объединение, скрещивание); 7) обособление и парцелляция; 8) включение (вставка; вводные компоненты); 9) сложение (интеграция: ССП, СПП, БСП) [Норман 2011: 175–204], из которых восемь относит к различным проявлениям синтаксической деривации исходной модели.

В.А. Белошапкова и Т.В. Шмелева в результате тщательного анализа явлений, названных Н.Ю. Шведовой *регулярными реализациями простого предложения* [РГ-80, II: 121–123], сформулировали свое видение системных отношений в области русского предложения, обосновав наличие наряду с модально-временной парадигмой (выведенной Н.Ю. Шведовой) *деривационной парадигмы* простого предложения с фазисной, модальной, негационной, экспрессивной и др. модификациями [Белошапкова, Шмелева 1981].

С позиций коммуникативного синтаксиса Г.А. Золотова аргументировала и описала иной, чем у Н.Ю. Шведовой и В.А. Белошапковой, набор исходных моделей предложения и их модификаций, вариаций и осложнений, систематизировав все в синтаксическое поле предложения [Золотова и др. 2004, глава III].

Даже этот краткий обзор свидетельствует, что тема синтаксической деривации очень обширна и затрагивает не столько характер изменений частеречной принадлежности словоформ исходных и производных синтаксических структур, сколько способы и результаты трансформационных (траспозиционных) процессов внутри

структурной организации предложения-высказывания, имеющих системный (парадигматический и полевый) характер.

3. ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В предлагаемом исследовании ставится цель системно рассмотреть один из сегментов синтаксической деривации, который всецело организуется по универсальному для синтаксических единиц принципу функциональной эквивалентности транспонированного знака «адекватному» как проявление асимметрического дуализма в структурно-семантическом построении предложения. Анализ научных источников свидетельствует: данная проблема пока остается, за некоторыми исключениями, вне поля зрения дериватологов. Отправной момент зиждется на основаниях, восходящих к мысли А.А. Потебни, высказанной еще в последней четверти XIX в., о корреляции не всей части речи, как это трактуют позднее Е. Курилович и его последователи, а **определенных форм определенных частей речи с определенными синтаксическими функциями и позициями** (напомним цитату из труда «Из записок по русской грамматике»: «Как личный глагол есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим, есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого; так и обстоятельству присвоена особая форма, наречие» [Потебня 1968, II: 124]). Так ученый говорит о степени соответствия синтаксических мест определенным формам определенных частей речи, в иной терминологии – о наличии первичных / вторичных функций не слов, а словоформ; о морфологизованных / неморфологизованных членах предложения; о средствах репрезентации позиционных мест в составе предложения, специализированных и неспециализированных [Весела 2003; Курмакаева 2010; Луцкай 2010; Олійник 2002].

Ключевыми для данного подхода являются:

- идея С.О. Карцевского об «**асимметричном дуализме**» лингвистического знака, что предполагает учет степени «адекватности» репрезентанта для соответствующей синтаксической позиции, способность к одновременной устойчивости и подвижности языкового знака («...природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский 1965: 85]; «один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально “омонимом” и “синонимом” одновременно» [Карцевский 1965: 87];
- **понятие синтаксической позиции** (по Т.П. Ломтеву) и позиционного состава предложения [Луцкай 2010] как синтаксически значимых мест в предложении, которым присущ функционально-семантический потенциал, обусловленный дистрибуцией (метаязыковая семантическая модель распространенного двусоставного предложения: *тогда-то там-то такой-то тот-то так-то сделал то-то тому-то (тем-то) затем-то (потому-то)...*);
- **понятие структурной схемы** предложения как отвлеченного образца построения базовых (исходных) предложений русского языка и их модифика-

ций и трансформов; исходной базовой схемой русского предложения признается схема $N_1 - Vf$;

- **принцип функциональной эквивалентности** транспонированного знака «адекватному» в заполнении позиционного состава предложения – употребление словоформы или синтаксической конструкции как неспециализированной для данной синтаксической позиции, выявляемое на основе функционально-семантической идентификации ее со специализированной словоформой; универсальное свойство языка-функции [Луцкай 2010: 243]; схематически обозначается знаком « \approx » ‘функциональный эквивалент’. Например, в словосочетании *платье в горошек* зависимая словоформа по морфологическим признакам – имя существительное в винительном падеже (*во что?*), т. е. в N_4 , а по синтаксической функции занимает позицию, предназначенную для определения (*какое?*), следовательно, является функциональным эквивалентом адъектива, что схематично отражается следующим образом: в $N_4 \approx Adj$.

Объем понятия *функциональная эквивалентность* (в концепции В.В. Луцкай) во многом пересекается с понятием *транспозиция*, как это представлено В.Г. Гаком в [ЛЭС 1990: 519]. Однако этот принцип предполагает строгий учет наличия явлений асимметрии как между знаком и значением, так и между знаком, функцией и позицией. Большинство ученых, вслед за Е. Куриловичем, оперируют понятием всей части речи, потому вне поля их зрения нередко остаются очевидные различия в свойствах не столько части речи вообще, сколько определенных ее форм в различных синтаксических позициях как морфологизованных членов предложения (далее – МЧП) и как неморфологизованных (НМЧП). (Вспомним уточнение Т.П. Ломтева: «Позицию в предложении может занимать только отдельная форма, а не слово вообще» [Ломтев 2006: 44].) Словоформы-НМЧП могут быть даже более употребительными, чем словоформы-МЧП, но, как правило, функционально и семантически синкретичными (либо несамодостаточными) в силу возникающей асимметрии знака, значения и функции, когда лексико-семантическая данность знака накладывается на функционально-семантический потенциал позиции: «Зона» *приходила частями* (С. Довлатов) (*чем? как?*); выделенная словоформа морфологически – имя существительное или наречие? функционально – дополнение или обстоятельство? Семантика синтаксической позиции частично нейтрализует категориальные признаки словоформы (*то-то приходило так-то*), но (что важно!) частеречной принадлежности словесного знака не меняет (проверяем с помощью процедуры идентификации словоформы: *небольшими частями, по частям* – имя существительное).

Как видно из схемной семантики (*как? – так-то*), в указанной позиции обстоятельства образа действия данная словоформа реализуется как знак транспонированный, т. е. НМЧП: $N_5 \approx Adv$. Это обнаруживается в двойственности знака, функционально-семантическом синкретизме, возникающем вследствие противодействия категориального значения словоформы функционально-семантическому потенциалу занимаемой ею синтаксической позиции. Приведем еще пример: *Образ твой, мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязать. / «Господи!» – сказал я по ошибке, / Сам того не думая сказать* (О. Мандельштам). *По ошибке* – (*по чему? как?*) существительное или наречие? дополнение или обстоятельство? Опять $N_3 \approx Adv = ошибочно$. Включаем процедуру идентификации: *по своей (непреднамеренной) ошибке* – имя существительное в позиции наречия.

Названная проблема, обусловленная наличием у языкового знака универсального свойства полифункциональности, интенсивно и последовательно разрабатывалась В.В. Луцкой в последней четверти XX в. – первом десятилетии XXI в. в русле концепции функциональной эквивалентности, суть которой в обнаружении закономерностей заполнения позиционного состава предложения при строгом разграничении специализированных словоформ (МЧП) и неспециализированных форм (НМЧП) [Луцкая 1994: 100; Луцкая 2010: 63–73 и др.; Луцкая 2012: 17–25 и др.]. Данный подход нашел отражение в диссертационных исследованиях донецких ученых З.П. Олейник и Н.А. Веселой. На него целиком опирается предлагаемое исследование, в котором мы исходим из того, что **любое синтаксически членимое предложение имеет позиционный состав, а любую синтаксическую позицию может занимать либо специализированная для нее словоформа** («знак адекватный» – по С. Карцевскому, «прототипический» – в терминах Е.С. Кубряковой), **либо неспециализированная форма (комплекс словоформ различной степени сложности), т. е. знак «транспонированный», «непрототипический», вторичный по функции, функциональный эквивалент МЧП или функционально-синтаксический дериват исходной единицы.**

Выдвигаемый подход актуализирует регламентацию понятий «синтаксическая позиция» как элемент языка-структуры (характеризуется абстрактностью, константностью и независимостью от внешних условий) и «синтаксическая функция» как элемент «языка в действии» (характеризуется конкретностью, амбивалентностью, обусловленностью, зависимостью от степени специализации словоформы или словесного комплекса для соответствующей синтаксической позиции). Их разграничение и паспортизация необходимы для понимания «поведения» словоформ в той или иной синтаксической роли, что позволяет вскрыть существо не только отношений симметрии между знаком и значением, но и отношений асимметрии в «адекватном» и транспонированном знаках. Отношения асимметрии при заполнении позиционного состава предложения нашли отражение в многочисленных интерпретациях в русле функциональной и коммуникативной лингвистики, а также в аспекте теории переходности В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000]. Один из достойных внимания специалистов подходов к решению ряда спорных вопросов теории деривационного синтаксиса, ставший теоретической базой нашего исследования, предложен В.В. Луцкой.

Исходя из перечисленных посылов, мы можем очертить круг синтаксических единиц и объектов, входящих в зону действия деривационных процессов по принципу асимметрического дуализма языкового знака и являющихся проблемным полем грамматики (как синтаксиса, так и морфологии). Явления деривации в аспекте асимметрии в синтаксисе наблюдаются в нескольких планах, охватывая как язык-структуру, так и язык-функцию, и имеют системный характер.

1. В плане развития исходной, базовой структурной схемы предложения $N_1 - Vf$:

А) на внутрисхемном уровне;

Б) на межсхемном уровне;

В) на уровне реализации дериват-схемы безличного предложения.

2. В плане выявления и систематизации деривационного потенциала распространителей предикативной основы предложения.

Рассмотрим намеченные пункты подробнее.

1А) Развитие исходной, базовой структурной схемы предложения с помощью внутрисхемных деривационных шагов осуществляется в том случае, когда

в одну из позиций предикативного центра или в обе сразу «выдвигаются» словоформы-НМЧП (отмечаем их знаком функциональной эквивалентности: \approx):

$N_1-Vf \rightarrow \approx N_1-Vf$; Дерущиеся дети кричат \rightarrow Дерущиеся кричат; Милые бранятся, только тешатся; Далече грянуло ура. В театре сегодня идет «Не в свои сани не садись»;

$N_1-Vf \rightarrow N_1-\approx Vf$; Дети веселятся \rightarrow Дети (были / будут) веселые / веселы. Червонец был запачкан и в пыли. Осел был самых честных правил (И. Крылов).

$N_1-Vf \rightarrow \approx N_1-\approx Vf$; Курение вредит здоровью \rightarrow Курить вредно; В этом городе знать три языка – ненужная роскошь (А. Чехов). Разрушающий будет раздавлен, Опрокинут обломками плит (Н. Гумилев). Гляженое лучше хваленого (рус. посл.).

В традиционной синтаксисе в таких случаях говорят о способах выражения главных членов предложения и не учитывают степень специализации того или иного лингвистического знака для соответствующей синтаксической позиции, когда знак всего лишь «выдвигается» (в терминах А.А. Потебни), а не трансформируется в другой.

Прилагательные и причастия во всех формах в предикативной позиции – это словоформы неполной синтаксической специализации: без связочного глагола они не способны передать категории предикативности, в частности время. Позиция сказуемого в таких конструкциях двухчастная, состоящая из субпозиции именной словоформы (присвязочной, по В.А. Белошапковой), реализующейся по типу основы слова (несет лексико-семантическую нагрузку), и субпозиции связочной формы глагола, реализующейся по типу флексии словоформы (несет грамматическую нагрузку).

Назовем такую разновидность синтаксических преобразований модификационной функционально-синтаксической деривацией уровня структурных схем, а производные схемы – модификат-схемами. В комплексе они систематизируются в **модификационную парадигму** базовой схемы русского предложения. Более того, функционально-синтаксический принцип представления структурных схем предложения с применением знака функциональной эквивалентности (\approx) позволяет, с одной стороны, сократить список структурных схем, представленных в разных грамматиках в различном количестве, а с другой стороны, сделав акцент на позиции и функции в предложении, а не на морфологическую природу репрезентанта, мы эксплицируем степень специализации компонента для занимаемой позиции. Низшую степень обнаруживают репрезентанты-окказионализмы, например: *В тебе «надо» да «должны» живут* (Л. Карелин), где в позиции подлежащего видим окказиональное употребление сочиненного ряда словоформ ($\approx N_1$), используемых в узусе только в предикативной функции.

Сюда же следует отнести процесс преобразования базовой схемы русского двусоставного предложения N_1-Vf в **эллиптические конструкции**, в которых при эллипсисе малоинформативного глагола-сказуемого бывший второстепенный член предложения группы сказуемого выдвигается в предикативную позицию (точнее – в присвязочную субпозицию) с семантической трансформацией под влиянием семантики позиции:

Бой продолжался до последнего снаряда (до чего? до N_2 дополнение-интенсив) → Бой (был / будет) до последнего снаряда (какой? до N_2 → $\approx Vf$ предикат с адъективно-оценочной семантикой = *смертельный*).

В результате реализованного процесса наблюдается расширение представительства присвязочной части составного именного сказуемого, где на лексическое и категориальное значения комплекса накладывается семантика именной субпозиции. Кстати сказать, именно этот подход позволяет дифференцировать синтаксически **полные эллиптические** конструкции (*Книга про волшебников; Родители из крестьян*; их структурная схема: $N_1 - \approx Vf$) и **неполные эллиптические** предложения (*Татьяна в лес; медведь за нею; Мужики – за топоры*).

В первых примерах позиция предиката оказалась заполнена выдвинувшимся в нее второстепенным ЧП группы сказуемого; произошел факт функционально-синтаксической деривации предложно-падежной словоформы-дополнения в именную часть составного сказуемого по принципу функциональной эквивалентности: *про $N_4 \approx Vf$; из $N_2 \approx Vf$* .

Во вторых примерах второстепенный ЧП не «выдвинулся» в позицию предиката с семантикой движения, интенсивного действия; предложения остались неполными; их структурная схема: $N_1 - (Vf) N_{2...} / Adv$ как речевые реализации двусоставного полного глагольного предложения с незамещенной позицией акционального предиката; при этом ощущается разрыв в цепи синтаксической связи, чего нет в полных эллиптических предложениях.

1Б) **На межсхемном уровне** наблюдается развитие «парадигматических отношений деривационного типа» (В.А. Белошапкова) при компрессии грамматического ядра до одного главного члена; так, дериватами базовых двусоставных глагольных личных предложений признаются модели односоставных сказуемостных:

- обобщенно-личных (Vf_{2s} : *Из песни слова не выкинешь* или Vf_{3pi} : *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*);
- неопределенно-личных (Vf_{3pi} : *Там всему радуются*; модификат-схема $\approx Vf_{3pi}$: *Там всему рады*);
- безличных (Vf_{3s} : *На улице холодает*; модификат-схема $\approx Vf_{3s}$: *На улице холодно*).

При этом производность обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкций от личных двусоставных практически не оспаривалась, а производность безличных от личных всегда была дискуссионной (А.А. Шахматов и др.), она признавалась В.А. Белошапковой, З.К. Тарлановым; в других терминах это доказывали А.А. Потебня, А.М. Пешковский, И.П. Распопов, В.Н. Мигирин и др. Вспомним утверждение А.А. Потебни: «...кто сознательно называет сказуемые бессубъектными или безличными, тот должен признать их производность»; или замечание И.П. Распопова о том, что «в абсолютном большинстве случаев безличные предложения могут трактоваться в конструктивном плане как определенные трансформы личных» [Распопов 1967: 31]. Из истории вопроса мы знаем, что Л. Андрейчин (Болгария) писал: «...вопрос о безличных глаголах не столько вопрос лексикальный, сколько вопрос функциональный, касающийся их употребления» [Андрейчин 1944: 153]. В.В. Виноградов отнес безличность к синтаксически обусловленным значениям, И.П. Распопов безличную форму глагола назвал «позиционно обусловленной».

В БП рассматривают результат развития синтаксической системы как «фактор объективирования заключенного в предложении содержания», «абсолютизации предиката» [Тарланов 1998: 71]. Филиация базовой модели предложения N_1-V_f в сторону абсолютизации предиката, завершившаяся полным закрытием позиции N_1 , является следствием общеграмматических (синтаксических и морфологических одновременно) преобразований, деривационных шагов, которые сопровождаются семантическим наполнением сформировавшейся модели Vf_{3s} : ‘неконтролируемое, независимое от чьей-либо воли, самопроизвольное действие или состояние природы, среды, субъекта’. Это дает основания подтвердить функционально-грамматическую квалификацию категории личности / безличности, реализующейся в соотносительных подпарадигмах личных и безличных предложений и в «системе глагольного словоизменения» (Н.А. Слюсарева). Это следует понимать как параллельное развитие двух подпарадигм внутри единой парадигмы глагольного слова – подпарадигмы личных форм (ЛФГ) и малокомплектной подпарадигмы безличных форм (БФГ) одной глагольной лексемы.

1В) **На уровне реализации дериват-схемы безличного предложения.** Если исходить из сказанного, то БФГ с ЛФГ соотносятся не как формы с формами для пар с тождественным лексическим составом, а как форма с функциями, т.е. одна и та же форма проявляет себя по-разному в двух разных, но деривационно родственных синтаксических функциях, произошла **внутричастеречная деривация** на уровне категории личности / безличности, обусловленная измененной синтагматикой, ср.: *Ветер дует – В окно дует*. В результате деривационного шага (ЛФГ → БФГ) возникают функциональные дериваты, образующие с исходным словесным знаком функционально-синтаксические омонимы, или, в трактовке В.В. Лушай, **омосинтаксемы** как «члены оппозиций в ряду противопоставленных синтаксических функций данной полифункциональной словоформы» [Лушай 2010: 133]: одна и та же словоформа в разных синтаксических позициях выступает как знак «адекватный» и знак транспонированный. А постфиксальные образования, как-то: *живется, (не)гуляется* – морфолого-синтаксические дериваты личных *живет, гуляет*.

В диссертационном исследовании «Закономерности заполнения позиции главного члена безличных предложений в связи с действием принципа функциональной эквивалентности» [Курмакаева 2010] мы, учитывая выводимость базовых (глагольных) БП из соответствующих личных путем «устранения подлежащего» (А.А. Потеня, а также Р. Ружичка, И.П. Распопов и др.), методом трансформационного и интроспективного анализа установили, что безличное предложение – функционально-семантический дериват личного двусоставного предложения, который в процессе развития модели 1) закрепил за собой статус самостоятельного односоставного предложения с собственной структурной (Vf_{3s} и $\approx Vf_{3s}$) и семантической (‘*таково делается, происходит*’; ‘*таково*’) схемой, что обусловлено спецификой заполнения позиционного состава синтаксически специализированными словоформами – безличными формами глаголов (далее БФГ): *Ей взгрустнулось; На улице темнеет* – или их функциональными эквивалентами (далее ФЭ БФГ; словоформами неполной синтаксической специализации, выраженными краткими формами адъективных в широком смысле словоформ): *Ей грустно; На улице темно; В комнате накурено*, а также синтаксически неспециализированными формами, включая комплексы различной степени сложности вплоть до предикативных единиц: *Для развлечений не время; Ей не до разговоров; Им по пути; Здесь как у Христа за пазухой; А им все равно; Стало мне так, будто все дороги*

на свете в один конец сошлись (М. Пришвин). Такое разнообразие вторичных репрезентантов позиции свидетельствует о возможности свободного ее заполнения по принципу функциональной эквивалентности и приобретения в ней семантики синтаксической позиции.

Данный подход позволяет выстроить иерархию предикатосоставляющих компонентов БП в виде функционально-грамматического поля безличности в соответствии со степенью их синтаксической специализации и с учетом механизма балансирования «правильного» и «неправильного» при заполнении позиционных мест. Достигается большая степень интегрированности: весь массив БП подводится под две схемы – базовую Vf_{3s} (центр, сердцевина поля) и производную от базовой (периферия поля) $\approx Vf_{3s}$, каждая из них имеет в узусе свои модификации на уровне структурных схем и их реализаций.

Центр состоит из компактного ядра, представленного монофункциональными и моносемантическими БФГ с нулевой личной подпарадигмой: *нездоровится, несчастливилось*, и обширной приядерной зоны, занимаемой БФГ – коррелятами ЛФГ: *говорится, дует, тянет, уносит*.

Периферия двухуровневая – ближняя и дальняя – в зависимости от степени специализации репрезентантов для присвязочной субпозиции. Ближняя заполняется словоформами неполной синтаксической специализации, дальняя – единицами различной степени сложности, собственно неспециализированными для роли главного члена БП. На ближней периферии выявляется негомогенный класс представителей трех лексико-грамматических разрядов: краткие причастия (*натоплено, закрыто, сказано – сделано*), краткие прилагательные (*В воздухе тихо, но холодно и так пасмурно* ($\approx Vf_{3s}$)... – А. Чехов), квазинаречия (*некогда, невдомек, невтерпеж*). Причастная подгруппа служит буфером между глагольными и именными БП, имеет признаки обоих, обладает деривационно развитой структурой, в частности имеет большой кластер предложений с негационной и оценочно-эмоциональной модификациями: *Волнений пока не замечено* (А. Солженицын); *Эх, сколько видано, эх, перевидано...* (М. Матусовский). Адъективная подгруппа семантически и структурно однородна, может быть признана специализированной (прототипической, ядерной) для функционально-семантического поля состояния. Маргинальную подзону занимают словоформы *надо, можно*. Квазинаречная подгруппа малочисленная и замкнутая, у нее отсутствует связь с наречием по функции, по месту расположения в поле она на стыке двух периферий.

На дальней периферии поля безличности массив единиц разговорной речи: номинативно-субстантивные словоформы (*Ей не сахар со мной*. – А. Чехов; *В семье не без урода*. – Посл.), наречия (*У них попросту*. – А. Чехов), словосочетания (*В мире не без добрых людей*. – Посл.), сравнительные обороты (*На войне как на войне*), идиомы (*До леса рукой подать*), предикативные единицы: *Встал рано, вскоре после восхода солнца, но было, как будто кто-то заботливый и добрый встал еще раньше меня и перед самым восходом солнца полил всю землю и все цветы и листья теплым дождем* (М. Пришвин); т. е. собственно неспециализированные разноуровневые и разнообъемные единицы, подводимые под общую модификат-схему $\approx Vf_{3s}$.

Как известно, так называемые слова на -о (предикативные наречия, категория состояния, предикативы) не получили всеобщего признания как полные трансформы, т. е. как самостоятельная ЧР, хотя В.В. Виноградов предпринял серьезную попытку обоснования своей точки зрения [Виноградов 1947, гл. VI]. В [Граммати-

ка... 1970: 304] зафиксировано определение синтаксического деривата как «синтаксически обособившееся значение», отмечаемое в пределах тех или иных **базовых** ЧР, этот синтактико-семантический сегмент предложено именовать предикативами. Иначе говоря, введено новое синтаксическое понятие, а не новая часть речи. В.Н. Мигирин, как известно, процесс их образования не только не выводит на уровень межчастеречных отношений, но доказывает, что в формах типа *зелено* (*Поле зелено – В поле зелено*) происходят внутrichастеречные парадигматические расслоения, имеющие синтаксическую природу [Мигирин 1970; Мигирин 1971: 81–82]. В.А. Белошапкова сочла целесообразным объединить их с краткими формами прилагательных [Современный русский язык 1989: 644]. Если в теории транспозиции соотношение между нефинитными репрезентантами предикативной позиции личных и безличных коррелятивных пар трактуется как межчастеречная омонимия: *краткое прилагательное – КС*, то в концепции функциональной эквивалентности цепь зависимостей обосновывается как функциональная деривация:

краткое прилагательное → в функции сказуемого, $\approx Vf$: *Дитя весело*;
→ в функции главного члена БП, $\approx Vf_{3s}$: *Ему весело*.

Словоформы, репрезентирующие модификат-схему $\approx Vf_{3s}$, являются функционально-синтаксическими позиционно обусловленными дериватами синтаксиса адъективного или причастного происхождения, занимающих в грамматическом поле адъективного слова дальнюю периферию в силу своей полной неизменяемости по требованию сформированной модели безличного предложения, где позиция подлежащего значимо закрыта: *Утро туманно / Утром туманно; Помещение натоплено / В помещении натоплено*.

Считаем, что любые нефинитные словоформы в позиции главного члена БП – функционально-синтаксические дериваты исходной словоформы, выдвинутые в эту синтаксическую позицию без изменения частеречной принадлежности.

При этом категориальное значение словоформы в данной позиции не меняется, а лишь частично нейтрализуется, консервируется под влиянием дистрибуции (закрытость позиции N_1) и семантики синтаксической позиции ‘стихийность, инволютивность, самопроизвольность’. Ср: *Ладно ль за морем иль худо? – За морем житье не худо* (А. Пушкин): $\approx Vf_{3s} \leftarrow N_1 - \approx Vf$.

Такое понимание функциональных омонимов отличается от принятого в концепции переходности В.В. Бабайцевой, где, по существу, рассматриваются межчастеречные омонимы без учета степени специализации словоформ в занимаемой позиции (ср.: «функциональные омонимы – это этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи» [Бабайцева 2000: 194]). Омосинтаксемы как результат функционально-синтаксической деривации на внутrichастеречном уровне в связи с полифункциональностью словоформ остаются не оцененными у разработчиков теории переходности. Однако для признания в этом процессе полной трансформации на частеречном уровне пока недостает аргументов.

Возвращаясь к выводам В.А. Белошапковой и Т.В. Шмелевой, мы принимаем и подтверждаем их точку зрения: внутрисхемные деривационные отношения имеют характер модификационный, а межсхемные – транспозитивный (двусоставные → односоставные конструкции), однако без полной частеречной трансформации.

2) **Деривационный потенциал распространителей предикативной основы предложения.** То, что деривационные шаги уровня распространителей (второ-

степенных ЧП) приводят к осязаемым результатам, выше показано на примерах формирования полных предложений эллиптического типа. Явления, рассматриваемые в данном пункте, тоже связаны, как и предыдущие, с полифункциональностью словоформ и их комплексов, чем объясняется возникновение функциональных (позиционно обусловленных) омонимов – внутричастеречных коррелятов, **омосинтаксем**, исходный компонент которых находится за пределами грамматического ядра предложения, а его функционально-синтаксический дериват способен обнаруживаться в любой (и даже не одной) синтаксической позиции в разных по структурной организации предложениях. Различие между ними ровно на семантику той позиции, в которую они встраиваются. Чешский лингвист О. Лешка назвал это «транспозицией членов предложения» и проиллюстрировал примерами: *От кашля принимайте эти капли. – Капли от кашля принимайте три раза в день. – Эти капли от кашля* [Leška 1960: 44]. Здесь важно уточнить: транспонируется все же не член предложения, а определенная, конкретная словоформа (чаще всего предложно-падежная субстантивная, но и другие формы иных частей речи и целые словесные комплексы), предназначенная для выполнения определенной функции как МЧП, в неспециализированные для нее синтаксические позиции как НМЧП, в результате чего возникают **функционально-синтаксические дериваты** исходного знака, реализующие при этом разные виды синтаксической связи.

В приведенных примерах исходная (специализированная) словоформа *от кашля* – имя существительное в Р. п. в функции дополнения (МЧП) – управляется глаголом *принимайте* с валентностью на потенцив (*от чего?*); вид связи – слабое управление, структурная схема словосочетания *Vf* от N_2 .

Во второй фразе *Капли от кашля...* анализируемая словоформа выдвинулась в позицию определения (*какие? = противокашлевые*) как несогласованный компонент с адъективным значением (НМЧП); связь – падежное примыкание, схема N_1 от $N_2 \approx Adj_1$.

В третьей *Эти капли от кашля* исследуемая словоформа занимает субпозицию именной части составного именного сказуемого в эллиптическом полном предложении (НМЧП), связь – предикативное падежное примыкание, схема N_1 – от $N_2 \approx Vf$.

В.В. Лушай назвала такие ряды **омосинтаксемными рядами** полифункциональной словоформы [Лушай 2010: 133 и след.]. Омосинтаксемный ряд представляет собой **функционально-синтаксическую парадигму** одной словоформы с первичной (дополнение) и в данном случае двумя вторичными (определение и именная часть сказуемого) функциями.

Не только субстантивные словоформы, но и даже местоименные могут структурироваться в такую парадигму. Возьмем для примера словоформу *до тебя*.

Исходная форма (МЧП) – дополнение как субъект восприятия: *До тебя (до кого? – до N_2) не докричишься*.

Функционально-синтаксические дериваты (НМЧП):

1) обстоятельство места со значением пространственного предела: *До тебя (куда? – до $N_2 \approx Adv$ или до кого? – до N_2) мне дойти нелегко, а до смерти – четыре шага;*

2) обстоятельство времени – темпоратив: *До тебя (когда? – до $N_2 \approx Adv$ или до кого? – до N_2) у них было все хорошо;*

3) фразеологизированный компонент в субпозиции именной части главного члена безличного предложения: До тебя (каково? – до $N_2 \approx Vf_{3s}$) ли мне?

Чрезвычайную активность проявляют падежные и предложно-падежные словоформы в обстоятельственных позициях и в функции несогласованного определения, что можно отнести к развивающемуся языковому явлению – падежному примыканию, которое мы определяем как подчинительную связь синкретического типа, при которой субстантивная словоформа (N_{2-6}) выдвигается в позицию, предназначенную для наречия (*Adv*) или адъектива (*Adj*), и выступает как синтаксически неспециализированная форма с атрибутивным (в широком смысле) значением: $\approx Adv$ или $\approx Adj$. Приведем примеры из поэзии М. Цветаевой: *поцелуй в снег* (во что? куда? какой?); *привкус на губах* (на чем? где?); *рыцарь без укоризны* (без чего? какой?); *небесный гость в четыре лепестка* (во что? какой?); *лоб в апофеозе* (в чем? какой?) *папиросы* (чего? каком?); *пою на заре* (когда?) (подробнее об этом в нашей статье [Курмакаева 2016]).

Чаще встречаются омосинтаксемные пары с первичной и вторичной функциями, например: *Летом* нужно наслаждаться *летом*, а *зимой* – *зимой* (пример В.В. Лушай).

Некоторые ошибочно полагают, что здесь представлены межчастеречные омоформы, что препозитивные *летом* и *зимой* – это наречия. Однако невозможно проигнорировать тот факт, что в позиции обстоятельственного темпоратива словоформы не утратили согласовательной валентности на адъектив: *Любым* (и солнечным, и дождливым) *летом* нужно наслаждаться *этим летом*, а *всякой зимой* (снежной или слякотной) – *такой вот зимой*, что совершенно не характерно для наречия.

Полифункциональность присуща разным падежным формам, а степень специализации взаимосвязана с валентностью господствующего слова. Приведем лишь некоторые примеры МЧП – НМЧП: *не стало* (кого?) *матери* – *портрет* (чей?) *матери*; *обратился за советом* (к кому?) *к матери* – *приехал на побывку* (куда?) *к матери*; *сила* (в чем?) *в правде* – *нашел ее* (где?) *в правде*; *рассказал* (о чем?) *о семи лепестках* – *И в тревожных руках все недели* – *ромашки* (какие?) *о семи лепестках* (Е. Евтушенко).

Имеют место и более объемные функционально-синтаксические парадигмы. Например, некоторые номинативно-субстантивные словоформы способны к образованию многочленных подобных парадигм. Возьмем номинатив *пора*, омосинтаксемный ряд которого состоит из пяти компонентов:

- (1) *Пришла пора* ($N_1 Vf$): *она влюбилась* (А. Пушкин);
- (2) *Ранняя пора*, а мы уже на ногах (N_1);
- (3) *Весна* – *голодная пора* (В. Даль) ($N_1 - \approx Vf$);
- (4) *Самая пора* *отдохнуть у моря* ($\approx N_1 - \approx Vf$);
- (5) *Хоть с пустой сумой*, а *пора* ($\approx Vf_{3s}$) *домой* (Л. Филатов).

Процедура функционально-синтаксической **идентификации**, примененная к словоформе *пора* через связь с согласуемой словоформой *самая*, выявляет ее номинативность во всех фразах. При этом лишь синтаксемы (1) и (2) содержат весь комплекс лексико-грамматических показателей номинатива в полной симметрии с занимаемым местом, т. е. как специализированная для этой позиции словоформа. Три последних примера – это образцы «транспонированной значимости того же знака» (по С. Карцевскому), реализация одной и той же словоформы в предиде-

пирующей функции разных структурных схем с несовпадающим функционально-семантическим потенциалом (семантикой позиции), но без изменения частеречной принадлежности.

К настоящему времени перечисленные нами явления остаются либо недостаточно изученными, либо дискуссионными, а потому проблемы соотношения ЧР и ЧП, вопросы количества и категориальных признаков частей речи сохраняют актуальность.

Г.А. Золотова, отказавшись от понятия ЧП, ввела в лингвистический обиход синтаксему как минимальную единицу синтаксиса. Однако проблема соотношения морфологических классов слов и их синтаксических функций не потеряла остроты. Представляется плодотворным не отказываться полностью от понятия *члены предложения*, признать синтаксему обобщенной функционально-семантической единицей, а ЧП – конкретной ее реализацией в предложении в языке-функции (что-то подобное *фонеме* и *аллофону* в фонологии, но с определенной разницей). Так, например, синтаксема-локатив *из Крыма* в силу полифункциональности способна реализоваться в качестве различных ЧП, выполнять различные синтаксические функции, соответственно стягивая на себя то функционально-синтаксическое значение, которое отличает синтаксическую позицию, занимаемую этой словоформой:

- 1) *Яблоки привезли из Крыма* (оттуда-то – обстоятельство места: $из N_2 \approx Adv$);
- 2) *Яблоки из Крыма лежали на прилавке* (такие-то – определение: $из N_2 \approx Adj$);
- 3) *Яблоки были из Крыма* (были такие-то – именная часть сказуемого: $из N_2 \approx Vf$).

И даже окказионально может занимать позицию подлежащего: *Ваше «из Крыма» звучит очень заманчиво* (что? то-то: $из N_2 \approx N_1$). Однако во всех перечисленных позициях словоформа выступает как ФЭ МЧП, а морфологизованной ее, вероятно, следует признать в функции дополнения-партитива: *Из Крыма (из чего?) хотят сделать витрину*. Но это уже не синтаксема-локатив. Возникает проблема иного рода асимметрии.

Функционирование в несвойственной позиции может приводить словоформу к новым, порой неожиданным синтаксическим связям. Так, например, функционально-семантический потенциал синтаксической позиции сказуемого оказывает влияние на синтаксическую сочетаемость номинативной словоформы, занимающей эту позицию, таким образом: *Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь* (В. Маяковский; пример В.В. Луцкай). Только в позиции сказуемого номинатив обретает активную валентность на наречие: *немножко лошади – настолько-то лошади; по-своему лошадь – так-то лошадь*. Как подлежащее-МЧП он не способен к такой связи. А если она все же возникает, то только в том случае, когда зависимый компонент – НМЧП, образованный путем стяжения: *кофе по-турецки* (такой-то: $Adv \approx Adj$) от *кофе, приготовленный по-турецки*; *яйца всмятку* (такие-то: $Adv \approx Adj$) от *яйца, сваренные всмятку*. Учет этого фактора позволяет при дефинировании наречия как части речи не расширять его семантико-синтаксические характеристики от «признак признака» до «признак предмета», поскольку данная функция для наречия вторичная, в ней оно выступает как НМЧП.

Надо отметить, что асимметрический дуализм усматривается не только на уровне традиционных ЧП, но на уровне всего позиционного состава предложения, вплоть до осложняющих компонентов, условно грамматически не связанных с составом предложения. Так, своеобразие категории вводности изучила З.П. Олей-

ник, выявив функциональную ее сущность как «надстроечной, вторичной предикации», генезис которой «обуславливает и вторичность функции используемых языковых средств: словоформ, словосочетаний, предикативных единиц». Это значит, что единицы типа *возможно, к сожалению, правда, признаться, известно, может быть, без сомнения* и многие др. в функции вторичного (надстроечного) предиката («оценочного квалификатора») являются не словами другой части речи по отношению к генетическому «собрату», а его функционально-синтаксически дериватами, т. е. исходные и производные словоформы являются омосинтаксемами. В функции вводных слов они обнаруживают свою лексико-грамматическую периферийность [Олійник 2002].

4. ВЫВОДЫ

1. При учете принципа асимметрического дуализма знака внутри любой части речи можно наблюдать на уровне функционирования, с одной стороны, его устремленность занять позицию, сформировавшуюся для иного знака, а с другой – внутрикатегориальную инерцию сохраняться в пределах исходного лексико-грамматического разряда, так как категориальные признаки не утрачиваются, а лишь частично нейтрализуются под воздействием функционально-семантического потенциала синтаксической позиции, в связи с чем и в языке-структуре, и в языке-функции возникает проблема разграничения разных по степени специализации репрезентантов синтаксических мест в предложении: исходных, прототипических, специализированных и производных, непрототипических, неспециализированных, функционально-синтаксических дериватов.

2. Если для Куриловича «синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [Курилович 1962: 61], то применительно к объему понимания принципов асимметрического дуализма и функциональной эквивалентности синтаксического знака **функционально-синтаксическая деривация – это только изменение функции при сохранении и лексического, и частеречного значения словоформы**, в результате чего возникают не омоформы, а омосинтаксеммы внутри одной части речи, а также омосинтаксемные ряды – функционально-синтаксические парадигмы одной словоформы в разных позициях.

3. Принятие во внимание важнейшей для синтаксиса закономерности – способности знака **выдвигаться** в разные синтаксические позиции в качестве морфологизованного ЧП или его функционального эквивалента может послужить делу упорядочивания и системы частей речи, и системы членов предложения, а также уточнению типологии связи на уровне словосочетания (в частности, обоснованию подчинительной связи *надежное примыкание* и *предикативное надежное примыкание*) и даже систематизации списка структурных схем на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

4. В результате применения инструментария принципа функциональной эквивалентности к безличности как к функционально-грамматической категории можно не только непротиворечиво выявить ее полевою структуру с четко выраженным центром и неоднородной, размытой периферией, но и зафиксировать для дальнейшего изучения тенденции и перспективы расширения и обогащения различных зон и микрополей внутри поля.

АННОТАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ

Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов

Во Введении дается описание причин и истории создания коллективной монографии. Констатируется, что главным условием ее возникновения стало проведение в течение 2022/2023 учебного года совместного дистанционного курса лекций (курс по выбору для МГУ и спецкурс для ДонГУ) «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке», на основе которого она, собственно, и была подготовлена. Реализация же курса стала возможна благодаря Соглашению о сотрудничестве между МГУ имени М.В. Ломоносова и Донецким государственным университетом (ДонГУ), подписанному ректорами двух университетов академиком В.А. Садовничим и профессором С.В. Беспаловой 24 мая 2022 г. В подготовке и реализации и курса лекций, и монографии принимали активное участие представители не только вузов-организаторов, но и профессора из Нижегородского, Саратовского, Тамбовского, Белгородского университетов, а также Московского педагогического университета. В коллективной монографии предпринята попытка показать пути решения актуальных проблем современной дериватологии. Во *Введении* дается общее описание содержания монографии.

Ключевые слова: дериватология, коллективная монография, курс лекций

ЧАСТЬ 1. НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕРИВАТОЛОГИИ

Раздел 1. Деривация в подсистемах языка

Е.В. Петрухина

В первом разделе рассматриваются основные понятия и термины деривационных исследований в словообразовании, морфологии и других лингвистических направлениях, важные для исследовательских разделов данной коллективной монографии. Деривация при этом понимается широко: как процесс создания в языке любых вторичных единиц на базе других, принимаемых за исходные, при помощи определенных правил и операций. Процессы деривации отмечаются во всех подсистемах языка. Деривационные отношения в языке – это один из фундаментальных типов системообразующих отношений (наряду с парадигматикой и синтагматикой). Большое внимание уделено вопросам словообразовательной ономазиологии, когнитивным исследованиям в словообразовании, а также морфологической и семантической деривации. Обосновывается необходимость системного и функционального изучения взаимодействия словообразования и морфологии, типов неузальных производных и их функций в художественном дискурсе, адаптирующей функции словообразования при освоении заимствований, типам

сложных слов и динамическим явлениям в словосложении, концептуальной деривации и деривационным механизмам в синтаксисе. Представлены также синхронно-диахронические направления в современной дериватологии, где реализована попытка преодолеть разрыв между синхронным и диахронным словообразованием. Все названные и другие вопросы рассматриваются в связи с основными исследовательскими проблемами данной коллективной монографии.

Ключевые слова: дериватология, словообразование, морфологическая деривация, словообразовательная ономаσιология, когнитивные исследования

Раздел 2. Концептуальная деривация в процессах формирования значений и развития языковой картины мира

Н.Н. Болдырев

Процессы языковой деривации рассматриваются с позиций когнитивного подхода, предполагающего анализ процессов формирования языковых значений и смыслов в контексте основных познавательных процессов: концептуализации и категоризации, т. е. с точки зрения лежащих в их основе процессов концептуальной деривации. Концептуальная деривация понимается при этом как получение нового знания на базе уже существующего и представленного в языке. Выделяются три типа концептуальной деривации и их подтипы: 1) сохранение формата исходного знания при изменении его структуры и конфигурации, 2) изменение самого формата знания, 3) изменение концептуальной области определения, или когнитивного контекста, которые лежат в основе формирования вторичных (производных) структур и определяют развитие языковой картины мира. Особое внимание уделяется исследованию степени мотивированности этих процессов, прозрачности их деривационных отношений с базовыми структурами знания и конвенциональными способами их представления в языке с целью обеспечения эффективности концептуального взаимодействия между отправителем и получателем информации в процессах языковой коммуникации, ее бесконфликтности.

Ключевые слова: концептуальная деривация, формат знания, уровни представления знаний, языковая картина мира, бесконфликтная языковая коммуникация

ЧАСТЬ 2. МОДЕЛИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ: ОПЫТ ДОНЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Раздел 1. Универбализация и смежные явления

В.И. Теркулов

Раздел посвящен описанию универбализации, под которой понимается эквивалентная трансформация словосочетания в слово, определяемая как разновидность компрессии и имеющая в своей основе явление семантической конденсации синлексов. В разделе дается типология универбализаций, включающая семантическую (эллиптическую и универбную) и лексическую (юкстапозитную, композитную и аббревиатурную) универбализации. Устанавливается различие между диахронным и синхронным подходами к универбализации. Описываются смеж-

ные явления, к которым относятся квазиунивербализация, деунивербализация, псевдоунивербализация.

Ключевые слова: универбализация, компрессия, конденсация, эллипсис, универбация, юкстапозиция, композиция, аббревиация, синлекс, коллокация, квазиунивербализация, деунивербализация, псевдоунивербализация

Раздел 2. Типология аббревиатур

В.И. Теркулов, К.Ю. Емельянова

В разделе описываются основные положения теории эквивалентностного подхода к аббревиации Донецкой дериватологической школы. Разграничиваются инициальные аббревиатуры, сложносокращенные апеллятивы, квазиаббревиатуры и сложносокращенные онимы как разные формально-ономасиологические типы аббревиатур. Обосновывается необходимость для формирования принципов определения и описания аббревиации установления ее характеристик в диахронии и синхронии. Определяются типы эквивалентных текстов, в которых осуществляется определение эквивалентностных отношений между словом и коррелирующим с ним словосочетанием.

Ключевые слова: аббревиатура, сложносокращенный апеллятив, сложносокращенный оним, инициальная аббревиатура

Раздел 3. Инициальные аббревиатуры

В.И. Теркулов

В разделе определяются механизмы образования инициальных аббревиатур и разграничиваются три типа данных единиц: акронимы, алфавитизмы и комбинации алфавитизации и акронимии. Устанавливаются основные причины выбора того или иного типа инициализации. Описываются основные характеристики инициальной аббревиации: возможность преобразования в инициальную аббревиатуру любого синлекса, преимущественно единственную мотивацию, затемненную внутреннюю форму.

Ключевые слова: аббревиация, инициальная аббревиации, алфавитизмы, акронимы

Раздел 4. Сложносокращенные апеллятивы

Глава 1. Общие положения

В.И. Теркулов

Глава посвящена описанию базовых положений трактовки сложносокращенных апеллятивов в теории Донецкой дериватологической школы. Дается определение единиц данного типа, констатирующее то, что при их образовании действует механизм замещения компонентов исходного словосочетания воспроизводимой единицей – абброконструктом, который может выступать в трех функциональных

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

разновидностях: абброэквивалент, абброморфема, абброаффиксоид. Указывается на различие синхронного и диахронного подходов к определению и описанию сложносокращенных апеллятивов. В главе также даются их общие характеристики: ограниченное количество абброконструктов, множественная мотивация, прозрачная внутренняя форма, возможность симультанности, активная употребительность в разных стилях и типах текстов.

Ключевые слова: сложносокращенный апеллятив, абброконструкт, мотивация, замещение

Глава 2. Типология абброконструктов

В.И. Теркулов, И.Р. Смирнова

В главе рассматриваются общие особенности базовой единицы теории аббревиации – абброконструкта, который определяется как сокращенный неинициальный элемент аббревиатуры, эквивалентный какому-либо слову коррелирующего с ней словосочетания. Описываются отличия абброконструктов от аналитических прилагательных и аффиксоидов. Приводятся параметры описания абброконструктов: место в структуре аббревиатуры, количество компонентов в структуре абброконструкта, морфемная членимость, наличие формальных вариантов, тип семантической интерпретации при дешифровании, структурный тип эквивалента. В диахронии абброконструкт может выступать в трех функциональных разновидностях (абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксоид, а в синхронии – в двух (абброэквивалент и абброаффиксоид).

Ключевые слова: абброконструкт, абброэквивалент, абброморфема, абброаффиксоид, аффиксоид, эквивалент

*Глава 3. Диахронный подход к описанию сложносокращенных апеллятивов.
Квазиаббревиатуры*

К.Ю. Емельянова

Глава посвящена рассмотрению явлений квазиаббревиации. Представлены основные положения теории Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации, основывающиеся на разграничении двух подходов к анализу сложносокращенных слов – синхронного и диахронного. Описаны три типа квазиаббревиатур: абброморфемные, заимствованные и сложнопроизводные единицы. Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры рассматриваются как особый подтип абброморфемных квазиаббревиатур.

Ключевые слова: аббревиатуры, квазиаббревиатуры, синхронный подход, диахронный подход

Глава 4. Синхронный подход к определению и описанию аббревиатур

А.И. Бровец

Рассматривается синхронный подход к аббревиации, целью которого является установление эквивалентности сложносокращенного слова. Такая эквивалент-

ность формируется обычно в пределах не аббревиатурной пары, традиционно выделяемой в словарях сокращений, а гнезда эквивалентности, включающего все словосочетания, мотивационно связанные с аббревиатурой и употребляемые вместе или параллельно с ней в текстах. Множественность трактовки одной аббревиатуры объясняется использованием разных дешифровальных стимулов – слов или словосочетаний, являющихся расшифровками сокращенного компонента аббревиатуры в эквивалентном ей словосочетании. Синхронный подход к аббревиации, являющийся функциональным по своей сути, противопоставлен диахронному, целью которого является установление реальных деривационных связей между аббревиатурой и словосочетанием.

Ключевые слова: аббревиатура, сложносокращенное слово, синхронная аббревиация, текстовая эквивалентность, дешифровальный стимул аббревиатуры

Глава 5. Парадигматические объединения сложносокращенных апеллятивов

В.И. Теркулов

В главе дается типология парадигматических объединений сложносокращенных слов, к которым относятся: гнездо эквивалентности, аббревиатурная группа, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурное гнездо и аббревиатурная парадигма. Описывается, как данные парадигматические объединения используются для поиска коррелятов аббревиатуры в рамках экстраполяционных методик прогнозирования эквивалентов слова. Экстраполяционные методики дополняются лексико-деривационной методикой. Методикам прогнозирования противопоставлены методики поиска, к которым относятся словарная и текстовая методики.

Ключевые слова: парадигматические объединения, гнездо эквивалентности, аббревиатурная группа, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурное гнездо и аббревиатурная парадигма, экстраполяционные методики, методики поиска

Раздел 5. Сложносокращенные онимы

Т.А. Кириченко

Объектом описания в разделе являются сложносокращенные онимы, рассматриваемые как отдельный формально-ономасиологический класс, отличающийся от других классов аббревиатур тем, что единицы данного типа возникают не в результате сокращения или замещения компонентов производящего словосочетания, а как конструируемые лексемы. На основе этого утверждения формируются представления о базовых характеристиках сложносокращенных онимов: об их отношении к синхронии и диахронии, об особенностях функционирования аббревиатурных конструктов в составе этих единиц, об парадигматических объединениях: гнезде эквивалентности, аббревиатурной группе, аббревиатурном гнезде и аббревиатурной парадигме.

Ключевые слова: сложносокращенные онимы, гнездо эквивалентности, аббревиатурное гнездо, аббревиатурная группа, универбализация, псевдоунивербализация, эргонимы, конструирование аббревиатур

Раздел 6. Деривационная лексикография:
толковые словари аббревиатур как лексикографический жанр

В.А. Рязанова

Статья содержит обзор словарей сокращений русского языка, изданных с середины XX в. по настоящее время. Выявлены общие приемы лексикографического описания аббревиатур. В традиционных словарях сокращений происходит неполная реализация семантического аспекта описания вокабул, в результате чего словарные статьи в рассмотренных словарях имеют ряд недостатков. Отмечается тенденция к формированию нового лексикографического жанра – толковых словарей сокращений, охватывающих более широкую совокупность описываемых свойств аббревиатур.

Ключевые слова: словари сокращений, сложносокращенные слова, семантика аббревиатур, синхронный подход

**ЧАСТЬ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Раздел 1. Динамика именной аффиксации в новейший период

*Глава 1. Когнитивный потенциал
интернациональных префиксов и префиксоидов:
воздействие на русскую языковую картину мира*

Е.В. Петрухина

В данной главе рассматриваются новые производные слова, выражающие актуальные в настоящее время комбинации смыслов при помощи интернациональных, греко-латинских по происхождению, словообразовательных формантов, таких как *пост-*, *транс-*, *псевдо-*, *квази-*, *анти-* и др. Данные префиксы и префиксоиды проявляют в русском, как и в других славянских языках, большую активность под влиянием английского языка. Образованные с их помощью имена могут выражать новую комбинацию смыслов (например, в таких словах, как *постнаука*, *транскультура*, *гиперреальность* и др.), отражая изменения в мире и в его интерпретации и воздействуя на русскую языковую картину мира (ЯКМ). Изучаемые форманты нередко семантически сближаются, образуя синонимичные производные, выражающие несоответствие норме, например *псевдонаука*, *квазинаука*, *ненаука*, *лженаука*, *антинаука*. Более подробно рассматриваются производные, образованные от слова *реальность* (*гиперреальность*, *ирреальность*, *антиреальность*, *суперреальность*, *постреальность*), а также существительные и прилагательные с приставкой *анти-*. Представленный в подобных производных новый тип семантического соотношения основы и форманта основан не на интеграции их концептуальных областей, а на дезинтеграции, т. е. таком взаимодействии, когда формант полностью меняет базовые концептуальные признаки мотивирующих имен, разрушая их онтологическую сущность и тем самым меняя русскую ЯКМ.

Ключевые слова: русский язык, интернациональные префиксы, языковая картина мира, глобализация, деглобализация

Глава 2. Динамические процессы в системе словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке: новейшие заимствования

Е.В. Скачкова

Глава посвящена динамическим процессам в системе словообразовательных интенсификаторов современного русского языка. Рассматриваются этапы ассимиляции заимствованных формантов деривационной системой русского языка. Анализируются семантика и функционирование неоинтенсификаторов *овер-* и *убер-*, появившихся в последние десятилетия. Исследование проведено на языковом материале, извлеченном из двух корпусов русского языка – Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ), что позволило рассмотреть указанные единицы не только в области компьютерно опосредованной разговорной речи, но и в области кодифицированного литературного языка.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, семантическая категория, оценка, экспрессивность, интенсификатор

Раздел 2. Современная русская словообразовательная и морфологическая неология в разных типах дискурса

Глава 1. Когнитивные и дискурсивные аспекты словообразовательной неологии (публицистический дискурс)

Л.В. Рацибурская

Новые номинации в современных медийных текстах отражают значимые социальные реалии, являются знаковыми элементами национального менталитета. В связи с этим актуальными аспектами исследований лексико-словообразовательных новаций стали в последние десятилетия лингвокреативный, социокультурный, лингвопрагматический аспекты, благодаря которым можно не только выявить специфику работы словообразовательного механизма, но и понять, каким образом с помощью тех или иных словообразовательных средств (способов, моделей, аффиксов) осмысливаются новые явления общественной жизни. Словообразовательные процессы, результаты которых представлены в медийных текстах, отражают такие тенденции, как тенденцию к интернационализации и тенденцию к демократизации. Тенденция к интернационализации проявляется в использовании под влиянием глобализационных процессов в деривации заимствованных слов (основ), словообразовательных аффиксов и моделей иноязычного характера. Тенденция к демократизации проявляется в использовании в деривационных процессах стилистически сниженных производящих слов (основ), словообразовательных аффиксов и моделей, характерных для разговорной речи. Проявлением демократического начала в деривационных процессах можно также считать различные способы словообразовательной экспрессивизации медийного текста, включая неязычные способы деривации (контаминацию, заменительное словообразование, способы графического словообразования), приемы словообразовательной игры, а также использование средств поликодовости в рамках новой медиареальности. Таким образом, в деривационных процессах объективируется осмысление язы-

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

ковым сознанием членов российского социума актуальных реалий современной действительности.

Ключевые слова: медийный дискурс, лингвокогнитивный аспект, неология, интернационализация, демократизация, словообразовательный механизм

*Глава 2. Словообразовательная неология
в современном художественном дискурсе*

Н.А. Николина

В главе рассматриваются типы и функции новообразований в современном художественном дискурсе. Выделяются активные деривационные процессы, характерные для современных поэтических и прозаических текстов (обращение к компрессивным способам словообразования, продуктивность сложения, интенсивное использование иноязычных основ в качестве производящей базы). Определяются тенденции словотворчества в современном художественном дискурсе: регулярное обращение к транспозиции, активность контаминации и междусловные наложения как ее разновидности, распространение голофрастических образований, расширение группы интертекстем-новообразований, привлечение в качестве мотивирующих слов местоимений и единиц служебных частей речи.

Ключевые слова: художественный дискурс, неологизмы, деривация, словотворчество, интертекстемы

*Глава 3. Морфологические неологизмы
в современном художественном дискурсе*

Н.А. Николина

В главе рассматриваются нестандартные грамматические формы, которые используются в современном художественном дискурсе, преимущественно в поэтической речи. Выделяются их основные типы, морфологические неологизмы анализируются на фоне смежных с ними явлений. Особое внимание уделяется морфологическим неологизмам в сфере грамматической категории имен существительных. Отмечается, что современный художественный дискурс отличается, с одной стороны, регулярное обращение к метаграмматической рефлексии, с другой – активное употребление аграмматизмов, усиливающих экспрессивность поэтического текста и расширяющих состав его образных средств.

Ключевые слова: художественный дискурс, поэтическая речь, морфологические неологизмы, метаграмматическая рефлексия, аграмматизмы

Раздел 3. Системное и культурное освоение заимствований в русском языке новейшего периода

Глава 1. Когнитивный анализ культурного освоения заимствований на словообразовательном уровне

Т.Б. Радбиль

В главе рассматриваются основные принципы культурного освоения иноязычных элементов в речевой практике современных носителей русского языка на уровне словообразования в свете идей лингвистического когнитивизма. Материалом для исследования выступают новые явления в языке интернета по данным собственного интернет-мониторинга автора. Показано, что такие культурные доминанты русской языковой картины мира, как установка на эмпатию (выраженная в субстантивных и адъективных диминутивах), чрезмерная гиперболизация, гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий, острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом, ироническое «остранение» карнавального типа и пр., воплощаются в особенностях протекания активных процессов на разных участках языковой системы, в том числе – в русском словообразовании. Это находит свое отражение в разных способах вхождения заимствованных корневых элементов в словообразовательные модели русского языка новейшего периода. Посредством разнообразных деривационных процессов иноязычные корневые элементы в дискурсивных практиках современных носителей языка способов языковой концептуализации мира. Об этом свидетельствуют особенности словообразовательной аккультурации в русском языке заимствованной номинации, а именно – образование окказиональных дериватов по типично русским моделям экспрессивного словообразования на базе иноязычных основ, таких, как *смайл*, *селфи*, *френд* и под. При этом в производном слове с иноязычным по происхождению компонентом возникают культурно обусловленные коннотативно-оценочные приращения смысла, которые эксплуатируют исконно русские культурные установки и ценностные стереотипы. Тем самым заимствованное слово становится элементом «русского мира».

Ключевые слова: русское словообразование, когнитивный анализ, заимствования, культурная апроприация, языковая концептуализация мира

Глава 2. Модели номинации действий пользователей интернета в русской онлайн-коммуникации

М.Э. Де Пой

В данном разделе рассматриваются глагольные заимствования из английского языка, описывающие неформальную онлайн-коммуникацию, такие как *лайкать*, *постить*, *репостить* и др. Акцент делается на конкуренции различных способов выражения заимствованных концептов, связанных с коммуникацией в социальных сетях, в речи пользователей интернета. Рассматриваются также семантические изменения, происходящие при заимствовании английского глагола в русский язык. Так, английские глаголы, служащие базой для заимствования, в английском

языке употребляются для описания обычных повседневных действий (ср. *to post* 'разместить', *to share* 'поделиться' и т. д.), а в интернет-коммуникации они лишь расширяют сферу своего употребления, начиная использоваться для обозначения действий в интернете (ср. *to post* 'разместить сообщение / запись в соцсети' и *to share* 'отправить что-то другому пользователю'). В русский же язык эти глаголы заимствуются в связи именно с этой сферой употребления как номинации действий в новой виртуальной среде. В частности, поэтому заимствованный неологизм может быть семантически сложнее исходного глагола (ср. *to hate* 'ненавидеть' и *хейтить* 'выражать ненависть (часто необоснованную) в комментариях в интернете'). Вместе с тем описываются случаи, когда для обозначения одного и того же действия употребляется и заимствованный глагол, и русский синоним. Русский глагол в таком случае конкретизирует свое значение применительно к контексту неформальной коммуникации в интернете (ср. *тегнуть* 'отметить пользователя, послав ему уведомление' (от англ. *to tag* 'отметить') и *отметить* в том же значении). Прагматика заимствований связана прежде всего с социально-возрастной дифференциацией говорящих: в основном их использует молодежь, в речи старших пользователей такие неологизмы, как правило, звучат неестественно.

Ключевые слова: русское словообразование, комбинированное словообразование, заимствование концептов, язык интернета, англицизмы

ЧАСТЬ 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Раздел 1. Модификационное словообразование

Глава 1. Словообразовательное формообразование и модификационное словообразование в системе русской деривации

А.Л. Шарандин

Рассмотрен вопрос о специфике и статусе модификационного словообразования в системе деривации русского языка. Традиционный подход включает модификационное словообразование в состав собственно словообразования и тем самым противопоставляет формообразованию. Однако в настоящее время в грамматике достаточно активно вошло в научный оборот понятие словообразовательных форм, статус которых также неоднозначно определен в дериватологии. В разделе исследуются взаимосвязи между модификационным словообразованием, мутационным (собственно номинативным) словообразованием и словообразовательным формообразованием. Объектом модификационного словообразования является словообразовательная пара, члены которой принадлежат к одной части речи, а его предметом оказывается выявление и описание словообразовательных значений с модификационным значением. Наиболее ярко оно представлено в коннотации (*братишка*, *лошаденка*) и способах глагольного действия (*почитать*, *почитывать*, *дочитать*) и т. д. Рассмотрены в рамках модификационного словообразования существительные со значением женскости. Словообразовательное формообразование рассматривается как деривационный процесс, который является по форме (структуре) словообразовательным, а по содержанию – формообразующим (грамматическим). Наиболее ярко «словообразовательные формы» (А.В. Бондарко) представлен видовыми парами. В отличие от них, способы действия имеют модификационный словообразовательный характер, обусловленный неграммати-

ческим содержанием. Что же касается стилистических образований, то они стилистически отмеченные морфемами слова представляют собой не модификационное словообразование с выраженными дополнительными смыслами, а являются стилистическими формами, задействованными в разных сферах общения. Результаты исследования позволяют сделать следующий вывод. Место модификационного словообразования в деривационной системе русского языка можно определить как срединное между формообразованием, представленным словоизменительными и словообразовательными формами, и мутационным (собственно номинативным) словообразованием.

Ключевые слова: модификационное словообразование, словообразовательная форма, формообразование, коннотация, способ глагольного действия, женскость

Глава 2. Родовое оформление диминутивных и экспрессивных дериватов в истории русского языка

О.Ю. Крючкова

В разделе рассматриваются исторические процессы в области родового оформления имен существительных с диминутивным и экспрессивным значениями: широкое распространение флексии среднего рода в экспрессивах со сложными суффиксальными формантами (родовая декорреляция с производящими существительными), родовая декоррелятивная вариативность таких производных в древнерусский и старорусский периоды (на фоне преимущественного соблюдения родовой корреляции в именах с размерным значением), тенденция к устранению родовой декорреляции экспрессивов с их производящими и неполная ее реализация, установление связи экспрессивного словопроизводства с категорией одушевленности. Показаны взаимодействие и дифференциация словообразовательных типов диминутивов и экспрессивов в истории русского языка.

Ключевые слова: история русского языка, словообразование, диминутивы, экспрессивы, категория рода

Раздел 2. Синхроннодиахронический подход к изучению категории вида

Глава 1. Роль суффиксации и префиксации в истории формирования категории вида в русском языке

О.Ю. Крючкова

В разделе рассматривается участие аффиксальных средств русского языка (суффиксов и префиксов) в становлении категории вида. Показаны этапы данного исторического процесса: семантическое преобразование префиксов, явившееся предпосылкой формирования новой глагольной категории, развитие имперфективных корреляций в кругу приставочных глаголов и значительная роль суффиксации в формировании глаголов с имперфективным значением, укрепление видовой (перфективной) функции у приставок и приставочных глаголов. Подчеркивается специфика суффиксов и префиксов с точки зрения их специализации в качестве средств выражения видовой семантики.

Ключевые слова: история русского языка, категория вида, суффиксация, префиксация

*Глава 2. Исторические аспекты перфективации
и формирования способов глагольного действия*

О.И. Дмитриева

Префиксация рассматривается в историческом аспекте в связи с перфективацией и формированием способов глагольного действия. Перфективация с помощью приставок является словообразовательным процессом, а ее видовая роль исторически обусловлена семантикой приставок, которые уже в древнерусском языке выражали не чисто локальные, а пространственно-результативные значения. Исходный характер пространственно-результативной семантики позволяет рассматривать ее как инвариантную при формировании других значений приставки и как инвариант совершенного вида. Ранняя утрата локальных значений у приставки *по-* и их фактическое отсутствие в древнерусском языке позволяет на примере глаголов с этой приставкой показать, как могла формироваться ее семантика в связи с прототипическим инвариантным значением последовательного постепенного распространения действия по поверхности в ее плоскостном представлении к крайнему пределу (результату). Синхронно-диахронный анализ глагольных подсистем с префиксальными формантами *по-*, *до-*, *от-*, *за-* обнаруживает закономерности формирования временных и количественно-ограничительных способов глагольного действия на базе исходного пространственно-результативного. Этот процесс сопровождается спецификацией отдельных приставок, характеризующих значения способов действия, формированием результативной видовой семантики как обозначения не пространственного предела, а завершенности действия по времени.

Ключевые слова: префиксация, перфективация, способ глагольного действия, семантический прототипический инвариант приставки, синхронно-диахронный анализ

**ЧАСТЬ 5. О РЕЗУЛЬТАТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ**

**Раздел 1. Синтаксическая деривация
как способ лингвистической интерпретации
системных связей между моделями предложений**

Н.К. Онипенко

В разделе обсуждаются проблемы синтаксической парадигматики в связи с понятиями синтаксической деривации, синтаксической синонимии. Рассматриваются разные способы построения синтаксической системы, в том числе с применением парадигматических методов. Понятие синтаксической парадигмы соединяет морфологию и синтаксис, словообразование и синтаксис, позволяет обосновать зависимость синтаксической конструкции от ее семантики, как в синтагматическом, так и в парадигматическом плане. В семантике конструкции различаются диктальные и модусные составляющие, диктальные делятся на основные, образующие типовое значение модели, и добавочные (модификационные). Обсужда-

ются принципы разграничения исходных (непроизводных) и производных синтаксических конструкций в разных синтаксических концепциях, набор модификационных значений, выражаемых в структурно-семантических модификациях базовых синтаксических конструкций, и средств их выражения. Показана роль синтаксической парадигматики для описания семантических категорий русского языка, при снятии лексической и синтаксической омонимии. Анализ языкового материала проводится с позиций концепции коммуникативной грамматики, используются понятия модель предложения, типовое значение, изосемия и синтаксическое поле предложения. Семантика (типовое значение) признается основанием целостности модели предложения, семантика не отделяется от синтаксиса, а системно-парадигматическое описание опирается на анализ текста, т. е. описание условий функционирования той или иной конструкции.

Ключевые слова: синтаксическая деривация, предложение, изосемия, коммуникативная грамматика, синтаксическая парадигма, синтаксическое поле, модификация, синтаксическая синонимия

Раздел 2. Функционально-синтаксическая деривация (в аспекте асимметрического дуализма лингвистического знака)

Н.П. Курмакаева

Рассматривается один из аспектов синтаксической деривации – функциональный – в той его части, которая организуется по принципу асимметрического дуализма лингвистического знака. Процесс деривации наблюдается в языке-структуре на уровне построения структурных схем предложения и в языке-функции на уровне заполнения позиционных мест в предложении специализированными словоформами, морфологизованными членами предложения или неспециализированными формами, неморфологизованными, вторичными, транспонированными. Эксплицировать явления функционально-синтаксической деривации помогает применение инструментария принципа функциональной эквивалентности. Функционально-синтаксический подход позволяет выявить новые системные связи в грамматике на парадигматическом и полевом уровнях, уточнить понятия функциональной деривации, функциональных омонимов и функциональной парадигмы, с иного ракурса взглянуть на проблему соотношения частей речи и членов предложения с целью их упорядочения.

Ключевые слова: морфологизованные и неморфологизованные члены предложения, специализированная словоформа, неспециализированная форма, омосинтаксемы, позиционный состав предложения, функциональная парадигма, функционально-синтаксическая деривация, функциональная эквивалентность; функциональный эквивалент; функционально-грамматическое поле безличности

ABSTRACTS

INTRODUCTION. THE HISTORY OF THE CREATION OF A COLLECTIVE MONOGRAPH

E.V. Petrukhtina, V.I. Terkulov

The introduction outlines the reasons and history behind the creation of this collective monograph. It notes that the primary condition for its inception was the joint distance learning course conducted during the 2022/2023 academic year titled “Systemic, Discursive, and Cognitive Aspects of Word Formation and Morphological Derivation in the Russian Language”, which served as the foundation for this monograph. The course became feasible thanks to a collaboration agreement between Lomonosov Moscow State University (MSU) and Donetsk State University (DonSU), signed by the rectors of the two universities, Academician V.A. Sadovnichy and Professor S.V. Beshpalova, on May 24, 2022. Representatives from the organizing universities, as well as professors from Nizhny Novgorod, Saratov, Tambov, Belgorod Universities, and Moscow State Pedagogical University, actively participated in the preparation and realization of both the lecture course and the monograph. This collective monograph attempts to present solutions to current problems in modern derivatology. The introduction provides a general overview of the monograph’s content.

Keywords: derivatology, collective monograph, lecture course

PART 1. TRENDS IN MODERN DERIVATOLOGY

Section 1. Derivation in Language Subsystems

E.V. Petrukhtina

The first section explores the fundamental concepts and terms of derivational research in word formation, morphology, and other linguistic disciplines crucial for the research segments of this collective monograph. Derivation broadly defines the process of creating any secondary units in the language based on others, considered original, through specific rules and operations. Researchers note derivational processes in all language subsystems. They consider derivational relationships in language as one of the fundamental types of system-forming relationships, alongside paradigmatic and syntagmatic relationships. The section gives significant attention to issues in word-formation onomasiology, cognitive studies in word formation, and both morphological and semantic derivation. It justifies the need for a systemic and functional study of the interaction between word formation and morphology, including the types of unusual derivatives and their functions in artistic discourse, and the adaptive function of word formation in the acquisition of loanwords. It also covers types of complex words and dynamic phenomena in word compounding, conceptual derivation, and derivational mechanisms in syntax. The section presents synchronic-diachronic directions in modern derivatology, where researchers attempt to bridge the gap between synchronic and diachronic word formation. Researchers discuss all these and other issues in relation to the main research problems of this collective monograph.

Keywords: derivatology, word formation, morphological derivation, word-formation onomasiology, cognitive studies

Section 2. Conceptual Derivation in Meaning Construction and Language Worldview Development

N.N. Boldyrev

The author considers processes of language derivation within the framework of the cognitive approach, which implies the analysis of language meaning construction in the context of the main cognitive processes: conceptualization and categorization, i.e. from the point of view of the underlying processes of conceptual derivation. Conceptual derivation is defined as acquisition of new knowledge on the basis of the existing one, that has already been stored in language. Three types of conceptual derivation and their subtypes are distinguished: 1) preserving the initial knowledge format when changing its structure and configuration, 2) changing the initial knowledge format itself, 3) changing the conceptual domain serving as a cognitive context for meaning construction. These processes underlie the derived structures construction and determine the language worldview development. Particular attention is paid to the study of these processes motivation degree, the transparency of their derivational relations with the basic structures of knowledge and conventional methods of their representation in language, aimed at ensuring the effectiveness of conceptual interaction between the sender and the recipient of information in language communication, and its conflict-free nature.

Keywords: conceptual derivation, knowledge format, knowledge representation levels, language worldview, conflictfree language communication

PART 2. MODELS OF COMPOUND WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE RESULTS OF THEIR STUDY: THE EXPERIENCE OF DONETSK UNIVERSITY

Section 1. Univerbalization and Related Phenomena

V.I. Terkulov

The section describes univerbalization, which means the equivalent transformation of a phrase into a word. This transformation is a kind of compression and based on the phenomenon of semantic condensation of synlexes. The section provides a typology of univerbalizations, including semantic (elliptical and univerbal) and lexical (juxtapositional, composite and abbreviated) univerbalizations. This study establishes the difference between diachronic and synchronous approaches to univerbalization. It describes related phenomena, which include quasi-univerbalization, deuniverbalization, and pseudo-univerbalization.

Keywords: univerbalization, compression, condensation, ellipsis, univervation, juxtaposition, composition, abbreviation, synlex, collocation, quasi-univerbalization, deuniverbalization, pseudo-univerbalization

Section 2. Typology of Abbreviations

V.I. Terkulov, K.Y. Yemelyanova

The section describes the main provisions of the theory for the equivalence approach to the abbreviation of the Donetsk Derivatology School. This study distinguishes initial abbreviations, compound abbreviated appellatives, quasi-abbreviations and compound ab-

breviated onyms as different formal onomasiological types of abbreviations. The authors substantiate the necessity of forming the principles for identification and description of an abbreviation for identification its characteristics in diachrony and synchrony. They determine the types of equivalent texts, in which the equivalence relations between a word and its correlating word combination are established.

Keywords: abbreviation, compound abbreviated appellative, compound abbreviated onym, initial abbreviation

Section 3. Initial Abbreviations

V.I. Terkulov

The section defines the mechanisms of initial abbreviations formation and distinguishes three types of these units: acronyms, alphabetizations and combinations of alphabetization and acronyms. The author establishes the main reasons for choosing one or another type of initialization. The study describes the essential characteristics of the initial abbreviation: the possibility of converting any synlex into an initial abbreviation – mainly a single motivation, a darkened internal form.

Keywords: abbreviation, initial abbreviations, alphabetizations, acronyms

Section 4. Compound Abbreviated Appellatives

Chapter 1. General Provisions

V.I. Terkulov

The chapter describes the basic provisions of the interpretation of compound appellatives in the theory of the Donetsk Derivatology School. The author gives the definition for units of this type, stating that during their formation there is a mechanism for replacing the components of the original phrase with a reproducible unit – an abbroconstruct, which can act in three functional varieties: an abbroequivalent, an abbroorpheme, an abbroaffixoid. The study points out the difference between synchronous and diachronic approaches to the identification and description of compound appellatives. The chapter also gives their common characteristics: a limited number of acronyms, multiple motivation, transparent internal form, the possibility of simultaneity, active usage in different styles and types of texts.

Keywords: compound abbreviated appellative, abbroconstruct, motivation, substitution

Chapter 2. Typology of Abbroconstructs

V.I. Terkulov, I.R. Smirnova

The chapter discusses the general features of the basic unit of the abbreviation theory – the abbroconstruct, which is defined as an abbreviated non-initial element of an abbreviation equivalent to any word in the phrase correlating with it. The study describes the distinctions between abbroconstructs and analytical adjectives, affixoids. The authors give the parameters of the abbreviations description: the place in the abbreviation structure, the number of components in the structure of the abbreviation, morphemic division,

the presence of formal variants, the type of semantic interpretation during decryption, the structural type of equivalent. In diachrony the abbroconstruct can act in three functional varieties (abbroequivalent, abbromorpheme and abbroaffixoid), and in synchrony – in two (abbroequivalent and abbroaffixoid).

Keywords: abbroconstruct, abbroequivalent, abbromorpheme, abbroaffixoid, affixoid, equivalent

*Chapter 3. Diachronic Approach to the Description of Compound Appellatives.
Quasi-abbreviations*

K.Yu. Yemelyanova

The work is devoted to the study of quasi-abbreviation phenomena. The author presents the main definitions for the theory of the Experimental Laboratory for Research on Abbreviation Trends, based on the distinction between two approaches to the analysis of compound words – synchronic and diachronic. The work describes three types of quasi-abbreviations: abbromorphemic, borrowed and complex-derived units. Abbroaffixoid quasi-abbreviations are considered as a special subtype of abbromorphemic quasi-abbreviations.

Keywords: abbreviations; quasi-abbreviations; synchronous approach; diachronic approach

Chapter 4. Synchronous Approach to Definition and Description of Abbreviation

A.I. Brovets

This study considers a synchronous approach to abbreviation, the purpose of which is to establish the equivalence of a compound word. Such equivalence is usually formed within the limits not of an abbreviation pair, traditionally distinguished in abbreviations dictionaries, but of an equivalence nest, which includes all phrases that are motivationally associated with an abbreviation and used together or in parallel with it in texts. The multiple interpretation of an abbreviation unit is explained by the usage of different decoding stimuli – words or phrases that are transcriptions of the abbreviated component of the abbreviation in the equivalent phrase. The synchronous approach to abbreviation, which is functional in its essence, is opposed to the diachronic one, the purpose of which is to establish real derivational links between an abbreviation unit and a phrase.

Keywords: abbreviation, compound word, synchronous abbreviation, textual equivalence, decryption stimulus of the abbreviation

Chapter 5. Paradigmatic Associations of Compound Appellatives

V.I. Terkulov

The chapter provides a typology of compound words paradigmatic aggregates, which include the nest of equivalence, the abbreviation group, the abbreviation onomasiological field, the abbreviation nest and the abbreviation paradigm. The author describes how these paradigmatic units are used to find abbreviation correlates within the framework of extrapolation methods for predicting word equivalents. Extrapolation techniques are

complemented by lexical-derivational techniques. Methods of prognostication are contrasted with search methods, which include dictionary and text methods.

Keywords: paradigmatic associations, nest of equivalence, abbreviation group, abbreviation onomasiological field, abbreviation nest and abbreviation paradigm, extrapolation techniques, search techniques

Section 5. Compound Onyms

T.A. Kirichenko

The object of the description in this section are compound onyms, considered as a separate formal onomasiological class, which differs from other classes of abbreviations. The units of this type do not come about from a result of reduction or substitution of components in the generating phrase, but as constructed lexemes. This statement stimulates the concept about the basic characteristics of compound onyms: their relationship to synchrony and diachrony, the peculiarities of the functioning of onyms as a part of these units, paradigmatic aggregations: the nest of equivalence, the abbreviation group, the abbreviation nest and the abbreviation paradigm.

Keywords: compound onyms, nest of equivalence, abbreviation nest, abbreviation group, univerbalization, pseudouniverbalization, onyms, construction of abbreviations

Section 6. Derivational Lexicography: Explanatory Dictionaries of Abbreviations as a Lexicographic Genre

V.A. Ryazanova

The article contains a review of abbreviations dictionaries of the Russian language published from the middle of the 20th century to the present. The study reveals general methods of abbreviations lexicographic description. In traditional dictionaries of abbreviations there is incomplete realization of the semantic aspect in vocabularies describing, as a result of which the entries in the reviewed dictionaries have a number of flaws. It is noted the tendency to the formation of a new lexicographic genre – explanatory abbreviations dictionaries covering a wider set of described abbreviations characteristics.

Keywords: dictionaries of abbreviations, complex abbreviated words, semantics of abbreviations, synchronous approach

PART 3. ACTUAL PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN WORD FORMATION

Section 1. Dynamics in Noun Affixation

Chapter 1. Cognitive Potential of International Prefixes and Prefixoids: Impact on the Russian Linguistic Worldview

E.V. Petrukina

This chapter examines new derivative words that currently express combinations of meanings using international, Greco-Latin in origin formants such as *post-*, *trans-*, *pseudo-*, *quasi-*, *anti-*, *super-*, and others. These prefixes and prefixoids are highly active in

Russian, as in other Slavic languages, influenced by the English language. The nouns formed with their help (for example, as *post-science*, *transculture*, *hyperreality*, etc.) can express new combinations of meanings, reflecting changes in the world and its interpretation and impacting the Russian language worldview. The studied formants often semantically converge, forming synonymous derivatives that express a deviation from the norm, such as *pseudoscience*, *quasi-science*, *non-science*, *false-science*, *anti-science*. Derivatives formed from the word “reality” (*hyperreality*, *unreality*, *antireality*, *superreality*, *postreality*), as well as nouns and adjectives with the prefix *anti-*, are examined in more detail. The new type of semantic relationship between the base and the formant presented in these derivatives is not based on the integration of their conceptual areas but on disintegration, i.e., an interaction where the formant completely changes the basic conceptual features of the motivating names, destroying their ontological essence and thereby changing the Russian language worldview.

Keywords: Russian language, international prefixes, language worldview, globalization, deglobalization

*Chapter 2. Dynamic Processes in the System of Wordformation Intensifiers
in Modern Russian: The Latest Borrowings*

E.V. Skachkova

The chapter is devoted to dynamic processes in the system of wordformation intensifiers of the modern Russian language. The stages of assimilation of borrowed formants by the derivational system of the Russian language are considered. The semantics and functioning of the *over-* and *uber-* neointensifiers that have appeared in recent decades are analyzed. Russian language research was conducted on linguistic material extracted from two Russian language corpora – the General Internet Corpus of the Russian Language (GIKR) and the National Corpus of the Russian Language (NKR), which allowed us to consider these units not only in the field of computermediated colloquial speech, but also in the field of codified literary language.

Keywords: Russian language, word formation, semantic category, assessment, expressivity, intensifier

**Section 2. Modern Russian Wordformation
and Morphological Neology in Different Types of Discourse**

*Chapter 1. Cognitive and Discursive Aspects of Wordformation Neology
(Journalistic Discourse)*

L.V. Ratsiburskaya

New nominations in modern media texts reflect significant social realities and are iconic elements of the national mentality. In this regard, linguocreative, sociocultural, linguopragmatic aspects have become relevant aspects of research on lexical and wordformation innovations in recent decades, thanks to which it is possible not only to identify the specifics of the wordformation mechanism, but also to understand how new phenomena of social life are comprehended using certain wordformation means (methods, models, affixes). The wordformation processes, the results of which are presented in media

texts, reflect trends such as the tendency towards internationalization and the tendency towards democratization. The tendency towards internationalization is manifested in the use of borrowed words (bases), wordformation affixes and models of a foreign language character under the influence of globalization processes in the derivation. The trend towards democratization is manifested in the use of stylistically reduced generating words (bases), wordformation affixes and models characteristic of spoken speech in derivational processes. A manifestation of the democratic principle in derivational processes can also be considered various ways of wordformation expressivation of a media text, including nonconventional methods of derivation (contamination, substitute word formation, methods of graphic word formation), methods of wordformation play, as well as the use of polycode means within the framework of a new media reality. Thus, in the derivation processes, the comprehension of the actual realities of modern reality by the linguistic consciousness of members of the Russian society is objectified.

Keywords: media discourse, linguocognitive aspect, neology, internationalization, democratization, wordformation mechanism

Chapter 2. Wordformation Neology in Modern Artistic Discourse

N.A. Nikolina

The chapter examines the types and functions of neoplasms in modern artistic discourse. The active derivation processes characteristic of modern poetic and prose texts are highlighted (recourse to compressive methods of word formation, productivity of addition, intensive use of foreign language bases as a producing base). The trends of wordmaking in modern artistic discourse are determined: regular reference to transposition, the activity of contamination and interstitial overlays as its varieties, the spread of holophrastic formations, the expansion of the group of intertextological neoplasms, the involvement of pronouns and units of official parts of speech as motivating words.

Keywords: artistic discourse, neologisms, derivation, wordmaking, intertextems

Chapter 3. Morphological Neologisms in Modern Artistic Discourse

N.A. Nikolina

The chapter examines nonstandard grammatical forms that are used in modern artistic discourse, mainly in poetic speech. Its main types are distinguished, morphological neologisms are analyzed against the background of related phenomena. Special attention is paid to morphological neologisms in the sphere of the grammatical category of nouns. It is noted that modern artistic discourse is distinguished, on the one hand, by regular recourse to metagrammatic reflection, on the other hand, by the active use of agrammatism, which enhances the expressiveness of the poetic text and expands the composition of its figurative means.

Keywords: artistic discourse, poetic speech, morphological neologisms, metagrammatic reflection, agrammatism

Section 3. Systemic and Cultural Development of Borrowings
in the Russian Language of the Modern Period

Chapter 1. Cognitive Analysis of Cultural Assimilation of Adoptions
at the Wordformation Level

T.B. Radbil

The work examines the basic principles of cultural assimilation of foreign language elements in the modern Russian speakers' speech practice of at the level of wordformation in the aspect of the ideas of linguistic cognitivism. The material for research is new phenomena in the language of the Internet. Through various derivational processes, foreign language root elements in the modern native speakers' discursive practices are subject to mandatory cultural appropriation in the spirit of native Russian models of language conceptualization of the world. This is evidenced by the features of wordformation acculturation in the Russian language of a adopted nomination, namely the formation of occasional derivatives according to typical Russian models of expressive wordformation on the basis of foreign language bases, such as *smayl*, *selfi*, *frend*, etc. At the same time, in a derivative word with a component of foreign language origin, culturally determined connotative and evaluative increments of meaning arise that exploit native Russian cultural attitudes and value stereotypes.

Keywords: Russian word formation, cognitive analysis, adoptions, cultural appropriation, language conceptualization of the world

Chapter 2. Models of Nomination of Internet Users' Actions
in Russian Online Communication

M.E. De Poy

This chapter deals with verb borrowings from English describing informal online communication, such as *лайкать*, *постить*, *репостить*, etc. The focus is on the competition between different ways of expressing of borrowed concepts related to social media communication in the speech of Internet users. Semantic changes that occur when borrowing English verbs into Russian are also considered. Thus, the English verbs that serve as the basis for borrowing are used in English to describe ordinary everyday actions (cf. *to post*, *to share*, etc.), while in Internet communication they only expand their sphere of use denoting actions on the Internet (cf. *to post* 'to post a message / record on a social network' and *to share* 'to send something to another user'). These verbs are borrowed into Russian in connection with this sphere of use as nominations of new actions in the new virtual environment. In particular, this is why a borrowed neologism can be semantically more complex than the original verb (cf. *ненавидеть* 'to hate' and *хейтить* 'to express hatred (often unjustified) in comments on the Internet'). At the same time, cases are described where both the borrowed verb and the Russian synonym are used to denote the same action. In this case, the Russian verb concretizes its meaning in relation to the context of informal communication on the Internet (cf. *тегнуть* 'to mark a user by sending him a notification') and *отметить* in the same sense. The pragmatics of borrowings is primarily related to the social and age differentiation of speakers: they are mainly used by young people, while in the speech of older users such borrowings, as a rule, sound unnatural.

Keywords: Russian word formation, combined word formation, borrowing of concepts, Internet language, anglicisms

**PART 4. THE INTERACTION OF WORD FORMATION AND MORPHOLOGY
IN SYNCHRONY AND DIACHRONY: CONTROVERSIAL ISSUES**

Section 1. Modification of Word Formation

*Chapter 1. Word-, Forms of Word Formation and Modification of Word Formation
as Different Types of Derivation in Russian*

A.L. Sharandin

The chapter focuses on the problem of peculiarity and status of lexical modification-related word formation in the derivational system of the Russian language. The traditional approach classifies this type of derivation as word formation proper and thereby opposes it to forms of word formation. However, at present, the concept of word forms, the status of which is also ambiguous in derivatives, is actively discussed in grammar. The section examines the relationship between lexical modification-related word formation, word formation proper, and grammatical forms variation. Its aim is to identify specific word-formative meanings of lexical derivatives, that belong to the same part of speech with the source word. They are most vividly manifested in feminine nouns connotations and aspectual verb meanings. The author argues that word formation is a word-forming process in its form (structure) and grammatical form-forming one in its content. The most striking “wordforming forms” (in A.V. Bondarko’s terminology) are represented by grammatically expressed aspectual pairs. As contrasting to them, modes of action derivatives reveal lexical modification-related character due to their nongrammatical content. Although that is not the case with stylistic derivatives. They are stylistically marked with morphemes expressing additional meanings and therefore are stylistic forms used in different spheres of communication. The results of the study suggest the following conclusion. Lexical modification-related word formation makes up a special type of derivational processes in Russian, intermediate between the form formation represented by inflectional and word-forming affixes and word formation proper.

Keywords: word formation modification, word formation form, word-form formation, connotation, aspectual verb meaning, femininity nouns

*Chapter 2. Generic Design of Diminutive and Expressive Derivatives in the History
of the Russian Language*

O. Yu. Kryuchkova

The section deals with historical processes in the area of gender assignment of diminutive and expressive nouns: widespread use of inflection of the middle gender in expressive nouns with complex suffixal formants (gender decorrelation with derivational nouns), gender decorrelative variation of such derivatives in Old Russian and Old Russian periods (against the background of predominant observance of gender correlation in names with diminutive meaning), the tendency to eliminate the gender correlation of expressive nouns with their derivatives and its incomplete realization, the establishment of the connection between expressive wordproduction and the category of animacy. The author shows interaction and differentiation of wordforming types of diminutives and expressive nouns in the history of the Russian language.

Keywords: history of the Russian language, word formation, diminutives, expressive nouns, gender category

Section 2. Synchronously Diachronic Approach to the Study of the Category of Species

Chapter 1. The Role of Suffixation and Prefix in the History of the Formation of the Category of Species in the Russian Language

O.Y. Kryuchkova

The section deals with the participation of affixal means of the Russian language (suffixes and prefixes) in the formation of the category of aspect. It shows the stages of this historical process: the semantic transformation of prefixes, which was a prerequisite for the formation of a new verb category, the development of imperfective correlations in the circle of prefix verbs and the significant role of suffixation in the formation of verbs with imperfective meaning, and the strengthening of the aspect (perfective) function of prefixes and prefix verbs. The author emphasizes the specificity of suffixes and prefixes from the point of view of their specialization as means of expressing aspect semantics.

Keywords: history of the Russian language, category of aspect, suffixation, prefixation

Chapter 2. Historical Aspects of Perfectivisation and Formation of Verbal Action Modes

O.I. Dmitrieva

Prefixation is considered from a historical perspective in connection with perfectivisation and the formation of verbal action modes. Prefix-based perfectivisation is a word-formation process, and its aspectual role is historically conditioned by the semantics of prefixes, which did express spatial-resultative rather than purely local meanings in Old Russian. The initial character of the spatial-resultative semantics makes it possible to consider it to be invariant in the formation of other meanings of the prefix and an invariant of the perfect form. The early loss of local meanings of the prefix *no-* and their actual absence in Old Russian makes it possible to show (on the basis of verbs with this prefix) how its semantics could have been formed in connection with the prototypical invariant meaning of the successive gradual spread of action over the surface in its planar representation to the extreme limit (result). Synchronous-diachronic analyses of verb subsystems with the prefixal formants *no-*, *do-*, *om-*, *za-* reveal regularities in the formation of temporal and quantitative restrictive modes of verbal action on the basis of the initial spatial-resultative mode. This process is accompanied by the specification of individual prefixes characterising the meanings of action modes, and the formation of resultative aspectual semantics as denoting the completion of action in time rather than the spatial limit.

Keywords: prefixation, perfectivisation, verbal action mode, semantic prototypical invariant of prefixes, synchronous-diachronic analyses

**PART 5. ON THE RESULTS AND PROSPECTS
OF STUDYING SYNTACTIC DERIVATION**

**Section 1. Syntactic Derivation as a Way of Linguistic
Interpretation of Systemic Relationships between Sentence Models**

N.K. Onipenko

The section discusses the problems of syntactic paradigmatics in connection with the concepts of syntactic derivation and syntactic synonymy, and considers various ways of constructing a syntactic system, including those with using paradigmatic methods. The concept of a syntactic paradigm combines morphology and syntax, word formation and syntax, and allows us to substantiate the dependence of a syntactic construction on its semantics, both syntagmatically and paradigmatically. Semantics of the construction includes dictal and modal components. Dictal components fall into basic ones that form the typical meaning of the model, and additional (modificational) ones. The section discusses the principles of distinction of basic (nonderivativе) and derived syntactic constructions in different syntactic concepts, provides a set of submeanings in structural and semantic modifications of basic syntactic constructions, and means of their expression, and also proves the role of syntactic paradigmatics for describing covert categories of the Russian grammar, while removing lexical and syntactic homonymy. The communicative grammar conception carries out analysis of structure and semantics of sentences with such concepts as model, standard meaning, isosemy and syntactic field, as well as emphasizes semantic aspect (standard meaning) as a basis for integrity of a sentence model, joins semantics and syntax, and bases the systemic (paradigmatic) description on text analysis and functions of a particular construction.

Keywords: syntactic derivation, sentence, isosemy, communicative grammar, syntactic paradigm, syntactic field, modification, syntactic synonymy

**Section 2. Functional and Syntactic Derivation
(In the Aspect of Asymmetric Dualism of a Linguistic Sign)**

N.P. Kurmakaeva

The functional aspect of syntactic derivation is being considered in that section. It is organized according to the principle of asymmetric dualism of the linguistic sign. The process of derivation is observed in the language-structure at the level of constructing structural schemes of the sentence and in the language function at the level of filling positional places in the sentence with specialized word forms, morphologized sentence members or non specialized forms, non morphologized, secondary, transposed ones. Using the tools of the functional equivalence principle helps explicate the phenomena of function-syntactic derivation. The function-syntactic approach gives us the opportunity to identify new systemic connections in grammar at the paradigmatic and field levels, clarify the concepts of the functional derivation, functional homonyms and functional paradigm. It enables us to approach the problem of the ratio of parts of speech and sentence terms from a new angle in order to arrange them.

Keywords: morphologized and non morphologized sentence members; specialized word form; non specialized form; homosyntaxemes; positional composition of the sentence; functional paradigm; function-syntactic derivation; functional equivalence; functional equivalent; function-grammatical field of impersonality

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Болдырев Николай Николаевич. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный президент Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», директор Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Email: boldyrev@tsutmb.ru

Бровец Андрей Игоревич. Старший преподаватель кафедры русского языка Донецкого государственного университета.

Email: a.brovets@mail.ru

Де Пой Мария Кристина Эриковна. Студентка 2 курса магистратуры филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Email: juliusschneider@yandex.ru

Дмитриева Ольга Ивановна. Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии Педагогического института Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Email: oidmitrieva55@yandex.ru

Емельянова Ксения Юрьевна. Аспирант кафедры русского языка Донецкого государственного университета.

Email: kemelanova966@gmail.com

Кириченко Татьяна Андреевна. Студентка 2 курса магистратуры (магистерская программа «Русский язык: теоретические и практические аспекты») Донецкого государственного университета.

Email: t_a_kirichenko@mail.ru

Крючкова Ольга Юрьевна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Email: vpks@rambler.ru

Курмакаева Нина Петровна. Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета.

Email: kurmakayeva@mail.ru.

Николина Наталья Анатольевна. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета.

Email: na.nikolina@mpgu.su

Онипенко Надежда Константиновна. Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Email: onipenko_n@mail.ru

Петрухина Елена Васильевна. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Email: elena.petrukhina@gmail.com

Радбиль Тимур Беньюминович. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Email: timur@radbil.ru

Рацибурская Лариса Викторовна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Email: racib@yandex.ru

Рязанова Валерия Александровна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета.

Email: ryazanova.v.a@mail.ru

Скачкова Евгения Владимировна. Преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Email: evgeniyaska4kova@yandex.ru

Смирнова Ирина Романовна. Аспирант кафедры русского языка Донецкого государственного университета.

Email: smirinaa15@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета.

Email: terkulov@rambler.ru

Шарандин Анатолий Леонидович. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Email: sharandin@list.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Boldyrev Nikolay Nikolaevich. Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary President of the All-Russian Public Organization “Russian Association of Cognitive Linguists”, Director of the Network Scientific and Educational Center for Cognitive Research of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Email: boldyrev@tsutmb.ru

Brovets Andrei Igorevich. Senior Lecturer of the Russian Language Department at Donetsk State University.

Email: a.brovets@mail.ru

De Poy Maria Kristina Erikovna. 1st year student of the Master’s degree in Philology at the Lomonosov Moscow State University.

Email: juliusschneider@yandex.ru

Dmitrieva Olga Ivanovna. Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology of the Pedagogical Institute of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

Email: oidmitrieva55@yandex.ru

Emelyanova Kseniya Yurievna. Postgraduate Student of the Russian Language Department at Donetsk State University.

Email: kemelanova966@gmail.com

Kirichenko Tatyana Andreevna. Second-year Student of the Master’s Program “The Russian Language: Theoretical and Practical Aspects” at Donetsk State University.

Email: t_a_kirichenko@mail.ru

Kryuchkova Olga Yuryevna. Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

Email: vpks@rambler.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna. Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department at Donetsk State University.

Email: kurmakayeva@mail.ru

Nikolina Natalia Anatolyevna. Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department at Moscow Pedagogical State University.

Email: na.nikolina@mpgu.su

Onipenko Nadezhda Konstantinovna. Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics of the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

Email: onipenko_n@mail.ru

Petrukhina Elena Vasilyevna. Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Email: elena.petrukhina@gmail.com

Radbil Timur Benyuminovich. Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Institute of Philology and Journalism of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Email: timur@radbil.ru

Ratsiburskaya Larisa Viktorovna. Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics at the Institute of Philology and Journalism of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Email: racib@yandex.ru

Ryazanova Valeria Alexandrovna. Candidate of Philology, Assistant Professor of the Russian Language Department at Donetsk State University.

Email: ryazanova.v.a@mail.ru

Skachkova Evgeniya Vladimirovna. Lecturer of the Department of the Russian Language for Foreign Students of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Email: evgeniyaska4kova@yandex.ru

Smirnova Irina Romanovna. Postgraduate Student of the Russian Language Department at Donetsk State University.

Email: smirinaa15@gmail.com

Terkulov Vyacheslav Isayevich. Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department at Donetsk State University

Email: terkulov@rambler.ru

Sharandin Anatoly Leonidovich. Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language at Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Email: sharandin@list.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь. Киев: Дух и Литера. 2006. 912 с.
- Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 318 с.
- Аврамова Ц.* О некоторых (новых) явлениях в славянском словообразовании с типологической точки зрения // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М.: МАКС Пресс. 2010. С.100–116.
- Агаркова М.Д.* Сложнопроизводные слова в аббревиатурной группе «авто» // Новые горизонты русистики. 2021. Вып. 14. С. 4–9.
- Адамец П.* К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // *Ceskoslovenska rusistika*. 1968. Вып. XIII. №2. С. 88–94.
- Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М.; Л.: Наука, 1964. 105 с.
- Азарх Ю.С.* К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования*. 1978. М.: Наука, 1980. С. 267–291.
- Акулич Е.А.* Аббревиатурная группа «VELO»: общая характеристика // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2017. №6. С. 117–124.
- Аламайрех Е.Ю.* Типология деривационных процессов в гнездах эквивалентности сложносокращенных слов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2016. №2. С. 48–54.
- Аламайрех Е.Ю.* Дешифровальная модель и модель формальной разновидности эквивалентности аббревиатуры в аббревиатурной группе «авто» // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. №2. С. 92–102.
- Алексеев Д.И.* Аббревиатуры как новый тип слов // *Развитие словообразования современного русского языка*. М.: Наука, 1966. С. 13–37.
- Алексеев Д.И.* Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328 с.
- Ананьева Н.Е.* Дистрибутивный способ глагольного действия в древнепольском языке // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. Т. 4. М., 2004. С. 9–25.
- Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София: Хемусъ, 1944. 559 с.
- Андропова А.В.* Спорные вопросы типологии сложносокращенных слов // *Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Филология*. 2003. № 1(3). С. 117–123.
- Антонова И.А.* К вопросу о синтаксической парадигме. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния / отношения в русском языке // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 78–87.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука. 1974. 366 с.
- Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 1. Wien, 1980. 119 S.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 894 с.
- Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Бабайцева В.В. Понятие о функциональных омонимах // Русская словесность. 2003. № 6. С. 34–39.

Бабанов А.В. Вопрос об аналитических прилагательных в свете номинационной парадигматики славянских языков // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6(2). С. 40–44.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 182 с.

Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4(013). С. 86–91.

Баранов В.В. История словообразования префиксальных существительных в русском языке VIII–XX вв.: на материале производных с приставками анти-, контр-, против-, де-/dez-, дис-, а-, лже-, псевдо-, квази-: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996. 22 с.

Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1981. № 2. С. 43–51.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Беседина Н.А. Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2017. С. 311–327.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.

Бодуэн де Куртене И.А. Рецензия на «Законы и правила русского произношения» В.И. Чернышева // Изв. ОРЯС. Т. 12. Кн. 2. СПб., 1907. С. 491–501.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018а. Вып. XXXIII. С. 37–42.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018б. 480 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–53.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4(43). С. 21–79.

Болдырев Н.Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021а. № 4. С. 22–34.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 1(44). С. 15–24.

Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023а. № 3. С. 5–15.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия [электронный ресурс]. Дата публикации: 25 апреля 2023 года (6). URL: <https://bigenc.ru/c/interpretatsiamiraviazyke33ee97> (дата обращения: 02.07.2023).

Болдырев Н.Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023в. № 3(54). Ч. 1. С. 21–26.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. М.: Наука, 1976. 255 с.

Список литературы

- Бондарко А.В.* К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. №2. С. 29–42.
- Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 220 с.
- Бондарко А.В.* Проблема инвариантности / вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 64–80.
- Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Борисов В.В.* Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
- Браун Д.А.* Аббревиатурный ономаσιологический класс: модели формального описания // Новые горизонты русистики. 2018. №6. С. 4–9.
- Бровец А.И.* О симультанных аббрекоструктах (на материале аббревиационной группы электро) // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум: сб. науч. статей: В 2 т. Т. 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 41–51.
- Бровец А.И.* Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. №6. С. 98–107.
- Бровец А.И.* Дешифровальный стимул сложносокращенного слова: к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17. №4. С. 487–501.
- Бровец А.И., Теркулов В.И.* Дешифровальный стимул как основа синхронного подхода к аббревиации в условиях конситуативного семиозиса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №1. С. 70–80.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. Т.2: Философия имени. Икона и иконопочитание. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. С. 13–175.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 628 с.
- Васильченко Л.В.* Некоторые особенности функционирования усечений аббревиатурного типа // Вопросы русского словообразования. Алма-Ата, 1982. С. 32–36.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
- Вертинская О.М.* Лайки и хейты: новые знаки новой реальности // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. С. 96–108.
- Весела Н.О.* Синтаксичні функції називного відмінка іменників і його функціональні еквіваленти (на матеріалі російської і української мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2003. 20 с.
- Викторина Т.В., Чучва Л.М.* Деривационная типология сложных слов в современном русском языке // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. 2016. №18. С. 22–24.
- Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.; М.: Высшая школа, 1972. 613 с.
- Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166–220.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419–442.

Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис (Прагматика культуры), 2002. 192 с.

Волкова Н.А., Драчева С.И. Аффиксоиды как морфемы переходного типа в словообразовательной системе русского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4(83). С. 307–309.

Володина М.Н. Социальная и информационно-языковая роль текстов массовой коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2015. С. 20–26.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Категория глагольного вида в свете семантического устройства глагольных приставок // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 34–42.

Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: Крон-Пресс, 1997. 176 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.

Вяничева Т.В. Синлекс и слово: сходство и различия (на материале субстантив-субстантивной синлексики) // Язык и культура: сборник статей XIX Международной научной конференции, посвященной 130-летию Томского государственного университета. Томск, 2007. С. 25–29.

Гак В.Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1966. 334 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.

Ганноха И.В. История развития аббревиации как способа словообразования в английском и русском языках // Science Time. 2015. № 4(16). С. 154–160.

Гарсус Дж., Додик Д. От чего бывает мигрень // В мире науки. 2008. № 11. С. 64–71.

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 184 с.

Герасимова А.Е. Аббревиатурное гнездо «центр» в формальном и ономазиологическом рассмотрении // Новые горизонты русистики. 2021. № 14. С. 16–21.

Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 264 с.

Гловинская М.Я. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 125–133.

Голанова Е.И. О «мнимых» сложных словах (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка. К 45летию научной деятельности Е.А. Земской. М.: Азбуковник, 1998. С. 31–39.

Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных компонентах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 26–36.

Горбов А.А. Атрибутивные компоненты сочетаний типа бизнес-план: аналитические прилагательные? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2015. Вып. 3. С. 36–48.

Горват Г.Ф., Шарандин А.Л. Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1978. С. 25–30.

Список литературы

Грабе В. Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Československ-rusistica*. 1966. Т. XI. № 2. С. 61–65.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

Грива О.Е. Модально-волеитивные модификации предложений с именным сказуемым: Дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2020. 198 с.

Григорьев В.П. Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен. М.: Азбуковник, 2005. 448 с.

Демьянков В.З. Культурные и цивилизационные параметры варьирования языков с когнитивной точки зрения // *Когнитивные исследования языка*. 2014. № 19. С. 28–38.

Демьянков В.З. О когнитивности, культуре и цивилизации в трансфере знаний // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4(49). С. 5–9.

Дерибас В.М. Аббревиатуры русского языка // *Русский язык за рубежом*. 1992. № 4. С. 48–57.

Дмитриева О.И. Формирование системы русских делимитативных глаголов // *Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. С. 28–33.

Дмитриева О.И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 224 с.

Дмитриева О.И. Саратовская дериватологическая школа: проблематика, результаты, перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2024. № 2. С. 177–187.

Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Науч. кн., 2010. 364 с.

Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 209 с.

Дударова Л.М. Проблемы описания семантики производных слов в лексикографических целях // *Lingua – universu*. 2013. № 1. С. 59–62.

Дюжилова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика (На материале современного английского языка): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1997. 340 с.

Елдышев А.Н. Строение и мотивированность сокращенных слов (к проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 175 с.

Емельянова К.Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*. 2020. № 3–4. С. 126–132.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.

Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // *Отечественные записки*. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/yazyki-revoljucziyarazmyshleniyanadstarojknigojamselishheva.html> (дата обращения: 11.10.2023).

Журавлев С.А. Аббревиация: взгляд из XXI века // *Вестник Марийского государственного университета*. 2012. № 10. С. 46–49.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 369 с.; М.: Языки славянской культуры, 2002. 748 с.

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. 220 с.

Захарова О.С. К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2013. № 3. С. 14–25.

Зеленин А.В. Деабревиация в русском языке // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 78–97.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1973. 328 с.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. 221 с.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Ин-т рус. яз., 1996. С. 90–142.

Зимек Р. Семантический аспект синтаксической трансформации // *Československ rusistica*. 1966. Т. XI. № 2. С. 66–73.

Золотова Г.А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 275–302.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Золотова Г.А. Еще раз о конструкции идти в солдаты (ее синтагматика и парадигматика) // Сборник Матице српске. XXVII–XXVIII. Нови Сад, 1985. С. 255–261.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 524 с.

Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 431 с.

Зубова Л.В. Смысловый потенциал эпитета в современной поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007. С. 231–234.

Зубова Л.В. Именной синкретизм в современной поэзии // Поэтика и эстетика слова. М.: URSS, 2009. С. 283–298.

Зубова Л.В. Грамматические вольности современной поэзии. 1950–2020. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 656 с.

Ильминская Н.И. Номинации видов транспорта // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. Roč. 27. Ses. 3. S. 334–352.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология: В 2 ч. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 127–345.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.

Кадьякалов Ю.Г., Кадьякалова Э.П. Фрагменты многоаспектного анализа аббревиатур в исследованиях Д.И. Алексеева // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов. Самара, 2013. С. 8–16.

Список литературы

- Кардонова И.А.* Глобализация как социокультурная трансформация: институциональная перспектива: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 22 с.
- Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
- Карцевский С.И.* Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М.: Иностранная литература, 1962. С. 218–231.
- Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
- Касимова Г.К.* Глаголы со значением информации и субъектные связи их предикативных форм // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М.: Наука, 1989. С. 211–247.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
- Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с.
- Киклевич А.К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2014. 444 с.
- Ким Д.А.* Роль коннотации в судьбе советизмов в современном русском языке // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2019. С. 21–23.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.А.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1. С. 18–37.
- Клименко Н.Ф.* Юкстапозити // Українська мова: [енциклопедія]. Київ: Українська енциклопедія ім. М.П. Бажана, 2004. 810 с.
- Клобуков Е.В.* Словообразование // Современный русский литературный язык. Новое издание. Учебник. М., 2009. С. 163–179.
- Клушина Н.И., Николаева А.В.* Введение в интернет-лингвистику. М.: Флинта, 2020. 240 с.
- Князев Ю.К.* Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. № 1. С. 35–42.
- Ковынева И.А.* Голофразис как способ словообразования в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 23 с.
- Комолов О.О.* Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 18(2). С. 34–47.
- Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2016. 152 с.
- Коряковцева Е.И.* Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. С. 13–32.
- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5–26.
- Котелова Н.З.* Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М., 1988. С. 46–63.

Крестьянинова Е.С. Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо «завод»: ономаσιологический класс «завод, связанный с животными» // Русский язык в поликультурном мире: В 2 т. Т.2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 237–242.

Криворот В.В. Особенности аббревиации в русском, английском и французском языках // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур. Минск : Изд. центр БГУ, 2012. С. 42–50.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.

Кротевич Е.В. Слово, часть речи, член предложения (к вопросу об их соотношении) // Видатні вчені Львівського університету ХХ століття: Євген Володимирович Кротевич (1901–1979). Львів: ЛНУ, 2002. С. 345–375.

Крылов С.А. Типы диатез в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1(21). С. 47–76.

Крысин Л.П. Новые аналитические прилагательные и явления хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 189–196.

Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования: историческое развитие и типологическая специфика: Дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2000. 484 с.

Крючкова О.Ю. Роль удвоения глагольных суффиксов в истории русского языка // Изучение и преподавание русского языка. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 377–390.

Крючкова О.Ю. Синонимия глагольных префиксов и синонимическая полипрефиксация в древнерусском языке // Слово в языке и тексте: Сборник статей к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. С. 79–91.

Кубрякова Е.С. О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1976. Т. 35. Вып. 6. С. 527–554.

Кубрякова Е.С. Словообразование и его место в теоретической ономаσιологии // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 222–303.

Кубрякова Е.С. Асимметрия смысловых структур и отграничение словообразования от других типов морфологической деривации // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978. С. 18–30.

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 81–155.

Кубрякова Е.С. Ономаσιологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент: Укитувчи, 1982. С. 21–25.

Кубрякова Е.С. Коммуникативная лингвистика и новые задачи морфологии // Язык как коммуникативная деятельность человека. Вып. 284. М.: Наука, 1987. С. 6–13.

Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. К XII Международному съезду славистов в Кракове. Вып. 3. М.: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 1998. С. 53–71.

Кубрякова Е.С. О ключевых проблемах теории словообразования // Проблемы теории і історії славянського словаутварення. Мінск: ВТАА «Права і економіка», 2004а. С. 22–32.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004б. 560 с.

Список литературы

- Кубрякова Е.С.* О мотивированности производных слов (когнитивно-семиотический аспект проблемы) // *Motivované slovo v lexikálnom systéme jazyka*. Bratislava: Veda, 2013.
- Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Наука, 1959. 267 с.
- Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 215 с.
- Кукушкина О.В.* О механизме развития непространственных значений у приставок // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. Вопросы русского языкознания. Вып. VI. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 135–151.
- Кургузова Е.В.* Имена собственные немецкой культуры в историческом фрагменте нормативно-научной картины мира: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Смоленск, 2009. 20 с.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
- Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // *Морфология современного русского языка: хрестоматия*. СПб., 2013. С. 29–39.
- Курмакаева Н.П.* Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2010. 20 с.
- Курмакаева Н.П.* Падежное примыкание в аспекте асимметричного дуализма синтаксического знака // *Русский язык в поликультурном мире*. В 2 т. Т. 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 130–138.
- Левашов Е.А.* Еще раз об аффиксоидах // *Русская речь*. 2008. № 3. С. 50–52.
- Левашов Е.А.* От редактора // *Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н.* Аффиксоиды русского языка: Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-история, 2009. С. 3–8.
- Лекторский В.А.* Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы круглого стола // *Вопросы философии*. 2008. № 3. С. 3–37.
- Леман Ф.* Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. Т. 2. М.: МГУ, 1997. С. 54–68.
- Летучий А.Б.* Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов // *Acta Linguistica Petropolitana: Труды института лингвистических исследований*. 2014. Т. 10. № 2. С. 292–330.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Литневская Е.И., Бакланова А.П.* Психолингвистические особенности Интернета и некоторые особенности чата как исконно сетевого жанра // *Вестник Московского университета*. Серия 9: Филология. 2005. № 6. С. 46–61.
- Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 993 с.
- Ломтев Т.П.* Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений // *Инвариантные синтаксические значения и структура предложения*. М.: Наука, 1969. С. 104–155
- Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 197 с.
- Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
- Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
- Лопатин В.В.* Основные единицы сопоставительного описания словообразовательной системы славянских языков // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. М., 1987. С. 46–53.

Луцкай В.В. Принцип функциональной эквивалентности в организации предложения // Язык. Смысл. Текст. Донецк, 1994. С. 100–111.

Луцкай В.В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики: монография. Донецк: ДонНУ, 2010. 255 с.

Луцкай В.В. Позиционный состав предложения и типология синтаксической связи: учебное пособие. Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2012. 126 с.

Лысакова И.П. Революция в языке или язык революции? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II. СПб., 2006. С. 119–130.

Лялюк А.А. Ономаσιологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2(26). С. 146–150.

Лялюк А.А. Аббревиационно-ономаσιологическое поле «строения»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Донецк, 2020. 32 с.

Малыгина Е.Н. Развитие начинательного способа глагольного действия в русском языке XI–XVII вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993. 221 с.

Мальцева Р.И. Слова с приставкой за- в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 16 с.

Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя (Gallicinium). 2000. 347 с.

Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 628–630.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 366–566.

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Докл. на IV Междунар. съезде славистов. М.: АН СССР, 1958. Отд. отд. 39 с.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157–312.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 263 с.

Махмудов М.М. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи (теоретическая стилистика): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1970. 110 с.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 492 с.

Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 112–124.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей Смысл ⇔ Текст: Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 314 с.

Мельчук И.А. Русский язык в модели смысл-текст. М.; Вена: Языки русской культуры, 1995. 682 с.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1997. 416 с.

Менгель С.А. Словообразовательная норма и формы ее проявления // Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung / Hrsg.: R. Belentschikow. (Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Bd 3). Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag, 1999. S. 265–271.

Список литературы

- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. (Пространство. Время). СПб., 1999. С. 312–360.
- Мигирин В.Н.* Категория состояния или бессубъектные прилагательные // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 150–157.
- Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 200 с.
- Миськевич Г.И.* Наблюдения над новыми словами // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977. 255 с.
- Михайлова Е.Н.* Мутантная аббревиатурно-композиционная группа «грузо» // Новые горизонты славистики: Материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г.И. Рихтера. Донецк, 2016. С. 522–527.
- Михайлова Е.Н.* Ономазиологические модели соответствия в аббревиатурной группе «бензо» // Новые горизонты русистики. 2017. Вып. 2. С. 42–45.
- Михайлова Е.Н.* Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов // Новые горизонты русистики. 2018. Вып. 6. С. 74–80.
- Мурзин Л.Н.* Синтаксическая деривация. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1974. 170 с.
- Мурзин Л.Н.* Основы дериватологии: Конспект лекций. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1984. 56 с.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2000. 512 с.
- Немченко В.Н.* Современный русский язык. Словообразование. М.: Высшая школа, 1984. 255 с.
- Немченко В.Н.* О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 100–110.
- Нестеров В.Ю., Нестерова Е.И.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов, 1999. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/nesterov> (дата обращения: 16.08.2023).
- Нещипенко Г.П.* Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы // Aktualne problemy komparatystyky słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych. Siedlce, 2010. С. 13–51.
- Никифоров С.Д.* Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Наука, 1952. 344 с.
- Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М.* Словообразование современного русского языка. М.: Флинта; Наука, 2005. 160 с.
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В., Фатхутдинова В.Г.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19.
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В.* Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект. М.: ФЛИНТА, 2023. 176 с.
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. 304 с.
- Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 232 с.

Норман Б.Ю. К выражению функции MAGN в русской разговорной речи (высказывания типа *Тот еще студент!*) // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. Взаимодействие лексики и грамматики. 2019. Вып. 20. № 2. С. 179–188.

Олійник З.П. Вставні і вставлені компоненти у структурі висловлювання і тексту: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2002. 19 с.

Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2(2). С. 107–121.

Онипенко Н.К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.

Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Еще раз о синтаксической деривации // Русский язык в школе. 2021. № 4. С. 75–86.

Осинова Л.И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: II междунар. конгресс исследователей русского языка, 18–21 марта 2004 г.: тезисы докл. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514> (дата обращения: 10.11.2023).

Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Отин Е.С. Избранные работы. Т. 1. Донецк: Донеччина, 1997. С. 279–285.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Падучева Е.В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 84–107.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 608 с.

Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. С. 403–413.

Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 240–253.

Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001. 280 с.

Петрова О.Н. Принципы построения синтаксической деривационной парадигмы // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Междунар. конгр. исследователей рус. яз., Москва, Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 218.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 254 с.

Петрухина Е.В. Актуальные вопросы системного словообразования // Международный сборник статей «Славистика: синхрония и диахрония: Сборник статей к 70-летию И.С. Улуханова». М.: Азбуковник, 2007. С. 142–154.

Петрухина Е.В., Соколова С.В. Проблемы грамматикализации в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 130–139.

Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. М., 2010. С. 424–443.

Петрухина Е.В. Сложные имена в русском языке: история и современность // Филология: вечная и молодая: Сборник статей к юбилею профессора М.Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012а. С. 113–125.

Список литературы

Петрухина Е.В. Категориальные комплексы русского глагола // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2012б, С. 490–502.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: URSS, 2012в. 256 с.

Петрухина Е.В. Контекстная деривация в соотношении со словообразовательной системой (на материале русского языка) // Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów; seria 13. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2012. С. 287–297.

Петрухина Е.В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274.

Петрухина Е.В. Семантико-словообразовательная категория со значением несоответствия стандарту в русском языке как когнитивная структура // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 368–378.

Петрухина Е.В. Ключевые вопросы современного славянского словообразования (в свете трудов Е.С. Кубряковой) // Когнитивные исследования языка. В поисках смыслов языка: Сб. науч. тр. памяти Е.С. Кубряковой. М.; Тамбов: ИЯ РАН, Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018а. С. 80–89.

Петрухина Е.В. Грамматикализация словообразовательных формантов и словообразовательная функция флексий в русском языке (в соотношении с учением Ф.Ф. Фортунатова о грамматической форме) // Фортунатовские чтения в Карелии. Т. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018б. С. 36–39.

Петрухина Е.В., Поляков Д.К. Интернациональные и национальные аффиксы для выражения псевдореалий в русском и чешском языках // Глобалізація і славянське словоутварэнне. Мінск: Права і эканоміка, 2018. С. 98–121.

Петрухина Е.В. Интернациональные префиксы как когнитивные проводники новых воззрений // Когнитивные исследования языка. 2019а. № 36. С. 311–320.

Петрухина Е.В. Игры с реальностью: когнитивно-дискурсивный анализ неологизмов постреальность, гиперреальность, сверхреальность, суперреальность, трансреальность // Когнитивные исследования языка. 2019б. № 37. С. 100–106.

Петрухина Е.В. О дискуссионных вопросах славянской аспектологии с типологической точки зрения // Cuadernos de Rusística Española. 2021. Т. 17. С. 12–26.

Петрухина Е.В. Когнитивные аспекты деривации в русском языке // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 3. С. 164–170.

Петрухина Е.В. Особенности аспектуальной деривации в русском языке (на славянском фоне) // Јужнословенски филолог. св. 2. Београд, 2023б. Кн. LXXIX. С. 11–27.

Петрухина Е.В., Теркулов В.И. Дистанционный курс лекций «Системные, дискурсивные и когнитивные аспекты словообразовательной и морфологической деривации в русском языке» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 2. 20–24.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Типография В.М. Саблина, 1914. 440 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: ЯСК, 2001. 510 с.

Плешков Е.С. Значение имени собственного как лингвистическая проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 71–75.

Плотникова Л.И. Лексические новообразования в русском языке: разноаспектный анализ // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 304-323.

Плужникова Т.И. Механизм формирования аффиксоида // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2012. С. 285–290.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 2003. 54 с.

Поляков Д.К. Об антикафе, антимагазинах и других антиобъектах // Русская речь. 2018а. №6. С. 80–89.

Поляков Д.К. Сложнокращенные слова в русском языке на фоне других славянских // Studia Russica XXVI. Budapest, 2018б. С. 455–462.

Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1: Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 147–175.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2: Глагол. М., 1977. 406 с.

Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. 296 с.

Радченко М.В. Словообразовательные неологизмы в современном русском и хорватском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. №2. С. 140–144.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. №2. С. 33–39.

Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2017а. Т. 13. С. 107–115.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017б. 592 с.

Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 253 с.

Распопов И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1967. №3. С. 23–33.

Распопов И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // Вопросы языкознания. 1969. №4. С. 92–100.

Рацибурская Л.В. Социокультурная составляющая активных словообразовательных процессов в русском языке // Studia Russica XXVI. Budapest, 2018. С. 183–191.

Рацибурская Л.В. Активные процессы в области узуального и неузуального словообразования // Альманах «ГОВОР»: электронный журнал. СПб., 2020. №003(003). С. 5–24. URL: <https://dialects.ru/2020/20200030030505005024.pdf> (дата обращения: 12.03.24).

Рацибурская Л.В. Активные деривационные процессы как отражение языковой картины мира // Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Коллективная монография. Н. Новгород: Национальный исследова-

Список литературы

тельский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2020. С. 35–49.

Рацибурская Л.В. Основные тенденции в словообразовательных процессах современного русского языка // Исследования активных процессов современного русского языка в России и Венгрии. Н. Новгород: Изд-во ННГУ имени Н.И. Лобачевского, 2022. С. 54–62.

Рацибурская Л.В., Бусарева С.Г. Проблема поликодности как синтеза вербальных и невербальных средств воздействия (на материале медийных новообразований) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 19. №4. С. 831–846.

РГ-80 – Русская грамматика: [В 2 т.]. М.: Наука, 1980–1982.

Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: Изд-во РУДН, 2005. 328 с.

Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.

Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.

Русакова О.В. О принципах выделения аффиксоидов в деривационной системе русского языка // Вестник Вятского государственного университета. 2011. №22. С. 37–40.

Русакова О.В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 2013. 24 с.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Е.А. Жданова, Н.А. Самыличева, В.А. Куликова. М.: Флинта, 2021. 328 с.

Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-компаративные группы в словообразовательной системе языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017а. №6. С. 108–116.

Рязанова В.А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания // Русский язык в поликультурном мире: В 2 т. Т. 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017б. С. 198–204.

Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы // Новые горизонты русистики. 2017в. №2. С. 34–38.

Рязанова В.А. Методика прогнозирования отношений эквивалентности в гибридных группах // Новые горизонты русистики. 2018. №6. С. 44–49.

Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как источник интерпретации сложного слова // Социокультурная среда вуза и языковое развитие личности иностранного студента. М.: РГУ имени А.Н. Косыгина, 2019. С. 84–88.

Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2020. №1. С. 114–122.

Савосина Л.М. Трансформационная парадигма предложения и ее соотношенность с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания. 2000. №1. С. 66–74.

Северская О.И. Гламур, гламурь, гламурье и прочее. (Об истории одного из заимствований последних лет) // Вопросы культуры речи. Т. 10. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова, 2011. С. 48–54.

Сегаль М.М. Аббревиатуры в современном английском языке // Вопросы английской филологии. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1962. С. 216–288.

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

Седелников Е.А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки. 1961. №3. С. 66–77.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

Сетир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Наука, 1993. 656 с.

Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. Тамбов, 2013. №6(24). Ч. II. С. 174–179.

Сигалов П.С. История русских прерывисто-смягчительных глаголов // Ученые записки Тартуского гос. университета, 1977. Вып. 434. С. 147–161.

Силина В.Б. К вопросу о суффиксальной вариантности в русских народных говорах // Слово в русских народных говорах. Л.: Наука, 1968. С. 53–65.

Силина В.Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 158–279.

Силина В.Б. О.Н. Трубочев о древнейших видовых формах глагола в славянских языках (по материалам Этимологического словаря славянских языков) // Труды Института русского языка. 2018. №4. С. 192–196.

Славятинская М.Н. Учебник древнегреческого языка. М.: Филология, 1996. 620 с.

Смирницкий А.И. Значение слова и его семантика // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 112–116.

Смирнова И.Р., Теркулов В.И. Абброконструкт: принципы определения и описания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. №2. С. 28–42.

Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 519 с.

Современный русский язык. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.

Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1997. 928 с.

Соколова С.В., Эдберг Б.Х. Что такое валютный рынок? Характеристика именных композитов в русском языке по результатам корпуса и эксперимента // Сборник трудов конференции «Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке»; Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 178–186.

Соколовская Т.Д. Универбация как традиционно активный процесс в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: М., 2007. С. 235. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/8.pdf>. Дата обращения: 29.07.2015.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 294 с.

Соснина Л.В. Структурные типы квазикомпозитов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 1. С. 36–42.

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов. М.: Флинта, 2018. 232 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 170 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 336 с.

Табаченко Л.В. Генезис и эволюция глагольных приставок в истории русского языка // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2003. № 1. С. 26–31.

Список литературы

- Тарланов З.К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1998. № 5–6. С. 65–75.
- Тахмазова С.В. Типология отаббревиатурных сложнопроизводных слов // Новые горизонты русистики. 2020. Вып. 10. С. 34–40.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1991. 349 с.
- Теркулов В.И. О средствах выражения падежного значения (к проблеме «нулевой» флексии) // Филологические исследования. Вып. 6. Донецк: Юговосток, 2004. С. 262–271.
- Теркулов В.И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3(98). С. 127–134.
- Теркулов В.И., Сыроватская А.А. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с аббревиатурным БИО // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3(19). С. 99–105.
- Теркулов В.И. Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь: ООО «Антиква», 2016а. С. 230–241.
- Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016б. № 3. С. 13–25.
- Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73–97.
- Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращенных слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков. Донецк: ДонНТУ, 2018. С. 69–79.
- Теркулов В.И., Крестьянинова Е.С. Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности: к постановке проблемы // Новые горизонты русистики. 2018. № 4. С. 27–33.
- Теркулов В.И. Сложносокращенные аппеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112.
- Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–96.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
- Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации (системно-описательный и лингвопрагматический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2011. 22 с.
- Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
- Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Азбуковник. 1996. 221 с.
- Улуханов И.С. Словообразовательная мотивация в русском языке. М., 2003. 349 с.
- Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 311 с.
- Улуханов И.С. Неология и заимствования // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. М., 2010, С. 25–37.
- Устименко И.А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 132 с.

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

Уханов Г.П. Об отношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 1. С. 187–196.

Фатеева Н.А. Креативный потенциал языка современной русской поэзии. Berlin: Peter Lang, 2021. 125 с.

Фещенко В.В. Языковое новаторство Андрея Белого в свете теории лингвокреативности // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2022. Вып. 31. № 1. С. 208–219.

Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учебн. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 248 с.

Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение, общий курс 1901–1902 гг. // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.

Фрей А. Грамматика ошибок. М.: URSS, 2006. 303 с.

Фуфаева И.В. Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Н. Новгород: Деком, 2018. С. 302–311.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. Минск: Выш. шк., 1992. 228 с.

Харченко В.К. Современная повседневная речь. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.

Химик В.В. Субъективно-оценочный потенциал русского словообразования // Русская словесность в контексте мировой культуры. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2007. С. 445–449.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Прогресс, 1962. С. 412–527.

Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Л.: Наука, 1974. С. 5–45.

Храковский В.С. Исчисление диатез // Диатезы и залоги. Л.: Наука, 1975. С. 34–51.

Хуснуллина Ю.А. Экспрессивная функция деэллиминации в компьютерной терминологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnaya-funktsiya-dezabbreviatsii-v-kompyuternoy-terminologii/viewer> (дата обращения: 20.02.2024).

Цао Юэхуа. Разговорная речь в газетной публицистике // Русская речь. 2003. № 5. С. 71–76.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976, С.161–181.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

Чуковский К.И. Живой как жизнь: о русском языке. М.: Детская литература, 1966. 72 с.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968. 310 с.

Шарандин А.Л. Способы глагольного действия как особая формообразовательная категория русского глагола // Функционально-лингвистические исследования 2005: сборник научных статей в честь профессора А.В. Бондарко. СПб., 2005. С. 133–141.

Шарандин А.Л. К вопросу о языковом статусе девербатива // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 267–277.

Шарандин А.Л. К вопросу о выделении показателя видового значения // Актуальные проблемы современной педагогической лингвистики. Вып. 9. Мичуринск, 2011. С. 6–12.

Шарандин А.Л. Категории рода, пола и лица существительного в парадигматическом и синтагматическом аспектах // Языковые категории и единицы. Владимир, 2014. С. 326–339.

Список литературы

- Шарандин А.Л.* К вопросу о языковом статусе производных стилистических образований // Теоретические и методологические проблемы филологии. Алматы, 2015. С. 274–281.
- Шарандин А.Л.* Слово и его формы в аспекте теории интерпретации // Интерпретация мира в языке: кол. монография / Науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2017. С. 185–217.
- Шарандин А.Л.* Категориальная природа и языковой статус синтаксической деривации (на материале русского глагола) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019а. №4. С. 28–36.
- Шарандин А.Л.* Концептуальная структура и категориальный статус деадъектива в контексте теории интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019б. №36. С. 503–509.
- Шарандин А.Л.* Коннотация в контексте языковой интерпретации и концептуальной деривации // Когнитивные исследования. 2022. Вып. №1(48): Вторичные структуры в языковой картине мира: кол. монография. Тамбов, 2022. С. 179–201.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
- Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 3–77.
- Шелякин М.А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 287 с.
- Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во «ЛКИ», 2008. 272 с.
- Шишикина А.А.* Активные процессы современного словопроизводства и их отражение в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. №2. С. 302–307.
- Шмелева Т.В.* О семантике структурной схемы предложения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. №4. С. 354–361.
- Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск: КГУ, 1988. 47 с.
- Шмелева Т.В.* Письменность городской среды // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике. Вып. 1. Красноярск: Красноярский гос. унт., 1997. С. 114–123.
- Штельман Т.А.* Сложносокращенные онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур // Новые горизонты русистики. 2022а. №18. С. 58–63.
- Штельман Т.А.* Типы отступления от принципа эквивалентности при формировании сложносокращенных онимов с конструктом *рос-* // Язык. культура. личность. Самара: Научно-технический центр, 2022б. С. 70–76.
- Шумарин С.И.* Словарное описание аббревиатур: лингвокультуроведческий аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №3(45). С. 31–33.
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг., 1915. 25 с.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
- Юрченко В.С.* Очерк по философии грамматики. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1995. 70 с.
- Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: Буки Веди, 2023. 564 с.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.
- Ярмашевич М.А.* Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: Дисс. ... докт филол. наук. Саратов, 2004. 481 с.
- Bozděchová I.* Tvoření slov skládáním. Praha, 1994. 202 p.

Bozděchová I. Kompozita v proměnách moderní české slovní zásoby odborné a neologické // Відображення історії та культури народу в словотворенні. Київ, 2010.

Bybee J. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam, 1985. 235 p.

Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton. 1957 / De Gruyter Mouton, 2002.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině: Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 249 s.

Dokulil M. Obsah – Výraz – Význam. Výbor z lingvistického díla. Praha, 1997.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1952. Cz. 1. 318 s.

Edberg B.H. Аналитические прилагательные и аналитизм в современном русском языке: MA Thesis. UiT The Arctic University of Norway. Tromsø, 2014. 182 s.

Fromm E. Man Is Not a Thing // Saturday Review. New York, 1957. Vol. 40 (16.3.1957). P. 9–11.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Vol. 2: Morfologia. Warszawa, 1998. 663 s.

Kapatsinski V., Vakareliyska C.M. Compounds in Russian. A Growing Family of Constructions // Constructions and Frames. 2013. № 5(1). P. 69–87.

Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo / Nominacja / Red.: I. Ohnheiser. Opole. 2003. 541 s.

Koriakowcewa E. (red.). Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej. 2009.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. 540 p.

Lemann V. Grammatische Derivation (Aspekt, Genus verbi, Komparation, Partizip und andere Phänomene zwischen Flexion und Wortbildung) // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana / Hgg.: T. Berger, K. Gutschmidt. München, 2003.

Leška O. K otázce tzv. traspozice // Ruskočeske studie. Sbornik Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatúra. II. Praha, 1960. C. 43–46.

Marchand H. The Categories and Types of Presentday English Wordformation. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. 360 p.

Petrukhina E. Compounds in Russian: Cross-Language Interaction and Discrepancies // Cuadernos de Rusística Española. 2017. № 3. P. 15–28.

Petrukhina E., Karpilovska Ie. Derivation // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online / Ed.: Marc L. Greenberg: http://dx.doi.org/10.1163/25896229_ESLO_COM_033679

Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. № 3. P. 326–350.

Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. № 3. P. 192–233.

Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959. 670 p.

Virilio P. La bombe informatique. Paris: Galilée. 1998. 155 p.

Virilio P. The Information Bomb. New York, 2000. 145 p.

СЛОВАРИ

Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. М.: Русский язык, 1977. 415 с.

Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 1: А–Б. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Баранова Л.А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М.: АСТПресс, 2009. 320 с.

БСИС 2001 – Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. М.: Изд-во «Центрполиграф»: ООО «Полус», 2001.

БТС 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

БЭПС 2004 – Большой энциклопедический политехнический словарь: [Электронный ресурс] / Под ред. А.Ю. Ильшинского. М.: МультиТрейд, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CDROM).

Габдреева Н.В. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: Флинта: Наука, 2012. 275 с.

ГИКРЯ = Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: webcorpora.ru (дата обращения: 31.12.2023).

ДРС XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Рус. яз., 1988–.

Елисеев И.А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка. М.: Инфра-М, 2015. 716 с.

Клименко Г.В., Маркова Е.М. Словарь универбатов современного русского языка. М.: Прометей, 2019. 110 с.

Клобуков 1991 – *Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.* Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991. 384 с.

Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка: Опыт словаря-справочника / Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-история, 2009. 288 с.

Краткий словарь военных сокращений: около 5000 сокращений / Сост. Н.Н. Тютюнников. М., 2020. 446 с.

КФЭ 1994 – Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. 576 с.

Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. М., 2003–2023. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 31.12.2023).

Новичков Н.Н. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: 12000 сокр. и аббревиатур. М.; Париж, 1995. 297 с.

НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010.

Обратный словарь русского языка / Гл. ред. М.В. Лазова. М.: Советская энциклопедия, 1974. 944 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 921 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. 955 с.; М., 1997. 907 с.; М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

*Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты
деривационных процессов в русском языке*

Петров А.В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2003. 284 с.

Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115828.html> (дата обращения: 11.12.2023).

Скляревская Г.С. Словарь сокращений современного русского языка. М.: Эксмо, 2004. 448 с.

Словарь сокращений и аббревиатур. 2000–2019. URL: <https://sokrasheniya.academic.ru> (дата обращения: 31.03.2019).

Словарь языка Интернета / Под ред. М. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2018. 288 с.

СлРЯ XI–XVII вв. 1975–. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

СлРЯ XVIII 1984–. – Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука; СПб.: Наука, 1984–.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1893–1903.

ССЛАРЯ – Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / Сост. В.В. Лопатин, И.С. Улукханов. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.

СТПРЯ – Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / Сост. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 835 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1985.

Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка / В.И. Теркулов, А.И. Бровец, В.А. Рязанова, К.Ю. Емельянова и др.; под ред. В.И. Теркулова. Донецк, 2024 (рукопись).

Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. II–V. М.: Советская энциклопедия. 1935–1940

Фаградянц И.В., Коваленко Е.Г., Фаградянц И.И. Новый словарь сокращений. М.: Изд-во ЭТС; Доцент, 2008. 672 с.

Фадеев С.В. Словарь сокращений современного русского языка. СПб.: Политехника, 1997. 527 с.

Фадеев С.В. Тематический словарь сокращений современного русского языка: около 20 000 сокращений. М., 1998. 537 с.

ЭССЯ 1974–. – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–.

Longman Exams Dictionary. Н.: Pearson / Longman, 2007. 1833 p.

Научное издание

Николай Николаевич **Болдырев**, Андрей Игоревич **Бровец**,
Мария Кристина Эриковна **Де Пой**, Ольга Ивановна **Дмитриева**,
Ксения Юрьевна **Емельянова**, Татьяна Андреевна **Кириченко**,
Ольга Юрьевна **Крючкова**, Нина Петровна **Курмакаева**,
Наталья Анатольевна **Николина**, Надежда Константиновна **Онипенко**,
Елена Васильевна **Петрухина**, Тимур Беньюминович **Радбиль**,
Лариса Викторовна **Рацибурская**, Валерия Александровна **Рязанова**,
Евгения Владимировна **Скачкова**, Ирина Романовна **Смирнова**,
Вячеслав Исаевич **Теркулов**, Анатолий Леонидович **Шарандин**

СИСТЕМНЫЕ, КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ
И СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Ответственные редакторы Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова

Электронное издание сетевого распространения

Макет подготовлен на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Макет утвержден 30.11.2024. Формат 60×90/8. Изд. №12932.

